РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА)

НЕМЦЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
БИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
XVIII–XX вв.

Выпуск 7

Санкт-Петербург
2012

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ББК 63.3(2)
УДК 94(470.23-25):929(=112.2)"17/21"
Н50

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Рецензенты:
к.и.н. А.А. Алимов, к.и.н. Ю.В. Бучатская

Н50 **Немцы в Санкт-Петербурге**: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 7 / Отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб., 2012. 364 с.

ISBN 978-5-88431-208-1

В седьмом научном сборнике «Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв.» представлены статьи, в которых раскрывается жизнь и разносторонняя деятельность жителей Санкт-Петербурга немецкой национальности, которые с основания города в XVIII в. и до начала XX в. внесли немалый вклад в развитие науки, культуры, медицины в России в целом и в Санкт-Петербурге в частности.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей России, Санкт-Петербурга и судьбами его горожан.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Генерального консульства Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге и при содействии Фонда поддержки и развития русско-немецких отношений «Русско-немецкий центр встреч при Петрикирхе Санкт-Петербурга»

ISBN 978-5-88431-208-1

© МАЭ РАН, 2012
© А.Ю. Харитонова, обложка, 2012

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

К ЧИТАТЕЛЮ

Город Санкт-Петербург с самого основания и до наших дней остается многонациональным. Нашим современникам небезразличны как прошлое Петербурга, так и его политическая и культурная история, но их внимание также привлекает жизнь и деятельность конкретных иностранцев, в данном случае — петербургских немцев.

Читатели шести ранее вышедших научных сборников смогли убедиться в том, насколько многообразным и результативным на протяжении XVIII–XX вв. оказался их вклад в науку, искусство, военное дело, медицину и пр. С интересом воспринимались статьи по истории немецких родов, семей, религиозных общин в Санкт-Петербурге и его округе.

Не изменились традиции и нынешнего, седьмого выпуска, в котором читатель может познакомиться с судьбой и деятельностью немецкой диаспоры в столице России вне зависимости от служебного и социального положения ее представителей, а также с историей религиозных немецких общин, древних немецких и русских родов.

В представленных статьях научными сотрудниками различных учреждений, краеведами и любителями истории введены в научный оборот материалы петербургских архивов, музеев, частных семейных архивов и коллекций.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

XVIII век

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

М.М. Сафонов

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ПЕТР ФЕДОРОВИЧ И «ПОЛК ЕГО ВЫСОЧЕСТВА»

В мае 1746 г. в отношениях Малого и Большого двора имел место настоящий кризис, после которого режим содержания наследника начал резко ужесточаться и в конце концов принял формы «некого рода политической тюрьмы». Слово «кризис»[1] впервые употребила мать великой княгини Екатерины Анхальт-Цербстской принцесса Иоганна Елизавета. В письме к вице-канцлеру М.И. Воронцову она посетовала на то, что императрица Елизавета Петровна лишила своей благосклонности великокняжескую чету.

Прежние воспитатели великого князя были отставлены, а надзирать за Малым двором в качестве обер-гофмейстера назначили генерала В.Н. Репнина. К Екатерине же была приставлена статс-дама М.С. Чоглокова, исполнявшая должность обер-гофмейстерины[2]. При этом камер-лакеев наследника — братьев Чернышевых Андрея, Алексея, Петра, сыновей лейб-компанцев, — отстранили от должности и отправили служить в армейские полки в Оренбург в чине поручиков. Но к месту службы они доехали не все: Андрей Чернышев был задержан в Москве, а потом оказался в Тайной канцелярии. Вместе с ними был арестован еще целый ряд лиц из «обслуживающего персонала» Малого двора: А. Долгов, Г. Леонтьев, Г. Румберг. Самого старшего из них, Румберга, отправили в Москву в контору Тайной канцелярии. Прочие же лакеи в чине поручиков были разосланы по дальним армейским полкам[3].

Возможно, Румберга имел в ввиду и французский дипломат Дальон, когда писал о «заарестовании одного стараго камердинера великого князя, к которому он питал большую доверенность. Арестовали его в час по полуночи с женою и детьми и, верно, отвели в крепость

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

<...> Весьма строго запрещено всем приближающимся к великому князю говорить ему об этом арестовании. Постановлено, что лакеи великого князя будут ежедневно переменяться»[4].

В своих мемуарах Екатерина II пыталась представить случившееся как некую любовную историю: ее, дескать, заподозрили в любви к камер-лакею Чернышеву. (Причем в различных редакциях воспоминаний имя одного из братьев названо различно — вначале Петр, а потом Андрей.) Чтобы поссорить великокняжескую чету из мухи сделали слона. «Подозреваемого» вместе с братьями удалили, а за супружеской парой установили неусыпный надзор.

Примечательно, что Екатерина упомянула лишь о ссылке троих Чернышевых и ничего не сказала об удалении других камер-лакеев. Видимо, ей бы пришлось придумать, что их всех тоже подозревали в любовных симпатиях к жене наследника. А это выглядело бы не очень убедительно. Особенно нелепо было бы подозревать в амурах с великой княгиней старого шведского драгуна Румберга, служившего еще в войсках Карла XII. Очевидно, столь характерная для Екатерины как мемуаристки попытка перевести все в «амурную» плоскость в действительности была призвана скрыть истинное положение дел. Подлинной причиной всех этих репрессией было создание при Малом дворе так называемого «полка его высочества», иными словами, комнатной гвардии Петра III.

За две недели до назначения генерала Репнина канцлер А.П. Бестужев, державший наследника под неусыпным контролем, составил инструкцию для обер-гофмейстера. В этом документе есть один важный (шестой) пункт, который, к сожалению, не обратил на себя пристального внимания исследователей.

«Для соблюдения должного себе респекта всякой пагубной фамильярности с комнатными и многими другими служителями воздерживаться имеет, и мы всем повелеваем их в пристойных пределах содержать, никому из них не позволять с докладами, до службы их не касающимися, и иными внушениями или наущениями к его высочеству подходить и им всякую фамильярность, податливость, притаскивание всяких непристойных вещей, а именно: палаток, ружей, барабанов и мундиров и прочее — накрепко и под опасением наказания запретить...»

Из этих слов явствует, что комнатная прислуга, с которой Петр был на короткой ноге, использовалась им не по прямому назначению. Лакеи имели какие-то посторонние доклады великому князю, делали

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

его высочеству «внушения» и «наущения». Они приносили ему военную амуницию.

Далее следует, пожалуй, самое любопытное: «...яко же мы едва понять можем, что некоторые из оных продерзость возымели так называемый полк в покоях его высочества учредить и себя самих командующими офицерами над государем своим, кому они служат, сделать, особливые мундиры с офицерскими знаками носить и многие иные неучтивости делать, чем его высочество чести, крайнейшее предосуждение чинится, военное искусство в шутки превращается, а его высочеству от толь неискусных людей противные и ложные мнения об оном вселяются...»[5]

Оказывается, в покоях великого князя было создано особое военное подразделение, члены которого обучали Петра военным приемам. Причем, и это представляется особенно существенным, в созданном подразделении великий князь не был командиром. Он не учил, а сам учился военному ремеслу.

В этом «полку» из комнатных служителей были особые мундиры с офицерскими знаками, имелись ружья, палатки, барабаны и другая военная амуниция.

В литературе принято усматривать в 6-м пункте инструкции ярчайшее свидетельство инфантильности Петра: в семнадцатилетнем возрасте он продолжал играть в куклы и солдатиков, муштровал своих лакеев, с детства сохраняя некое пристрастие к солдафонству. Однако дело обстояло значительно серьезнее, чем это может показаться на первый взгляд. Характерно, что императрица Елизавета ничего не имела против военных наклонностей племянника и даже сама поощряла их. Она пришла в умиление, когда он со своим воспитателем рисовал мелом на полу план крепости. Императрица сама подарила Петру собрание оружия — «военную залу», купленную у его бывшего наставника. Однако военные забавы наследника, их направленность и секретный характер не могли не вызывать у нее тревоги.

Разумеется, созданная полулегально собственная военная единица наследника, которая могла бы быть успешно использована либо для охраны великого князя, либо для каких-либо наступательных действий, не могла не вызывать у императрицы опасения. Недаром же Петр много позже, весной 1762 г., заявлял польскому дипломату Брюлю: «Меня держали в рабстве, причем все-таки обнаружилась некоторая слабость; оставили в моем распоряжении пятьсот человек хорошо обученных солдат, при помощи которых я бы легко мог арестовать

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

императрицу и завладеть престолом. Исполнение этого предположения, которое столь занимало меня, не представляло бы значительных затруднений, потому что ему благоприятствовало положение дворца Марли, в котором жила императрица близ Петергофа, однако мое добродушие остановило меня, и я не воспользовался столь выгодными условиями для моего предприятия»[6].

Хотя рассуждения наследника относятся к гораздо более позднему времени, тем не менее опасение, что он может воспользоваться имевшейся у него под рукой военой силой, существовало всегда. Именно этим опасением объясняются рассылка комнатных служителей по гарнизонам поручиками, содержание Чернышевых за их «продерзость» в Рыбачьей слободе, принадлежащей Елизавете Петровне, как арестантов Тайной канцелярии и отсылка Румберга в Москву, в контору этого учреждения. И по возрасту, и по по военному опыту он более всего подходил в командующие этой «комнатной» мини-гвардии Петра Федоровича.

Очевидно, одной из важнейших задач только что назначенного генерала Репнина было не допустить образования никаких новых подразделений подобного типа. Причем показательно, что был установлен новый порядок службы лакеев. Они должны были сменяться каждую неделю.

Но Репнин с этой задачей не справился. Может быть, вполне умышленно. По словам Екатерины II, он постарался дать молодому двору «доказательства» своих «добрых намерений».

Военные упражнения, так возмутившие и напугавшие Елизавету и Бестужева, не только не прекратились при Репнине, но стали еще более интенсивными.

Летом 1746 г. в Петергофе, то есть уже при Репнине, Петр Федорович опять завербовал всех своих кавалеров и лакеев и устроил под окнами караул, полутайно, полуоткрыто. Полутайно, потому что в мае ему категорически было запрещено это делать. Полуоткрыто, потому что Репнин, который должен был пресекать малейшие поползновения, вовсе не возражал против этого. Согласно запискам Я. Штелина, «все употребляется на забавы, на пригонку прусских гренадерских касок, на экзерцицею со служителями и пажами».

В отсутствии Елизаветы Петровны Петр выпросил себе разрешение отправиться в свой Ораниенбаум. «Как только он там очутился, писала Екатерина, — все стало военным; он с кавалерами весь день проводил на карауле или в других военных упражнениях». Петр «за-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

вербовал всю свою свиту; камергерам, камер-юнкерам, чинам его двора, адъютантам, князю Репнину и даже его сыну, камер-лакеям и даже садовникам, всем было дано по мушкету на плечо; его императорское высочество делал им каждый день учения, назначал караулы; коридор дома служил им кордегардией, и они проводили там день».

Характерно, что теперь в его «полку» обучаются не только лакеи, но и кавалеры Малого двора. «Так, впервые, — свидетельствовал Я. Штелин, — выказалась в большом размере страсть к военному (militaire marrotte) <...> устройству роты из придворных кавалеров и прочих окружающих великого князя. Он сам — капитан, князь Репнин — его адъютант. Вечером и утром стрельба с вала крепости, сигналы, ежедневные учения, маршировка, маневры с огнестрельным оружием, с 4 часов после обеда до позднего вечера».

Показательно, что артиллерийский генерал Репнин не только не препятствовал им, но, напротив, даже его собственный сын Николай, к Малому двору официально не принадлежавший, принимал в экзерцициях посильное участие.

«1746-й. Двор великого князя провел в Ораниенбауме, — писал Штелин. — Там была выстроена крепость и зала с несколькими отделениями... Комендант крепости граф Головин, камергер и гофмаршал великого князя».

Весной 1747 г. Репнина, допустившего все это, заменили Н.Н. Чоглоковым. О причинах удаления Репнина Екатерина в своих «Записках» рассказывала несколько раз и каждый раз по-разному. Но императрица не открыла истиной причины его опалы. И это само по себе в высшей степени интересно и требует объяснения. Очевидно, восстанавливая то, что императрица тщательно скрывала, мы приближаемся к истине.

В автобиографической записке, написанной еще при жизни Петра, дело представлено так. Репнин был человеком благородным и порядочным. Однако эти качества обернулись против него. В первые же три недели он навлек на себя ненависть всех тех, кто был противоположных мнений. Императрица стала относиться к нему с недоверием. Это заставило императрицу приставить для надзора над Екатериной «злую» М.С. Чоглокову. Она стремилась удалить от великой княгини всех, к кому та благосклонно относилась.

В начале 1747 г., когда в Австрию отправили войска, во главе их поставили Репнина. Это был благовидный предлог, чтобы уединить друга Екатерины, слишком ей преданного.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

В первой редакции мемуаров, написанной в начале 1770-х годов, рассказывается уже совсем иная история. Согласно этой редакции назначение Чоглоковой никак не связано с благородным поведением генерала. В Зимнем дворце покои Чоглоковых располагались рядом с комнатами Репнина. Они стали играть в азартные игры. Чоглокова, азартный карточный игрок, часто проигрывала, а потом мстила своим «обидчикам». Она имела возможность влиять на императрицу и добивалась удаления всех, на кого имела зуб. Это касалось кавалеров Малого двора, но прежде всего самого Репнина. Его главная вина состояла в том, что он допускал веселье в великокняжеских покоях. Чоглокова и ее муж веселья не любили. Поэтому весной 1747 г. Н.Н. Чоглоков сменил Репнина на посту обер-гофмейстера.

Во второй редакции, созданной в середине 1790-х годов, эта история представлена иначе. В мае 1745 г. к Екатерине приставили Чоглокову, потому что она являла собой образец семейных добродетелей. А к Петру назначили благородного Репнина. В феврале 1747 г. по причине слабого здоровья Репнина, страдавшего от «каменной болезни», его обязанности стал исполнять муж Чоглоковой. Тем не менее Репнина, «как ни был болен», отправили командовать корпусом. «Это была форменная немилость для князя Репнина, он туда отправился и уже не возвращался, потому что умер от горя в Богемии». Причины же этой немилости к больному человеку никак не объясняются.

Между тем подлинные причины отставки, а потом немилости Репнина заключались в том, что он допустил «военные игры» при Малом дворе. Недвусмысленное указание на это содержится в «Записках» Штелина: «Возвращение из Ораниенбаума в Летний дворец. Экзерциция со служителями и пригонка амуниции продолжаются потом к величайшему неудовольствию императрицы. Ложный доклад об этом ее величеству Репнина был открыт после тончайшего исследования. Чрез это он лишился доверия императрицы и вскоре после этого был послан при вспомогательном войске к союзной армии в Германию <...> и умер на обратном пути».

Разве Екатерина не знала о «неверном докладе» Репнина и «тончайшем исследовании» на этот счет, которое привело к окончательному падению обер-гофмаршала?

Конечно, мемуаристка пытается представить эти военные учения как нелепые ребяческие забавы мужа. Штелину эти забавы были не по вкусу. Он читал своему воспитаннику газеты и объяснял их. Но Петр предпочитал военное ремесло. Это наставнику не нравилось. Так же

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

потом и В.А. Жуковский отзывался о милитаристских наклонностях своего августейшего ученика — будущего царя-реформатора Александра II. Однако то, что представлялось Штелину, человеку штатскому, профессору элоквенции, «забавами», таковым далеко не являлось. Если бы речь шла только о дурачествах инфантильных подростков, это бы не могло вызвать таких опасений при Большом дворе и столь сильных преследований «провинившихся».

Показательно, что Н.Н. Чоглоков сразу же начал «закручивать гайки»: вначале произвел «кадровые перестановки». Четыре лакея, в том числе три камер-пажа, были удалены в апреле 1747 г. Камергера Дивьера и камер-юнкера Вильбоа выслали в армию. Дамам и кавалерам запретили переступать порог великокняжеских покоев без особого разрешения Чоглокова. Недаром Штелин писал, что с его назначением «все переменяется при дворе, но к лучшему».

Одна из причин «скрытности» Екатерины, ее нежелания рассказать правду об отставке Репнина заключалась в том, что в «ребячествах» мужа она сама принимала непосредственное участие. И это, пожалуй, самое интересное. Она тоже прекрасно владела оружейными приемами. Хотя потом пыталась представить это как одну из нелепых забав мужа, которые ей волей-неволей приходилось разделять.

Если Екатерина с таким сарказмом рассказывала о военных ребячествах своего мужа, почему же она не сказала прямо, что Репнина удалили, потому что он допустил и даже поощрял все эти непотребства.

А это объясняется просто. То, что Екатерина старалась представить как нелепые ребячества, в действительности не являлось таковым. Все это было серьезно и потому вызывало опасение у Елизаветы. Более того, Екатерина утаивает подлинную роль Репнина по той простой причине, что занятия мужа генералом поощрялись и ей самой были на руку именно потому, что Репнин благоволил к ней, он поощрял военные занятия мужа. Если бы читатель узнал, что Репнин подвергся немилости за то, что не пресекал военных ребячеств Петра (только и всего), стало бы понятно, что это были вовсе не ребячества. Другими словами, военные экзерциции мужа Екатерина считала полезными, и, по всей видимости, они не только поощрялись ей самой, но она по возможности принимала в них участие. А потом всячески отказывалась от этого, представляя мужа нелепым солдафоном. Это особенно ясно видно при сопоставлении 1-й и 2-й редакций сочинения Екатерины. (В «Автобиографической записке» тема солдафонства Петра вообще отсутствует.)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

В первой редакции, когда Екатерина пишет о том, что Петр тайно обучал военному делу своих камердинеров, лакеев, карлов, кавалеров, она замечает, что, кажется, и у нее «был чин». Признание в высшей степени интересное. Тут же мемуаристка отмечает, что в то время она была «поверенной» ребячеств своего жениха и не ей было его исправлять. Не кажется ли странным, что после того, как Чоглоков удалил любимых камердинеров и кавалеров великого князя, именно Екатерина поддерживала с мужем долгие «разговоры о подробностях по военной части». Не должно удивлять, что летом 1747 г. в Петергофе, когда Петр «не смел больше составлять полки из своих приближенных», он обучал Екатерину военным упражнениям. Благодаря чему она умела исполнять «все ружейные приемы с точностью самого опытного гренадера». Он также ставил Екатерину с мушкетом на плече у двери, которая находилась между их комнатами. Получается, Екатерина заменяла камергеров и камер-лакеев Петра в его военных упражнениях, когда его пытались лишить их. И делала это вполне добровольно. Ибо Екатерина вряд ли стала бы безропотно выполнять то, что ей велел делать муж, если не считала это полезным и целесообразным.

В самом деле, чем занималась Екатерина, когда муж упражнялся в военном ремесле? Не любя охоту, она постоянно стреляет уток и упражняется в верховой езде. Ездила по-мужски, на мужском седле. Эти качества пригодились ей 28 июня 1762 г. 18 предшествовавших лет она усиленно готовила себя к этому. И в нужный час оказалась на высоте.

В этой связи совершенно иное звучание приобретают фрагменты «Записок» о том, что Екатерина знает все приемы обращения с оружием, что муж заставлял ее часами стоять в карауле. Разве Петр мог заставить Екатерину что-либо делать вопреки ее желанию, тем более стоять в карауле с мушкетом на плече?

В этом контексте по-другому читаются строки о том, как Петр часто говорил с женой о подробностях военного дела. А она скучала, скучала, скучала. Опять же отношения супругов были вовсе не таковы, чтобы Екатерина стала спрашивать то том, что ей было совершенно неинтересно.

Показательно, что крепость, выстроенная на южной стороне Ораниенбаумского дворца, недалеко от ворот Парадного двора, на лугу, за Утиным прудом, была названа в честь жены великого князя — Екатеринбург. И это не удивительно: Екатерина была соучастницей военных занятий своего мужа.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Оба они тогда понимали, что для сохранения Петра в качестве наследника необходимо располагать хотя бы минимумом военной силы. Без нее не обойтись в том случае, если сама Елизавета или ее окружение захотят переменить престолонаследие в пользу другого претендента, например Ивана Антоновича или другого члена Брауншвейгского семейства. А такие опасения существовали, и весьма серьезные. О них доносили иностранные дипломаты.

Кажется, у Петра это была действительно военная страсть. Но она поощрялась Екатериной. А Екатерина прекрасно понимала значение военной силы, если бы свои наследственные права пришлось бы защищать или отстаивать вооруженно. Вот в этом она ни за что не хотела признаться, когда писала свои мемуары.

Но самое поразительное заключается в том, что следствие, которое велось в отношении «комнатной гвардии» Петра III в Тайной канцелярии в 1746–1747 гг.[7], а потом возобновилось в 1754–1755 гг., выявило ряд поразительных фактов. Закупка военного снаряжения: саблей, ружей, касок, гренадерских шапок, супервестов — и пошив особых мундиров со специфическими знаками различий требовали денежных средств. Откуда они брались? Следствие интересовал этот вопрос неслучайно. Елизавета постоянно устраивала разносы Екатерине за то, что у нее было слишком много долгов. Следствие столкнулось с прелюбопытнейшим фактом: деньги на вооружение брались в долг у С.Г. Строганова, а посредником в этой операции выступала великая княгиня Екатерина. Оно не могло не дать задний ход[8] и вскоре было прекращено. Судьба всех расследований XVIII в., впрочем, не только XVIII-го, одинакова. Как только выходили на августейших персон, дела немедленно закрывались. И мы никогда не узнаем, как «Екатерина — С. Ангальт-Цербстская», а именно так она подписывалась в первые месяцы своего пребывания в России, финансировала те самые военные «игры», которые, будучи уже Екатериной Великой, высмеяла самым жестоким образом и превратила в один из обвинительных пунктов против своего мужа.

1. Архив князя Воронцова. М., 1870. Т. I. С. 423–424.

2. Там же. С. 425.

3. *Писаренко К.А.* Повседневная жизнь русского двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 178; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. XI. Т. 21–22. С. 415–416.

4. *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 415–416.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

5. *Соловьев С.М.* Указ. соч. Кн. XII. Т. 23–24. С. 345.

6. Цит. по: *Брикнер А.Г.* Жизнь Петра III до вступления на престол // Русский вестник. 1882. № 11. С. 509.

7. *Сафонов М.М.* «Комнатная» гвардия // Междунар. науч.-практ. конф. «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем». 29–31 марта 2005 г., Санкт-Петербург. М., 2006. С. 559–364.

8. РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. № 1174. Л. 47–48 об.; *Сафонов М.М.* Воспоминания в Царском Селе (Екатерина II против Екатерины Великой // Царское Село на перекрестке времен и судеб. СПб., 2010. С. 184–185.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

С.И. Мельникова

АВГУСТ КОЦЕБУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ. ЛИНИИ СУДЬБЫ НЕМЕЦКОГО ДРАМАТУРГА

Восемнадцатилетний веймарский адвокат Август фон Коцебу, увлекавшийся литературой и театром, в 1781 г. отправился на службу в Санкт-Петербург, под начало генерала Ф.В. Бауэра. Неожиданно по распоряжению Екатерины II тот был назначен директором Немецкого театра. Именно он и привлек к управлению немецкой труппой Августа фон Коцебу. История этого театра началась в 1772 г., когда представления на немецком языке в Петербурге давали немецкие актеры, прибывшие преимущественно из прибалтийских провинций[1]. Через пять лет новое театральное дело в Санкт-Петербурге организовал Книппер, привлекший и тех, кто уже работал в российской столице, и других артистов, пригласив их из Германии и прибалтийских земель.

Коцебу оценил немецкую труппу по состоянию на 1781 г. как «весьма умеренный Немецкий театр»[2]. Несмотря на молодость, в театральном деле Коцебу был гораздо опытнее Бауэра, который никогда не имел отношения к сцене. Коцебу знал: без сильной труппы невозможно завоевать признание публики, поэтому начал ее формирование.

Именно в России молодой, полный сил Коцебу впервые столкнулся с театральной практикой и законами сцены. В 1782 г. Коцебу написал пятиактную трагедию «Деметриус Иванович, царь московский» и комедию «Монахиня и горничная».

Первый драматургический опыт Коцебу на материале русской истории имеет особое значение, хотя в русском искусствоведении об этом произведении Коцебу ничего неизвестно. Рукопись пьесы «Деметриус Иванович, царь московский» утеряна, исследователи пользовались копией, причем сделанной не самим Коцебу, а театральным

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

переписчиком, оставившим свою подпись на экземпляре пьесы[3]. Источниками, подтверждающими авторство Коцебу, являются его воспоминания, в которых он пишет о времени и месте ее постановки, об обстоятельствах, сопровождавших ее появление[4], а также отзыв о пьесе с включением в него фрагментов из нескольких сцен, опубликованный в берлинской «Литературной и театральной газете» с указанием списка ролей и актеров[5].

Постановка трагедии состоялась 23 июня, то есть Коцебу написал пятиактную трагедию стремительно, в течение нескольких недель. По Коцебу, царевич Димитрий выжил и восстал против отца. Как известно, Петр I издал указ, согласно которому Лжедмитрий считался разоблаченным, и любая иная версия событий должна была восприниматься как антигосударственная. Авторы российских обработок исторического материала времен Смуты не нарушали установленных правил.

Причины дерзкого домысла молодого писателя стоит искать в психологических аспектах его личности: Коцебу выказал намерение не только утвердиться в России в качестве чиновника, но и выдвинуться в качестве драматического писателя. Для этого был нужен особый повод, не столько художественный, сколько скандальный, привлекший бы к нему и его произведению внимание читающей и театральной публики, высшего круга чиновников Санкт-Петербурга.

«Деметриуса» Коцебу прочел в узком кругу, который состоял из нескольких вельмож, в том числе прусского посланника, президента Санкт-Петербургской Академии художеств. «Сочинение было одобрено, — вспоминал Коцебу. — Генерал Боур приказал оную представить и изготовить на тот случай знаменитые декорации и драгоценное одеяние по древнему российскому обычаю»[6].

В момент репетиций пьесы Коцебу в Немецком театре произошел инцидент: когда назначили дату премьеры и дали объявление в газете, обер-полицмейстер послал в театр гонца с запретом на показ спектакля. Карл Фиала, исполнитель заглавной роли, обратился к генералу Бауэру. Тот немедленно отправился к обер-полицмейстеру. Чиновник смягчил свое первоначальное решение, но потребовал от Коцебу изменить сюжет таким образом, чтобы «сей Димитрий публично перед всем народом в истинном виде был представлен и признан тонким плутом»[7]. Коцебу уверял, что он осведомлен об истинном лице Лжедмитрия, а его образ в трагедии «была только *вольность пиитическая* (курсив Коцебу. — *С.М.*)»[8]. После этого объяснения на сцене Немец-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

кого театра 23 июня 1782 г. состоялось единственное представление трагедии.

Вскоре после этого Коцебу написал еще одну пьесу, на сей раз комедию «Монахиня и горничная», которая была поставлена на сцене Немецкого театра «несравненно лучше Димитрия»[9], а позднее попала на сцену Венского театра.

Сценическая судьба пьес Коцебу в первый период пребывания в России не сложилась, и это вполне объяснимо. Коцебу еще не состоялся как оригинальный драматург, не нашел своей индивидуальной интонации.

В Санкт-Петербурге в 1783 г. Коцебу впервые выступил и как литератор-издатель, начав выпуск журнала на немецком языке под названием «Библиотека журналов», своеобразный дайджест немецких ежемесячников, в котором он знакомил российских читателей с произведениями немецких писателей, поэтов, журналистов. Здесь же он опубликовал главы из собственного романа «Страдания Ортенбергской семьи».

Во время болезни Бауэра финансовое положение театра значительно ухудшилось. Коцебу, несмотря на активную деятельность, включавшую создание и постановку пьес, редактирование и издание журнала, публикацию своих прозаических произведений, попытки влиять на жизнь Немецкого театра в Петербурге и стремление привлечь внимание высших чинов Российской империи, по-прежнему оставался всего лишь в должности личного секретаря Бауэра и иных предложений не получал. Бауэр всецело доверял Коцебу и даже привлек его к составлению завещания. Согласно рукописи Коцебу, в нем шла речь и о юном секретаре, о котором Бауэр просил позаботиться Екатерину II. Как сообщал драматург, он лично передал русской императрице текст завещания. «Она читала довольно долго и несколько раз вытирала глаза. Когда она закончила, подошла к письменному столу, положила письмо поперек перед собой и написала с краю: “Быть посему”, затем она вернула мне лист и начала говорить со мной и с сердечным участием справилась обо всем, что касалось (неразборчиво. — *С.М.*). Растроганная, она отпустила меня, восхищенного ее (неразборчиво. — *С.М.*) благосклонностью»[10]. Иных сведений об этом событии не сохранилось...

Молодой драматург рассчитывал на перспективное место в Санкт-Петербурге или хотя бы на приличную должность при русской миссии в Берлине, однако не получил ни того, ни другого. За недолгое время

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

пребывания в Петербурге он сумел приобрести влиятельных врагов, в частности А.В. Олсуфьева, который вошел в первый состав Комитета для управления зрелищами и музыкою в 1783 г. «Остроумный и злой на язык Олсуфьев <...> был широко эрудирован, начитан, считался знатоком истории права, превосходно владел различными языками»[11], — отмечал Г. Мордисон. Олсуфьев был противником генерала Бауэра, пользовавшегося особыми милостями Екатерины II, поэтому все усилия Коцебу по приглашению актеров из Германии он расценил, по воспоминаниям актера Й. Криста, как «глупые выходки»[12]. Крист был уволен от службы в немецком театре в конце 1783 г., а Коцебу направлен в Ревель на должность асессора Апелляционного суда. 18 ноября 1783 г. он покинул Санкт-Петербург, перебравшись в Ревель.

Первые два года пребывания в столице Российской империи имели особое значение в биографии Коцебу. Именно здесь получили развитие основные направления его деятельности, исключая политическое: он позиционировал себя как драматург, директор театра, прозаик, издатель и журналист. Противоречивые черты его натуры проявились здесь как в капле воды: сочинив запрещенную впоследствии цензурой пьесу о Смутном времени и выказав тем самым оппозиционные намерения, он одновременно, согласно правилам поведения эпохи, прилагал все усилия к тому, чтобы быть отмеченным императрицей. Верно служа генералу Бауэру, сидя у его смертного одра, он посылал влюбленные взгляды его молодой жене, добиваясь взаимности. Неопределенность его человеческих позиций бросалась в глаза, желание оказаться как можно ближе к власть имущим выходило за определенные обществом пределы. Карьера, о которой страстно мечтал честолюбивый веймарец, в Петербурге ему пока не удалась.

Ревель, с 1721 г. в составе Эстляндии входивший в Российскую империю, разительно отличался от Петербурга. К концу XVIII в. здесь насчитывалось около 8 тыс. жителей, 3 тыс. из них составляло немецкое население. Тем не менее наряду с Ригой этот город являлся одним из наиболее значительных культурных центров прибалтийских провинций, выполняя функцию связующего звена между культурой Западной Европы и России: прежде чем попасть в Санкт-Петербург, «комедиантские банды» П. Гильфердинга, И. Сколари и многих других актеров надолго оседали в Ревеле, предпочитая здесь зимовать, опасаясь лютых петербургских морозов[13].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Театральная реформа Г.Э. Лессинга, имевшая колоссальное значение для развития актерского искусства в Германии, постепенно распространялась на Восток. В Риге под руководством барона О.Г. Фигингофа была создана «превосходная по тем временам труппа»[14]. После ее роспуска Г.Е. Хюндеберг поселил в 1777 г. часть актеров в Ревеле и познакомил публику с репертуаром немецких театров — пьесами Шекспира, Мольера, Лессинга, Энгеля. Информация об этих постановках, о которых подробно сообщала прибалтийская и петербургская немецкая печать, становилась достоянием переводчиков с немецкого языка, впоследствии знакомивших русскую публику с новыми образцами немецкой драматургии. Приезд в Ревель Коцебу, уже имевшего репутацию драматурга, привел к заметному оживлению театрального дела, чему способствовали его новые пьесы.

Известен репертуар ревельского любительского театра сезона 1784/85 г., который состоял из 13 пьес: «Евреи» Лессинга, «Не больше шести блюд» Гроссмана, «Благородный мальчик» Энгеля, «Преступление из честолюбия» и «Подопечная» Иффланда, «Прапорщик» Шредера, «Обманщик» Екатерины II, пьесы Коцебу — «У каждого шута свой колпак», «Отшельник на Форментере», «Любительский театр перед парламентом», «Адельхайд фон Вульфинген» и др.[15] Этот репертуар, а также репертуар Немецкого театра в Санкт-Петербурге и театра Меддокса в Москве были схожи, отражая общеевропейские тенденции (исключение составила ревельская постановка пьесы Екатерины II).

Прорыв был осуществлен немецким драматургом 23 ноября 1788 г., когда впервые была сыграна написанная за несколько месяцев пьеса «Ненависть к людям и раскаяние». Дата первой постановки этого произведения, как правило, искажалась. Так, А. Бодиско в исследовании «Из жизни комедиографа Августа фон Коцебу» указал на представление, во время которого пьеса была сыграна в честь прибывшего в Ревель известного рижского театрального мецената барона О. Фитингофа, причем связал его с 1787 г.[16], тогда как оно на самом деле состоялось 16 октября 1789 г., что зафиксировано в документах, хранящихся в Таллинском государственном архиве и обнародованных баронессой фон Розен[17]. Немалую путаницу внес в этот вопрос и сам Коцебу, указавший в «Моей литературной биографии», что осенью 1787 г. он был тяжело болен и на пике болезни в течение 8–9 недель создал пьесы «Ненависть к людям и раскаяние» и «Индейцы в Англии»[18]. На самом деле пьесы были созданы годом позже, поскольку

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

болезнь Коцебу затянулась на долгие месяцы. Тем не менее немецкий исследователь Клингенберг, судя по всему, незнакомый с трудом Розен, утверждал: «Осенью 1787 г. он написал обе драмы, которые сделали его знаменитым: “Ненависть к людям и раскаяние” и “Индейцы в Англии”»[19]. В данном контексте наиболее достоверным источником, безусловно, является монография Розен.

Коцебу преуменьшил достоинства пьесы «Ненависть к людям и раскаяние», заявив о том, что «не считал свое небрежно написанное сочинение хорошим»[20]. Драматург лукавил, уже зная о широчайшем резонансе, который получила его пьеса, отправленная им в театральную дирекцию столицы Пруссии. И вот 2 и 4 июня 1789 г. в Берлинском королевском национальном театре с участием известных немецких актеров В. Унцельман и И.Ф.Ф. Флека была поставлена пьеса Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние», мгновенно сделавшая автора известным[21].

На одном из представлений побывал Н.М. Карамзин, путешествовавший в то время по Германии и откликнувшийся на пьесу и ее постановку[22]. Судя по всему, его восприятие полностью совпало с мнением директора Берлинского театра И.И. Энгеля, автора нескольких репертуарных пьес, а также директора Гамбургского театра, известного немецкого актера Ф.Л. Шредера, которые безоговорочно приняли пьесу Коцебу и пророчили автору большое театральное будущее. Короткий, но яркий отклик Карамзина имел для Коцебу особое значение: после вердикта молодого, но уже авторитетного русского писателя интерес к пьесам Коцебу значительно возрос, и его стали воспринимать как представителя нового рода драматургии.

Пьеса Коцебу, оставшаяся самым известным из всех драматических произведений немецкого писателя, была тут же напечатана, а впоследствии неоднократно переиздана.

До отъезда из Ревеля Коцебу написал пьесы «Индейцы в Англии», «Дева солнца», «Дитя любви». Они были с успехом поставлены на сцене ревельского любительского театра с 16 марта 1789 г. по 2 февраля 1790 г.[23] Все эти произведения имели долгую сценическую жизнь.

Находясь в Ревеле, Коцебу пытался сделать невозможное, чтобы создать у императрицы положительное мнение о себе и выхлопотать чиновничье место в Санкт-Петербурге. Он прибегнул к помощи двух уважаемых в России немцев — врача и писателя Иоганна Георга Циммермана (1728–1795) и французского посланника при русском дворе Фридриха Мельхиора фон Гримма (1723–1807). Циммерман вошел

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

в историю перепиской с Екатериной II (письма были опубликованы только в начале XX в.[24]). Он впервые обратился к Екатерине по поводу Коцебу 25 декабря 1789 г., сообщив его биографию и представив как одаренного писателя[25]. «Я говорил с ним, — писал Циммерман императрице, — и он признался мне, краснея, что Ваше Императорское Величество осчастливило бы его вполне, назначив советником посольства где-нибудь в Германии, в Берлине или Дрездене, или в Мюнхене, или во Франкфурте-на-Майне...»[26] Циммерман еще не раз упоминал Коцебу в своих длинных письмах, но так и не получил положительного ответа.

Коцебу искал протекции и у Гримма, беззастенчиво называя его «первым и единственным покровителем»[27]. Психологический портрет Коцебу, который вырисовывается в результате изучения его жизненного и творческого пути, содержит очевидные признаки актерской натуры. Это во многом объясняет искреннюю веру в выдуманные им предлагаемые обстоятельства. Вполне возможно, что в момент написания письма Коцебу был абсолютно уверен в том, что Гримм на самом деле — его «единственный покровитель».

Чтобы выделиться из толпы просителей, Коцебу предлагал необычный ход — через Гримма он сообщал: «По нынешним временам императрице может понадобиться смелый человек для исполнения того или другого поручения, быть может, щекотливого и даже опасного»[28]. Мотивы этого предложения коренились как в желании стать доверенным лицом, необходимым для осуществления чрезвычайных полномочий, так и в особом строе его души, постоянно требовавшей авантюрных ситуаций, закулисных отношений, таящих в себе элемент опасности. Поскольку Коцебу явно перестарался, Екатерина II раздраженно ответила Гримму: «Этот Коцебу мне надоел, я не имею чести знать его, но знаю, что он заставляет всякого писать ко мне и находится везде, исключая того места, где бы должен быть. У нас он слывет завзятым пруссаком и имел много сношений с Вильгельмом... Это человек, может быть, превосходен везде, только не у нас, где, не знаю почему, подозревают, что он заражен вильгельмизмом»[29].

Высказывание императрицы требует комментария. Она недвусмысленно заявляла о том, что не знакома с Коцебу лично. Но ведь он в своих воспоминаниях красочно описал встречу с Екатериной у одра генерала Бауэра! Либо Коцебу талантливо ее сочинил, либо императрица забыла о мимолетном контакте с молодым секретарем генерала, исполнявшим дежурные функции в тот момент, когда она пребывала

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

в глубоком горе. Во-вторых, она обвинила Коцебу в «вильгельмизме». Речь шла о преданности немецкого драматурга прусскому королю Фридриху-Вильгельму, с которым у Екатерины были сложные отношения. Обвинение имело характер голословный: Коцебу столь страстно мечтал остаться на русской службе, что вряд ли демонстрировал бы местный патриотизм в ущерб собственной карьере. Очевидно, кто-то из влиятельных недоброжелателей Коцебу, зная умонастроения императрицы, внедрил в ее сознание мысль о пресловутом «вильгельмизме», она попала на плодородную почву и породила недоверие к прусскому выскочке. Наконец, Екатерина фактически обвинила Коцебу в том, что он почти не бывает в Ревеле. Действительно, периодически он выезжал из сонной Эстляндии в Пьемонт, Париж, Веймар, где кипели литературные и театральные страсти. И продолжал упрямо рваться в Санкт-Петербург...

Коцебу не знал об ответе Екатерины II Гримму, иначе прекратил бы свои безуспешные атаки. В качестве его нового покровителя выступил Г.Р. Державин. Его оды Коцебу переводил на немецкий язык — сначала «Видение Мурзы» (этот перевод был напечатан вместе с оригиналом в Санкт-Петербурге, 1792[30]), затем «Оду Фелице»[31]. Коцебу сознательно избирал поэтические произведения Державина, посвященные императрице. Наконец, в 1793 г. он издал сборник переводов поэзии Державина в Лейпциге[32]. Державин, несомненно, был заинтересован в издании и распространении своих произведений в Германии. Он начал хлопотать по поводу устройства Коцебу: находясь на службе у Екатерины II, он пытался пригласить Коцебу на должность своего личного секретаря, затем рекомендовал его на аналогичную должность графу П.А. Зубову[33]. Оба проекта потерпели неудачу. Тогда Державин обратился к генерал-губернатору лифлянских и эстляндских провинций Н.В. Репнину с просьбой о предоставлении Коцебу места губернского прокурора или председателя Верхнего земского суда[34]. Репнин с величайшей деликатностью ответил отказом.

Потеряв надежду, Коцебу вышел в отставку в чине коллежского асессора, поселился в скромном поместье Фриденталь близ Нарвы. Именно его драматург считал своим родным домом. Там он прожил до осени 1797 г.[35]

Ревельский период русской службы Коцебу сблизил его с Россией в гораздо большей степени, нежели время его непосредственного пребывания в Санкт-Петербурге. Это было связано в первую очередь

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

с появлением пьесы «Ненависть к людям и раскаяние», имевшей заметный успех сначала в Москве (1791)[36], а затем в Петербурге. Запрещенные в 1796 г. по случаю траура по Екатерине II «представления возобновились в 1797 г. в Гатчине; первый спектакль там был сентября 8 — “Ненависть к людям и раскаяние”, перевод Ал. Фед. Малиновского; драма эта была играна в первый раз и очень понравилась. Все роли были исполнены отлично: граф — Крутицкий, графиня — Иванова, Горст — Калмыков, Лотте — Крутицкая, Эйлалия — Каратыгина (Перлова), Биттерман — Рахманов, неизвестный — Яковлев, Петр — Суслов, старик — Рыкалов, более же других заслужили одобрение Государя Каратыгина и Яковлев»[37], — сообщал П.Н. Арапов о придворном спектакле. Не так часто в его хронике встречается столь подробное описание распределения ролей в пьесе с точным указанием имен персонажей.

Таким образом, не имея возможности служить в Петербурге, Коцебу получил там громкую известность благодаря популярности своих пьес, поставленных на московской и петербургской сценах. Важным показателем интереса к пьесам Коцебу стал и факт постепенного включения их в репертуар французской императорской труппы в Санкт-Петербурге.

Из Вены, где располагался один из известных в Европе театров, Коцебу получил приглашение от барона фон Брауна занять должность придворного драматурга Венского театра, вакантную после смерти И.Б. Альксингера. Два года Коцебу исправно писал для театра пьесы[38], после чего подал в отставку с пенсионом в 1 тыс. гульденов: тщеславный, склонный к театральной интриге, Коцебу столкнулся с актерами, для которых интрига также являлась одной из форм профессиональной жизни. «...горьким опытом я знал, — говорил он впоследствии, — что величайшие артисты нередко бывают самые безнравственные и самые несговорчивые люди; что одно замечание, самое незначительное, сделанное самым негласным образом кому-либо из них, делает его вашим непримиримым врагом. Большинство драматических артистов, даже самые замечательные из них, любят не искусство, а артиста, то есть самих себя»[39]. При этом опыт работы в качестве придворного драматурга оказался весьма полезным: пьесы приходилось писать в кратчайшие сроки, чтобы удовлетворить репертуарный голод Венского театра. Именно с этим связано и появление пьес-скороспелок, написанных небрежно, «скверно отделанных», по определению рецензентов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Курсируя между Йеной и Веймаром, Коцебу вел жизнь не обремененного государственной службой человека. В начале 1800 г. он решил навестить сыновей от первого брака, которые учились в России в морском кадетском корпусе и заявил о своем намерении приехать в Санкт-Петербург. С этого момента начался новый этап в биографии Августа фон Коцебу. История ареста и сибирской ссылки Коцебу описана им в мемуарах «Самый достопамятный год моей жизни», впервые вышедших на французском языке. Затем они неоднократно переиздавались, цитировались, в полемике с ними выходили статьи и книги.

Мемуары Коцебу — уникальный источник не только для уточнения его биографии, но и для русской истории, этнографии, театроведения, социологии и демографии, поскольку книга содержит бесценный фактический материал, бытовые зарисовки, наброски будущих пьес. Мемуары написаны так, будто их автор наблюдал за зрителями (читателями) из-за кулис, периодически обращаясь к ним со сцены с пламенными, прочувствованными монологами. Театрализованная проза Коцебу обращала на себя внимание и из ряда вон выходящим содержанием, и формой, которая обнаруживала эстетические предпочтения автора.

Коцебу знал о том, что ни один иностранец не имеет права пересекать границы России без разрешения императора. С этой целью Коцебу по инстанции обратился к барону А.И. Крюденеру, русскому посланнику в Берлине, с просьбой о предоставлении русского паспорта, который вскоре был получен, но именно эта скорость и смутила драматурга: «...я знал, что Павел I не жаловал писателей. Как согласить известное мне нерасположение его к моей личности с тем скорым, благосклонным и, по-видимому, преисполненным милостью ответом, который последовал на мою просьбу?»[40]

Сразу после получения паспорта 10 апреля 1800 г. Коцебу с семьей выехал из Веймара. Путь лежал через Пруссию. На границе с Россией, в городе Полангене, начальник таможни объявил Коцебу о том, что тот арестован, после чего его подвергли обыску. «Осмотрели все мои вещи, взяли мой портфель и мои бумаги; оставалось осмотреть меня самого. Меня заставили вывернуть все карманы, выложить на стол все клочки бумаги, даже счета гостиниц и постоялых дворов»[41]. Ошеломленный Коцебу принялся утешать жену и троих маленьких детей, следовавших с ним. Он пока еще не представлял реальной угрозы его свободе, ему казалось, что это всего лишь одна из мер предосторож-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ности против духа европейского свободолюбия: «Император не знает меня; он знает только, что я пишу пьесы для театра, — утешал себя и жену Коцебу. — Множество писателей увлечено той системою свободы, которая потрясает Европу, он подозревает, что я принадлежу к их числу»[42].

Однако арест подтвердился. Все его бумаги были изъяты, в том числе рукописные пьесы, которые он вез в собой в Ригу для продажи местному театру, а также для французской труппы в Санкт-Петербурге[43].

Арест Коцебу — одно из самых темных мест в его жизнеописании. Причин названо множество, однако ни одна из них не выглядит убедительной. Если принять на веру сообщение Коцебу о том, что «государь сам, разрешив выдать мне паспорт на свободный проезд в Россию, отдал вместе с тем приказание, чтобы надворный советник и курьер сената поехали бы мне навстречу и арестовали бы меня»[44], то следует сделать вывод: судьба Коцебу была решена задолго до его поездки в Россию. Значит, его практически выманили из Веймара. Что могло побудить Павла I принять столь непопулярное решение в отношении человека творческой профессии, тогда как тремя годами ранее вышел императорский указ об освобождении из сибирской ссылки А.Н. Радищева, куда более радикального и последовательного во взглядах и суждениях писателя?

По мнению Арапова, Коцебу «был обвинен в сочинении вредной в отношении политическом драмы “Граф Беневский”»[45]. Эта версия повторялась учеными еще несколько раз, однако документального подтверждения получить не могла: упомянутая драма была написана Коцебу гораздо раньше, в 1790 г., и через год опубликована в Лейпциге[46], после чего неоднократно ставилась на европейских сценах.

Поводом к подобному умозаключению могли послужить сведения относительно политической неблагонадежности Коцебу, которые сообщал советник русского посольства во Франкфурте-на-Майне графу Н.П. Румянцеву: «С некоторого времени на Франкфуртском театре позволяют играть пьесы, заключающие в себе многие невыгодные для России выражения; в числе оных представлена была там недавно пьеса под заглавием “Граф Беневский, или Бунт в Камчатке” сочинения Коцебу, председателя магистратского суда в Ревеле. Театральное сие сочинение преисполнено возмутительнейших и самых якобинских расположений... Невзирая на то, что в пьесе сей встречаются мысли, разрушающие всякую связь государственную и оскорбляющие Рос-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

сию, театр Франкфуртский принял оную с восхищением и величайшими рукоплесканиями»[47]. Ревельскому губернатору А. Врангелю было предписано «поговорить с Коцебу неприметным образом, он ли сочинил ту книгу». Коцебу признал свое авторство безоговорочно, сообщив также и о том, что она была разыграна многими немецкими театрами, а напечатана против воли автора, поскольку, «хотя пьеса ничего соблазнительного не содержит, он все-таки решился ее вовсе в печать не отдавать»[48].

Значит, разговоры о неблагонадежности драматурга и писателя Коцебу велись задолго до воцарения Павла I на российском троне. Историк литературы А. Чебышев, которого интересовали причины ареста Коцебу в связи с его политическими воззрениями, высказался на эту тему категорично: «Ясно, что обвинение Коцебу в якобинстве было лишено всякого основания»[49].

В качестве причин ареста назывались и пьеса «Деметриус Иванович, царь московский», и неоднократные попытки найти место при русском дворе, и нежелание Екатерины II определить судьбу Коцебу в Петербурге, и многие другие[50]. Обилие версий объяснимо. Павловское время в корне отличалось от екатерининского века, его атмосферы и ритмов. Падение и взлет Коцебу при Павле I объяснялись характером правления российского государя. Правление Павла Петровича — особая тема для историков, и в последние годы она получила стремительное развитие. Здесь важно, что противоречивость натуры и деятельности императора сказались на судьбе Коцебу. Не исключено, что Павел I решил в соответствии с педагогическими, воспитательными задачами дать урок всем европейским литераторам — в назидание.

Хронология событий, связанных с арестом и ссылкой, выглядела следующим образом. 15 марта 1800 г. тобольскому губернатору Д. Кошелеву (в мемуарах Коцебу — Кушелев) было отправлено письмо за подписью генерал-прокурора П.Х. Обольянинова с пометкой «Секретно». В нем содержался императорский указ: «Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволил: бывшего в Ревельском магистрате президентом Коцебу отправить на житье в Сибири»[51]. На документе сохранились пометки: «29 мая 1800 г.» — дата получения его тобольским губернатором, «Курган, 11 июня» — дата поступления губернатору. Следовательно, курьерская почта из Санкт-Петербурга в Тобольск доставлялась в начале XIX в. в течение двух с половиной месяцев.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Существен факт: решение об аресте и ссылке Коцебу принято раньше его отъезда из Веймара. Императором Павлом была задумана и осуществлена интрига, не менее изощренная, чем в «трогательных» пьесах Коцебу.

Драматург под конвоем следовал через Митаву, Ригу, откуда он попытался сбежать, но был задержан. Затем — Полоцк, Смоленск, 7 мая он прибыл в Москву, проехал через Владимир, Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург и, наконец, 30 мая 1800 г. прибыл в Тобольск. Лишь 3 июня Коцебу оказался в конечном месте своего вынужденного путешествия — в Кургане.

Коцебу не мог знать о том, что уже 15 июня тобольскому губернатору была послана новая депеша: «Е.И.В. Высочайше повелеть соизволил: отправленного к Вашему производству господина Коцебу освободить и возвратить с посланным с ним сенатским курьером. В Павловске июня 15 дня 1800 г.»[52]

Какие события могли спровоцировать столь внезапное освобождение Коцебу, который готовился остаток жизни провести в Кургане? Существует гипотеза, подтвержденная косвенными свидетельствами: в июне 1800 г. Павел I познакомился с одним из переводов пьесы с немецкого. Возможно, его привлекло название пьесы — «Лейб-кучер Петра III». Для того чтобы понять особый интерес императора, необходимо вникнуть в суть его отношения к отцу, Петру III. Память о нем тщательно стиралась Екатериной II из коллективного сознания подданных. «Русский Гамлет» с детства страдал от того, что практически не знал отца, насильственно лишенного и престола, и жизни[53]. Павел горячо желал восстановить попранные права Петра III. Одна из необычных акций — церемония, которую устроил император в первые дни своего правления. «Павел решился воздать царские почести бренным останкам своего родителя, покоившимся уже тридцать четыре года и четыре месяца в Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря. Гроб был вынут из могилы и поставлен посреди той же самой церкви. <...> Изумленные россияне могли подумать, что Петр III и Екатерина II скончались одновременно в один и тот же день. Одним росчерком пера тридцать четыре года русской истории были как бы вычеркнуты из летописей, и царствование Павла I являлось законным продолжением правления его родителя!»[54] — делал вывод историк Н. Шильдер.

Отпевание обоих родителей было принципиальным для начала царствования Павла I. Сохранилась легенда, согласно которой Павел

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Петрович вплоть до этого события спрашивал у окружавших его придворных: «Быть может, отец жив?» «Сам великий князь Павел Петрович, — писал А.С. Пушкин, — долго верил или желал верить сему слуху. По восшествии на престол первый вопрос графу Гудовичу: “Жив ли мой отец?”»[55] Так что вполне объяснимо внимание Павла I к пьесе о Петре III. Ее переводчик Н.С. Краснопольский предпослал тексту пьесы следующее посвящение: «Его Императорскому Величеству... Павлу Петровичу, императору и самодержцу Всероссийскому... с глубочайшим благоговением подносит верноподданнейший Николай Краснопольский»[56].

Действие пьесы происходит в Санкт-Петербурге, на Васильевском острове, перед жилищем столярного мастера Леберехта — потомственного петербургского немца. Лейб-кучер Петра III Дитрих (в оригинале — Ганс[57]), ближайший и самый верный друг Леберехта, узнает печальные новости из жизни его семьи: денежные дела Леберехта пришли в упадок, жена его тяжело больна, дочь Анюта мечтает о женихе — работнике Петре, а тот из-за отсутствия средств вынужден отправиться на заработки. В самом начале пьесы драматург концентрирует внимание на отчаянном положении героя, которого обделила судьба. Дитрих мучается над тем, как помочь Леберехту. В качестве советчика выступает сбитеньщик (в оригинале — разносчик, коробейник) Иван. Он советует Дитриху напомнить императору о своих заслугах — ведь он столько лет исправно возил Петра III!

Дитрих отправляется во дворец. Минуя стадию развития, действие в следующей сцене достигает высшей точки и тут же эффектно завершается: Дитрих возвращается от царя, получив 20 тыс. руб., сумму по тем временам огромную. Кульминация — его взволнованный монолог: «Я был у государя, у такого государя, который своими щедротами перерождает стариков молодыми, с которым можно разговаривать, как со своим братом»[58]. Государь, вспомнив о заслугах своего старого кучера, осыпал его благодеяниями и даже снял перед ним шляпу в знак уважения. «Государь снял перед тобою шляпу?» — недоверчиво спросил Леберехт. «Да, — отвечал ему Дитрих, — он кланяется всем честным людям. Государь мне кланялся!»[59] Пьеса завершалась репликой Леберехта: «Да здравствует милосердный наш монарх на многие лета!»[60]

В начале августа Коцебу наконец приехал в Санкт-Петербург. С этого момента началась новая страница в его биографии, которая разительно отличалась от предыдущей. На Коцебу, как из рога изо-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

билия, посыпались блага: 12 августа вышел указ Павла I о пожаловании «Лифляндской губернии Перновского уезда мызы Воррокиль, шесть и одну осьмых гаков в себе содержащую <...> по жизнь коллежскому асессору Коцебу, без платежа в казну арендных денег»[61] («Это имение, очень обширное, заключавшее более четырехсот душ, приносило мне до четырех тысяч рублей арендного дохода; кроме того здесь находился хороший дом со всеми хозяйственными принадлежностями»[62]), 20 августа — указ о производстве Коцебу в надворные советники[63]. В тот же день император назначил его на должность директора немецкой придворной труппы[64] и жалованье 1200 руб. в год[65]. 24 августа 1800 г. Коцебу был приведен к присяге в Сенате[66].

Общение с Павлом I переросло в близкий контакт: Павел Петрович начал привлекать Коцебу к выполнению разных поручений, иногда деликатного свойства. Так, широко известен факт вызова на дуэль российским императором всех государей Европы и их министров. Именно Коцебу поручено было составить текст приглашения и разослать его во все европейские газеты.

Между тем ежедневно в российских театрах ставились и игрались многочисленные пьесы Коцебу. Потоком шли публикация и продажа его пьес, о чем едва ли не из номера в номер давались объявления в газете «Санкт-Петербургские ведомости». О.Е. Чаянова, автор исследования «Театр Маддокса в Москве», которая проводила статистический анализ постановок пьес на русской сцене периода 1797–1801 гг., делала вывод: «Среди этого потока, большая часть пьес которого выдерживает не более двух представлений, совершенно теряется все остальное, особенно в 1801 г., когда публика как будто ничего, кроме Коцебу, и смотреть не хочет»[67]. Востребованность пьес Коцебу у книгопродавцев был отмечена Карамзиным в 1802 г.: «Теперь в страшной моде Коцебу. <...> наши книгопродавцы требуют от переводчиков и самих авторов Коцебу, одного Коцебу! Роман, сказка, хорошее или дурное — все одно, если на титуле имя славного Коцебу!»[68]

Пик популярности его пьес пришелся на начало 1801 г., когда пьеса «Ненависть к людям и раскаяние» была сыграна актерами французской труппы на сцене Эрмитажного театра с участием премьеров госпожи Вальвилль и Офрена (Жана Риваля), лучших актеров французской императорской труппы. Драматургия Коцебу стала достоянием и немецкого зрителя, и демократической публики, посещавшей русский театр, и даже высшего слоя российской знати.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

8 февраля 1801 г. Коцебу подал прошение об отставке с должности директора Немецкого театра, доставлявшей ему слишком много хлопот. Император поручил ему сделать подробное описание Михайловского замка, которым Павел очень гордился. «Романтический наш император», как назвал его впоследствии Пушкин, строил замок для себя — он стал истинным воплощением его мечты Павла о рыцарском Средневековье. Коцебу отнесся к заданию со всей серьезностью. «Не было дня, большую часть которого я не проводил бы во дворце»[69], — вспоминал он. И хотя работа не была закончена, описания Коцебу до сих пор являются одним из источников для реставраторов, восстанавливающих первоначальный облик замка.

В последние дни жизни императора Коцебу имел возможность наблюдать за тем, что происходило при дворе, и чувствовал тревожную атмосферу Михайловского замка. Историю назревающего заговора против Павла I, завершившегося в ночь с 11 на 12 марта убийством императора, можно найти в более поздних воспоминаниях Коцебу, которые, судя по исследованиям переводчика текста Коцебу князя А.Б. Лобанова-Ростовского, были завершены во второй половине 1811 — первой половине 1812 г., а опубликованы только в самом начале XX в.[70] В них он восстанавливал цепь событий, приведших к кровавой развязке.

Судьба Коцебу, как и многих других придворных, снова была под вопросом. В воспоминаниях Коцебу старательно обходил тему насильственной смерти императора («Но скоро государь скончался»[71], — скупо констатировал он в «Достопамятном годе моей жизни»), поскольку опасался репрессий со стороны нового императора. Естественным желанием Коцебу стало как можно скорее покинуть Россию вместе с семейством. По версии драматурга, 30 марта 1801 г. он подал генерал-адъютанту П.А. Зубову докладную записку, а «2 апреля получил от него лестный ответ, что Его Величеству угодно сохранить меня на службе»[72]. После этого Коцебу получил приказание составить записку о деятельности Немецкого театра в Санкт-Петербурге и мерах по улучшению его состояния. Директор театра предложил проект, согласно которому содержание Немецкой труппы составляло 60 тыс. руб. в год — половину от бюджета французской. Тем не менее требование выглядело непомерным: Коцебу, отвечая на вопрос гофмаршала о том, сколько стоит содержание Немецкого театра сегодня, заявил: «Ничего». Отчасти это действительно было так. «...я довел театральный сбор в зиму до тридцати двух тысяч рублей и покрыл ими все рас-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ходы. Но гофмаршал упускал из виду, что в продолжение семи недель поста нет никакого сбора, а в летние месяцы он крайне незначителен, и что здание театра, будучи весьма неудовлетворительно, требовало больших улучшений»[73], — оправдывался Коцебу.

Основания отставки Коцебу стоит искать гораздо глубже. Новый император с первых же шагов начал избавляться от тех, кто фактически возвел его на российский трон, то есть от участников заговора и убийства Павла I, а также от всех, кто напоминал ему об отце. В числе приближенных к Павлу состоял и Август фон Коцебу. Можно предположить, что Александр I его не хотел больше знать. Поэтому отставка Коцебу была принята легко. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» появилось объявление о том, что Коцебу оставил службу 24 апреля 1801 г.[74], а 29 апреля он с семьей покинул столицу Российской империи, направившись на родину, в Германию[75].

Коцебу возвращался в Германию с приличным пенсионом, назначенным ему еще Павлом I, но без видимой перспективы. «Достопамятный год жизни» в России остался самым ярким в жизни немецкого драматурга, наиболее значительной ступенью в его карьере. Именно в России шли многие его пьесы, причем с возрастающим зрительским успехом, именно здесь он познал бесправие и вознесся на вершину власти и почета. Здесь будут ставить его пьесы еще сорок лет, в которых с удовольствием будут играть русские актеры.

1. Натаниэль-Эрнст Хюндеберг, Эберхард Менде, Вильгельм Клаудиус, Адельхайд и Доротея Менде, из Риги за ними последовали Иоганн-Карл Зауэрвайд, будущий издатель первого театрального журнала в России “Russische Theatralien” с супругой Анной, Карл Фиала, тенор Карл-Давид Аккерман, бас Н. Мюле, Антон-Блазиус Сартори, сын директора, а также Мария Луиза Теллер и чета Набель (известно, что актрисы Теллер и Набель в 1782 г. приняли участие в постановке пьесы Коцебу «Деметриус Иванович, царь московский»).

2. [*Коцебу А.*] Моя ученая жизнь. Из сочинений г. Коцебу. С. 94.

3. См.: *Gieseman G.* Kotzebue in Russland. S. 29.

4. [*Коцебу А.*] Моя ученая жизнь. Из сочинений г. Коцебу. С. 95–98.

5. [О пьесе Коцебу «Деметриус Иванович, царь московский»] // Litteratur und Theaterzeitung. Berlin, 1782. Teil 4. № 44. S. 689–701.

6. [*Коцебу А.*] Моя ученая жизнь. Из сочинений г. Коцебу. С. 96.

7. Там же. С. 98.

8. Там же.

9. Там же. С. 99.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

10. *Kotzebue A. v.* Mein Umgang mit dem schonen Geschlecht. S. 21.

11. *Мордисон Г.* История театрального дела в России. С. 237. Ч. 2.

12. [*Christ J.A.*]. Schauspielerleben im achtenzehnten Jahrhundert. Erinnerungen von J.A. Christ. Munchen; Leipzig, 1912. S. 172.

13. Подробнее о Ревеле и истории ревельского театра см.: *Rosen E.* Ruckblicke auf die Pflege der Schauspielkunst in Reval. Reval, 1910.

14. *Gieseman G.* Kotzebue in Russland. S. 41.

15. *Rosen E.* Op. cit. S. 84.

16. *Bodisko A.* Aus dem Leben des Lustspieldichters August von Kotzebue // Deutsche Monatschrift fur Russland, der Baltischen Monatscgrift. Riga, 1914. № 4. S. 246.

17. *Rosen E.* Op. cit. S. 106, 235.

18. См.: [*Коцебу А.*] Моя ученая жизнь. Из сочинений г. Коцебу. С. 109.

19. *Klingenberg K.H.* Iffland und Kotzebue als Dramatiker. S. 80.

20. [*Geiser J.C.D.*] August von Kotzebue als Knabe, Jungling, Gatte, Schriftschteller und Exulant biographisch dargestellt. Breslau, 1902. S. 106.

21. [О постановке пьесы Коцебу «Ненависть к людям и раскаяние» в Королевском национальном театре Берлина] // Theater-Zeitung fur Deutschland. 1789. № 24. S. 185–186.

22. *Карамзин Н.* Письма русского путешественника. Повести. М., 1982. С. 74.

23. См.: *Rosen E.* Op. cit. S. 111–112.

24. *Bodeman E.* Der Briefwechsel zwischen der Kaiserin Katharina II. Von Russland und Joh. Georg Zimmerman. Hannover; Lepzig, 1906.

25. Idid. S. 117–120.

26. Ibid. S. 130–131.

27. Lettres de Grimm a Catherine II. СПб., 1886. С. 404.

28. Там же.

29. *Грот Я.* Екатерина II в переписке с Гриммом. СПб., 1884. С. 532–533.

30. Videnije Murzy. Der Traum des Mursa. Aus dem Rissischen des Herrn von Derschawin ubersetzt von A. v. Kotzebue. SPb., 1792.

31. Felizens Bild, aus dem Rissischen des Herrn Gavrilo Romanowitsch von Derschawin, ubersetzt von A. v. Kotzebue. Reval, 1792.

32. Gedichte des Herrn Staatsraths von Derschawin. aus dem Rissischen ubersetzt von A. v. Kotzebue. Leipzig, 1793.

33. См.: *Грот Я.* Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам: в 2 т. СПб., 1880. Т. 1. С. 641.

34. См.: *Державин Г.* Сочинения: в 7 т. СПб., 1872. Т. 5. С. 852–853, 875–876.

35. [*Goedeke K.*] Grundrisz zur Geschichte der deutschen Dichtung. Dresden, 1892. Bd. 4. S. 271.

36. Архив Дирекции императорских театров. III. С. 57–64.

37. *Арапов П.* Летопись русского театра. С. 135.

38. См.: [*Goedeke K.*] Op. cit. Bd. 5. S. 271.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

39. Ibid. S. C. 74–75.
40. [*Коцебу А.*] Достопамятный год моей жизни. Т.1. С. 3.
41. Там же. С. 11.
42. Там же. С. 10.
43. Там же. С. 20.
44. Там же. С. 30.
45. *Арапов П.* Летопись русского театра. С. 141.
46. *Kotzebue A.* Graf Benjowsky oder die Verschworung auf Kamtschatka. Leipzig, 1795.
47. Эти документы обнаружил в Государственном архиве А.А. Чебышев, который использовал их в своей работе без указания на конкретный архивный источник: *Чебышев А.* Драма в Мангейме. С. 20.
48. Там же.
49. Там же. С. 21.
50. См.: *Nicolai C. Kotzebue.* Skizze seines Lebens und Wirkens. Leipzig, 1820. S. 20; Jungste Schicksale des Herrn Kollegianrath August von Kotzebue. Venedig; Milano [Erfurt], 1804. S. 141–142; *Греч Н.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 225.
51. Там же. С. 3.
52. *Мамеев С.* Документы, относящиеся к ссылке Августа Коцебу в Сибирь в 1800 г. С. 7.
53. См.: [*Шумигорский Е.*] Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб., 1907; *Любавский М.* Царствование Павла I // Три века России от Смуты до нашего времени. Исторический сборник / под ред. В.В. Каллаша: в 5 т. М., 1913. Т. 5. С. 77–93; *Валишевский К.* Сын Великой Екатерины император Павел I. СПб., 1911.
54. *Шильдер Н.* Император Павел Первый. С. 289.
55. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 17 т. М.; Л., 1937–1959. Т. 9. С. 371.
56. [*Коцебу А.*] Лейб-кучер. Драматический анекдот. СПб., 1800.
57. *Kotzebue A.* Der alte Leibkutscher Peter des Dritten. Eine wahre Anekdote. Schauspiel in 1 Akte. Leipzig, 1799. S. 1.
58. [*Коцебу А.*] Лейб-кучер. Драматический анекдот. СПб., 1800. С. 39.
59. Там же. С. 42.
60. Там же.
61. Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. СПб., 1888. С. 648.
62. [*Коцебу А.*] Достопамятный год моей жизни. Т. 2. С. 73.
63. Сенатский архив. Именные указы императора Павла I. СПб., 1888. С. 648.
64. Там же. С. 625. Записка Ф. Брискорна А. Нарышкину.
65. Указ нашему Сенату // Архив Дирекции императорских театров. СПб., 1892. Вып. 1: 1746–1801. С. 626.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

66. Там же. С. 628. Указ его Императорского величества.

67. *Чаянова О.* Театр Маддокса в Москве. 1776–1805. С. 178.

68. *Карамзин Н.* О книжной торговле и любви ко чтению в России // Вестник Европы. 1802. № 9. С. 158.

69. [*Коцебу А.*] Достопамятный год моей жизни. С. 103.

70. [*Коцебу А.*] История заговора, который 11 марта 1801 г. лишил императора Павла престола и жизни. Сочинение Августа фон Коцебу / пер. с нем. с примеч. князя А.Б. Лобанова-Ростовского. СПб., 1900; [*Коцебу А.*] Записки Августа Коцебу // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1908. С. 317–411.

71. [*Коцебу А.*] Достопамятный год моей жизни. Т. 2. С. 136.

72. Там же. С. 160.

73. Там же. С. 161.

74. [Объявление] // Санкт-Петербургские ведомости. 1801. № 38. С. 409.

75. Эти неоспоримые факты, подтвержденные как самим Коцебу, так и объявлениями в газете «Санкт-Петербургские ведомости», по неясной причине входят в противоречие с сообщением Г. Мордисона, который утверждал, что Коцебу покинул Петербург только в 1803 г., после чего отправился в Веймар (*Мордисон Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 316). Можно предположить, что следы Коцебу ученый отыскал в Веймаре именно в 1803 г., на основании чего сделал вывод о пребывании драматурга в Петербурге вплоть до этого периода. Однако этому, как уже говорилось, противоречат и факты, и политический контекст, в котором пребывал Коцебу в последние годы жизни императора Павла.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Е.М. Лупанова

ИМПОРТ В РОССИЮ НЕМЕЦКИХ ИДЕЙ В СФЕРЕ ЛЕСООХРАНЫ В XVIII в.

Российская политика в сфере лесоохраны в XVIII в. — это своеобразный синтез французского и немецкого подходов к решению проблемы. Для Франции XVIII в. характерна вера в силу закона и благонадежность чиновников и, соответственно, решение проблем путем реорганизаций ведомств и законотворчества. В Пруссии и Саксонии государственная власть верила в силу знания, научный подход, точный математический расчет, возможность подчинения природы выверенным формулам[1]. В России же реорганизация аппарата власти по времени совпадает со становлением науки. В частности, это находит свое отражение в становлении лесоохраны, одновременно с разработкой законодательства и учреждением новых должностей шла работа по составлению кадастров и научному изучению лесов.

Собственно история лесоохраны в России восходит к началу правления Петра I, когда в связи со строительством флота и интенсификацией развития промышленности были осознаны важность данного ресурса, его исчерпаемость, необходимость бережного отношения к нему. Петровское законодательство в сфере лесоохраны — это объявление лесов государственным достоянием, запреты на вырубки ценных пород деревьев вблизи сплавных рек, установление строгих санкций за нарушение запретов, учреждение вальдмейстерской службы, специализировавшейся на охране лесов. В этом проявилась «французская тенденция», которая в дальнейшем получила развитие.

Практически тогда же начинается и импорт немецкой идеи научного изучения как основы эффективного хозяйства. Точный подсчет, измерение, использование математических методов виделись гарантами успешного управления и использования.

В свете таких представлений составление кадастров, первые из которых появились накануне Северной войны, было важным начинани-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ем, связанным со становлением природоохранной политики. Изначально описания проводились фрагментарно, с целью решения конкретных практических задач. Со временем, к 1720-м годам, они стали более полными и подробными. Проводились планомерные систематические однотипные обследования лесных массивов на берегах рек Новгородской губернии, в окрестностях Петербурга, на островах и в дельте, в окрестностях Петербурга, на островах и в дельте Невы. В историографии имеется гипотеза о том, что в этот период была описана большая часть лесов Европейской России, однако ее подтверждение требует продолжения архивных поисков. Описания проводились преимущественно силами военно-морского ведомства, к их проведению в качестве практики привлекались ученики Морской академии[2]. Масштабные работы по описанию лесов проводились затем в 1730-е и 1790-е годы[3]. Благодаря им огромные пространства лесов Европейской части России были «приведены в известность».

Существуют немногочисленные свидетельства о попытках Петра I пригласить в Россию «людей, искусных в знании и хождении за лесом». Однако успешность этих попыток традиционно ставится под сомнение в историографии. Впрочем, данный вопрос может быть небезынтересным для дальнейших исследований[4]. С 1720-х годов к описанию лесов стали привлекать ученых-геодезистов, чья деятельность была связана с Академией наук и Географическим департаментом[5].

В 1727 г. при посредничестве купца Говерса из Гамбурга были приглашены три немецких «лесных знателя», каждому из которых были предоставлены шесть учеников и рабочие из расчета два человека на каждые 2500 десятин. Надзору приглашенных специалистов вверялись все молодые леса и участки, которые предполагалось засеять.

Текст договора со специалистами — интересный памятник эпохи, характеризующий представления о том, что понималось под задачами лесоохраны в России изучаемого периода. Анализируя документ, Г.И. Редько обращает особое внимание на то, что специалисты обязывались леса «содержать, как обыкновенно не токмо в Германии, но и лутче буде можно»[6]. Не менее примечательно то, что обязанности форстмейстеров не ограничивались тем, чтобы леса «ото всякого вреда, тако ж от гнилости и протчих повреждений охранять неотменно». Важной их задачей была также подготовка и организация лесозаготовок для нужд Адмиралтейств-коллегии: «...осмотреть места и вовремя к размножению и заготовлению лесов удобные к лутчей службе, а именно вся помянутым рекам надлежащия к заготовлению на коре-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ни леса в которых местах на что угодны найдитца могут и довольно ль число и какия потребу порознь годны и в которых местах натурою и крепостию других превосходят и каким образом заготовлять способнее и к пристаням вывозить и сплавлять безубыточнее»[7]. Разведение деревьев логически связано с заготовлением и доставкой. Охрана, разведение, заготовление и доставка в сознании автора документа неразрывно связаны. Лесное хозяйство, таким образом, оказывается особым родом земледелия. Перед форстмейстерами не стоит задача сбережения лесов как объекта природы. Их цель — отбор тех пород деревьев, которые представляют ценность для нужд кораблестроения, их разведение, уход за ними, обеспечивающий оптимальную форму (производилась подчистка деревьев, в ходе которой удалялись сучки и ветки; в результате деревья вырастали прямыми и высокими). Прочие же растения, не представляющие с государственной точки зрения хозяйственной ценности, охране не подлежали.

Как свидетельствуют рапорты знателей, в 1729 г. при Фалентине находились 4 ученика и 49 служителей-иноверцев, а с Зелгером работали 5 учеников, из них — 4 русских. В течение первых двух лет службы в России лесные знатели по указу Петра II изыскали в Казанской губернии места, пригодные «к разводу молодых дубков». На основе этих изысканий помещикам и крестьянам предписывалось за особую плату выращивать корабельные деревья «рассаживанием и сеянием в приисканных местах вдоль Волги и по прочим рекам до 50 верт дубовых лесов».

За время работы в России Фалентин и Зелгер подчистили около 2 млн дубков от 6,4 до 10,2 см «по округлости». Кроме того, Зелгер со своими учениками и унтерфорстмейстерами «отыскали впредь к подчистке и для разводу лесов годного молодого дуба от Камского устья по нагорной стороне вверх по Волге до Суры расстоянием 300 верст на многие годы».

В 1734 г. Фалентин в связи с окончанием срока контракта попросил в Академии расчет. Ему было выдано все положенное, и осенью 1734 г. он уехал в Германию. Один из шести учеников Фалентина — Селиванов — до отъезда форстмейстера по его представлению был переведен в унтерфорстмейстеры. Остальные пятеро перешли в подчинение Зелгера с предписанием, чтобы он над ними «по должности имел крепкое смотрение, дабы они дело свое принимали и отправляли, как наилучше, в том обучать их с прилежанием». Таким образом, у Зелгера стало 15 учеников.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

После смерти Зелгера в 1742 г. дубовые рощи и все лесные служители Казанской губернии были подчинены по старшинству унтерфорстмейстеру Ивану Селиванову. Селиванов оказался хорошим продолжателем дел Фалентина и Зелгера.

Дольше всех из приехавших специалистов в России работал Ф.Г. Фокель. Как наиболее опытный и авторитетный, он не был отправлен к Казанскому адмиралтейству, а остался в столице и стал «форстмейстером их императорских величеств». Круг его обязанностей и характер выполняемых работ были значительно шире и сложнее, чем у Зелгера и Фалентина. С 1727 по 1753 г. Ф.Г. Фокель ежегодно ездил по заданиям Адмиралтейств-коллегии в различные экспедиции, целью которых были поиск, обмер и описание лесов северо-западного региона империи. За 25 лет своей работы он разведал и описал значительные территории, составил книги и ландкарты обширных лесов Северо-Западного региона, определял места, занимался выращиванием корабельных лесов, начиная от разведывания пригодных для этого мест и заканчивая уходом за молодыми деревцами. Свою работу в России Ф.Г. Фогель начал с составления карт заповедных лесов в Поволжье — от Ярославля до верховий реки, описания лесов в Олонецком уезде по реке Свирь, Волхову, вокруг оз. Ильмень и по берегам впадающих в него рек. Произведя осмотр лесов по берегам р. Чагоды, он рапортовал об отсутствии пригодных для кораблестроения лесов в данном регионе, а в Выборгской губернии и по берегам Черной речки (в лесах Сестрорецкого завода) он вместе с помощниками и учениками обнаружил, заклеймил и сдал под охрану местных приказчиков около 300 мачтовых сосен.

В марте 1732 г. он представил в Воинскую морскую комиссию проект «Каким образом надлежит поступать в разводе и в бережении дубовых рощ», месяц спустя — в экспедицию над верфями и строениями Адмиралтейств-коллегии «Особый регламент, который принадлежит должности форстмейстера с его потребными служителями». Параллельно он разрабатывает проект, который затем был утвержден указом императрицы и стал уставом «О севе и заводе для удовольствия Ее императорского величества флота вновь лесов». Еще несколькими месяцами позже он представляет в Адмиралтейств-коллегию записку «Каким образом надлежит поступать в разведении леса». Кабинетную работу по составлению инструкций и рекомендаций он успешно совмещал с разнообразной практической деятельностью. Он продолжает работу по описанию лесов Новгородской губернии (в окрестностях

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Старой Руссы, по рекам Вишере, Плюссе, Луге), Ингерманландии, Березовых островов в Финском заливе, Галицком уезде Костромской губернии (по р. Двине).

В 1738 г. Ф.Г. Фокель получает задание найти удобное место для разведения лиственницы в Выборгском уезде. Таким местом стал холмистый берег реки Линдуловки. Согласно преданиям, это место было выбрано еще Петром I для выращивания корабельного леса для Кронштадтской верфи. Ф.Г. Фокель в течение 1738 и 1743–1750 гг. совместно с учениками Иваном Киприяновым, Матвеем Алшанским, Федотом Старостиным, Петром Павловым засеял два участка лиственничной рощи. Линдуловская роща в наши дни является уникальным природным заповедником. Средний запас древесины на первом посевном участке (1738) сегодня в два раза превышает запас древесины в коренных древостоях сосны и ели Северо-Западного региона.

Согласно условиям контракта Ф.Г. Фокель занимался подготовкой учеников. Во многом именно благодаря этому обязательству на свет появились его инструкции и регламенты. После смерти Ф.Г. Фокеля все его ученики, став унтер-форстмейстерами и вальдмейстерами, продолжали «приводить в известность» леса России, выделять и описывать корабельные рощи, составлять ландкарты. В свою очередь они подготовили собственных учеников. Именно эти специалисты-практики вместе с флотскими офицерами, мастерами кораблестроения и геодезистами составляли описи и карты, пока кадры лесоводов не начал готовить открытый в 1803 г. Царскосельский лесной институт.

Итогом многолетней практической деятельности Ф.Г. Фокеля в России стала книга «Собрание лесной науки», подготовленная им к 1752 г., одобренная на заседании Академии наук и вышедшая в свет спустя 13 лет после смерти автора, в 1766 г.[8]

В анонимном предисловии к книге подчеркивается важность работы по сохранению лесных богатств, отмечается печальное положение некогда изобильных лесами Италии и Германии и настоятельная необходимость предотвращения исчезновения лесов в России. Сам же Ф.Г. Фокель в первой вводной главе не упоминает о важности профилактических мероприятий; он отмечает высокое практическое значение зеленых насаждений и не жалеет красочных фраз, говоря о всевышнем промысле, благодаря которому на Земле существуют деревья. Свою книгу он в первую очередь адресует своим ученикам, желая пе-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

редать опыт последующим поколениям лесников. Этот труд является справочником-учебником по лесоводству. Деление книги на главы соответствует различным породам деревьев. Автор стремится зафиксировать максимально полную информацию о том или ином растении. Подробно описывает его внешний вид, географию распространения, особенности, характерные в том или ином регионе, благоприятные и неблагоприятные факторы, оказывающие влияние на дерево, дает рекомендации по агротехнике, особое место отводится хозяйственной ценности каждой породы, при этом большое внимание он сосредоточивает на породах деревьев, используемых в судостроении[9].

В 1773 г. выходит в свет «Лесной временник» — инструкция лесным надзирателям. Работа представляла собой авторизованный перевод немецкого издания. На титульном листе переводчик Краузолд отмечает, что труд «соглашен со здешним климатом и иными примечаниями изъяснен»[10]. Хотя работа Бекмана подверглась сокрушительной критике современников (помимо целого ряда фактических ошибок, они упрекали автора в том, что задачи лесничего он видит слишком узко и считает достаточным лишь узкий круг чисто практических знаний)[11], она представляла большой интерес для России, где труд Фокеля успел стать библиографической редкостью. Отдельные части книги посвящены общим обязанностям «ферстера», помесячному расписанию его работ, рекомендациям, касающимся отдельных пород деревьев (общее описание, специфические особенности, разведение, применение древесины). Из текста Я.Г. Бекмана следует, что крестьяне часто причиняют вред лесным насаждениям не из дурных намерений, а «по простому своему мнению», незнанию. Добросовестная же работа ферстера должна способствовать прекращению вырубок ценных пород деревьев, нерациональному их использованию и другим действиям крестьян, причиняющим вред деревьям.

В 1786 г. вышла из печати первая часть «Описания растений Российского государства» П.С. Палласа — одного из авторитетнейших ученых-энциклопедистов немецкого происхождения, работавших в России. В книге «упомянуто обстоятельно о пользе как в домостроительстве, так в ремеслах и художествах и в лечебной науке, по колику оная известна, о сеянии и разведении деревьев... с показанием, елико можно, стран, в коих оне и на какой земле в наибольшем количестве родятся...» В этом труде обстоятельно описаны основные внешние признаки наших лесных пород, их биология и экология[12].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Создание проекта лесного устава Екатериной II и подготовка законодательных актов, касающихся вопросов лесоустройства, не обходится без привлечения видных специалистов в этой области. В частности, известно, что в работе над ними участвовал П.С. Паллас[13].

Попытка применить научные методы для решения практических задач обеспечения нужд казны древесиной не только посредством административных мер, но и с привлечением методов научного описания и исследования была для первой половины XVIII в. поистине инновационной. Научное лесоводство находилось в Европе на стадии становления. Связанные с ним области знания оставались неизученными. Научное лесоводство возникло как следствие повышения государственного интереса к проблеме истощения лесов и необходимости в связи с этим охранять природные ресурсы. Первое применение полученных учеными сведений на практике в более или менее ощутимых масштабах относится ко второй половине XVIII в. Опыты, поставленные в Пруссии и Саксонии, впоследствии послужили основой управления лесами в Европе и Северной Америке[14]. Приглашая именно немецких специалистов, русское правительство стремилось к импорту передовых европейских технологий и проявляло большую дальновидность по сравнению с другими странами, обратившими внимание на немецкий опыт изучения и охраны лесов значительно позже.

Немецкий подход к решению проблемы лесоохраны нашел благодарную почву в среде русского образованного общества. В 1765 г. было учреждено Вольное экономическое общество, в рамках деятельности которого, в частности, разрабатывались вопросы научного лесоводства. Рассматривая работы по научному лесоводству, изданные обществом, нетрудно заметить, что принцип научного изучения с целью эффективного использования ресурсов укоренился в среде русских естествоиспытателей. Вместе с тем они не следовали слепо европейским авторитетам, но стремились творчески переработать еще недавно импортированные идеи и собственным экспериментальным путем прийти к научно обоснованным выводам. В частности, А.Т. Болотов писал: «Примеры других государств показали мне первый след к достижению моего намерения. Я присовокупил к тому собственные свои примечания и, удостоверяясь во всем, сколько мне успеть было можно делаемыми опытами, находил между тем многие и другие обстоятельства и вещи, которые <...> скорейшему отвращению или по крайней мере уменьшению недостатка в лесе и дровах поспешествовать могут»[15].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Яркий пример такой работы — творчество одного из соучредителей Вольного экономического общества А.А. Нартова. Из шести его фундаментальных статей, опубликованных в трудах общества по различным вопросам лесного хозяйства, наибольшую известность получила работа «О посеве леса», вышедшая в свет в 1765 г.[16] В ней содержится анализ взаимосвязи качества леса с условиями произрастания, в которых выделяются такие составляющие, как рельеф, почва, увлажнение и видовые характеристики деревьев. Причем, как отметил А.И. Демидов в его биографии, «пытливый ум А.А. Нартова привлек к анализу и тонкие вопросы взаимоотношений пионерных видов деревьев, которые лишь спустя 34 года в работе Ч. Дарвина “О происхождении видов” обрели свою терминологию — “борьба за существование”»[17].

Другой выдающийся пример скрупулезного научного исследования лесов русским естествоиспытателем — труды А.Т. Болотова, которого часто называют одним из основоположников науки о лесе. А.Т. Болотов, продолжая традиции Ф.Г. Фокеля и Я.Г. Бекмана, дает подробное описание морфологии и биологии семян самых распространенных в центральной России деревьев, указывает время их созревания; кроме того, предлагает методику их сбора, выращивания в специальных питомниках и пересадки в леса. В качестве основных принципов лесоводства он называет непрерывность и постоянство пользования лесом. В основу разрабатываемых им правил вырубки лесов он закладывает принцип учета скорости естественного возобновления. Соответственно, он предлагает разделить хвойный лес на 80 частей, строевой (дуб, ясень, вяз, липа) — на 40, дровяной (береза и осина) — на 20. Годовая вырубка должна была, по его мысли, соответствовать приросту в данном лесу[18].

Таким образом, немецкие идеи научного изучения лесов с целью их сохранения и рационального использования для развития экономики страны нашли благодатную почву в России. Они были восприняты, творчески переработаны и получили дальнейшее развитие в работах русских естествоиспытателей. В результате вчерашние «ученики» в лице русских естествоиспытателей обгоняют «учителей» — труды А.Т. Болотова, его идеи лесоразведения на несколько лет опередили появление аналогичных идей в немецкой специальной литературе.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

1. *Lowood H.E.* The Calculating Forester: Quantification, Cameral Scienc, and the Emergence of Scientific Forestry Management in Germany // The Quantifying Spirit in the 18th Century. Berkley; Los Angeles; Oxford, 1990. P. 322–323.

2. *Каримов А.Э.* Государство, флот и леса: зарождение петровского лесного кадастра // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 3. С. 32–33.

3. Сенатский [указ] об определении вальдмейстеров для охранения в Казанской губернии и в других местах лесов годных к корабельному строению. 28 августа 1730 г. // ПСЗ I. Т. VIII. № 5611; Манифест о сбережении и употреблении корабельных лесов и о местах, в которых какие леса рубить позволяется или запрещается // Там же. № 6049.

4. *Шелгунов Н.В.* История русского лесного законодательства. СПб., 1857. С. 66–67.

5. *Каримов А.Э.* Государство, флот и леса. С. 35.

6. *Редько Г.И.* Лесной знатель Ф.Г. Фокель и его книга // Фокель Ф.Ф. Собрание лесной науки (вступ. ст.). С. 3.

7. Контракт 14 июля 1727 г. РГА ВМФ. Ф. 138. Оп. 1. Д. 301. О принятии мер по охране дубового леса в Казанской губернии. Л. 12 об.–14 об.

8. *Редько Г.И.* Лесной знатель Ф.Г. Фокель. С. 3–26.

9. *Фокель Ф.Г.* Описание естественного состояния растущих в северных российских странах лесов с различными примечаниями и наставлениями, как оные разводить. СПб., 1766; *Он же.* Собрание лесной науки.

10. *Бекман Я.Г.* Лесной временник или росписание, касающееся до должности ферстера, то есть лесного надзирателя о производимых им в каждом месяце в целый год лесных исправлениях. СПб., 1773.

11. *Пфайль В.* Историческое обозрение способа преподавания лесных наук и образования лесных училищ // Лесной журнал, издаваемый Обществом для поощрения лесного хозяйства. 1833. Ч. 2. Кн. 2. С. 99–100.

12. *Паллас П.С.* Описание растений Российского государства с их изображениями. СПб., 1786.

13. *Рудзкий А.Ф.* Краткий очерк истории лесоустройства. СПб., 1889. С. 7–8.

14. *Скотт Дж.* Благими намерениями государства. М., 2005. С. 33.

15. *Болотов А.Т.* О рублении, поправлении и заведении лесов // Болотов А.Т. Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике. М., 1952. С. 298.

16. *Нартов А.А.* О посеве леса // Труды Императорского Вольного экономического общества. СПб., 1765. Ч. 1. С. 28–35.

17. *Демидов А.И.* А.А. Нартов — первый русский лесовод // Лесное хозяйство. 1950. № 1.

18. *Болотов А.Т.* Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике. М., 1952; *Беспалов Ю.В.* Андрей Тимофеевич Болотов — испытатель природы. Пущино, 1988. С. 32–35; *Приходько В.Е.* Андрей Тимофеевич Болотов — выдающийся естествоиспытатель XVIII века. Пущино, 1988. С. 5–6.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Н.И. Бедник

ДОМ ГЕРНГУТЕРОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Гернгутеры, Сарептское общество, Сарептский Торговый дом, Дом Сарептского евангелического общества или братства — эти имена сегодня малоизвестны в исторической топографии Санкт-Петербурга. Тем не менее они бытовали в течение 125 лет, начиная с 1767 г., когда дом на Малой Морской улице[1] был высочайше «пожалован в вечное владение с освобождением от постоев и сборов и для отправления культа братству гернгутеров», годом ранее выкупленный казной у гвардейского хирурга Фридриха Келлера. Этот дом существует и сейчас. Он расположен в Адмиралтейском районе, на углу нынешней улицы Якубовича (д. 24, недалеко от выхода на площадь Труда) и Конногвардейского переулка (д. 4, за квартал до его пересечения с Конногвардейским бульваром). Точнее — он объединяет фасады двух последующих чуть отличающихся по высоте домов по Конногвардейскому переулку с двумя асимметричными парадными входами, вернее, представляет собой объединение четырех домов вокруг внутреннего, почти квадратного двора с четырьмя входами на внутренние лестницы, широкими арочными воротами на улицу Якубовича и двумя названными фасадами, образующими протяженный угол.

Главный дом сохраняет торжественный неоренессансный вид (с двухцветной окраской и рустом), созданный архитектором Я.К. Хофером в 1849–1850-х гг. Рустованный бельэтаж отделен от парадного второго этажа поясом профилированного импоста, с рустованными пилястрами на углах и вдоль ворот и с широким классическим петербургским венчающим карнизом. Пропорциональный ряд его ясен и прост. Центральный строй чуть более высоких парадных окон, отметивший этаж основных (хозяйских) покоев, украшен карнизами с полочками и кронштейнами. Гравюра, сделанная Р. Берендхофом, подписанная «*Рейнгуторская кирха*» и помещенная в книге Т. Юнблу-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

та «Лютеранские церкви Санкт-Петербурга», изданной в 1855 г. в Берлине, показывает нам, что внешний вид дома фактически дошел до нас в мало измененном виде. Исчезли только пояс балясин вдоль парадных окон и лучковые фронтоны-сандрики над двумя входами с переулка. Видимо, здесь был вход в домовую церковь Христа Спасителя. В чертеже предполагаемой переделки фасадов 1891 г. он уже отсутствует. Фасад примыкающего к нему дома по Конногвардейскому переулку, выстроенный гернгутерами в 1840–1842 гг., проще, чуть провинциален, но похож на дом Гусева по адресу: ул. Восстания, д. 11, построенный Хофером в 1843 г. Пропорционально близок нему и доходный дом 24 на 11-й линии Васильевского острова, который Хофер выстроил в 1870-е гг. Очень похожи по стилю внутренние лестницы этих трех зданий. Любопытно, что в 1840-е и начале 1850-х гг. здесь, в доме на Васильевском, жил работавший в Торговом доме Сарептского общества купец и маклер Георг Вольдемар Кантор, где у него в 1845 г. родился сын Георг, будущий выдающийся математик[2]. И, кажется, такая двойная встреча имен — архитектора и служащего — неслучайна.

Дворовые фасады перестраивались, надстраивались, меняли количество и высоту этажей, карнизы, выступы и очень скромную декорацию[3]. Тем не менее фасад, расположенный напротив ворот, отличается элегантной стройностью и тягучими овальными контурами слегка выступающей центральной части, с симметричными блоками внутренних лестниц по сторонам. В нем чувствуется слегка ощутимый привкус модерна. Возможно, к нему приложил руку довольно известный архитектор начала XX в. Ф.Ф. фон Постельс, приглашенный к переделке интерьеров в 1903 г., когда дом уже был продан гернгутерами лютеранскому Евангелическому союзу религиозно-нравственного попечения о протестантах. Обычно пишут, что именно Постельс разделил пространство церковного зала этажным перекрытием. Однако на чертеже разреза здания, приложенном к проекту 1891 г., это перекрытие уже спроектировано. Вскрытые при ремонтных работах конструкции металлических колонн больше подходят к историческим стилям предшествовавшей модерну эпохи и близки проектному чертежу. На фотографиях начала XX в. фасады внутреннего двора представлены с неоштукатуренной кирпичной кладкой.

Каким дом был в XVIII в., мы пока что не знаем. В Историческом архиве г. Гернгута в Германии хранится не атрибутированный по месту нахождения фасад трехэтажного дома с пятью осями, с тре-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

угольным фронтоном и высоким двусторонним крыльцом посередине. Известно, что он из России. Предположительно это фасад петербургского дома.

Гернгутеры Петербурга — переселенцы из небольшого немецкого городка Гернгута (Herrnhut, земля Обер-Лаузитц, Южная Саксония), одни из первых колонистов, приглашенных Екатериной II в Россию согласно манифестам 1762, 1763, 1764, 1765, 1767 гг.[4] для обживания малозаселенных российских земель, главным образом в Поволжье. Там, вблизи Царицына, они основали колонию Сарепта[5], которая имела подворья в Петербурге и Москве, затем в Астрахани и Дерпте. Дом в Москве не сохранился. Дом в Петербурге «вырос» и в высоту, и в длину, но на планах города вплоть до середины XIX в. он отмечен квадратом на углу с пустырем, тянущимся от него вплоть до современной Исаакиевской площади. Скорее всего это и была почти квадратная в плане постройка о пяти осях в два с половиной этажа. По сведениям 1798 г. Г. Грота, стена здания вдоль переулка была на 2 сажени и 1 аршин длиннее и составляла 20 саженей и 1 аршин, подобно современному фасаду основного дома по Конногвардейскому переулку. Частично о характере его фасадов можно судить по сохранившейся рядовой застройке Петербурга XVIII в. На улице Якубовича сохранилось несколько двух-трехэтажных домов конца XVIII и первой половины XIX в. Известно, что в этой части Адмиралтейского острова — вдоль Морских улиц — селились в XVIII в. богатые дворяне, но застройка была преимущественно деревянной. К тому же набережная Мойки обстраивалась магазинами, малыми биржами и складами вплоть до Кирпичного переулка, поскольку реки и каналы в то время были главными транспортными артериями города. Нынешний Конногвардейский переулок был тогда безымянным, с 1769 г. носил название Провиантской улицы, затем — Провиантского переулка, так как упирался в провиантские склады на Мойке. В конце 1730-х гг. значительная часть этих построек сгорела при пожаре, и согласно планам Комиссии о каменном строении с 1740-х гг. этот район стал украшаться каменными домами высотой в 2–3 этажа, с внутренними большими дворами, с садами и огородами, каретными сараями и небольшими хозяйственными постройками. Не зря в первой половине XVIII в. нынешняя Почтамтская улица называлась Большой Дворянской, иногда и Малой Морской.

Район был окружен каналами, поскольку недалеко находилось Адмиралтейство, первоначально устроенное в виде верфи-крепости

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

и соединенное каналом с Галерной гаванью-верфью. Если в окрестностях Адмиралтейства находились дома и квартиры морских офицеров и работников Адмиралтейского ведомства, то ближе к Галерной гавани и искусственному острову Новая Голландия располагались канатные склады, прядильные и прочие мастерские, связанные с судостроением; для этого были устроены Новые Адмиралтейские каналы в гавани и Мастерской канал, огибающий участок вдоль нынешней улицы Якубовича и соединенный с Адмиралтейским каналом (ныне — Конногвардейский бульвар) по Конногвардейскому переулку и вдоль заднего фасада нынешнего Конногвардейского манежа. Соответственно улица вдоль канала представляла собой сборище небольших мастерских и складов. Канал был засыпан в начале XIX в. при строительстве Конногвардейского манежа. При проведении строительных работ в подвале Дома гернгутеров в 2011 г. были обнаружены лиственничные балки-лаги, уже окаменевшие от времени, которые укрепляли набережную Мастерского канала или, может быть, являлись частью этой набережной. (Характерно, что такие же лаги были найдены строителями и при реконструкции подвалов Павловских казарм на Марсовом поле, которые, как известно, были выстроены тоже вдоль трассы засыпанного Красного канала, огибавшего этот плац.) Во время ремонтно-реконструкционных работ здесь также нашли остатки дерева с корнями, которое, возможно, стояло в числе посадок вдоль его набережной. Не удивительно, что подвал до проведения дренажных работ новыми владельцами дома (ООО «Кэвэлри Хаус Ист» «Офисный особняк “Ново-Исаакиевский”») всегда затапливался при длительных осадках осенью и весной. Известно, что здание особенно сильно пострадало при знаменитом наводнении 1824 г.

Интересно, что с четырех сторон улица Якубовича (она тогда часто называлась Малой Морской — для Санкт-Петербурга типичны одни и те же «гуляющие» названия у близких улиц) упиралась в пустыри-плацы — Адмиралтейский луг (использовался как плац, иногда как склад или луг для выпаса скота), плац в районе нынешней Исаакиевской площади, плац у Мойки (на месте Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения) и будущую Благовещенскую площадь (пл. Труда). Петербург был городом военных, и на плацах постоянно маршировали роты солдат или гвардейцев. Летом на открытом воздухе устраивались народные гуляния и театральные представления для малоимущей публики.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Вдоль Адмиралтейского канала долго не было жилых домов, но шла бойкая торговля. На нынешней площади Труда располагались трактиры, гостиницы для моряков и морская тюрьма. Вдоль Невы стояли торговые дома и особняки богатых горожан, в основном английских купцов и других иностранных подданных, здесь же была Английская церковь (поэтому и набережная долго называлась Английской). Этот район Адмиралтейского острова с конца XVIII и весь XIX в. постоянно обустраивался и перестраивался, был шумен, пылен и непостоянен. На Неве — главной водной дороге Петербурга — также царили шум и толчея, не утихавшие даже в начале XX в., согласно воспоминаниям Д.С. Лихачева, в детстве проживавшего в районе Почтамтской и Ново-Исаакиевской улиц. Вот такое место досталось для заселения гернгутерам, обычно стремившимся к замкнутой жизни, но и занимавших участки у портовых площадей и перекрестков разных путей и дорог (как для постоялого двора в Сарепте), в гуще людского движения, удобного для выполнения их миссионерской деятельности, ибо главным делом братства гернгутеров было миссионерство — обращение «диких» народов в веру Христа, которое они осуществляли по всему миру[6].

Гернгутеры были полузакрытым религиозным сообществом — братством. Подлинное их название — *Unitas Fratrum* (братское единение), члены именовались "*fratres legis Christi*" (Братья Христова закона, или просто Братья[7]). Они были потомками Чешских, или Богемских, братьев, ведущих свое начало от разгромленных участников гуситского и таборитского движений в Чехии (тогда — Богемии), проповедовавших непротивление злу насилием, добровольную бедность, коммунистическое равенство в труде и распределении общинных благ, труд как подвиг во имя Христа, жесткую дисциплину внутри сообщества, контроль и подчинение наставникам и пасторам, общественную собственность, строгий половой, возрастной и семейный регламент. Гернгутеры жили по инструкциям, вырабатывавшимся Главной дирекцией и Синодом в Гернгуте (Бертельсдорфе) и каждой колонией в соответствии с ними. Они всегда были изгнанниками — начиная с XV в., с момента возникновения первого Братства. Официальное оформление состоялось в 1547 г. Селились колониями, скитались по Богемии, Моравии, Польше. Изгнанные из Моравии (Моравские братья), в конце XVII — начале XVIII в. они устремились в Германию, Голландию и другие страны Северной Европы[8].

Одна из групп Моравских братьев нашла пристанище в землях (имение Бертельсдорф) ставшего затем их лидером саксонского графа

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

и городского советника юстиции в Дрездене Николауса Людвига фон Цинцендорфа, глубоко верующего христианина-лютеранина, первого экумениста по сути его дел (так как в созданную общину принимались люди разных протестантских течений, а также обратившиеся в протестантизм католики), пиетиста[9] по складу мировоззрения, проникновенно проповедующего личную и глубоко сердечную веру в Спасителя и его личную жертву. Общинники могли посещать лютеранские и реформатские церкви, уделяли мало внимания догматам веры, но при строгом аскетизме жизненного уклада воспитывали в себе высокие моральные принципы бытия и душевно-чувственное постижение веры как подлинное, ежечасное ощущение Божьей любви. Осмысленное, полное, постоянное **единение** с Христом и во Христе — отличительная черта их учения, нашедшая отражение в самоназвании Братства[10]. Официально колония в Бертельсдорфе была оформлена в 1727 г. как новое поселение по специальному регламентированному плану в виду горы Гутберг (Hutberg) и назвалось Herrnhut (Божий покров, под покровом Господа). Под давлением лютеранства в 1750 г. они почти вынужденно приняли аугсбургское вероисповедание, к которому все же были близки исповедально и по стилю жизни. «*Любая позитивная религия всего обаятельнее, когда она находится в становлении*; *приятно переноситься мыслью во времена апостолов, в пору, когда все было еще так свежо и поистине духовно. Братская община имела в себе нечто магически привлекательное именно потому, что она продолжала и как бы увековечивала это первичное состояние. <…> Важнейшим было то, что религиозная жизнь сплеталась здесь в единое и неразрывное целое с жизнью гражданской, что учитель одновременно являлся повелителем, отец — судией. Более того: глава этой общины, которого в делах духовных дарили безусловным доверием, был также призван вершить дела земные*; *вынесенные им решения в делах, касающихся всех или только отдельных лиц, воспринимались со смирением, как приговор Божественной воли. Благодатный покой, на первый взгляд повсюду здесь царивший, был очень привлекателен, хотя, с другой стороны, миссионерская работа требовала напряжения всех сил, заложенных в человеке*», — писал посещавший и внимательно изучавший гернгутеров И.В. Гёте[11]. Своей основной миссией гернгутеры считали и считают распространение Евангелия, поэтому их колонии разбросаны по всему миру. В англоязычных странах для их наименования употребляют термин «**Моравская церковь**» (“Moravian Church”)[12].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

История первоначального взаимодействия братства с русским правительством достаточно сложна. В качестве миссионеров гернгутеры появились в Российской империи довольно рано, сперва в лютеранской Прибалтике в 1726–1729 гг. в роли отдельных приглашенных пасторов и проповедников. В течение 10–15 лет общины стали возникать по всей Лифляндии и Эстляндии, в 1736 г. Цинцендорф приехал для проповедей в Ригу и Таллин, при его участии была открыта семинария для местного населения, впервые на эстонском языке издана полная Библия, в 1741 г. создано Ревельское Братство гернгутеров. Но по просьбам местных лютеранских священников и по приказу Елизаветы Петровны Цинцендорф был выслан за пределы страны, а Братству была запрещена здесь всякая деятельность. В 1734 г. в Москве появились миссионеры Гроссман, Шнейдер, Ничман для последования со словом Евангелия в Архангельск к лапландцам и самоедам, но были посажены в тюрьму как шведские шпионы. В 1742 г. гернгутеры пытались безуспешно отправить миссию к калмыкам. В 1743 г. был посажен на 4 года в тюрьму обратившийся к Синоду брат Градин. В Прибалтике были арестованы и препровождены в Петропавловскую крепость Санкт-Петербурга братья Гутслефф, Гельтергоф, Фритше и Кригельштайн — после двенадцати лет заключения их сослали в Казань. Единственный оставшийся в живых Франц Гельтергоф лишь во время Екатерины II получил право свободного передвижения по стране, связав свою судьбу с Москвой и Сарептой[13]. Тем не менее некоторые гернгутеры обретались в обеих столицах, в Прибалтике и Финляндии в качестве частных лиц, чаще воспитателей, советников и учителей. Известно, например, что будущий декабрист Н.И. Лорер воспитывался в доме графа П.В. Капниста наставником гернгутером Нидерштеттером, домашним учителем А.И. Герцена был житель Сарепты. У Н.С. Лескова в рассказе «Колыванский муж» читаем: «*Мой здешний начальник, брат баронессы, барон Андрей Васильевич, тоже был их ежедневный гость и очень одобрял установившуюся у нас дружбу. Он был гернгутер и чудак, но человек глубокой честности и благородства. Терпеть не мог кутежей и разгула и очень утешался моим поведением*»[14].

Отношение к гернгутерам в России резко изменилось во времена правления Екатерины II, проводившей специальную этноэкономическую политику заселения пустующих, вновь приобретенных и неспокойных земель колонистами, приглашенными из Европы, главным образом из Германии[15]. Издав целую серию специальных указов и ма-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

нифестов, регулирующих колонизацию, и учредив Канцелярию опекунства иностранных, непосредственно администрирующую этот процесс, Екатерина Великая и ее ближайшее окружение, включая президента канцелярии графа Г.Г. Орлова, особое внимание уделяли созданию колонии гернгутеров[16]: «*Гернгутеры были единственными из первых колонистов, которые воспользовались обещанной <...> возможностью обеспечить себе дополнительные права <...> Не столь понятны причины беспрецедентного благоволения российских монархов к гернгутерам с самого начала и на протяжении целого столетия: их особые привилегии, последовательно гарантировала Екатерина II* (*ПСЗРИ. Собр. 1. № 12852*), *Павел I* (*док. № 29*), *Александр I* (*ПСЗРИ. Собр. 1. № 20013*, *док. № 70*), *Николай I* (*ПСЗРИ. Собр. 2. № 611*)»[17]. На Сарепту не распространились даже положения закона от 16 июня 1871 г., который упразднял административную автономию колоний, и только у нее административно-правовой статус определялся специальным нормативным актом. «*Благодаря этим льготам колония развернулась пышным цветком и в настоящее время представляет одно из лучших и богатых селений Поволжья. Утопающая в зелени, опрятная по виду, с чистыми мощеными улицами, с тротуарами, обсаженными тополями, с бассейнами чистой воды, она является приятным оазисом среди пустынного характера низовьев Волги. Только в 1897 г. Сарепта была сделана в административном отношении отдельной волостью, и многие льготы были отменены*», — сообщает в 1901 г. «Настольная и дорожная книга для русских людей»[18].

Итак, первые переговорщики — Павел Лауритц и Иоганнес Лорец — появились в Санкт-Петербурге в 1763 г. В августе 1764 г. гернгутскими дирекцией и Синодом (г. Мариенборн) было принято решение о создании миссии в России. Летом 1765 г. уже из Петербурга в Саратов отправились первые колонисты (в разных источниках указаны разные цифры: 5, 7, 9 взрослых мужчин). Под руководством Вестмана и с первым пресвитером духовным старшиной Фиком они должны были выбрать место для поселения. И они нашли его у реки Сарпы (Сарапы), назвав колонию на библейский манер Сарептой[19]. 14 сентября начались строительные работы, в октябре уже был построен первый дом. 1765 г. считается датой основания колонии. Согласно серьезным изысканиям В.Н. Медведева, с 1765 по 1771 г. в Сарепту прибыли 172 человека (разного возраста и семейного статуса), из них 101 — мужского пола и 71 — женского. Пик миграции относится к первому десятилетию существования колонии. Первоначально это были небольшие партии, в среднем

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

по 7–10 человек, самое большое число одновременно прибывающих в колонию людей не превышало 500.

Особенностью существования Сарепты были высокая детская смертность, малая рождаемость, одновременные приток и отток населения (примерно половина от прибывших реиммигрировала)[20], постоянное движение населения, связанное с хозяйственной, торговой и миссионерской деятельностью. Регулятором ротации населения Сарепты довольно долго выступала Генеральная дирекция Гернгута, затем ограничившаяся только направлением интеллектуалов, руководителей и проверяющих[21]. Как точно заметил Медведев, Сарепта была единственной в Поволжье самодостаточной и самоуправляемой этноконфессиональной общиной с миссионерским и торгово-промышленным содержанием, особым политическим и экономическим статусом, с привилегией двусторонних договоров с правительством и непрекращающейся миграцией населения. В силу этой ротации Сарепта нуждалась в большом количестве гостевых и торговых домов и подворий, которые имела по всей России, самые крупные из них находились в Санкт-Петербурге и Москве.

Дом в Санкт-Петербурге был выбран агентом-распорядителем Петром Конрадом Фризом. Предоставление его в «вечное владение» было условием взаимного договора на поселение и первоначально оговорено посредством взаимных слушаний и письменных объяснений. Этим домом стало владение Фридриха Келлера, у которого оно было выкуплено казной в 1766 г. Кем же был Фридрих Келлер? Согласно устному сообщению директора Исторического архива Гернгута доктора Крюгера, это гвардейский хирург, сочувствующий посредник, поверенный в делах гернгутеров в момент устроения их в России. Возможно, приезжавшие на разведку братья сразу селились в его доме, во всяком случае он часто с готовностью улаживал их дела (во время сидения «прибалтийских арестантов» в Петропавловской крепости добивался смягчения их содержания), посещал по просьбе императрицы Гернгут для знакомства и ведения переговоров, участвовал в выборе места поселения на Волге, был командирован по их делам в Астрахань и т.д. В результате положительного решения этих дел он улучшил свое материальное положение за счет продажи в казну за 6 тыс. руб. серебром своего дома, а социальное — за счет получения титула надворного советника в награду за усердие. К сожалению, пользовался Келлер этими благами недолго, уйдя в мир иной ровно через год, в 1768 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Еще раз мне встретилась фамилия Келлер в связи с Петербургским филармоническим обществом, в учреждении которого большую роль сыграл князь А.М. Голицын, камергер, тайный советник, сенатор, главноуправляющий духовными делами иностранных исповеданий, председатель Императорского человеколюбивого общества, министр просвещения, обер-прокурор Синода и президент Русского библейского общества, то есть союзник и друг гернгутеров. Скромный член Филармонического общества Келлер Иоанн Фридрих был капельмейстером Немецкой оперы.

Выкупив дом Келлера, великая императрица отписала его гернгутерам: «*К поспешествованию общей пользы заводимых в Империи нашей селений часто упоминаемых соединенных братьев не только Всемилостивейше позволили Мы их содержать в престольном Нашем городе Санкт-Петербурге одного из братьев в чине агента, но и дом, состоящий у адмиралтейского канала в Малой Морской для жилья оным, а более для отправления Божьей службы и квартирования приезжающих от времени по собственному выбору и приторговыванию бывшего до ныне агента их Петра Конрада Фриза из казны Нашей купить и в вечное оной колонии братьям владение отдать повелели, освободя оный от постоев и других полицейских должностей на равных привилегиях, каковы от Нас пожалованы домам священно и церковно служителям протестантского закона <...> На подлинной подписано собственной Ее Императорского Величества рукой тако Екатерина*»[22].

Любопытно сравнить пункты прошения и «*изъяснения к ним агента Фриза*», персонально поданного в Канцелярию опекунства иностранных для заключения по каждому и последующего утверждения свыше. П. 11 в тексте Фриза: «*Если братство будет содержать в Петербурге дом для одного из братьев в качестве агента для представительства братства в правительственных учреждениях и для приема выезжающих в Россию колонистов, а также для Божьей службы, то дому тому просят предоставить все преимущества, какие даны домам священнослужителей других протестантских церквей*». П. 11 заключения Канцелярии: «*Содержать в Петербурге для агента братства особый дом, в котором также будут расквартировываться приезжающие на поселение в колонии люди, дозволяется и от постоя освободить дом можно, как и дома прочих священнослужителей протестантского закона*».

Божья служба и приравнивание дома к священному отмечены в обоих заключениях. Согласно духовной практике гернгутеры должны ежедневно молиться, читать Библию, вести общие беседы-рассуж-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

дения, распевать сердечные гимны по хорам, то есть по половозрастным сообществам, раздельно, так же как и живут: девочки, девушки, незамужние девушки, замужние женщины, вдовы — все отдельно, только в большие праздники вместе. То же касается и мужчин. Это сложная система ритуального взаимодействия.

Однако официально Божий дом был освящен только в 1773 г. После постройки нового дома вдоль переулка в 1840-х гг. церковь переместили туда, создав обширный молельный зал с высокими и широкими полуциркульными арками-парусами. Освящен новый храм был в 1842 г. во имя Христа Спасителя[23], братьями закона которого они являлись и горячей любовью к нему спасались. Заметим, что во имя Христа Спасителя был освящен и самый большой храм, строившийся при трех императорах, но начатый «пиэтистом», увлеченным гернгутерами, Александром I с близким ему по духу архитектором А. Витбергом, выигравшим серьезный проектный конкурс в 1817 г. Как и многие прекрасные проекты этого императора, он остался неосуществленным. Но в 1842 г. уже поднимались стены, возводимые любимым зодчим Николая I А. Тоном.

Интерьеры церквей гернгутеров, погруженных молитвенников, но радостных сердцем, обычно просторны, воздушны, белы, не отягощены предметами и декорациями. Редко используют изображения, в искусстве живописи ценят не красоту и изощренное мастерство, а простоту, бесхитростность и правду. Главным украшением церкви являются сами молящиеся и их прекрасные духовные песни, вошедшие в сборники песнопений многих протестантских конфессий. Бытует мнение, что с их музыкальной духовностью были знакомы и Гендель, и Бах, известные поэты тоже были к ним внимательны.

Посетивший Сарепту в 1802 г. писатель Измайлов рассказывает о своих впечатлениях: «*Настал час утра. Братья и сестры в молчании и смирении приближаются к дому молитвы, которого величество состоит в простоте и все украшение в одном образе Законодателя Христиан. Мужчины садятся внизу, женщины — вверху, особливом отделении, и один из них начинает читать нравоучительные главы из Библии. С первым словом, с первым именем Бога, произнесенным языком проповедника, глубокое чувство воцаряется во всех сердцах, тишина в храме, благоговение на лицах. Кажется, что Божество нисходит к смертным. Стою в храме, внимаю великим истинам, возвещаемым именем Бога, и сам преклоняю колена. Между тем чтение пресекает хор мужчин, вместе с женскими голосами, поет небесные гимны, и ангельская гармония пере-*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

селяет, кажется, человека на небо. Молитва кончается, и все возвращаются в дома свои к рукоделию, работам и должностям. Надзиратель идет пещись об общем порядке; мать семейства приправляет чадолюбивой рукой обеденное кушание; ремесленник работает для удовольствия и для потребности: каждый платит долг общежитию, трудится и покупает пропитание трудами рук своих <...> Так гернгутеры проводят день свой; так они проводят и всю жизнь свою. Так хотел бы прожить хоть несколько минут живущий на театре шумного света, незнакомый никогда с теми тихими движениями, которые посещают сердца сих людей»[24].

Дом гернгутеров был продан Генеральной дирекцией в 1892 г. в связи с закрытием колонии в Сарепте.

1. Жалованная грамота Сарептскому Евангелическому обществу на вечное владение землей в Астраханской губернии от 27 марта 1767 г. // ПСЗ. СПб., 1830. Т. XVIII. С. 61–66. Ст. 11.

2. Синкевич Галина. Великий василеостровец // Василеостровский. 14.10.2011. № 19.

3. В 1866 г. дворовые флигели надстроены И. Борнелем. В 1891 г. Б.Е. Фурман построил там четырехэтажный флигель. См.: Краткая историческая справка, подготовленная для «Офисного особняка “Ново-Исаакиевский”» Государственным музеем истории Санкт-Петербурга. Архив ООО «Кэвелри Хаус Ист». В этом же архиве находятся планы его перестройки, подписанные в 1891 г.

4. Манифест от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» // История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993. С. 18–22; О дозволении выходить и селиться в России обществу Братства Евангелического Аугустанского исповедания, 25 февраля 1764 г. // ПСЗ. СПб., 1830. Т. XVI. 1-е изд. С. 547–548; Высочайше утвержденный доклад Президента Канцелярии опекунства иностранных графа Орлова «О правилах для поселения в России Братского Евангелического общества», 7 июня 1765 г. // ПСЗ. СПб., 1830. Т. XVII: 1765–1766. С. 151; Жалованная грамота Сарептскому Евангелическому обществу на вечное владение землей в Астраханской губернии от 27 марта 1767 г. // ПСЗ. СПб., 1830. Т. XVIII. С. 61–66.

5. Формулировка «Сарептское общество» вместо «Сарептская община» в ст. 2 манифеста «О дозволении выходить и селиться в России обществу Братства Евангелического Аугустанского исповедания» от 25 февраля 1764 г. определяла его подчинение духовному германскому центру гернгутеров в Бертельсдорфе. См.: *Дитц Я.Е.* История поволжских немцев-колонистов. М., 2000. С. 461–464.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

6. «Миссионерский этап Евангелической Братской Общины Сарепта начался и продолжался с 1768 по 1823 г. Колония Сарепта создавалась как базовый миссионерский форпост с целью проповеди Евангелия среди калмыков, других монгольских и азиатских народов России на сухопутном пути продвижения миссионеров в Центральную и Юго-Восточную Азию (Тибет, Китай, Монголию, Закавказье, Казахстан, Персию). Создание Сарепты в Нижнем Поволжье было одним из пунктов миссионерского замысла Общины» (*Ионкис Г.* Немецкие гернгутеры, или просионистские идеи Юнга-Штиллинга. М., 2007).

7. См.: *Миллер А.* История христианской церкви. 1994. Т. 2. Гл. 27: Движение вне поместной церкви и время Просвещения.

8. *Ревуненкова Н.В.* Протестантизм. СПб., 2007; История Реформации в Европе и России. URL: http://www/reformatia.ru; *Цветаев Д.* Протестанты и протестантизм в России до эпохи преобразований. М., 1890.

9. Пиетизм — движение религиозного пробуждения в Европе XVIII — первой половины XIX в., связанное с романтизмом в философии, литературе и искусстве. Обособление от «официальной» церкви, активное благочестие и эмоциональная интенсивность молитвы — наиболее заметные черты этого течения. Его адепты ратовали за свободу личности и приоритет практической веры над схоластикой теологии.

10. Николаус Людвиг фон Цинцендорф (см.: Библиологический словарь священника Александра Меня. СПб., 2002).

11. *Гёте И.В.* Из моей жизни. Поэзия и правда // Гёте И.В. Собр. соч.: в 10 т. М., 1976. Т. 3. См. также: *Ионкис Г.* Евреи и немцы в контексте истории и культуры. СПб., 2006.

Российский современник заселения гернгутеров в Поволжье писал иначе: «Сарпинское селение прозывается от реки Сарпы, при устье которой заведена сия селитьба. В нем обитают вышедшие из разных мест, называемые Герен-Гитер, которые не иное что суть, как исповедующие особливую секту реформатского закона, как то всякому известно <...> Они все вообще люди рукодельные, и в сем малом селении можно почти все то найти, чем наши большие города хвалятся <...> К проезжим они весьма ласковы и угостительны, и у всех снискают себе любовь и почтение» (*Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. 1768–1769 годы. СПб., 1771. С. 441, 444).

12. В настоящее время гернгутеры входят в состав Всемирного совета церквей. Руководящим органом братства в мировом масштабе является Синод, который собирается каждый седьмой год. В его ведении находятся семнадцать провинций, расположенных в Европе, Северной и Южной Америке, Африке, Азии. Управление провинцией осуществляется Провинциальным синодом, который собирается раз в два года. Поместной церковью руководит избираемый Братский совет, во главе которого стоит пастор. Сам пастор назначается провинциальным руководством. Центром по-прежнему является Гернгут.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

13. См.: Правительственные меры по случаю появления в Лифляндии секты гернгутеров в 1743 г. // Русский архив. 1868. № 9; *Курышев А.* Российский узник, пастор, педагог // Волгоградская правда. 14.09.2011. URL: http// vpravda.ru/index.php.

14. *Лесков Н.С.* Колыванский муж // Лесков Н.С. Собр. соч. СПб., 1889. Т. 5. С. 451–520. Впервые напечатан в декабрьском номере «Книжек недели» за 1888 г.

15. См.: *Велицын А.А.* Иностранная колонизация в России // Русский вестник. 1889. Июнь. Кн. 2; *Он же.* Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колонистов на юге и востоке России. СПб., 1893; История российских немцев в документах (1763–1992 гг.); *Плеве И.Р.* Прием иностранных колонистов в России и отправка их к месту поселения в 60-х годах XVIII в. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: материалы Междунар. науч. конф. (Анапа, 26–30 сент. 1997 г.). М., 1998. С. 27–24; *Дитц Я.Е.* Указ. соч.

16. Манифест от 22 июля 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» // История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). С. 18–22; О дозволении выходить и селиться в России обществу Братства Евангелического Аугустанского исповедания, 25 февраля 1764 г. // ПСЗ. 1830. Т. XVI. 1-е изд. С. 547–548; Высочайше утвержденный доклад Президента Канцелярии опекунства иностранных графа Орлова «О правилах для поселения в России Братского Евангелического общества», 7 июня 1765 г. // ПСЗ. СПб., 1830. Т. XVII: 1765–1766. С. 151; Жалованная грамота Сарептскому Евангелическому обществу на вечное владение землей в Астраханской губернии от 27 марта 1767 г. // ПСЗ. СПб., 1830. Т. XVIII. С. 61–66.

17. Немцы в истории России. Документы высших органов власти и военного командования. 1652–1917. М. 2008. С. 40–49.

18. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова. СПб., 1901. Т. 6. С. 526–527.

19. *Курышев А.В.* Из истории колонии Сарепта: основание и строительство поселка // Новости Сарепты. 2004. 5 февр. № 1 (218); 2 апр. № 7 (219); 9 апр. № 8 (220).

20. *Медведев В.Н.* Миграционные процессы населения Сарепты. Вторая половина XVIII — середина XIX в. // Сапрепта. Историко-этнографический вестник. Волгоград, 2007. Вып. 3.

21. Там же.

22. Жалованная грамота от 27 марта 1767 г. // ПСЗ. СПб., 1830. Т. XVIII. С. 61–62.

23. Церковь Христа Спасителя при Сарептском братстве гернгутеров (в кн.: *Антонов В.В., Кобак А.В.* Святыни Санкт-Петербурга. Христианская историко-церковная энциклопедия. СПб., 2003. С. 203; Электронная энцик-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

лопедия Санкт-Петербурга. Статьи «Упраздненная протестантская церковь Христа Спасителя при Сарептском Братстве гернгутеров», «Молитвенный зал Евангелического союза нравственного попечения о протестантах», «Департамент духовных иностранных вероисповеданий», «Евангелический союз религиозно-нравственного попечения о протестантах», «Евангелический полевой госпиталь Красного Креста». URL: http://www/enspb/ru.

24. *Измайлов*. Путешествие в полуденную Россию (в кн.: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В.П. Семенова. СПб., 1901. Т. 6. С. 526–527).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

архимандрит Августин (Никитин)

НЕМЕЦКАЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ ОБЩИНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Петровская эпоха

В жизни инославных христиан, живших в России, важным событием явился «Манифест Петра Великого» от 16 апреля 1702 г., который провозглашал принципы веротерпимости. «И понеже здесь в столице нашей, — говорилось в "Манифесте", — уже введено свободное отправление богослужения всех других, хотя и с нашей Церковью несогласных христианских сект, того ради и оное сим вновь подтверждается таким образом, что по дарованной нам от Всевышнего власти, совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому христианину на его ответственность пещись о блаженстве души своей. И так мы крепко того станем смотреть, чтобы по прежнему обычаю никто как в своем публичном, так и в частном отправлении богослужений обеспокоен не был, но при оном содержан и противу всякого помешательства защищен был»[1].

В то время «столицей нашей» была Москва, где имелась довольно многочисленная католическая община. В 1703 г. французский посланник в России де Балюз (de Baluze) отправил в Париж очередное донесение, в котором он упоминает о московском католическом храме. Как сообщал французский дипломат, в этой церкви «служат два почтенных **немецких** священника; им (немецкий) император платит по тысяче флоринов в год; в упомянутой церкви находится гобеленовый ковер с гербом Франции, изображающий крещение (императора римского. — *а.А.*) Константина»[2].

По словам того же автора, «эти священники ходатайствовали в Вене о денежном пособии, которое дало бы им возможность выстроить каменную церковь, и о прибавке двух священников, долженству-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ющих отправиться для преподания утешения католикам, находящимся в астраханском войске и в Азове»[3]. Эта депеша была отправлена во Францию в октябре 1703 г., вскоре после основания на берегах Невы града Петрова.

В числе прочих иностранцев, которые приняли участие в застройке Санкт-Петербурга, наряду с протестантами были и католики. На первых порах у них не было своего храма, и богослужение совершалось в частных домах. Это также было предусмотрено в «Манифесте»: «Буде же случится, что в каком-либо месте нашего государства или при наших армиях и гарнизонах, не будет настоящего духовного чину проповедника или церкви, то каждому позволено будет не только в доме своем самому и с домашними своими службу Господу Богу совершать, но и принимать к себе тех, которые пожелают у него собраться, для того, чтобы по предписанию всеобщего постановления христианских церквей, единогласно восхвалять Бога и таким образом отправлять богослужение»[4], — говорилось в царском указе.

В те годы члены «Общества Иисуса» (иезуиты), жившие в Москве, совершали нелегкие по тем временам поездки на невские берега для духовного окормления своих единоверцев. Так, в донесении за 1704 г. они сообщали: «Была поездка в Петербург у Финского залива за 138 германских миль; ездили ради живущих там офицеров-католиков»[5].

В «годовом отчете» не указывается число католиков, живших в Санкт-Петербурге; сведения даются по России в целом: «Крещено 10; елеопомазано 6; погребено 9; приобщено Св. Тайнам почти 800 человек»[6]. Это вполне объяснимо: в сравнении с другими городами, которые посещали московские иезуиты, количество католиков в Санкт-Петербурге было не столь велико.

Тем не менее в эти годы на Адмиралтейском острове, западнее Летнего сада, была устроена деревянная католическая церковь[7]. Она располагалась в доме, купленном на пожертвования иностранцев, у капитана флота (впоследствии адмирала) Гордона[8].

Храм был открыт не позднее 1706 г., поскольку именно в том году московские иезуиты сообщали своему духовному начальству: «Снова наши ездили в Петербург, и работавшими там для светлейшего царя **нюрембергскими** и швейцарскими скульпторами сделана для новой церкви сень с предстоящими довольно большими ангелами»[9].

Связи Санкт-Петербурга с **Нюрнбергом** поддерживались и в дальнейшем. В «Истории Петра» А.С. Пушкин сообщает о том, что 30 ок-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

тября 1716 г. русский царь прибыл в Любек, «откуда отправился в Ниренберг, где велел одному живописцу снять с себя портрет в профиль, — и отослал оный в Петербург с повелением вырезать его на рублях, кои и появились на следующий год»[10].

Число католиков, живших в Санкт-Петербурге, постоянно росло, и в 1709 г. сведения о них в отчете московских иезуитов уже выделены особой строкой: «В настоящее время католиков в Петербурге у Финского залива — 70»[11].

В октябре 1710 г. в петербургском католическом приходе была заведена метрическая книга (впоследствии она хранилась в архиве церкви св. Екатерины). В книге регистрировались бракосочетания, рождения, крестины, погребения. Первым священником, который вел эту книгу, был **о. Вольфганг Гейдингер**, доминиканец из Формбакского монастыря.

В 1714 г. Петр I повелел воздвигнуть каменный Петропавловский собор на том месте, где стояла прежняя деревянная церковь. Его строительство, продолжавшееся 8 лет, осуществлялось по проекту Доменико Трезини. Что же касается католического храма, стоявшего на другом берегу Невы, то, как и прочие церковные постройки, срубленные из дерева, он оказался недолговечным. В начале 1720-х годов прежний деревянный католический храм был перестроен в камне. Сведения об этом содержатся в книге **ганноверского (брауншвейг-люнебургского) посланника** при дворе Петра I Фридриха-Христиана Вебера «Преображенная Россия» (Франкфурт, 1721). Немецкий дипломат жил в России с 1714 по 1719 г.; в приложении «О городе Петербурге» он пишет: «Теперь я подхожу к самой лучшей слободе на реке, она, собственно, называется Адмиралтейским островом, но обычно ее именуют Немецкой слободой, так как в этой части города живет большинство немцев <...> Здесь есть католическая церковь, тоже деревянный дом, но теперь ее перестраивают в камне»[12].

С первых лет своего существования католический храм находился в ведении «Общества Иисуса». Однако в связи с делом царевича Алексея (1718 г.) Петр I выслал иезуитов из России, и на их место прибыли капуцины. Именной указ «О высылке иезуитов за границу» был издан 18 апреля 1719 г.[13] В мае того же года на этот счет последовало царское повеление. О причинах высылки иезуитов сообщал датский путешественник Петер фон Хавен, побывавший в России в 1730-х годах. Вот что пишет он по этому поводу: «Иезуиты в мае 1719 г. были изгнаны из

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

России — отчасти из-за возникших тогда недоразумений между русским и германским императорскими дворами; по ходатайству последнего этому ордену было дозволено пребывать в Российском государстве. Отчасти же — из-за опасных махинаций и известной страсти вмешиваться в политические дела, о чем (российский) император недвусмысленно уведомил в своем по сему поводу изданном манифесте, который был прибит на дверях католической церкви»[14]. Иезуитов обвиняли в том, что «при отправлении духовных служб корреспонденцию имеют политическую»[15].

В книге датского автора приводятся такие подробности, о которых не упоминают другие его современники, писавшие об этих событиях. «Некий патер-иезуит по имени Энгел был за это посажен под арест вместе со своим коллегой, однако спустя пару месяцев выпущен, после того как дал письменное обязательство, что никогда не станет мстить, и притом ему было приказано не покидать Петербурга, покуда не завершится следствие по делу московитских и украинских падре, — продолжает Петер фон Хавен. — Один иезуит по имени патер Франц подвергался во время этих событий величайшей опасности, так как ироническим письмом жестоко пропесочил одного русского епископа. Примечательно, что следствие выявило в государстве иезуитов больше, чем предполагали; они жили там неузнанными, занимаясь мирской работой»[16], — так завершает свое повествование датский лютеранин, добавляя при этом: «С того времени в России католические падре всегда были капуцинами»[17].

На место высланных иезуитов в Россию были направлены капуцины: о. Патриций Миланезе (то есть уроженец Милана), о. Венуст и о. Теодозий (Феодосий). Вместе с капуцинами в Санкт-Петербург направились и францисканцы: о. Яков (из Оледжии), о. Миний Центовский (вскоре посланный в г. Або) и о. Бонавентура Шольц, отправленный в Астрахань[18].

Однако вскоре иезуитам было разрешено вернуться в Россию, и в Санкт-Петербурге они возобновили свою деятельность. В сообщении Ф.Х. Вебера, относящемся к 1721 г., по этому поводу говорится следующее: «Его Царское Величество вновь позволил иезуитам прибыть в страну и пообещал им щедрую помощь в необходимом строительстве»[19]. При этом немецкий посланник замечает: «Кроме того, должно быть построено еще много других католических церквей и монастырей»[20].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Эпоха Анны Иоанновны (1730–1740)

Хотя при императрице Анне Иоанновне предпочтение среди инославных исповеданий отдавалось протестантизму, тем не менее положение католической общины в столице также несколько улучшилось. Это подтверждает датчанин-протестант Петер фон Хавен, живший в городе на Неве с 1736 по 1737 г. В его книге «Путешествие по России» упоминается про тогдашнее положение католических общин в «стране пребывания». «У католиков есть одна церковь в Петербурге, одна — в Москве и одна — в Астрахани. При петербургской католической общине были четыре падре — итальянец, **немец**, поляк и француз»[21], — пишет фон Хавен, приводя затем довольно любопытные сведения.

В заметках фон Хавена ничего не говорится о тех бедствиях, которые обрушились на католический храм летом 1735 г., когда в Санкт-Петербурге вспыхнул большой пожар. А между тем об этом пишет петербургский историограф Г. Богданов. Упомянув про «кирху каменную католицкую», он продолжает: «Сия кирка прежде пожару стояла в Греческой, то есть в **Немецкой улице**, позади Миллионной (улицы) близ главной аптеки, но оная в пожаре сгорела в 1735 г.»[22]

Г. Богданову вторит другой отечественный автор — Ф. Туманский. В описании «Третьей Адмиралтейской части» он говорит о католической церкви «разных языков»; она «была в **Немецкой слободе** позади Миллионной, близ главной аптеки, деревянная, в 1735 г. сгоревшая»[23].

По просьбе петербургской католической общины императрица Анна Иоанновна поручила подыскать в столице свободный участок для постройки новой каменной церкви. К этому времени — в 1727–1733 гг. — общины ряда протестантских церквей получили участки для постройки своих храмов близ Большой Перспективной дороги (будущего Невского проспекта). Поэтому и католическая община обратилась с ходатайством об отводе места на Першпективе для постройки храма. 14 сентября 1738 г. императрицей Анной Иоанновной был подписан указ о выделении на Невской перспективе участка для постройки костела[24]. «Под строение римской церкви, — говорилось в указе, — отдать на Адмиралтейской стороне, подле большой проспективной дороги, то место, о котором оной религии патер супериор с своим обществом просили, и от Комиссии о строениях в Кабинет представлено было, токмо с таким обязательством, чтоб они строили помянутую церковь и прочее строение на том месте каменное, а дере-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

вянного бы ничего не строили, понеже по той проспективе по обоим сторонам надлежит быть всем домам с каменным строением»[25].

Комиссия по делам санкт-петербургского строительства предложила католической общине место между Невским проспектом и Большой Итальянской улицей. Вскоре были определены границы передаваемого участка, после чего приход «построил себе малую каменную церковь»[26].

Предоставляя католической общине те же привилегии, что и протестантам, Анна Иоанновна тем не менее стремилась ограничить миссионерскую деятельность их духовных наставников. В отличие от лютеранских и реформатских пасторов, католические священники проявляли повышенную активность в этой сфере. Еще в феврале 1735 г. был издан Высочайший указ «О дозволении свободного богослужения всем христианским вероисповеданиям в России и о возбранении духовным особам иностранных христианских вер обращать в оныя русских подданных, какого бы закона они не были, под опасением суда и наказания по законам»[27]. Издавая этот указ, императрица Анна Иоанновна повелевала, «чтоб тех исповеданий духовные особы жили во всякой кротости»[28].

Вводимые строгости обосновывались усилившимся прозелитизмом со стороны инославных священнослужителей: «Мы к неудовольствию нашему слышать принуждены, что некоторые из оных тому противно поступают и из наших подданных всякими своими внушениями в свой закон приводить стараются»[29], — сетовала императрица. Так что католики, как и протестанты, жившие в Санкт-Петербурге, должны были ограничить свою деятельность оградой храмов: «Для того повелеваем сей Наш указ во всех церквах вышеписанных законов, в Нашем государстве обретающихся, надлежаще публиковать, и у дверей церковных прибить, дабы о том ведали, и по сему Нашему соизволению и указу поступали неотменно»[30], — такими словами завершался текст указа Анны Иоанновны.

Елизаветинская эпоха (1741–1761)

В конце 1730-х годов начались поиски архитектора для сооружения на Невском проспекте большого каменного храма вместо временного. Выбор пал на молодого итальянца Пьетро Антонио Трезини, сына Доменико Трезини. К этому времени Доменико Трезини уже не было в живых; он скончался 19 февраля 1734 г. Место его по-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

гребения неизвестно, но можно предполагать, что оно было в **Немецкой слободе** при католической церкви, где Трезини был одним из первых старост[31].

К сожалению, Пьетро Трезини не удалось довести до конца начатое дело. В 1751 г. он оставил Петербург и отбыл на родину. Долгое время после отъезда Пьетро Трезини никаких работ по строительству храма не проводилось, и католики собирались на молитву в малой каменной церкви. Проект П.А. Трезини долгое время не удавалось реализовать: лишь в 1759 г. постройка нового храма была поручена французскому архитектору Жану Батисту Валлену Деламоту (Vallin de la Mothe, 1729–1800).

Деламот существенно изменил проект строительства храма, выполненный П.А. Трезини. Императрица Елизавета скончалась 25 декабря (ст. ст.) 1761 г., и проект, представленный Валлен Деламотом, утвердил ее преемник — император Петр III (9 марта 1762 г.). «Елисавета, окруженная старыми сподвижниками Петра Великого, следовала во всем правилам, принятым ее отцом, к которому питала она пламенную неограниченную любовь»[32], — замечает Пушкин.

В записках Якоба Штелина сообщается о том, как католическая община С.-Петербурга почтила память почившей императрицы, и о визите в общину Петра III. «Спустя несколько дней после погребения императрицы (Петр III) отправляется в католическую церковь францисканцев, где был построен катафалк и совершена была панихида с музыкой по императрице Елизавете, сочинения Манфредини; завтракает у пасторов и подписывает план их новой церкви»[33].

Якоб Штелин пишет «о трогательной траурной музыке, которая исполнялась у святых отцов-францисканцев в их церкви в Петербурге через неделю после пышного погребения императрицы, во время торжественного богослужения в феврале 1762 г.»[34] Вот как это происходило: «Патеры велели воздвигнуть на приношения виднейших членов их церкви траурное сооружение. Императорский театральный художник Градицци-младший и театральный машинист Бригонци сделали самое лучшее сооружение и траурную декорацию церкви. А капельмейстер Манфредини сочинил траурную музыку, причем кастраты и остальные итальянские певцы и один немецкий басист пели, а вся императорская капелла играла, — пишет Якоб Штелин. — Эта музыка длилась 2 часа и была найдена такой истинно церковной и привлекательной, что если бы она длилась 4 часа, то и тогда бы не показалась слушателю слишком длинной»[35].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Эпоха Екатерины II (1762–1796)

Здание нового католического храма было заложено 16 (27) июля 1763 г. По этому случаю была выбита серебряная медаль с изображением императрицы Екатерины II и латинской надписью на реверсе[36].

После закладки нового собора работа шла медленно, многое приходилось менять в процессе строительства. А в 1775 г. Деламот, как в свое время и Пьетро Трезини, был вынужден вернуться на родину, не успев осуществить свой замысел. Во Франции он прожил еще более 20 лет, которые не стали для него плодотворными: из 49 известных на сегодня работ 47 Деламот выполнил в России[37].

В те годы петербургский католический приход по-прежнему окормляли члены францисканского ордена. Известный путешественник Джованни-Джакомо Казанова, побывавший в России в 1765–1766 гг., упоминает о том, что в Санкт-Петербурге «отправляли службу в католическом храме длиннобородые монахи-францисканцы»[38].

12 февраля 1769 г. Екатерина II выдала католическому храму жалованную грамоту[39], в которой говорилось, что его прихожане получают вечное право на свободное совершение богослужений по римско-католическому обряду; что все постройки (как возводимые, так и те, которые могут быть построены в будущем на территории, выделенной указом императрицы Анны Иоанновны для построения храма и других сооружений при нем) будут принадлежать на вечные времена самим прихожанам, и никто никогда ни под каким видом не будет иметь права предъявлять на эту землю и на эти постройки каких-либо претензий. Церковь, строящиеся при ней школа, дома для причта и все другие сооружения указом императрицы освобождались от каких-либо податей и полицейских налогов. (Выданный императрицей документ торжественно сохранялся в храме до самого его закрытия в 1939 г.[40])

В конце XVIII в. **немецкий историк** И.Г. Георги писал: «Приход сей зависел от Папского совета в Риме, но по желанию оного в 1769 г. получил оный от здешнего правительства регламент, которой власть того совета весьма ограничил и подчинил приход, равно всем прочим иноверцам, Юстиц-коллегии»[41].

Как и ранее богослужения и требы должны были совершать священники францисканского ордена: «Как прежними указами повелено, так и ныне подтверждаем, чтоб более сего числа ордена сего, который должен быть францисканский, никакого другого ордена

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

духовных (лиц) при сей римской кирхи не было»[42]. Но это не значило, что монахам из других католических орденов въезд в столицу был запрещен. «Исключаются, однако ж, те патры, — разъяснялось в "Регламенте", — которые при чужестранных министрах для их персональной службы обретаться, или с купеческими кораблями для служения духовного, на оных кораблях на время приезжать будут»[43].

Вот что писал по «францисканскому вопросу» Д.А. Толстой. Отметив, что Екатерина II «по жалобам прихожан петербургской церкви на их духовенство» позволила в 1769 г. им самим выписывать для себя священников чрез посредство правительства, не завися в этом нисколько от «Пропаганды (веры)». Отечественный исследователь продолжает: «Римский двор думал сначала помешать присылке священников, назначение которых у него было отнято, и в 1770 г. отказал посланнику нашему на сейме ратисбонском послать требовавшихся четырех францисканцев, до тех пор пока "Пропаганде" не уступлены будут прежние ее права и не будет выслан из Петербурга **ксендз Франкенберг**, интригам коего приписывали невыгодное для Рима постановление правительства»[44].

Согласно положениям Регламента, причт собора св. Екатерины должен был сменяться каждые четыре года с возможным в отдельных случаях продлением этого срока еще на четыре года. Имущественными делами должен был управлять выбираемый прихожанами приор и восемь его помощников, в число которых должны были входить по **два немца**, француза, итальянца и поляка[45].

Таким образом, в Регламенте был учтен многонациональный характер католической общины; до этого времени прихожане зачастую не могли слышать в храме проповедей на родном языке. «Патры такие присылаются, — сетовали прихожане, — которые только один итальянский язык знают, и из коих три для малого числа итальянцев здесь излишни, а **немцы**, французы и поляки <...> за неимением **патров немецких** довольного числа, претерпевают нужду»[46].

Немцы-католики составляли значительную часть прихода св. Екатерины, и ранее их духовно окормляли немецкие священники. Однако со временем они были вытеснены итальянскими суперiорами, которые «о здешних узаконениях, обычаях и нравах ни малейшего сведения не имеют, а бывшие здесь много лет искусные немецкие патры в достоинстве пренебрежены и несправедливыми грамотами из Рима отозваны, от чего и частые между ими (и) прихожанами неудовольствия происходили»[47].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

«По статутам состоит католический приход в Санктпетербурге из **немцев**, французов, италианцев и поляков, — отмечал в конце XVIII в. И.Г. Георги. — К одному из сих народов должны присообщаться и португальцы. Оный приход имеет шесть патеров, из которых один есть старший (superior), которого Папский совет в сем звании подтверждает. Все они долженствуют быть францисканцы и через каждые четыре года переменяться или по крайней мере снова на четыре года быть избраны. Старший должен наблюдать, чтоб никто из другого какого исповедания, а наипаче из греческого (православного. — *а.А.*) не принимал католической веры»[48].

Строительство католического собора из-за материальных затруднений затянулось более чем на 20 лет. Но оставить громадное недостроенное здание прямо в центре столицы было невозможно. Да и католическая община, собравшая на сооружение храма около 100 тыс. руб., усердно хлопотала перед Екатериной II о скорейшем завершении работ. Они, по решению императрицы, вскоре были поручены синдику (старосте) католической церкви — итальянскому архитектору Антонио Ринальди. С 1752 г. он жил в России; его постройки в Петербурге также носят переходный характер от барокко к раннему классицизму[49].

Деньги для строительства частично выделялись казной, частично поступали от жертвователей и прихожан — «помощью здешних и иноземных складчин»[50]. Стоимость всех работ составила 118 тыс. 730 руб. Значительную часть этой огромной по тем временам суммы вложил в постройку собора **баварский негоциант Андрей Пирлинг**[51]. Как отмечал Ф. Туманский, католическая церковь была также «обогащена подаянием императора Римского Иосифа Второго»[52]. (Австрийский император Иосиф II (+1790) побывал в России в 1780 г. по приглашению Екатерины II. Это был неофициальный визит, и монарх остановился в Петербурге под именем графа Фалькенштейна.)

Работы по строительству собора были в основном завершены в 1782 г., спустя почти сорок лет после отвода земельного участка. На завершающем этапе работами по возведению храма руководил архитектор Минчиани. 7 октября 1783 г. состоялось освящение собора, названного в честь святой Екатерины Александрийской, Девы и Мученицы, — соименницы императрицы Екатерины II. О тогдашней численности католической общины С.-Петербурга дают представление сведения, приведенные в книге И.Г. Георги. «Здешнею католическою церковью от 1780 до 1790 г. и так в течение десяти лет обручено

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

285 чет, окрещено 951 младенец и погребено 944 человека. В 1792 г. обвенчано 40 чет, окрещен 131 младенец и похоронено 79 покойников»[53], — пишет немецкий автор, отмечая при этом: «...обедню служат всегда на латинском языке, а патеры говорят проповеди попеременно на одном из четырех языков»[54].

Над главным престолом был помешен большой образ «Мистическое обручение святой Екатерины». Эта картина была подарена храму императрицей Екатериной II; она была написана известным художником того времени **Якобом Миттенлейдером** (1750–1825). Вокруг висели и другие образа, созданные тем же художником. В архивных документах этот немецкий художник также упоминается как J. Christ (Крист); для храма св. Екатерины он написал целый ряд картин: «Св. Иоанн Креститель», «Добрый пастырь», «Тайная Вечеря» и «Св. Дух». Он исполнил также некоторые образа для церкви св. Александра Невского в Петербурге[55].

Немецкие католики пожертвовали немалые средства на сооружение храма св. Екатерины, и в дальнейшем они сохраняли свое влияние на католическом приходе. В описании Петербурга, принадлежащем перу Федора Туманского, об этом упоминается неоднократно: «Лавки, называемые **ниренбергския**, под домами церкви римскокатолическия; в сих лавках продаются галантерейные ниренбергские товары»[56]; храм «имеет по обеим сторонам изрядные домы и лавки, в которых ниренбергския товары продаются»[57]. («**Нюрнбергская тема**» позднее увлекла и А.С. Пушкина; он даже написал небольшую повесть под названием «Марья Шонинг, дочь нюрнбергского ремесленника». (Осуждена в Нюрнберге в 1787 г.)[58].)

История появления «нюрнбергских лавок» такова. Город Нюрнберг с давних лет славился детскими игрушками, подзорными трубами, красивыми ящичками и письменными приборами. Эти товары тамошние торговцы развозили по разным городам и странам. В 1717 г. некий странствующий купец по фамилии Дазер с возом, груженным такого рода изделиями, прибыл в Петербург и получил позволение Петра I торговать в столичном граде. Пригласив и других своих земляков, Дазер вместе с ними открыл несколько деревянных лавок в том месте Гостиного Двора, где теперь находятся Серебряные ряды. В 1780 г., когда эти лавки сгорели, нюрнбергские торговцы перебрались в строившийся дом католической церкви. А поскольку в то время не существовало отдельных магазинов и вся торговля производилась в рядах, для них устроили открытые аркады с лавками[59].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

В эти годы Россия по-прежнему характеризовалась веротерпимостью, и об этом свидетельствовал испанский поверенный в делах Мигель де Гальвес, живший в Петербурге в 1788–1790 гг. Его донесение в Мадрид от 24 марта (4 апреля) 1790 г. носит интересное название: «Сообщение об императорской общеобразовательной школе св. Петра в Петербурге для обучения молодежи обоего пола, всех сословий, национальностей и религиозных верований». В этом сообщении говорится «об организации здесь по инициативе правительства и при поддержке императрицы (Екатерины II. — *а.А.*) обучения молодежи всех сословий»[60].

Примечательно, что сам испанский дипломат оказался вовлеченным в это начинание; в том же донесении в Мадрид Мигель де Гальвес пишет: «Молодые люди русской, **немецкой**, французской и других национальностей, включая кастильцев, кормятся и спят в моем доме и помогают по мере возможности в текущей работе»[61].

Эпоха Павла I (1796–1801)

После кончины императрицы Екатерины II на российский престол взошел ее сын — великий князь Павел Петрович. В эпоху Павла I положение Римско-католической церкви в России упрочилось еще более. Так, Павел I даровал архиепископу Станиславу Богуш-Сестренцевичу титул митрополита всех римско-католических церквей в России и выхлопотал для него кардинальское облачение. (Возведение Богуша в сан кардинала Папой было отклонено.)

В феврале 1798 г. Павел I присутствовал в храме св. Екатерины на панихиде по своему тестю — **герцогу Виртембергскому**. Очевидцем этого события был будущий петербургский литератор Н.И. Греч. «Вдоль Невского проспекта стояла фронтом вся гвардия, — вспоминал Николай Иванович. — Мы смотрели церемонию из квартиры **нюренбергского купца** Себастиана Гешта, выходившей на площадку перед церковью. В ожидании окончания службы в церкви Павел разъезжал верхом, надуваясь и пыхтя по своему обычаю. Великие князья Александр и Константин, как теперь их вижу, в семеновском и измайловском мундирах, бегали на морозе пред церковью, стараясь согреться. Один полицейский офицер стоял на краю площадки, во фронте. Вдруг подали сигнал. Все поспешили к местам. Раздались музыка, ружейные выстрели, пушечная пальба. Потом войска прошли церемониальным маршем. Все утихло; площадь опустела. Один только этот

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

полицейский стоял на месте. К нему подошел другой, коснулся его, и он упал на снег: несчастный замерз!»[62]

Вскоре после воцарения Павла I в Санкт-Петербург из Полоцка переселился один из руководителей «Общества Иисуса» **Гавриил Грубер** (1740–1805). По специальности — инженер-гидрограф, родом из Австрии, он в 1755 г. стал членом «Общества Иисуса». После роспуска общества в 1773 г. Папой Климентом XIV Грубер последним из иезуитов Австрии сложил с себя одежды и обеты своего ордена. В 1786 г. Грубер прибыл в Полоцк, где под покровительством Екатерины II вокруг Полоцкой коллегии собирались иезуиты, не принявшие папский указ (бреве). Гавриил Грубер отличался обширными познаниями: он был искусным механиком, прекрасно знал математику, физику, химию и медицину, был талантливым живописцем и музыкантом. Павел I был очарован Грубером и разрешил ему свободный доступ в свой кабинет в любое время. Павел I благоволил к иезуитам: он видел в них защиту «от волн неверия, просвещения и якобинства в своей империи».

18 октября 1800 г. Павел I подписал указ, согласно которому иезуитам официально разрешалось совершать богослужения в Санкт-Петербурге. Для этого обществу был передан собор св. Екатерины со всем его имуществом и прилегающими строениями. Помимо этого, на набережной Екатерининского канала выделялся участок под постройку здания для церковного причта. «Обществу Иисуса» было разрешено организовывать при храме коллегию — школу-пансион для воспитания детей из дворянских семей. Вблизи Невского проспекта на набережной Екатерининского канала для иезуитского коллегиума был выстроен дом. Здесь получили образование представители многих знатнейших родов России: Барятинских, Волконских, Вяземских[63].

Собор был украшен большим количеством деревянных скульптур, великолепными иконами; необычным был рисунок мозаичных полов. Однако не все его сокровища были доступны взору случайного посетителя. Наиболее ценные произведения хранились либо в ризнице, либо в квартире настоятеля. К числу таких шедевров относился изготовленный из серебра переносной алтарь работы Тэлота.

Иоганн Андреас Тэлот — знаменитый рисовальщик, гравер и золотых дел мастер, родился в Аугсбурге в 1654 г.; там же в 1734 г. он и скончался. В те времена Аугсбург был центром производства золотых и серебряных изделий. В конце XVII столетия волна итальянского

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

влияния направила сюда свой путь и немецкий ренессанс был вытеснен стилем барокко. Именно к этой переходной эпохе относится переносной алтарь работы Тэлота. На его главном образе — подпись "J.A. Thelot. 1719"[64].

Главная композиция, выполненная в чеканке, изображала «Поклонение пастухов» (дверца дарохранительницы). Вверху располагалось «Благовещение» (дверца мощехранилища), далее — «Воскресение Христово» и наконец — «Успение Богоматери». Исполненный по заказу одного из епископов Вюрцбурга, этот алтарь впоследствии очутился во Франции, потом в Италии — Риме, Неаполе, а во время наполеоновских войн опять возвратился в Аугсбург. Здесь в 1803 г. этот алтарь приобрел российский купец **Перлинг**, **католик немецкого происхождения**. Он отдал за эту святыню 2475 гульденов и вскоре пожертвовал его иезуитам, подвизавшимся в то время при соборе св. Екатерины в Петербурге[65].

...Получив почти полную независимость в российской столице, иезуиты сразу же приступили к широкой миссионерской деятельности, стремясь также оказывать влияние в политических делах. Окрыленный достигнутыми успехами, Гавриил Грубер представил Павлу I записку, в которой предлагал сделать первые шаги к примирению и воссоединению Православной и Католической церквей. По словам историка-иезуита Павла Пирлинга (родом из России), «доверие Павла I доходило до того, что он не скрывал от Грубера своих душевных настроений, своего взгляда на церковное единство, даже поручил ему объясниться с православными епископами и препроводил в Рим его записку о соединении Церквей»[66].

Тот же автор говорит об отношении тогдашнего Папы Римского Пия VII к этому вопросу: «Мое желание — присоединить Греческую с Католической верой; для сего важного предмета, который вечно прославит и сделает бессмертным имя великого Павла Первого, я готов сам ехать в С.-Петербург, изустно трактовать с государем, коего характер основан на истине, правосудии и верности»[67].

Дальнейшее развитие событий было бы благоприятным для проекта о соединении церквей, но к этому отрицательно отнеслись православные иерархи. По поручению одного из митрополитов префект Александро-Невской академии архимандрит Евгений (Болховитинов) составил «Каноническое исследование о папской власти в христианской церкви», разрушившее унициональные замыслы Грубера[68].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Со временем отношение Павла I к Груберу заметно охладело; император велел более не допускать Грубера в свой кабинет. Была еще одна причина, приведшая к этому. В записках швейцарского пастора Этьена Дюмона сообщается о том, что Грубер «свободно входил к Павлу I, сумел доставить большой кредит (доверие. — *а.А.*) своему ордену и потерял его по неосторожности. Он попросил у императора разрешения вести пропаганду между русскими. От него сразу отвернулись, и он не был более принят»[69]. А в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Павел I был убит заговорщиками...

Эпоха Александра I (1801–1825)

В 1802 г. Гавриил Грубер был избран генеральным настоятелем «Общества Иисуса» (по счету 23-м). Он продолжал пользоваться значительным влиянием при дворе Александра I. При встрече с Папой Пием VII в Неаполе Грубер добился восстановления «Общества Иисуса» в России[70].

Подобно своему отцу, Александр I не был чужд мысли о сближении Римско-католической и Православной церквей. Он посылал к Папе своего генерал-адъютанта, графа Мишо де Боретура и лелеял мысль о соединении церквей. Вот что пишет о своих беседах с Мишо в Вероне Шатобриан: «Мы коснулись соединения церквей — Греческой и Латинской. Александр склонялся к этому, но он не почитал себя достаточно сильным, чтобы попытаться осуществить такое намерение... Он не знал — подчиняется ли он тайным велениям Господа или всего лишь внутренним побуждениям, которые толкнули бы его к святотатству, сделали бы его ренегатом»[71].

Март был «неблагоприятным месяцем» для Павла I, а также и для Гавриила Грубера. Его жизнь закончилась трагически: во время пожара, возникшего при неясных обстоятельствах в ночь с 25 на 26 марта 1805 г. в только что построенном доме иезуитов на набережной Екатерининского канала, он сгорел в своей комнате. Многие современники Грубера считали его гибель преднамеренным убийством. Его деятельность продолжил иезуит Березовский, избранный генеральным настоятелем «Общества Иисуса». Но влияние иезуитов при дворе после смерти Грубера резко снизилось[72].

Вторжение наполеоновских войск в Россию представляло большую опасность и для ее столицы. «Спасителем града Петрова» стал представитель знатного **немецкого рода**, талантливый военачальник

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

граф Петр Христианович Витгенштейн (1762–1842). В 1812 г. с 20-тысячным войском он закрывал путь на С.-Петербург. Ранее П.Х. Витгенштейн принимал участие в войнах с Францией (1805–1807) и Турцией (1808). В 1814 г. он был тяжело ранен во Франции. В 1818 г. П.Х. Витгенштейн — главнокомандующий 2-й армией, а в 1828 г. он получил начальство над войсками в европейской Турции[73]. В том же 1828 г. сын фельдмаршала Л.П. Витгенштейн венчался в петербургском соборе св. Екатерины.

Указом от 20 декабря 1815 г. пансион иезуитов был закрыт. «Они (иезуиты) стали сделанную им доверенность употреблять во зло: стали порученных им юношей и некоторые лица из слабейшего женского пола отвлекать от нашего (православного. — *а.А.*) и прельщать в свое вероисповедание»[74], — говорилось в указе, озаглавленном «О высылке всех иезуитского ордена монахов из Санкт-Петербурга».

Собор св. Екатерины был изъят из ведения иезуитов; повеление об этом было изложено в указе на имя митрополита римско-католических в России церквей Богуша-Сестренцевича. «В тот же день, по получении сего, назначить потребное число священников, дабы служба церковная не была ни мало остановлена, — предписывалось митрополиту Станиславу. — Впоследствии времени выписать, откуда заблагорассудите, монахов других орденов, кроме Езуитского, которые бы церковную службу совершали при здешней римско-католической церкви»[75].

На место иезуитов в С.-Петербург были присланы польские доминиканцы; богослужения в соборе св. Екатерины продолжались, но у Жозефа де Местра это не вызвало особой радости. «По сути дела, теперь здесь совсем нет католического богослужения, — сетует он в своем очередном письме (от 4 (16) февраля 1816 г.). — Как и предсказывали, вместо иезуитов к нам назначили польских мужиков, а недавно одному из них велели говорить проповедь по-итальянски, что, конечно, оборотилось сущей комедией»[76].

Посланник сардинского короля не снимает части вины и с членов «Общества Иисуса». «Иезуиты, обманувшиеся числом и высоким положением новообращенных, уже почитали, как говорится, город взятым, но действовали они с излишней поспешностью, — продолжает де Местр. — Пробудилась национальная гордость, и воспоследовала катастрофа. Для религии, имеющей здесь не менее 10 тыс. прихожан, это был смертельный удар»[77]. Что же касается самих иезуитов как «физических лиц», то они были высланы из Санкт-Петербурга в Полоцк; им было запрещено жительство в Петербурге и Москве.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

После кончины Папы Пия VII в 1823 г. было предписано совершать панихиды по усопшему архипастырю во всех римско-католических храмах Российской империи; скорбное чинопоследование было совершено и в храме св. Екатерины в Санкт-Петербурге.

В 1816 г. собор св. Екатерины был передан доминиканцам, которые совершали здесь богослужения до 1892 г. При них собор наладил тесные связи с Римом. Папские посланники постоянно посещали Петербург. Первым приором после возвращения храма доминиканцам стал Юстин Сокульский, занимавший эту должность до 1825 г.[78]

Однако влияние иезуитов продолжало сказываться в высших кругах российского общества. Так, в 1818 г. в католичество перешла княгиня Александра Петровна Голицына (1774–1842), дочь сенатора генерала П.С. Протасова. Все это побудило Александра I к решительным мерам; в 1820 г. деятельность общества на территории России была запрещена.

Пушкинская эпоха

Первым приором после возвращения собора св. Екатерины доминиканцам в 1816 г. стал Юстин Сокульский. В 1825 г. его сменил Демиан Иоджевич; позже приорами были: Доминик Лукашевич, Панталеон Юзефович, Максимилиан Станевский, Доминик Стацевич, Якуб Шкиллондж и вновь Доминик Лукашевич[79].

В один из дней 1828 г. в соборе св. Екатерины было особенно празднично. Здесь при большом стечении народа венчался Л.П. Витгенштейн, сын знаменитого фельдмаршала, «спасителя града Петрова», как его называли современники. На свадьбе присутствовали многие из его друзей — А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, И.И. Козлов, П.А. Вяземский, В.А. Жуковский, братья Брюлловы, А.О. Смирнова-Россет и другие выдающиеся деятели русской литературы и искусства. Венчался же Лев Петрович с молодой петербурженкой Стефанией Радзивилл, которую не раз воспевали в своих стихах Пушкин и Козлов[80].

В эти годы внутреннее убранство собора поражало своим великолепием. Цветные витражи, мозаичный пол, художественная лепка по стенам, картины на библейские темы — вся эта обстановка создавала у молящихся праздничное настроение. Гордостью храма был превосходный орган, изготовленный по специальному заказу **немецкими мастерами**.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Собор св. Екатерины в 1840–1930-е годы

В 1842 г. в Санкт-Петербург из Вильно была переведена Римско-католическая духовная академия. Ее ректором был назначен ксендз Игнатий Холовинский, известный своими трудами по истории Католической церкви и переводами пьес Шекспира на польский язык. В 1848 г. он был возведен в сан епископа, а в 1851 г. стал архиепископом и митрополитом. Игнатий Холовинский во многом способствовал украшению интерьера собора св. Екатерины. При нем здесь были размещены деревянные позолоченные фигуры апостолов; массивная бронзовая позолоченная люстра, в которой горело 300 свечей, была подвешена под куполом собора. Это был дар герцога **Максимилиана Лейхтенбергского** (1817–1852), зятя императора Николая I. Огромная библиотека из 60 тыс. томов на 30 языках, изумительная акустика зала — все это привлекало сюда множество молящихся.

В начале XX в. Католическая церковь имела в России 12 епархий; в Санкт-Петербурге действовали 8 католических соборов и не менее 10 приходских и домовых церквей[81]. В храме св. Екатерины был установлен большой орган фирмы «Валькер»; здесь постоянно звучала музыка, давались концерты духовной музыки.

Церковь святого Бонифация

Число немецких католиков в С.-Петербурге постоянно росло, и в начале XX столетия было решено выстроить для них отдельный храм. Немецкой католической общине подданных Германии и Австро-Венгрии был выделен участок земли на Церковной улице (ныне ул. Блохина, 9). Здесь началось строительство церкви святого Бонифация (приходская церковь для католиков германского подданства). Здание храма было построено по проекту гражданского инженера Владимира Дмитриевича Николя и освящено весной 1914 г. Оно размещалось на Петербургской стороне, недалеко от собора св. князя Владимира. Храм славился пышностью богослужений и посещался всеми немцами-католиками, проживавшими в Петербурге. К нему было приписано в июне 1914 г. 1500 прихожан. Настоятелем был Иоганн Себастьян Шумп.

После начала Первой мировой войны храм был временно закрыт; его настоятель был вынужден покинуть Петроград. Вскоре после этого церковь открыли вновь. Новым настоятелем был назначен магистр богословия доктор канонического права Антон Францевич Около-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Кулак. Согласно постановлению президиума Леноблисполкома от 1 августа 1935 г., храм был закрыт и передан под детский сад Электротехнического завода им. Кулакова, позднее его здание перестроили. В 1990-х годах в этом четырехэтажном здании размещалось 11-е отделение Кожгалантерейного завода им. А. Бебеля[82].

Собор св. Екатерины: закрытие и возрождение

Собор св. Екатерины продолжал оставаться действующим до 1939 г.; его обслуживали французские священники: до августа 1935 г. — епископ Амудрю, а затем — священник Кловис Флоран[83]. В конце 1920-х годов, по свидетельству А.Э. Краснова-Левитина, «в Питере было 6 действовавших католических церквей. Главным центром католичества был великолепный кафедральный собор святой великомученицы Екатерины на Невском проспекте»[84].

Согласно постановлению президиума Верховного Совета РСФСР от 7 сентября 1938 г., храм св. Екатерины был закрыт и разорен. На двор были выброшены разбитые иконы и церковная утварь. Перестала существовать великолепная библиотека, насчитывавшая более 10 тыс. редких изданий на 30 языках.

После упразднения прихода св. Екатерины здание храма первоначально было передано Этнографическому музею и использовалось под складские помещения. Пожар, вспыхнувший в соборе в 1930-х годах, уничтожил орган фирмы «Валькер»[85]. На протяжении 50 лет прекрасное здание на Невском проспекте не имело хозяина. Постепенно из его стен исчезли книги и картины; последние годы здесь размещалась дирекция Музея истории религии и атеизма, а главное помещение собора использовалось как склад.

В 1968 г. по решению исполкома Ленсовета здание храма передали в ведение Ленинградской государственной филармонии для организации там органного зала. Долго работали в помещении архитекторы-реставраторы, буквально по кусочкам собирая остатки интерьеров, чтобы придать внутренней части церкви ее первоначальный вид. Под руководством опытного архитектора А.И. Тараненко были сделаны обмеры здания, составлены сметы необходимых работ, но приступать к ним не торопились. Шли годы, а собор продолжал разрушаться.

Бесхозяйственность и недобросовестность арендаторов в конце концов привели к беде. Пожар, происшедший 14 февраля 1984 г., уничтожил остатки убранства интерьеров, разрушил мраморные

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

скульптуры, свел на нет многолетнюю работу реставраторов[86]. После подавления августовского путча 1991 г. духовная атмосфера в Санкт-Петербурге стала не столь удушающей. Была зарегистрирована католическая община св. Екатерины, что давало ей возможность хлопотать о возвращении храма в ее собственность.

В феврале 1992 г. петербургская мэрия приняла решение о возвращении верующим храма св. Екатерины. К октябрю 1992 г. в соборе св. Екатерины был завершен первый этап реставрационных работ. Там убрали мусор, расчистили полы, установили временный алтарь. В первое воскресенье октября 1992 г., в 18 часов, состоялось повторное освящение главной католической церкви города. Это было первое после 1917 г. освящение храма Римско-католической церкви не только в Санкт-Петербурге, но и в России. Торжественное богослужение возглавил апостольский администратор европейской части России архиепископ Тадеуш Кондрусевич[87]. (Учился в 1964–1970 гг. в Ленинградском политехническом институте.)

Настоятелем храма был назначен **отец Евгений Гейнрихс — выходец из семьи российских немцев-лютеран**. (Он являлся также деканом Северо-Западного округа Апостольской администратуры Европейской части России). Как отметил о. Евгений, приход св. Екатерины многоязычный: «...богослужения совершаются для разных групп верующих на русском, английском, польском, испанском и даже корейском языках. Но большинство людей принадлежит к русской языковой традиции, хотя все-таки около 80 % так или иначе, через боковые линии своего происхождения, связаны с традиционно католическими этносами»[88].

Однако прошло еще несколько лет, прежде чем реставрация капеллы была завершена. Это была отнюдь не «основная церковь»; реставраторы воссоздали мрамор стен, лепнину, подлинный престол, колонны. Работы проводились на деньги, собранные католиками США, по инициативе о. Роберта Фокса.

В свою очередь участие в судьбе памятника принял ГИОП. Он выделил средства на реставрацию скульптур на фасадах и гидроизоляцию подвала. В 1997 г. Комитет по охране памятников выделил храму 421 тыс. деноминированных рублей на реставрацию, а в 1998 г. — 200 тыс.[89] **Немецкая фирма** — производитель теплового оборудования — безвозмездно провела в капеллу тепло.

Осенью 1996 г. воздушные монтажники провели уникальную операцию по установке 7-метрового креста на купол храма св. Екатери-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ны. Изготовленный в 1763 г. крест был восстановлен мастерами петербургского судоремонтного завода по чертежам XVIII в. Утром 28 октября крест был доставлен к храму, где при помощи художников, устроивших небольшую галерею под открытым небом перед входом в храм, заводские мастера закончили монтаж позолоченных деталей; затем его освятил настоятель собора **отец Евгений Гейнрихс**. Сложнейшая операция по заводу креста в специальную ловушку при помощи вертолета, на подготовку которой ушло несколько месяцев, была в считанные минуты выполнена альпинистами под руководством Романа Юринова. Петербургские реставраторы и монтажная бригада уже не в первый раз работали в храме св. Екатерины. В марте 1994 г. здесь были проведены аналогичные работы по установке золоченного титанового креста над входом в храм[90].

Теперь нарядное убранство капеллы являет собой разительный контраст с изуродованным огнем интерьером собора. Автором проекта дальнейшей реставрации стала польский архитектор Ромуальда Ханковска[91]. Отныне текст мраморной мемориальной доски на стене капеллы гласит, что она отреставрирована на средства простых католиков и освящена 11 октября 1998 г.

В 2003 г. в Санкт-Петербурге прошли торжества, приуроченные к 300-летию основания города на Неве. 26 мая в 22.30 состоялось открытие художественно-декоративной подсветки собора св. Екатерины, выполненной при финансовой поддержке Италии[92].

1. Полный свод законов Российской империи (далее — ПСЗРИ) с 1649 г. СПб., 1830. Т. IV. С. 193. № 1910.

2. Депеша № 5. Москва. 3 окт. 1703 г. // Сборник Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). СПб., 1881. Т. 34. С. 29–30.

3. Там же. С. 30.

4. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. IV. С. 194. № 1910.

5. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904. С. 186.

6. Там же.

7. Этот храм находился на том месте, где позже В.П. Стасовым было построено здание казарм Павловского полка. В нем при советской власти разместилось управление Ленэнерго (*Шульц С.* Храмы Санкт-Петербурга. СПб., 1994. С. 232).

8. *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга. СПб., 1885. С. 40, примеч. 200.

9. Письма иезуитов... С. 188.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

10. *Пушкин А.С.* Полное собр. соч. М., 1938. Т. 10. С. 228.
11. Там же. С. 191.
12. Цит. по: *Шульц С.* Храмы Санкт-Петербурга. СПб., 1994. С. 231.
13. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. V. № 3356. С. 694.
14. *Хавен Петер фон.* Путешествие в Россию // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 336.
15. *Петров П.Н.* Указ. соч. С. 40, примеч. 200.
16. *Хавен Петер фон.* Указ. соч. С. 336–337.
17. Там же. С. 337.
18. *Петров П.Н.* Указ. соч. С. 40, примеч. 200.
19. Цит. по: *Шульц С.* Указ. соч. С. 231.
20. Там же.
21. *Хавен Петер фон.* Указ. соч. С. 336.
22. *Богданов Г.* Историческое, географическое и топографическое описание Санктпетербурга. СПб., 1779. С. 450.
23. *Туманский Ф.* Описание Санктпетербурга // Российский магазин. СПб., 1792. Ч. 1. С. 178.
24. *Шульц С.* Указ. соч. С. 232.
25. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. X. № 7654. 14 сент. 1738 г. Именной, объявленный из кабинета Ея Величества Комиссии о санкт-петербургском строении. Об отводе места под римско-католическую церковь. С. 612.
26. *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. Ч. II. С. 280.
27. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. IX. С. 482. № 6693. 22 февр. 1735 г.
28. Там же. С. 482.
29. Там же.
30. Там же.
31. *Корольков М.* Архитекты Трезины // Старые годы. 1911. № 4. С. 26.
32. Там же. С. 239.
33. Записки Штелина об императоре Петре III (Дополнение) // ЧОИДР. 1866. Кн. 4. Дек. Отд. V. С. 101.
34. *Штелин Якоб.* Известия о музыке в России // Музыкальное наследство. Сб. материалов по истории музыкальной культуры в России. М., 1935. С. 150–151.
35. Там же. С. 151.
36. *Шульц С.* Указ. соч. С. 233.
37. Там же. С. 36.
38. *Казанова Д.* История моей жизни. М., 1990. С. 555.
39. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. XVIII. С. 832–833. № 13.251. Жалованная грамота Санкт-Петербургской римско-католической церкви. 12 февр. 1769 г.
40. *Шульц С.* Указ. соч. С. 233.
41. *Георги И.Г.* Указ. соч. СПб., 1794. Т. II. С. 281.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

42. Там же. С. 834.
43. Там же. С. 835.
44. *Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. СПб., 1877. Т. II. С. 41.
45. *Шульц С.* Указ. соч. С. 233.
46. Регламент... С. 833.
47. Там же.
48. *Георги И.Г.* Указ. соч. С. 281. Т. II.
49. *Коган В.М.* Судьба костела на Невском // Ленинградская панорама. 1986. № 12. С. 36.
50. *Георги И.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 280.
51. *Шульц С.* Указ. соч. С. 233.
52. *Туманский Ф.* Указ. соч. С. 178.
53. *Георги И.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 282.
54. Там же. С. 281.
55. *Врангель Н.*, барон. Иностранные художники XVIII столетия в России // Старые годы. 1911. № 7–9. С. 44.
56. *Туманский Ф.* Указ. соч. СПб., 1792. Ч. 1. С. 175.
57. Там же. С. 178.
58. *Пушкин А.С.* Полное собр. соч. М., 1940. Т. VIII. Ч. II. С. 943.
59. *Иванов Анатолий.* «Нюрнбергские лавки»... на Невском // Санкт-Петербургские ведомости. 24.02.2012. № 33. С. 6.
60. Донесение М. де Гальвеса Х. де Флоридабланке от 24 марта (4 апреля) 1790 г. // Россия и Испания. М.,1991. Т. 1. С. 385–386.
61. Там же. С. 386.
62. *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М., 2000. С. 100.
63. *Шульц С.* Указ. соч. С. 236.
64. *Боравский Александр.* Переносной алтарь Иоанна Андрея Тэлота // Старые годы. 1909. Нояб. С. 625. (Фотография алтаря: Там же. Между с. 626 и 627).
65. Там же. С. 625. (Этот алтарь являлся собственностью собора св. Екатерины и находился в квартире настоятеля вплоть до 1917 г.)
66. *Пирлинг П.* Исторические статьи и заметки. СПб., 1913. С. 185.
67. Там же. С. 186.
68. Христианство: Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. 1. С. 516.
69. Дневник Этьена Дюмона об его приезде в Россию в 1803 г. // Голос минувшего. 1913. Февр. С. 160–161.
70. В бреве Папы Пия VII от 7 марта 1801 г. иезуитам позволялось объединиться в «Общество Иисуса», «но только в России, а не вне пределов этой империи» (*Толстой Д.А.* Римский католицизм в России. СПб., 1877. Т. II. С. 142–143).
71. Цит. по: *Любимов Лев.* Тайна императора Александра I // Юность. 1994. № 7. С. 53.
72. *Шульц С.* Указ. соч. С. 236.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

73. Малый энциклопедический словарь / Изд. Брокгауз и Ефрон. 2-е изд. СПб., 1907. Т. I. С. 868.

74. ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. XXXIII. С. 409. № 26032.

75. Там же. С. 410. № 26033. 20 дек. 1815 г. Об определении к санкт-петербургской римско-католической церкви на место иезуитов, монахов из других орденов.

76. Там же. С. 287.

77. Там же.

78. *Шульц С.* Указ. соч. С. 236.

79. Там же.

80. *Коган В.М.* Указ. соч. С. 36.

81. *Шульц С.* Указ. соч. С. 232.

82. Там же. С. 243–244.

83. Там же. С. 239.

84. *Краснов-Левитин А.Э.* Лихие годы. 1925–1941. Париж, 1977. С. 227–228.

85. *Котляревский А., Шляпников В.* Столица органной музыки // Ленинградская правда. 13.04.1991. № 86–87.

86. *Коган В.М.* Указ. соч. С. 37.

87. Вечерний Петербург. 2.10.1992. № 228.

88. Интервью с о. Евгением Гейнрихсом // Русская мысль. 1998. 3–9 сент. № 4235. С. 19.

89. Возрождение костела-памятника // Невское время. 1998. 17 окт. № 191. С. 2.

90. Благовест-инфо. СПб. 29 окт. 1996 г.

91. *Леусская Л.* Капелла вновь освящена // Санкт-Петербургские ведомости. 1998. 14 окт. № 193. (Незадолго до своей кончины Ромуальда Ханковска издала книгу «Храм святой Екатерины в Санкт-Петербурге». СПб., 2001.)

92. Город перспектив // Аргументы и факты — Петербург. 2003. № 21. С. 1.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

XIX век

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Л.Л. Сардак

ЗАБЫТЫЙ ГЕНЕРАЛ ФЕДОР ИВАНОВИЧ БАРОН МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКИЙ

Восьмого апреля 1807 г. находившийся в Бартенштейне, главной квартире соединенных русских и прусских войск, ведших боевые действия против наполеоновской армии в Пруссии, император Александр I подписал высочайший рескрипт следующего содержания: «Господин генерал-майор Барон Миллер-Закомельский! В вознаграждение отличной храбрости, оказанной вами в сражении против войск французских при Прейс-Эллау 26 числа января, где, начальствуя вверенной вам частию, атаковали две неприятельских пеших колонны и изрубили до ста человек, а 27 числа под выстрелами картечными и из ядер мужественно прикрывали некоторые пехотные полки, жалую вас кавалером ордена Святого равноапостольного князя Владимира третьей степени, коего знак при сем к вам доставляя, повелеваю возложить на себя и носить установленным порядком, уверен будучи, что он послужит вам поощрением к вящему продолжению ревностной службы вашей»[1]. Орден и рескрипт были вручены шефу Каргопольского драгунского полка генералу-майору Федору Ивановичу Меллер-Закомельскому. Сегодня это имя забыто, упоминания о нем не встретишь ни в одной российской энциклопедии прошлого и настоящего времени, и лишь скупые слова в исторических записках и дневниках его современников напоминают о жизни и деяниях этого человека.

В 1772 г. в Санкт-Петербурге в семье артиллерии генерал-майора Ивана Ивановича Меллера, состоявшего присутствующим членом Канцелярии Главной артиллерии и фортификации и одновременно, бывшего по повелению Екатерины II директором (главным командиром) Канцелярии большого Ладожского канала и членом Совета

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Шляхетного сухопутного кадетского корпуса, родился сын Федор. В многодетной семье генерала и кавалера И.И. Меллера он был младшим из пятерых сыновей и трех дочерей. Все его старшие братья пошли по стопам отца в военную службу. Своего младшего сына Иван Иванович тоже хотел видеть военным, записав его в четырехлетнем возрасте служащим в гвардии сержантом[2]. Такие случаи, как известно, были нередки в те времена. В своих мемуарах Л.Н. Энгельгардт, человек одного поколения с Ф.И. Меллером-Закомельским, отметил: «Большею частью все дворяне записывали своих детей в гвардию, смотря по связям их, капралами, унтер-офицерами и сержантами; не имевшие же случая, записав малолетних своих детей недорослями, брали их к себе для воспитания до возраста; старшинство их считалось по вступлению в настоящую службу, а случайные вносились в список служащих; тогда давали им паспорты до окончания наук. В одном Преображенском полку считалось более тысячи сержантов, а недорослям не было и счету»[3].

В 14 лет Федор Меллер выходит из гвардии и начинает службу флигель-адъютантом чина армии капитанского в штабе генерала от артиллерии Меллера. К этому времени его отец уже генерал-аншеф и командующий всей артиллерией русской армии. По штату ему полагалось иметь одного генерал-адъютанта премьер-майорского чина и двух флигель-адъютантов капитанского чина. В сентябре 1786 г. Федор Меллер становится генерал-адъютантом чина майорского. А.Ф. Ланжерон, французский эмигрант, дослужившийся в русской армии того времени до звания генерал-майора, в своих воспоминаниях едко написал: «В России, кроме службы в гвардии, существуют еще и другие способы хватать чины не служа; самый верный и самый обыкновенный — это причислиться в качестве ординарца или по особым поручениям и т. п. к фавориту; у него обыкновенно таких двести или триста человек, и он не знает из них и половину, но, тем не менее, быстро повышает их по службе. Того же достигают через адъютантские должности у генералов; фельдмаршал, например, имеет двух адъютантов в чине подполковника, и они по прошествии шести лет становятся полковниками и получают полки, не выходя до тех пор из конюшни или передней своих начальников»[4]. Все без исключения сыновья генерал-аншефа Меллера в свое время прошли через адъютантские должности при нем, в том числе и будущий военный министр, член Государственного Совета Петр Иванович Меллер-Закомельский. Пробыв некоторое время в адъютантских должностях,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

сыновья Ивана Ивановича продолжали службу в армии и достигали званий и наград своим рвением в службе, мужеством и отвагой в сражениях. Отец их, генерал-аншеф И.И. Меллер, прославился во вторую при Екатерине II Русско-турецкую войну при взятии турецкой крепости Очаков, штурм которой был проведен 6 декабря 1788 г. по разработанному им плану. Щедро одарив И.И. Меллера землями в войтовстве Закомельском Полоцкой губернии, наградив его орденами Св. Георгия 2-й степени и орденом Св. Апостола Андрея Первозванного, императрица Екатерина II 30 июня 1789 г. пожаловала ему, его детям и потомкам, от него происходящим, достоинство барона Всероссийской империи с повелением носить фамилию Меллер-Закомельский.

В отличие от своих старших братьев (артиллерии подполковника Петра, артиллерии майора Карла и армии подполковника Егора) Федор не принимал участия в боевых кампаниях 1788 и 1789 гг. против турок. В начале осени 1790 г. 18-летний генерал-адъютант Федор Меллер-Закомельский отправился вместе с отцом к крепости Татар-Бунар, где был расположен Соединенной армии Потемкина-Таврического левофланговый корпус, командующим которого был назначен генерал-аншеф барон Меллер-Закомельский. Армии Г.А. Потемкина предназначалось действовать против турецких крепостей Килия, Тульча, Исакча, Измаил, запиравших вход русским кораблям из Черного моря в устья Дуная. 7 октября 1790 г. корпус генерала-аншефа барона Меллер-Закомельского подошел к своей первой цели — крепости Килия — и разбил лагерь в 10 верстах от нее. Предложив гарнизону крепости сдаться и получив отказ, И.И. Меллер-Закомельский приказал генералу-поручику А.Н. Самойлову с подчиненными ему войсками ночью этого же дня взять штурмом ретраншемент, защищавший предместье крепости, и удерживать его до подхода основных сил. В ночном бою Самойлов потерял управление над войсками, «солдаты вышли из повиновения, разбрелись по форштату (предместью. — *Л.С.*), расположенному между крепостью и ретраншементом, предались всяким неистовствам... истребляя и опустошая все, что ни попалось». Когда находившемуся в лагере корпуса И.И. Меллер-Закомельскому доложили о происходящем, он спешно отправился к крепости. Прибыв в форштат, генерал-аншеф стал лично руководить организацией отпора выступившим из крепости туркам, но «...роковая пуля попала ему в звезду и прошла навылет наискось через весь его корпус». Успев передать командование корпусом прибывше-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

му из лагеря к крепости генералу-поручику И.В. Гудовичу, Иван Иванович потерял сознание. Десятого октября 1790 г. генерал-аншеф барон И.И. Меллер-Закомельский умер. Федор Меллер-Закомельский был очевидцем всех этих событий. Скорее всего он сопровождал тело отца в Херсон, где по предписанию Г.А. Потемкина-Таврического генерал-аншеф был захоронен 16 октября «со всею надлежащею почестью» у стены Свято-Екатерининского собора рядом с могилой его сына артиллерии майора Карла Меллера, скончавшегося в 1788 г. от тяжелого ранения, полученного при штурме Очакова[5].

18 октября 1790 г. турки сдали крепость Килия осаждавшим ее русским войскам. В этот же день Федор Меллер-Закомельский был пожалован в подполковники Харьковского легкоконного полка и больше не принимал участия в боевых действиях. После окончания войны 5 мая 1792 г. подполковник Ф.И. Меллер-Закомельский был переведен в Тверской карабинерный полк.

В начале 1790-х гг. в Европе нарастали революционные настроения, порожденные Французской революцией 1789 г. В 1791 г. в Польше была принята Конституция, целый ряд положений которой был направлен на укрепление польской государственности, что противоречило интересам Австрии, Пруссии и России. Правители этих стран прибегли к решительным мерам против угрожавшей их власти опасности, намереваясь военным путем остановить распространение революционной угрозы и штыками восстановить французскую монархию. Воспользовавшись тем, что часть польских вельмож, недовольных новой Конституцией, обратилась к русской императрице за содействием в ее отмене, Екатерина II в 1792 г. направила в поход на Варшаву русскую армию, которая, подавив слабое сопротивление сторонников вновь принятой конституции, оккупировала Польшу. В том же году, разорвав дипломатические отношения с Францией, Россия заключила союзный договор с Пруссией. Группа русских офицеров-волонтеров под командованием генерал-майора графа Валериана Зубова именным высочайшим повелением была направлена в прусскую армию. В составе русских волонтеров был и барон Федор Меллер-Закомельский, принимавший участие в походе на Варшаву.

В 1793 г. Россия взяла на себя обязательства участвовать наряду с Англией, Австрией и Пруссией в интервенции против революционной Франции, но события 1794 г. в Польше (восстание под руководством Тадеуша Костюшко) не позволили Екатерине II направить войска во Францию. Русские волонтеры были отозваны из прусской

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

армии. Генерал-майору графу Валериану Зубову был поручен в командование авангард корпуса генерал-поручика Дерфельдена, ведшего боевые действия против польских мятежников в Литве. Офицеры-волонтеры, вернувшиеся из командировки в прусскую армию, оставались при штабе Валериана Зубова. Присоединившийся к ним в ходе боевых действий Л.Н. Энгельгардт в своих «Записках» вспоминал: «При графе Зубове было нас, волонтеров, одних штаб-офицеров человек с сорок; мне было тогда 27 лет, а летами я был всех старее. В числе оных были граф П.Х. Витгенштейн и А.П. Ермолов»[6]. Был среди этих волонтеров и барон Федор Меллер-Закомельский[7]. За участие в бою при Броках[8] против польских повстанцев подполковник Ф.И. Меллер-Закомельский был пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени[9].

В 1795 г. до российского Императорского двора дошли вести, что персидский шах Ага-Магомет вторгся в пределы Грузии. Грузинский царь Ираклий II отверг требование шаха платить персам дань, заявив, что он признает над собой власть одной российской императрицы. Армия персов двинулась на Тифлис. Потерпев со своей малочисленной армией поражение в открытом сражении с персами, Ираклий вместе с семьей укрылся в горах и запросил помощи у России. Вторжение шаха Ага-Магомета в Грузию и жестокая расправа с населением Тифлиса давали России законное основание вступить в персидские пределы. Командующий Кавказской линией генерал-аншеф И.В. Гудович и генерал-прокурор А.Н. Самойлов получили указания о формировании экспедиционного корпуса русских войск и обеспечении его всем необходимым для похода в Персию. Командовать корпусом, получившим наименование Каспийского, был назначен граф В.А. Зубов, пожалованный чином генерал-аншефа. Зубову предписывалось захватить города Дербент, Баку и, уничтожив власть шаха Ага-Магомета, овладеть во взаимодействии с Каспийским флотом и Кавказским корпусом берегами Каспийского моря.

Федор Меллер-Закомельский, состоявший после завершения польских событий 1794 г. в Тверском карабинерном полку подполковником сверх комплекта, добился командирования на Кавказскую линию. 21 апреля 1796 г. главнокомандующий Кавказской линией генерал-аншеф граф Гудович «дал в команду» волонтеру подполковнику Меллер-Закомельскому Волгский казачий полк[10], который в составе авангарда Каспийского корпуса уже продвигался к Дербенту. 10 мая 1796 г., после того как жители этого города испытали мощь

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

артиллерии русских, защитники осажденной крепости капитулировали. Доставивший в Петербург ключи Дербента барон Ф.И. Меллер-Закомельский 3 июня 1796 г. был пожалован званием полковника.

Генерал-аншеф В. Зубов с вверенными ему войсками продолжал выполнение полученного в Петербурге плана военных действий, продвигаясь горными дорогами к исконным границам Персии. Осенью 1796 г. корпус вышел в район нижнего течения реки Куры и, расположившись в Сальянской степи, начал готовиться к зимовке и кампании следующего года. Все изменилось после скоропостижной кончины императрицы Екатерины II и вступления на престол Павла I. В начале 1797 г. высочайшим повелением полкам, находившимся в корпусе графа Зубова, приказано было после обеспечения их провиантом, лошадьми и деньгами возвращаться в Россию. В июне того же года все войска Каспийского корпуса, переправившись через Терек, покинули Дагестан. В числе прочих возвратился в пределы России и Астраханский драгунский полк, полковником которого с 18 декабря 1796 г. состоял барон Ф.И. Меллер-Закомельский.

Казалось, что у 24-летнего полковника и кавалера с боевым опытом были хорошие перспективы продвижения по службе, но, как вспоминал Л.Н. Энгельгардт, в царствование Павла I «строгость касательно военных была до чрезмерности. За безделицу исключались из службы, заключались в крепость и ссылались в Сибирь, аресты считались за ничто... Гражданским чиновникам и частным лицам было не легче»[11]. 15 февраля 1798 г. полковник Астраханского драгунского полка Ф.И. Меллер-Закомельский «был отставлен от службы с тем же чином». К этому времени уже находились в отставке оба его старших брата, герои штурма Очакова в 1788 г. полковник Егор Меллер-Закомельский и генерал-майор Петр Меллер-Закомельский. Павел I в начале своего царствования без сожаления изгонял из армии заслуженных офицеров екатерининских времен, и только избранные спустя некоторое время возвращались в строй. 30 ноября 1800 г. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали, что «Его Императорское Величество в присутствии своем в Санкт-Петербурге соизволил отдать следующие приказы: <...> 22 ноября — выключенный из кирасирского де Ламберта полку полковник Барон Миллер-Закомельский 1-й (Егор Меллер-Закомельский. — *Л.С.*) принят паки в службу и определен в кирасирский Бринкена полк. Выключенный из драгунского Львова 2-го полку (бывший Астраханский драгунский полк. — *Л.С.*) полковник Барон Миллер-Закомельский 2-й (Федор Меллер-Закомель-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ский. — *Л.С.*) принят паки в службу и определен в драгунский Графа Палена 3-го полк»[12].

Александр I, вступивший на русский престол после бесславной гибели 12 марта 1801 г. в Михайловском замке Павла I, уже 15 марта 1801 г. издал приказ, в котором сообщалось, что «производятся для сравнения с сверстниками Кирасирского Бринкена полку Полковник Барон Миллер-Закомельский 1-й и драгунского Графа Палена 3-го полковник Барон Миллер-Закомельский 2-й в Генерал-майоры с назначением командирами тех полков»[13]. В конце марта того же года драгунский графа Палена 3-го полк был переименован в Каргопольский драгунский полк, шефом которого вместо графа П.П. Палена стал генерал-майор Ф.И. Меллер-Закомельский. По воинскому уставу от 29 ноября 1796 г. шеф считался старшим в полку начальником, ответственным за полк и всякого рода упущения в нем как по строевой службе, так и по военному хозяйству. Шеф, как и другие офицеры, был включен в штатное расписание и обязан был постоянно находиться при полку. Входивший в штат полков полковой командир был старшим после шефа в полку офицером, замещавшим его в случае отсутствия[14].

Каргопольский драгунский полк, ведший свою историю с 1707 г., отличился во вторую Русско-французскую войну 1806–1807 гг., в сражениях при Пултуске и Прейсиш-Эйлау. Участник двухдневного сражения при Прейсиш-Эйлау, состоявшегося 26 и 27 января 1807 г., Д.В. Давыдов писал, что это сражение «было кровавым предисловием Наполеонова вторжения в Россию. <...> Не оспаривая священного места, занимаемого в душах наших Бородинскою битвою, нельзя, однако ж, не сознаться в превосходстве над нею Эйлавской относительно кровопролития. Первая, превышая последнюю восьмьюдесятью тысячами человек и с лишком шестьюстами жерлами артиллерии, едва-едва превышала ее огромностью урона, понесенного сражавшимися. Этому причиною род оружия, чаще другого употребленного под Эйлау. В Бородинской битве главным действовавшим оружием было огнестрельное, в Эйлавской — рукопашное. В последней штык и сабля гуляли, роскошествовали и упивались досыта»[15]. О действиях Каргопольского драгунского полка «в достопамятном сражении при Прейсиш-Эйлау» сообщалось во «всеподданнейшем донесении» главнокомандующего действующей армией генерала от кавалерии Л.Л. Беннигсена императору Александру I: «Лейб-Кирасирский Вашего Величества, Ингермаландский и Каргопольский драгунские

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

полки и Елисаветградский гусарский врубились в неприятельскую кавалерию, вознамерившуюся обойти нас с правого фланга, и много оной побили»[16].

После получения при высочайшем рескрипте ордена Св. Владимира 3-й степени за личное мужество и умелое руководство Каргопольским драгунским полком в битве при Прейсиш-Эйлау Федор Иванович Меллер-Закомельский состоял еще полтора года шефом этого полка. 10 ноября 1808 г. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили: «Его Императорское Величество в присутствии своем в Санкт-Петербурге соизволили отдать следующий приказ: ноября 5-го дня увольняется от службы за болезнями шеф Каргопольского драгунского полка генерал-майор Барон Миллер-Закомельский 2-й с ношением мундира»[17]. На этом армейская карьера Ф.И. Меллер-Закомельского закончилась. Вместе с детьми и женой Варварой Яковлевной, урожденной княгиней Козловской, Федор Иванович стал вести жизнь помещика в селе Адамово Велижского уезда Витебской губернии, доставшемся ему в наследство от отца генерал-аншефа И.И. Меллер-Закомельского.

Десять лет спустя жизнь бывшего генерал-майора Ф.И. Меллер-Закомельского круто изменилась. 19 февраля 1820 г. ему «Именным Высочайшим Указом велено быть могилевским гражданским губернатором с переименованием в действительные статские советники»[18]. Должность эту, скорее всего, он смог получить не без протекции. К этому времени его старший брат Петр Иванович Меллер-Закомельский был уже влиятельным при дворе военным министром и членом Государственного Совета.

Пробыв более десяти лет не у дел, Ф.И. Меллер-Закомельский не был подготовлен к роли высшего губернского чиновника, которому надлежало заниматься различными хозяйственными делами. На гражданских губернаторов того времени приходилось «...неимоверное количество дел, стекающихся к губернатору: жалобы на земские и городские полиции, жалобы на самые суды уездные и городские в медлительности решений, производство разных следствий, пересмотр всех без изъятия уголовных приговоров (а их бывает тысячи), участие во многих делах хозяйственных, распорядок земских повинностей, дела приказа общественного призрения, сношения со всеми министерствами, кипы ежемесячных ведомостей, обозрение губерний, рекрутские наборы и во всех делах помощник исполнения — толпа канцелярских служителей малограмотных и притом нищих»[19]. Граж-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

данские губернаторы назначались на трехгодичный срок. 24 июля 1822 г. действительный статский советник Ф.И. Меллер-Закомельский именным высочайшим указом был «уволен от звания» могилевского гражданского губернатора и причислен к Герольдии с повелением «производить ему жалование по чину до определения к другим делам»[20]. Проживая в своем витебском имении, Ф.И. Меллер-Закомельский состоял при Герольдии до 1834 г., когда были отправлены на пенсию «счисляющиеся по Герольдии не у дел» 64 тайных и действительных статских советника.

Умер помещик Витебской губернии Велижского уезда, действительный статский советник и кавалер барон Федор Иванович Меллер-Закомельский 9 августа 1848 г., похоронен на кладбище Маковской церкви того же уезда. После того как казна прекратила выплату назначенной Ф.И. Меллер-Закомельскому пенсии, его жена и дети оказались в своем обремененном долгами имении без всяких денежных доходов. Император Николай I на обращение к нему за помощью дочерей бывшего могилевского гражданского губернатора повелел назначить жене барона пенсию и выплатить его семье единовременное пособие в размере причитавшейся ему при жизни годовой пенсии.

1. РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. Д. 1916. Л. 2.

2. РГИА. Ф. 1284. Оп. 34. 1 отд. 1 ст. Д. 40. Л. 29 об.–31.

3. *Энгельгардт Л.Н.* Записки. М., 1997. С. 20.

4. *Ланжерон А.Ф.* Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. 1895. № 4. С. 174.

5. См.: *Сардак Л.Л.* Меллер Иван Иванович — родоначальник баронов Всероссийской империи Меллеров-Закомельских // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. СПб., 2011. Вып. 6. С. 7.

6. *Энгельгардт Л.Н.* Указ. соч. С. 128.

7. Список воинскому департаменту и находящихся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету, шефам и штаб-офицерам, также кавалерам и старшинам в иррегулярных войсках на 1794 год. СПб., 1794. С. 162.

8. См.: *Коробков Н.М.* Польская война 1794 г. в реляциях и рапортах А.В. Суворова // Красный архив. М., 1940. Т. 4 (101). С. 180, 181.

9. РГИА. Ф. 1284. Оп. 34. 1 отд. 1 ст. Д. 40. Л. 29 об.–31.

10. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 2. С. 567.

11. *Энгельгардт Л.Н.* Указ. соч. С. 149.

12. Санкт-Петербургские ведомости. 1800. № 96. 30 нояб. С. 4001.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

13. Санкт-Петербургские ведомости. 1801. № 25. 19 марта. С. 948.

14. См.: *Подмазо А.А.* Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1815). М., 1997.

15. *Давыдов Д.В.* Воспоминание о сражении при Прейсиш-Эйлау // Библиотека для чтения. СПб., 1835. Т. 12. Отд. III. С. 78.

16. Санкт-Петербургские ведомости. 1807. № 23. 19 марта. Прибавление. С. 2.

17. Санкт-Петербургские ведомости. 1808. № 90. 10 нояб. С. 1.

18. РГИА. Ф. 1284. Оп. 34. 1 отд. 1 ст. Д. 40. Л. 29 об.–31.

19. *Посохов С.И.* Губернаторы и генерал-губернаторы (1765–1917). Харьков, 1997. С. 12.

20. РГИА. Ф. 1284. Оп. 34. 1 отд. 1 ст. Д. 40. Л. 29 об.–31.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

С.И. Зенкевич

ГРАФ Е.Ф. КАНКРИН В ДОКУМЕНТАХ И ЭПИГРАММАХ, ИЛИ О ПЕРЕЕЗДЕ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ В ОСОБНЯК НА ДВОРЦОВОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

Одной из граней обширной темы «Немцы в Санкт-Петербурге» являются адреса, по которым в нашем городе жили многочисленные представители немецкой диаспоры.

Небезынтересный «адресный» эпизод из жизни влиятельного петербургского (и шире — российского) немца графа Е.Ф. Канкрина[1] связан с переездом Министерства финансов, которое он возглавлял в 1823–1844 гг., в новое здание. Об этом переезде, произошедшем весной 1833 г., свидетельствует значительное количество документов, ныне хранящихся в Российском государственном историческом архиве. Вместе с адресными книгами 1820–1840-х гг. они позволяют воспроизвести обстоятельства покупки в казну особняка для министра и министерства, ход ремонта, имена подрядчиков, расценки, а также уточнить сведения об истории здания на Дворцовой набережной рядом с Мраморным дворцом и оценить некоторые упреки в адрес графа Канкрина в связи с этим переездом.

Дело в том, что въезд министра с подчиненными в отремонтированный особняк всколыхнул общественное мнение в Петербурге; это, в частности, отразилось в едком сатирическом стихотворении. Другой аспект «немецкой» темы, который затронут в этой статье, — проблема восприятия обществом деятельности немца, занимающего высокий государственный пост.

Прежде чем обратиться к заглавному сюжету, охарактеризуем в общих чертах масштабную фигуру Е.Ф. Канкрина как государственного деятеля.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Георг (Georg) Людвиг Даниил (в русской традиции Егор Францевич) Канкрин (1774–1845) приехал в Россию вслед за отцом в 1797 г. В течение первых лет он утверждал здесь свои позиции, изрядно бедствовал, некоторое время работал бухгалтером. В 1800 г. Канкрин был назначен помощником управляющего старорусскими соляными заводами. Далее его деятельность связана с Петербургом. С августа 1809 г. он — инспектор Санкт-Петербургских немецких колоний (в сентябре 2010 г., как известно, отмечалось 200-летие Стрельнинской немецкой колонии[2]). Е.Ф. Канкрин сыграл заметную роль в Отечественной войне 1812 г., прежде всего в деле снабжения русской армии во время войны и заграничных походов. С февраля 1811 г. он — помощник генерал-провиантмейстера, в 1812-м — генерал-интендант 1-й Западной, а с 1813-го — всей действующей армии; в 1815 г. Канкрин получил звание генерал-лейтенанта, в 1828 — генерала от инфантерии. С 1812 г. Е.Ф. Канкрин — член Государственного Совета по Департаменту государственной экономии. 22 апреля 1823 г. Канкрину, как это указано в формулярном списке 1844 г., «Высочайше повелено быть министром финансов»[3]. Этот пост, сменив на нем графа Д.А. Гурьева, он занимал рекордно долго — 21 год.

Во главе Министерства финансов в 1839–1843 гг. Е.Ф. Канкрин во избежание постоянных колебаний в соотношении курса различных видов денег, обращавшихся в России, провел денежную реформу, приведшую к установлению системы серебряного монометаллизма. Министр способствовал развитию образования и науки; поддерживал отечественное производство и торговлю; контролировал таможенные пошлины, проводя политику протекционизма; стремился упорядочить налоговую систему. 29 сентября 1829 г. Е.Ф. Канкрин «Всемилостивейше возведен с потомством в графское Российской Империи достоинство»[4]. В 1844 г. по причине продолжительной болезни он вышел в отставку, уступив место своему коллеге — графу Ф.П. Вронченко.

Итак, граф Канкрин и возглавляемое им Министерство финансов с мая 1833 г., когда истек срок аренды предыдущей квартиры, обосновались по новому адресу — в особняке у Мраморного дворца, купленном в казну. Сведения о предыдущем адресе можно почерпнуть из косвенного упоминания в рапорте, поданном в Канцелярию 8 июля 1833 г. экзекутором 9-го класса Козловым, где говорится о деньгах «...за перевоз и переноску, *из дому графа Апраксина*, во вновь купленный в казну дом для Министра финансов... (курсив мой. — *С.З.*)»[5].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

В особняке, о котором идет речь, было три фасада: по Дворцовой набережной, Большой Миллионной улице[6] и Аптекарскому переулку[7]. В адресной книге К. Нистрема 1837 г. указаны три адреса Министерства финансов по трем этим улицам[8]. Здание не раз меняло свой облик. Последняя перестройка, дошедшая до наших дней, проводилась по проекту К.К. Рахау в 1875–1877 гг.[9] В настоящее время в доме № 8 по Дворцовой набережной находится Российский морской регистр судоходства[10].

В адресной книге С.И. Аллера 1822 г.[11] владелицей особняка по Дворцовой набережной и Большой Миллионной улице значится статс-дама графиня Екатерина Васильевна Литта[12]. Для нее в начале XIX в. дом перестраивался по проекту Л. Руска[13]. Прежнее здание, построенное в 1720-е годы по проекту Б.Ф. Растрелли, принадлежало молдавскому господарю Д.К. Кантемиру (отцу знаменитого дипломата, философа и поэта Антиоха Кантемира)[14]. В 1829 г., после смерти графини Литты, особняк унаследовал ее второй муж, итальянец по происхождению, представитель высшей миланской аристократии, с 1789 г. служивший в России, граф, обер-камергер, член Государственного Совета Юлий Помпеевич Литта (1763–1839).

В 1832 г. бездетный граф Литта вместе с другими наследниками покойной жены принял решение продать дом со всей обстановкой в казну для Министерства финансов. В августе–сентябре 1832 г. (к сожалению, в документе, поступившем в РГИА, не сохранилась дата; она может быть установлена лишь по контексту) Литта дал официальное согласие и обозначил цену особняка и условия продажи.

> «Я, нижеподписавшийся Двора Его Императорского Величества Обер-Камергер Кавалер Граф Литта, за себя и от доверенных наследников покойной супруги моей, согласен продать дом наш на Дворцовой набережной, возле Мраморного Дворца находящийся, Министерству финансов, если на то последует **Высочайшее Его Императорского Величества** соизволение, на следующем основании:
>
> 1) За дом сей, его всеми к оному принадлежностями, также мебельми, картинами и бронзами, по особой мною подписанной описи, при сем прилагаемой, получить мне **четыреста тысяч** рублей ассигнациями.
>
> 2) В число сей суммы выдать мне от Министерства финансов, по воспоследовании на покупку дома **Высочайшего соизволения**, и при совершении на оный, на законном основании, купчей кре-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

пости, пятнадцать тысяч рублей, а остальные триста восемьдесят пять тысяч руб. 20 маия будущего 1833 года, к которому числу и обязываюсь я тот дом, по означенной описи, передать совсем в распоряжение Министерства финансов.

3) При совершении на продажу дома сего купчей крепости, платеж пошлин и всех установленных при сем расходов Министерству финансов принимать на себя.

4) До передачи дома сего в ведение Министерства финансов, с 15 февраля 1833 года, дозволяю я в комнатах, мною не занимаемых, и особенно в верхнем этаже, приступить со стороны Министерства к нужным починкам и переделкам; а с 1 маия и к переноске в порожжие покои дома мебелей и других вещей, Министерству принадлежащих.

5) Платеж всех городских повинностей, на доме сем лежащих, по 20 маия 1833 года остается на моей ответственности <далее зачеркнуто>.

С.-Петербург Секретарь Я. Щеглов»[15].

Сам граф Литта, который, кстати, с 1832 г. возглавил Комиссию по строению Исаакиевского собора, в тот момент занимался перестройкой для себя по проекту О. Монферрана другого, не сохранившегося, дома на углу Английской набережной и Крюкова канала[16].

30 сентября 1832 г. Е.Ф. Канкрин подает прошение на имя Николая I.

«По Согласию Обер-Камергера Графа Литты продать Министерству финансов дом его, на Дворцовой набережной находящийся, и по изъявлению Вашего Императорского Величества, министр финансов Всеподданнейше испрашивает Высочайшего разрешения на следующие по сему случаю распоряжения:

1) Требуемую графом Литтою за дом сумму четыреста тысяч рублей ассигнациями для выдачи ему, занять из Государственного заемного банка без вычета премии, на 37-ми летних правилах.

2) Выдачу сих 400 тыс. рублей из Банка произвести Графу Литте 20 маия 1833 г., то есть в день, когда минет срок найма нынешней квартиры Министерства финансов, отпустив ему в то число в задаток, при свершении Купчей крепости 15 тыс. руб.

3) Ежегодный платеж 24 тыс. руб. на погашение сего займа производить из сумм Департамента внешней торговли, по назначению министра финансов, обратя в то число ныне отпускаемые на наем

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

квартиры для министра 20 тыс. руб. в год. — Уплату сию отнести особенно на доходы от пакгаузов, при С.-Петербургской таможне устроенных, дозволив министру финансов возвратить в Банк самый капитал и ранее, по мере накопления сумм.

Из означенных 24 тыс. руб. банковые проценты составляют собственно 16 тыс. руб., ибо один процент обращается в прибыль Банка и один на погашение капитала.

4) На содержание дома: отопление, освещение, маловажные починки, наем нужного числа служителей полотеров и пр. отпускать, впредь до дальнейшего усмотрения и приведения постоянных расходов в ближайшую известность, по пятнадцати тысяч рублей в год, начав с 1833-го и обратив в сие число 5 тыс. руб., отпускаемые поныне на сей же предмет из Государственного казначейства, и 10 тыс. руб. из сумм Департамента внешней торговли, вместо прежних 5 тыс. руб., ныне очевидно недостаточных, так как в прежнем наемном доме ежегодные починки падали на счет хозяина.

5) Большие починки и исправления дома относить на счет дохода с пакгаузов, испрашивая на производство оных всякий раз особое Высочайшее повеление.

6) Поелику дом Графа Литты, для перемещения в него министра финансов, его Канцелярии и некоторых чиновников, необходимо требует предварительных исправлений, на кои может понадобиться единовременно от 15 до 20 тыс. рублей, то нужные на сие деньги предоставить министру финансов ассигновать особо из сумм Департамента внешней торговли, уплатя из оных и задаточные за дом 15 тыс. руб. с возвратом их из общей суммы 400 тыс. руб. при займе сих последних из Банка.

7) При совершении на дом купчей крепости, платеж пошлин и за гербовую бумагу принять на Государственное казначейство, записав потребные на сие деньги, по счетам оного, приходом и расходом.

Подписал: генерал от инфантерии граф Канкрин.

С подлинным верно: коллежский асессор Класов»[17].

Из этого подробного финансового документа следует, что долгосрочный кредит на покупку в казну дома для министра и министерства был взят в Государственном заемном банке[18], выдававшем долговременные ссуды. Ежегодный платеж по кредиту был вполне сопоставим с прежними ежегодными казенными расходами по найму министер-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ской квартиры — 24 тыс. против 20 тыс. руб. Расходы по погашению кредита и ремонту дома Е.Ф. Канкрин рассчитывал покрыть, в частности, за счет находившихся в ведении Департамента внешней торговли (одного из департаментов Министерства финансов) пакгаузов на Стрелке Васильевского острова. Пакгаузы были построены и открыты под покровительством графа Канкрина и использовались в качестве складских и выставочных помещений. Таким образом, расходы на покупку, ремонт и переселение были министром тщательно просчитаны и соотнесены с доходами министерства, и он делал все возможное, чтобы вернуть долг раньше срока.

Интересный документ представляет собой доношение на имя Е.Ф. Канкрина от 27 июня 1833 г. об арендаторах в министерском доме.

> «В доме, бывшем графа Литта, ныне занимаемом Вашим Сиятельством и Канцеляриею, находятся мелочная и табачная лавки, за кои до сих пор платили содержатели прежнему владельцу за первую 550 рублей, а за последнюю 210 рублей в год. Канцелярия, находя, что платимая за мелочную лавку цена слишком мала, так как к оной принадлежат еще комната и кладовая, предложила содержателю возвысить оную, и таким образом согласила его платить впредь по 600 рублей в год; торгующий же в табачной лавке от всякого возвышения платежной суммы отказался.
>
> Канцелярия, донося о сем Вашему Сиятельству, и полагая истребовать от обоих содержателей причитающиеся по расчету с 20 маия 1833 по 1 генваря 1834 года деньги ныне же, а впредь требовать оные по полугодно вперед, имеет честь испрашивать на сие разрешение.
>
> Исправляющий должность директора А. Княжевич»[19].

Граф Канкрин сразу же написал в Канцелярию о своем согласии с предложением поднять арендную плату. Бережливого министра, видимо, совершенно не смущало наличие лавочек в министерском доме: он рассматривал их как определенную статью дохода, даже если возрастал этот доход всего на 50 руб. в год.

Обширные работы по ремонту (в частности, например, такое трудоемкое мероприятие, как перекладка всех печей и дымоходов) проводились под руководством архитектора Министерства финансов А.М. Куци, именем которого подписаны многие финансовые документы, хранящиеся в РГИА.

Приведем некоторые цены на материал и работы.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

«Дверей и окон откосы с обеих сторон ощекотурить» за каждые 2 руб.[20]

«За поденного щекотура» в день — 2 рубля 20 коп.[21]

«Кирпич красный для печей» — за тысячу одного вида 34 руб.[22]

«За окрашение дверей белилами с покрытием лаком створных и одиноких с коробкой и без оной за каждые двери» — 18 руб.[23]

«Выкрасить подоконки масляной краской за каждую подоконку» — 36 коп.[24]

13 августа 1833 г. архитектор Куци подал Канкрину рапорт об оплате работы подрядчиков, по которому полагалось: печнику Давыдову — 500 руб., штукатуру Дорогулину — 1000 руб., столяру Быкову — 1200 руб., маляру Новикову — 1200 руб., купцу Шемякину — 1500 руб., а Быкову еще 160 руб. за лестницы[25]. Эти 5560 руб. были подрядчикам вскоре выплачены[26].

К началу 1834 г. обнаружилась финансовая передержка, и 16 февраля 1834 г. Е.Ф. Канкрин испрашивает высочайшего соизволения об отнесении на счет сумм Департамента внешней торговли передержанных по дому министра финансов 4300 руб.

> «При покупке для министра финансов дома наследников графини Литты Вашему Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелеть на содержание оного, наем нужного числа служителей и прочее отпускать впредь до дальнейшего усмотрения и приведения постоянных расходов в ближайшую известность по 15 тыс. руб. в год, сверх того для необходимых исправлений, кои потребовались по дому, министр финансов Высочайше разрешен на употребление единовременно по сумме Департамента внешней торговли до 20 тыс. рублей.
>
> Ныне по истечении года оказалось, что по случаю некоторых особых перестроек в новом доме, для размещения в оном с удобностию Канцелярии министра и нужных чиновников, также от излишних расходов при переезде из прежней квартиры и нового устройства всего дома, употреблено на сей предмет более против назначения четыре тысячи триста двадцать рублей.
>
> Министр финансов, полагая отнести сию передержку по прежним примерам на счет сумм Департамента внешней торговли, на отпуск оной всеподданнейше испрашивает Высочайшего Вашего Императорского Величества соизволение.
>
> Подписал: генерал от инфантерии граф Канкрин.
>
> Верно: помощник столоначальника Е. Титюрин»[27].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

В тот же день Николай I собственноручно пишет на прошении графа Канкрина: «Согласен».

Таковы некоторые документальные данные о переезде Министерства финансов из арендовавшегося дома в новое здание и Е.Ф. Канкрина на казенную квартиру.

Особняк на Дворцовой набережной у Мраморного дворца указан как дом Министерства финансов и как адрес графа Канкрина в адресных книгах 1837 и 1844 гг.[28] Здесь поселился и следующий министр финансов граф Ф.П. Вронченко[29]. В особняке на Дворцовой набережной помещались также Канцелярия министра и «собственная Канцелярия по секретной части»[30].

Въезд министерства, возглавляемого графом Канкриным, в купленное в казну и отремонтированное здание не прошел для петербургского общества незамеченным. Одним из ярких оппонентов министра выступил Сергей Александрович Соболевский (1803–1870), поэт, библиограф и библиофил, «неизвестный сочинитель всем известных эпиграмм», как охарактеризовала его графиня Е.П. Ростопчина в своем сатирическом стихотворении (не предназначавшемся для печати)[31].

Соболевский несколько раз упоминал Канкрина в своих стихах. Так, в «Легенде» (1843) он заметил, что «на Руси есть дивный гений, и этот гений — граф Канкрин»[32]. Ирония, здесь сквозящая, дополняется сочетанием озорной рифмы: Канкрин — стеарин, и цитаты из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта» (1837), где словосочетание «дивный гений» относится к другу Соболевского — А.С. Пушкину. Но в этом отрывке передано скорее эмоциональное отношение к министру. Обвинения же и нападки со стороны салонного острослова, причем достаточно серьезные, прозвучали ранее, в 1830-е годы. В небольшом стихотворении «Приятелю (служившему в Министерстве иностранных дел)» и в стихотворной шутке «Канкриниада» Соболевский довольно язвительно затронул некоторые аспекты служебной биографии своего героя[33]. Это несколько инженерных ошибок, случившихся при Е.Ф. Канкрине, который активно поддерживал строительство в Петербурге, а также колоритные примеры финансовых дел министра, направленных, казалось бы, на благо России, а на деле, по логике поэта, служивших собственному обогащению Канкрина.

Центральная мысль «Канкриниады» (1839) — личное преуспеяние за счет несметных российских богатств допущенного к ним немца.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

То Канкрин!!! — пришел с алтыном
Из далеких чуждых стран;
Стал России верным сыном,
Понабив себе карман.

Соболевский не ограничился общими замечаниями и привел несколько «сюжетов» обогащения министра. Рассмотрим один, касающийся особняка.

Оком быстрым и прилежным
Он повсюду проникал,
За Уралом вечно снежным
Гесперидy отыскал.

Золотые самородки
Наши!!! <...>

Это намек на организованные и финансированные Канкриным научные экспедиции на Урал и Алтай (1829), в результате которых были открыты перспективные месторождения, и принятое им положение о частных золотых промыслах в Сибири (1838). Далее читаем:

Они наши, они слиты,
На них выбит наш орел
И на них у графа Литты
Он именье приобрел!!![34]

Скорее всего, в этом отрывке имеется в виду особняк графа Литты (кстати, умершего в январе того же 1839 г.) на Дворцовой набережной. Возможно, называя купленный в казну для Министерства финансов дом *имением*, Соболевский в известной степени намекает на стяжательство богатого министра, туда вселившегося. Однако проживание высокопоставленного чиновника на казенной квартире не было редкостью и вряд ли могло серьезно кого-либо удивить. В казенных домах, к примеру, жили предшественник Е.Ф. Канкрина — министр финансов граф Д.А. Гурьев[35], министр юстиции князь Д.И. Лобанов-Ростовский, директор Главного управления путей сообщения А.А. Бетанкур[36] и многие другие. В этом смысле Соболевский, конечно, необъективен. Однако граф Канкрин, помимо казенной квартиры,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

располагал немалой собственностью и выгодными арендами. Например, еще в 1825 г. министру была пожалована в 50-летнюю аренду на очень выгодных условиях мыза Бальдон в Курляндии[37], что не укрылось от пристрастно внимательного к чужому богатству поэта в «Канкриниаде».

Возможно, Соболевский был в курсе непомерно больших сумм, потраченных на покупку (400 тыс. руб.) и ремонт дома для министра и министерства и значительно превышающих затраты в других подобных случаях. (Например, всего за два года до этой покупки, в 1830-м, сестра графини Литты графиня А.В. Браницкая, статс-дама Екатерины II, продала свой дворец на Мойке Б.Н. Юсупову за 250 тыс. руб. ассигнациями[38].)

«Канкриниада», разумеется, долго имела только устное и рукописное хождение. Вообще систематически публиковать стихи и эпиграммы Соболевского стал П.И. Бартенев в основанном им в 1863 г. журнале «Русский архив», причем уже после смерти их автора[39]. Тем не менее творчество Соболевского в свое время было очень популярно. «Не найдешь его в печати — наизусть известен всем»[40], — замечала графиня Ростопчина в цитированном выше стихотворении.

Насколько появление такого сатирического стихотворения, было известно самому графу Канкрину и ощутимо для него, сказать сложно. Можно, однако, предположить, что он позволял себе не придавать подобным мелочам значения. С завистью, недоброжелательством и колкостями министр был знаком не понаслышке. При этом, по словам сенатора К.И. Фишера, он шел между завистниками «спокойно и твердо, как *terre-neuve* (ньюфаундлендская собака. — *Прим. ред.*) между шавками»[41].

Богатство Канкрина вообще было притчей во языцех. Сохранился, например, «исторический рассказ» о том, как однажды Николаю I передали, что его министр финансов «нажил, разумеется, непозволительным образом, около восьми миллионов денег, хранящихся у него в иностранных банках.

Государь при докладе спросил его:

— Правда ли, Егор Францевич, что у тебя есть восемь миллионов наличных денег?

— Нет, ваше величество, неправда: у меня их четырнадцать в билетах разных банков, — отвечал хладнокровно Канкрин, — если угодно, то я покажу вам, как и составилась эта сумма.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

В самом деле, на другой день он принес Государю отчет, в котором подробно были означены все денежные награды, данные ему царями, и ежегодные экономические сбережения от получаемого им огромного от казны содержания — итог показывал верно 14 миллионов»[42].

Таким образом, можно предположить, что голос Соболевского — один из многих в хоре осуждавших разбогатевшего министра.

Ко «всем известным» эпиграммам относились по-разному. В некрологе Соболевскому в «Русском архиве» П.И. Бартенев отметил присущий покойному дар «меткого остроумия и чудесного стиха»[43]. «Стихи его на русском, французском и немецком языках облетали по всем кружкам общества. Сам он вовсе не дорожил ими, позабывал их, через многие годы выслушивал их как новые. К чести его должно сказать, что его остроумие почти никогда не заключало желчи. <...> Его шуточные отзывы и эпиграммы приписывались Пушкину»[44]. Однако не все считали творчество Соболевского тактичным; некоторые (прежде всего те, кто был задет сатириком лично) высказывались о нем резко. Это, например, известный мемуарист Ф.Ф. Вигель. В своих воспоминаниях он характеризовал сатирика так: «Особенно не понравился мне <...> некто Соболевский. Такого рода люди <...> все берут с бою и наглостью стараются предупредить ожидаемое презрение. Этот был остроумен, даже умен и расчетлив, и не имел никаких видимых пороков. <...> Не имея ни к кому привязанности, человек этот был желчен, завистлив и за всякое невнимание лиц, ему даже вовсе посторонних, спешил мстить довольно забавными эпиграммами в стихах, кои для успешности приписывал Пушкину»[45]. Нелишне заметить, что о графе Канкрине Вигель отзывался очень тепло: «...человек с необыкновенным умом всегда будет равен месту своему, как бы высоко оно ни было. <...> Самолюбие было в нем чрезмерное, но спеси вовсе не было: со всеми обходился просто, хорошо, хотя слегка и давал чувствовать высокое мнение о себе. Сей порок, если сие так назвать можно, был в нем источник благороднейшего чувства — великодушия: он до того презирал врагов своих, что даже, когда мог, никогда им не хотел мстить»[46]. Отношение к самому Вигелю современников также было непростым — многие недолюбливали его[47]. Однако ему удалось заметить черту Канкрина, которая и помогала последнему проходить мимо подобных нападок.

Острослов Соболевский предстает одним из отнюдь не беспристрастных выразителей общественного мнения по отношению к министру финансов, причем мнения образованной части общества. У официального признания заслуг неустанно трудившегося на благо

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

России и при этом не принадлежавшего к высшим кругам русского общества немца Канкрина была и теневая сторона. Канкрин — талантливый финансист, богатый и влиятельный человек, в течение долгого времени занимавший высокие посты, пользовавшийся безграничным доверием императоров и уважением многочисленных подчиненных. Вокруг имени графа постепенно сложилась неофициальная традиция — сначала, при жизни министра, устная, затем, в некоторой своей части, зафиксированная письменно. Подобно тому как шутки остроумного Е.Ф. Канкрина, до конца жизни говорившего по-русски с немецким акцентом, пересказывались и перепечатывались, способствуя популярности, узнаваемости их автора, сам он также являлся героем анекдотов, которые постепенно начали проникать в печать[48]. Обсуждались (и осуждались) и ошибки, и деньги графа, и даже его личная жизнь... «Личной» сферой традиции министр во многом обязан рассказу Н.С. Лескова «Совместители» (1884), изящно воспользовавшегося неким «неофициальным» источником и спроецировавшего любовные похождения своего высокопоставленного героя на всю николаевскую эпоху[49].

Однако применительно к дому Министерства финансов нападки сатирика, пусть не вполне необоснованные, все же представляются искаженными в угоду салонной аудитории.

Попытки осуждения Е.Ф. Канкрина в обществе можно объяснить многими причинами. Это и уважение к министру Николая I, и самостоятельность и независимость его решений, и неоднозначность оценки некоторых из них. Канкрин, например, был противником государственного финансирования железных дорог, что не всеми одобрялось. Обвиняли его и в пристрастии к откупной системе, при которой доход государства напрямую зависит от питейного налога. Безусловно, сыграло роль и немецкое происхождение министра. Нельзя не учитывать, конечно, и не слишком быстрый, но мощный карьерный взлет Е.Ф. Канкрина в России — от бедного чиновника[50] до одной из ведущих фигур в государстве, в чьих руках сосредоточена казна и кто, тем не менее, не утратил в своем поведении по-человечески симпатичной простоты. Осуждение связано и с желанием некоторых людей бросить тень на человека, который пользуется высшим авторитетом. Соболевский, популярный в свое время сатирик, по всей вероятности, выразил то, что было у многих на устах в связи с именем любимого министра Николая I и что по прошествии времени придает дополнительную рельефность облику графа Канкрина.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

1. О Е. Ф. Канкрине см. (в хронологической последовательности): Граф Васильев, граф Гурьев и граф Канкрин // Иллюстрация. 1845. Т. I. № 24. 22 сент. Раздел «Еженедельник». С. 375–376, без подписи; *Греч Н.* Воспоминания о графе Егоре Францевиче Канкрине // Северная пчела. 1846. № 14. 17 янв. С. 56; № 15. С. 59–60; № 16. С. 63–64; Последнее сочинение графа Е.Ф. Канкрина // Журнал Министерства народного просвещения. 1846. Март. № 3. Ч. 49. Отд-е 7. С. 43–35, без подписи; Воспоминание о графе Канкрине // Биржевые ведомости. 1861. № 120. 7 июня. С. 1–2, с подписью: Р.Ф.; *Бунге Н.Х.* Мысли графа Канкрина о бумажных деньгах // Русский вестник. 1864. Нояб. С. 361–386; *Шипов А.П.* Очерк жизни и государственной деятельности графа Канкрина. СПб., 1864; *Муравьев С.* Финансовая система графа Канкрина // Санкт-Петербургские ведомости. 1865. № 89. 13 (25) апр. С. 3 (с предисл. В. Полетики); *Вигель Ф.Ф.* Воспоминания // Русский вестник. 1865. Т. 58. Авг. С. 559–561; Взгляды русского министра первой половины XIX столетия. Граф Канкрин и его путевые заметки // Отечественные записки. 1866. Янв. Кн. 2. С. 271–288, с подписью: *П.М.*; <Петербург, 22-го апреля (3-го мая)> // Санкт-Петербургские ведомости. 1866. № 108. 23 апреля (5 мая). С. 1–2, без подписи; Граф Е.Ф. Канкрин // Одесский вестник. 1866. № 187. 26 авг. С. 1, без подписи; Мысли, возродившиеся по поводу осуждения графа Канкрина за некоторые его идеи // Русский. 1867. Л. 21 и 22. 5 июня. С. 345–352, с подписью: *Н.Н.*; Из записной книжки П.М. Языкова. I. О графе Е.Ф. Канкрине // Русский архив. 1867. № 3. Стлб. 393; *Любимов П.* В память графа Е.Ф. Канкрина // Петербургский листок. 1868. № 144. 12 окт. С. 1; № 146. 14 октября. С. 1; *Иконников В.С.* Граф Н.С. Мордвинов. Историческая монография, составленная по печатным и рукописным источникам. СПб., 1873. С. 384–386; 446–455; 468–473 и др.; [*Бурнашев В.П.*] Воспоминания об эпизодах моей частной и служебной деятельности (1834–1850). М., 1873; <Москва, 26-го ноября> // Московские ведомости. 1874. № 297. 27 нояб. С. 2, без подписи; Е.Ф. Канкрин. (Из записок И.В. Селиванова) // Русская старина. 1880. Т. 29. Нояб. С. 748; *Блиох И.С.* Финансы России XIX столетия. СПб., 1882; Граф Егор Францевич Канкрин. Заметки одного из служивших при нем чиновников // Русская старина. 1883. Т. 39. Июль. С. 179–190, с подписью: *Ф.А.Р.*; *Дюгамель А.О.* Автобиография // Русский архив. 1885. Т. 23. № 2. С. 252–255; [*Скальковский К.*] Наши государственные и общественные деятели. 2-е изд. СПб., 1891. С. 428–459; *Сементковский Р.И.* Е.Ф. Канкрин, его жизнь и государственная деятельность. Биографический очерк. СПб., 1893; *Лебедев В.А., проф.* Граф Егор Францевич Канкрин: Очерк жизни и деятельности. СПб., 1896; *Голубев П.И.* Записки петербургского чиновника старого времени // Русский архив. 1896. Кн. 2. № 5. С. 47–49; 63–65; *Попов М.М.* Мелкие рассказы // Русская старина. 1896. Июнь. С. 598–599; *Божерянов И.Н.* Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь, литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерством финансов. СПб., 1897 (Рецензия: Русский инвалид. 1898. № 40. 21 февр. Разд. «Обзор книг». С. 3, с под-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

писью: В.М.); Министерство финансов. 1802–1902. Часть первая. СПб., 1902. С. 189–199 и др.; *Затворницкий Н.М.* Столетие Военного министерства. 1802–1902. Память о членах Военного совета: Портреты и биографические очерки. СПб., 1907. С. 49–60; *Семенкова Т.Г.* Е.Ф. Канкрин и финансы России // Финансы СССР. 1991. № 10. С. 40–44; *Катыхова Л.А.* Е.Ф. Канкрин и проблема протекционизма // Экономическая и общественная жизнь России Нового времени. Первые Дружининские чтения: сб. докл. и сообщ. М., 1992. Т. I. С. 59–68; *Петишкина С.Н.* Министры финансов России XIX в. (краткие очерки о государственной деятельности). М., 1995; *Ружицкая И.* Граф Е. Ф. Канкрин // Преподавание истории в школе. 1996. № 3. С. 2–7; *Дема Е.* «Забытый» министр // Армейский сборник. 1997. № 10. С. 76–78; *Сенин А.* Егор Канкрин: «Я учил Россию не жить в долг» // Российская Федерация сегодня. 1999. № 2. С. 60–61; *Юровский В.Е.* Министр финансов Е.Ф. Канкрин // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 140–145; *Степанов В.Л.* Е.Ф. Канкрин и развитие горного дела в России // Отечественная история. 2006. № 6. С. 41–60; *Аникеева А.А.* Нравственные институции финансовой деятельности Е.Ф. Канкрина // Финансы и кредит. 2009. № 15 (351). С. 86–91 и др. См. также справочную литературу о графе Канкрине: Канкрин Георгий (Егор) Францевич // Государственные деятели России XIX — начала XX в.: Биографический справочник / сост. И.И. Линьков, В.А. Никитин, О.А. Ходченков. М., 1995. С. 80–81; Канкрин // Шикман А. Биографический словарь-справочник. М., 2003. С. 257–259; Канкрин Егор Францевич (Георг Людвиг Даниил) // Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2001. С. 276–279; *Степанов В.Л.* Канкрин // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. XII. С. 725–726 и др.

2. См. об этом, например: Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом (200-летию посвящается): Каталог образовательной выставки / сост. и науч. ред. д-р ист. наук И.В. Черказьянова. СПб., 2010.

3. РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 17. Л. 139.

4. Там же. Л. 141.

5. РГИА. Ф. 560. Оп. 15. Д. 21. Л. 52 об.

6. Ныне — Миллионная улица.

7. Теперь этот участок улицы от Дворцовой набережной до Миллионной улицы, отделяющей особняк от Мраморного дворца, называется Мраморным переулком, а Аптекарский переулок находится за Миллионной улицей.

8. *Нистрем К.* Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год. СПб., 1837. С. 86.

9. Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной: Справочник. СПб., 2003. С. 734.

10. Об этом здании и его владельцах см.: *Антонов В.В.* Рядом с Мраморным: К истории особняка Кантемира // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. II / сост. А.И. Добкин, А.В. Кобак. М.; СПб., 1995. С. 237–241; *Измозик В.С.* Пешком по Миллионной. СПб., 2004. С. 106–120.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

11. *Аллер С.* Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга, с планом и таблицею пожарных сигналов. На 1823 год. СПб., 1822. Ч. I. С. 2.

12. Екатерина Васильевна Литта (1761–1829), урожденная Энгельгардт, племянница Г.А. Потемкина, в первом браке замужем за графом П.М. Скавронским, внучатым племянником Петра III, русским посланником в Неаполе. Бракосочетание с графом Литтой 8 октября 1798 г. послужило поводом для стихотворения Г.Р. Державина «На брак графини Литты» («Диана с голубого трона, В полукрасе своих лучей, В объятия Эндимиона Как сходит скромною стезей...». См.: *Державин Г.Р.* Сочинения / вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. Г.Н. Ионина. СПб., 2002. (Новая библиотека поэта) С. 422). На вступление кавалера Мальтийского ордена в брак было получено специальное разрешение Папы Римского.

13. См.: *Александрова Л.Б.* Луиджи Руска. Л., 1990. С. 85.

14. Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной: Справочник. СПб., 2003. С. 734.

15. РГИА. Ф. 560. Оп. 15. Д. 23. Л. 7 об.–8 об.

16. См. об этом: *Шуйский В.К.* Огюст Монферран. История жизни и творчества. М., 2005. С. 51–52.

17. РГИА. Ф. 560. Оп. 15. Д. 23. Л. 12 об.–13 об.

18. Государственный заемный банк в 1786 г. был преобразован из Дворянского заемного банка и существовал до 1860 г.

19. РГИА. Ф. 560. Оп. 15. Д. 21. Л. 47 об.

20. Там же. Д. 23. Л. 21 об.

21. Там же.

22. Там же. Л. 17 об.

23. Там же. Л. 23 об.

24. Там же. Л. 25.

25. Там же. Л. 51 об.

26. Там же. Л. 53.

27. Там же. Л. 84 об.

28. См.: *Нистрем К.* Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год. СПб., 1837. С. 86; *Он же.* Адрес-календарь санкт-петербургских жителей. СПб., 1844. Т. II: Календарь служащих чиновников. С. 67.

29. Весь Петербург в кармане: Справочная книга для столичных жителей и приезжих с новейшим планом С.-Петербурга. СПб., 1846. С. 12.

30. Там же.

31. Это цитата из стихотворения Е.П. Ростопчиной «Дом сумасшедших в Москве в 1858 году. (Продолжение Воейковского “Дома сумасшедших”)», созданного ею в 1858 г., незадолго до смерти. Оно было впервые опубликовано Е.С. Некрасовой в «Русской старине» (1885. Т. 45. Март. С. 671–709. О Соболевском — с. 688), возможно, не вполне законно, так как в собрания сочинений Е.П. Ростопчиной 1890 и 1910 гг. не вошло.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

32. Русский архив. 1884. № 6. С. 350. Перепечатано в кн.: *Соболевский С.А.* Эпиграммы и экспромты / ред. и авт. предисл. В.В. Каллаш. М., 1912. С. 70.

33. Стихотворение Соболевского «Канкриниада» уже рассматривалось нами в статье: *Зенкевич С.И.* Граф Е.Ф. Канкрин как литературный герой // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. / отв. ред. Т.А. Шрадер. СПб., 2009. Вып. 5. С. 177–180.

34. Русский архив. 1897. № 10. С. 297. Перепечатано в кн.: *Соболевский С.А.* Эпиграммы и экспромты / ред. и авт. предисл. В.В. Каллаш. М., 1912. С. 51–52.

35. *Шредер Ф.* Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу, с историческими указаниями. СПб., 1820. С. 211; *Аллер С.* Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или Адресная книга, с планом и таблицею пожарных сигналов. На 1823 год. СПб., 1822. С. 340.

36. *Аллер С.* Указ. соч. С. 342.

37. Списки с указов о назначении Е.Ф. Канкрину в аренду мызы Бальдон хранятся в РГИА (Ф. 560. Оп. 1. Д. 471. Л. 1–3). Об этой аренде записано в формуляре графа Канкрина (РГИА. Ф. 561. Оп. 1. Д. 17. Л. 140).

38. См. об этом, например: *Уточкина О.В.* Дворец в зеркале истории и современности // Юсуповский дворец. Дворянские особняки. История рода, усадьбы и коллекции / под общ. ред. Г.И. Свешниковой. СПб., 2002. С. 341; *Кукурузова Н.В., Уточкина О.В.* Юсуповский дворец. СПб., 2010. С. 11.

39. Например, в «Русском архиве» было опубликовано остроумное стихотворение Соболевского «Орел с его уездами, или Лелькин плач. Exercice mnémonique, méthode Odoewski» (1885. Янв. С. 143–144).

40. Русская старина. 1885. Т. 45. Март. С. 688.

41. *Фишер К.И.* Записки сенатора // Исторический вестник. 1908. Февр. С. 448–449.

42. Русская старина. 1879. Т. 26. С. 234–235.

43. Русский архив. 1870. № 11. Стлб. 2142.

44. Там же.

45. *Вигель Ф.Ф.* Записки: в 2 т. / ред. и вступ. ст. С.Я. Штрайха. М., 1928. Т. 2. С. 295.

46. Там же. С. 186.

47. Например, поговаривали о двуличности Ф.Ф. Вигеля. См. об этом: *Штрайх С.Я.* Филипп Филиппович Вигель (историко-литературный очерк) // Вигель Ф.Ф. Записки: в 2 т. М., 1928. Т. 1. С. 27.

48. Например, в 1879 г. была опубликована большая подборка остроумных высказываний Канкрина и анекдотов о нем. См.: Исторические рассказы и анекдоты из Записок Богуславского. Сообщ. Л. М. Сердюкова // Русская старина. 1879. Т. XXVI. С. 233–240, 558, 561. Некоторые из этих анекдотов, и среди них один о Канкрине, были сразу же перепечатаны в газете А.С. Суворина «Новое время» (1879. № 1322. 2 (14) нояб. Разд. «Среди газет и журналов». С. 2).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

49. Подробнее об этом см.: *Зенкевич С.И.* Н.С. Лесков и его герой Е.Ф. Канкрин // Лесковский сборник–2011. Орловский текст русской словесности: творческое наследие Н.С. Лескова (к 180-летию со дня рождения писателя). Орел, 2011. С. 94–98.

50. Однажды коллега Канкрина допустил неточности в отчете и попытался оправдаться тем, что «никогда не был *бухгалтером*». Министр ответил ему так: «...я в свою жизнь был и писцом, и комиссионером, и казначеем, и бухгалтером, а теперь, благодаря Бога и государя, и министр финансов, — только простаком никогда еще не бывал» (Русская старина. 1879. Т. XXVI. С. 236).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

С.В. Шевчук

ФЕДОР БОГДАНОВИЧ ФИШЕР (1782–1854) — ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО БОТАНИЧЕСКОГО САДА

Есть в Санкт-Петербурге место, где в самое темное и морозное время зимой можно погрузиться в удивительно разнообразный мир живых растений. Это место знакомо каждому просвещенному жителю Санкт-Петербурга — это знаменитые и неповторимые оранжереи Ботанического сада, входящего в виде отдела в структуру Ботанического института им. В.Л. Комарова.

История этого места, ныне расположенного среди шумного города, начиналась в далеком 1713 г., когда здесь по указу Петра I был основан Аптекарский огород. Хотя главной задачей Аптекарского огорода было выращивание лекарственных трав для нужд армии и флота, но уже тогда в нем присутствовали «куриозные и чужие планты». Однако эти «диковинки», в отличие от Кунсткамеры, к сожалению, не предназначались для просвещения обычного рядового горожанина Санкт-Петербурга. Со временем в деятельности Аптекарского огорода, помимо чисто производственных задач, стали все большую роль играть учебные задачи.

В конце XVIII в., а именно в 1798 г., Аптекарский огород переходит в ведение недавно организованной Медико-хирургической академии (теперь это знаменитая Военно-медицинская академия) и называется Медицинским садом. Это уже, в сущности, был ботанический сад, но обслуживал он лишь учебный процесс будущих медиков. Отметим, что на этот момент в коллекции было около 1600 видов растений, что не так уж и мало. В том же 1798 г. под покровительством богатого мецената Андрея Кирилловича Разумовского (1748–1822) «рождается» частный ботанический сад в Горенках под Москвой (ныне это Балашихинский район). Любопытно, что даты образований этих учрежде-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ний и время их значимого существования совпадают. Вот только судьба их разительным образом отличалась. На них в немалой степени в разное время повлияла созидательная деятельность Федора Богдановича Фишера (Friedrich Ernst Ludwig von Fischer).

С самого начала своего существования Горенский сад не испытывал недостатка в средствах, которые не жалел А.К. Разумовский. Всего несколько лет понадобилось для того, чтобы сад получил широкую известность. Надо отметить, что князь Разумовский был не только страстным любителем ботаники и меценатом. Он обладал даром выбирать для руководства садом наиболее одаренных людей, которым оказывал максимальное доверие. Он лично занимался поиском руководителей для своего ботанического сада.

Уже первый директор Христиан Стефан (Cristian Friedrich Stephan (1757–1814)), являясь организатором и научным руководителем сада, придал этому учреждению научный характер. В то же время Стефан возглавлял кафедру химии и ботаники в Московской медико-хирургической академии. Когда в 1804 г. эта академия с последующим слиянием переводится в С.-Петербург, туда же уезжает и Стефан.

Следующим директором и научным руководителем Горенского сада становится в 1805 г. Иван Иванович Редовский (Redowsky Johann (1733–1807)), талантливый ботаник, знавший 7 языков. Коллекция растений в 1805 г. насчитывала уже более 4500 видов, в том числе много редких, едва известных в других местностях Европы. Директорство Редовского продолжалось недолго, так как он в том же 1805 г. принял заманчивое предложение отправиться в Китай в составе посольства графа Юрия Александровича Головкина.

Еще ранее, находясь в Германии, Разумовский подыскивал из числа молодых ученых человека, способного взять на себя управление Горенским садом. Курт Шпренгель (Kurt Polycarp Joachim Sprengel (1766–1833)), директор ботанического сада в Галле (Halle), известный ботаник, рекомендовал Разумовскому Федора Фишера. Итак, в 1804 г. Фишер становится заместителем директора, а с конца 1805 по 1822 г. — директором Горенского сада.

Настало время подробнее познакомиться с главным героем нашего повествования.

Федор Богданович Фишер родился 20 февраля 1782 г. в г. Хальберштадте (Halberstadt) в Германии, недалеко от Магдебурга, в семье чиновника. В 1804 г., то есть в 22 года, он заканчивает университет в Галле (Halle) и защищает диссертацию на степень доктора медицины.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Именно там он проявил себя так, что его, тогда еще молодого человека, Курт Шпренгель рекомендовал на столь ответственный пост. Именно при Фишере Горенский сад достиг своего расцвета. Молодой ботаник с большой энергией и знанием дела принялся за устройство сада, оранжерей, установил связи с учеными всей Европы, наладил обмен коллекциями, семенами, командировал лиц для изучения флоры России, обрабатывал коллекции. Владелец сада одобрял все его начинания. При Фишере Горенский сад стал одним из крупнейших ботанических учреждений своего времени. К моменту своего расцвета (1812) обширная коллекция сада насчитывала не менее 7 тыс. видов растений, выращиваемых в открытом грунте и оранжереях. Там были собраны уникальные сибирские и восточные растения. Особенно приезжих интересовала флора Сибири. Из древесного питомника при Горенском саде деревья раздавались всем желающим. Выходил печатный каталог сада. Основу Горенского сада составлял огромный по площади (от 500 до 600 га) английский парк. Оранжереи сада в длину достигали более 1,5 км. Число цитрусовых — 500 экземпляров, ананасов — более 2000 экз. Особую достопримечательность представляла главная оранжерея, восьмиугольная в очертаниях, около 13 м высотой. На участке возле оранжерей был представлен систематический участок, являвшийся новинкой для своего времени. Следует отметить, что ежегодные затраты составляли примерно 150 тыс. руб. ассигнациями.

В это же время в Санкт-Петербурге Медицинский сад существовал в весьма сложных условиях: крайне небольшие отпускаемые на него ежегодные средства, заведование садом возлагалось на человека, с которого не снимались обязанности по преподавательской деятельности. Наверное, из всех заведующих Медицинским садом самые тяжелые испытания выпали на долю Ясона Васильевича Петрова (1780–1850) — профессора ботаники с душой поэта. Бюджетные ассигнования в те годы не превышали 22 тыс. руб. ассигнациями (7 тыс. руб. серебром). Этого было катастрофически мало. И хотя Петрова временами настигали моменты отчаяния, он стойко нес свою нелегкую службу. Безусловно, его усилия были не напрасны. За годы заведывания (с 1809 по 1823 г.), проведенные в постоянных трудах и заботах, Петрову удалось добиться проведения необходимых ремонтных работ, выделения средств (57 тыс. руб. ассигнациями) на постройку двух новых оранжерей, перестройку фасада, починку забора и углубления пруда. Кроме того, также благодаря его настойчивости

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

был назначен помощник в лице Ильи Протопопова, который привел в порядок гербарий. Отметим, что в 1822 г. была выкуплена часть огромного гербария Стефана. Деятельность Петрова была тем более весомой, что ему удалось удержать «на плаву» Медицинский сад до наступления лучших времен. Не будь Петрова, может быть, Медицинский сад на Аптекарском острове постигла бы та же участь, что и Ботанический сад Академии наук, который в 1812 г. после 77 лет существования был упразднен.

В мае 1823 г. Петров, уже долго болевший к тому времени, ушел в отставку. Очень короткое время до июня 1823 г. исполнял обязанности заведующего садом Илья Протопопов. Именно он, тоже сделавший немало полезного для сада, сдает дела уже не очередному заведующему, а первому директору Императорского Ботанического сада — Федору Богдановичу Фишеру.

Итак, это было начало совершенно нового этапа в жизни учреждения на базе Аптекарского огорода. При этом менялись и форма, и содержание. Почему это произошло?

Столица Российской империи нуждалась в ботаническом саде, не уступающем садам других столиц. К 1823 г. вопрос об организации этого сада был решен окончательно. Доклад министра внутренних дел князя Виктора Павловича Кочубея от 22 марта 1823 г. Александру I «Об устройстве Ботанического сада на Аптекарском острове, с наименованием его Императорским» был утвержден царем.

Надо отдать должное не только патриотичности Кочубея, но и его прозорливости, так как он на должности директора нового Императорского Ботанического сада хотел видеть именно Фишера. На тот момент сам Фишер в качестве директора Горенского сада, как и сам сад, не имел перспективы. Это было связано с тем, что со смертью Андрея Кирилловича Разумовского, последовавшей в 1822 г., сад лишался достаточных финансовых поступлений и был обречен на угасание.

При образовании Императорского Ботанического сада в Санкт-Петербурге предусматривалось приобрести максимально из того, чем располагал ботанический сад в Горенках. Замечательный русский ботаник Евгений Григорьевич Бобров (1902–1983) точно подметил, что самое главное из того, что было приобретено в Горенках, — это сама идея научного ботанического учреждения, его организационные формы и опыт энергичного директора Ф.Б. Фишера.

На время принятия поста директора Императорского Ботанического сада Фишер был в самом расцвете сил. Если говорить о его на-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

учных достижениях, которые касались его московского периода жизни, то они были достаточно существенными. Так, он являлся одним из учредителей первого в России Ботанического общества (имеется в виду Горенское фитографическое общество, основанное в 1809 г.). Это общество ставило перед собой чисто академические научно-исследовательские задачи. В 1812 г. оно слилось с Московским обществом испытателей природы (МОИП). С 1819 г. Фишер становится членом-корреспондентом Императорской Академии наук по разряду ботаники. С переездом Фишера Санкт-Петербург становится ведущим ботаническим центром России, переняв эстафету от знаменитого Горенского сада.

С преобразованием Медицинского сада в Императорский Ботанический ему были отпущены значительные разовые подъемные средства для приобретения живых растений, семян, гербариев, особые средства на постройки и жилые помещения, а также на сооружение оранжерей. На эти цели за три года было истрачено 560 тыс. руб. ассигнациями. Был утвержден новый штат служащих: директор, два помощника, особое лицо с функциями ученого секретаря, библиотекаря и хранителя коллекций, старший садовник, 12 помощников садовника, 12 садовых учеников, письмоводитель (он же кассир) и живописец. В штате был только один ученый-ботаник — директор, то есть сам Фишер.

Ежегодно на приобретение растений, семян и гербариев стали выделять 6500 руб., на библиотеку — 6000 руб., на ученые путешествия в пределах России — 2500 руб. Нельзя не обратить внимания на последнее; уже с самого начала работы сада ему поручались ботанические исследования в стране. Формально до 1842 г. в обязанность сада вменялась поставка лекарственного сырья казенному аптекарскому магазину.

Отрадно, что к началу 20-х годов были выкуплены семь частных дач, расположенных вдоль Карповки, и занимаемые ими земли существенно увеличили общую площадь Ботанического сада.

Поражает скорость строительства вскоре ставших знаменитыми на весь мир оранжерей. Закладка оранжерей была произведена 26 июня 1823 г., а их возведение в основном завершено к концу 1824 г. Последняя же оранжерея была совершенно окончена в 1826 г. Причем это были уже не деревянные, а прочные постройки, сделанные из кирпича, качество которого тогда было отменным. Расположение оранжерей, представляющее три параллельные линии, связанные на концах

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

в четырехугольник, сохранилось до настоящего времени. Такая особенность их расположения позволяла, по словам самого Фишера, беречь здоровье работников (при проходе из оранжереи в оранжерею не надо было выходить на улицу). Сейчас это позволяет экскурсантам совершать пусть маленькие, но настоящие путешествия по субтропикам (северное полукольцо) или тропикам (южное полукольцо) нашей планеты. Общая длина новых оранжерей составила 1,5 км (столько же, сколько было в Горенках в период расцвета). Наиболее высокие из них достигали 15 м (выше, чем в Горенках) и располагались посередине каждого из трех параллельных рядов. По-хозяйски Фишер отнесся к одной из оставшихся прежних оранжерей. Она, хоть и деревянная, была капитально отремонтирована и еще около 40 лет служила саду. Вторая оставшаяся оранжерея подлежала сносу, так как находилась на месте, предназначенном под строительство новых оранжерей.

Сооружение обширных оранжерей позволило значительно увеличить число культивируемых растений, в связи с чем Фишер в 1824 г. отправился за границу и побывал в Германии, Франции, Бельгии и Англии. Во время этой поездки он приобрел 2320(!) видов живых растений на сумму около 43 500 руб. ассигнациями. Кроме того, Фишеру было уступлено ботаническими садами около 2500(!) видов из дублетов, что, по его расчету, стоило еще 21 тыс. руб. ассигнациями. Привезенные растения были размещены осенью 1824 г. в новых оранжереях, заняв значительную их часть.

Катастрофическое наводнение 1824 г. нанесло значительный ущерб саду. Холодная вода затопила оранжереи более чем на 1 м. Погибла пятая часть растений. Но уже в следующем году один из садоводов доставил из Франции и Англии 665 видов.

В первые годы деятельности Фишера выделяются определенные характерные участки, в том числе участок местной флоры, культуры овощей (сейчас специально выделенных, отдельных экспозиций такой направленности, к сожалению, нет). О росте коллекций ясно свидетельствуют цифры. Если в 1796 г. было около 1580 видов, то, по сведениям Эдуарда Регеля, в 1824 г. их количество возросло до 5682, в 1830 г. было уже 12 тыс. видов (значительно больше, чем в Горенках во время расцвета), в 1850 г. (год ухода Фишера из сада) — 12 061 вид. По сведениям Владимира Ипполитовича Липского, в 1836 г. коллекция живых растений достигала даже 15 тыс. видов.

Оранжереи сада, уже через несколько лет после ввода их в строй, считались одними из самых богатых в Европе. Растительное богатство

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

приобреталось из самых разных источников. Конечно, самые ценные экземпляры привозились из мест естественного произрастания растений. Часто петербургский сад был первым, куда попадал такой вид, еще порой не имея ботанического названия, и уже потом он появлялся в ботанических садах Европы. В приобретении растений из мест естественного произрастания важное место занимали суммы, отпускаемые на специальные экспедиционные ботанические исследования. На эти деньги, в частности, оплачивались ботанические путешествия приглашенных лиц. Сам Фишер из-за своей загруженности административной работой не мог позволить себе участвовать в экспедициях, но прилагал максимум усилий для их организации. На этой интереснейшей стороне деятельности сада стоит остановиться подробнее.

Отметим поездку в 1827–1830 гг. А.И. Совича (A.J. Szovits), аптекаря из Одессы, серба по национальности, в Закавказье и прилежащую Персию (в литературе указаны и другие написания имени этого интересного человека: О.И. Сович; О.И. Шович; Иван Осипович Шовиц (Joh. Nepom. Szovits)). Он прислал превосходную коллекцию со множеством дублетов (60 тыс.) гербарных листов, много семян и живых растений. Интересной страницей в истории Ботанического сада этого времени были исследования в Бразилии. Русский консул в этой стране Григорий Иванович Лангсдорф (Georg Heinrich von Langsdorff (1774–1852)), член Академии наук, вел ботанические исследования в бассейне Амазонки с 1821 по 1828 г. Собранные им живые растения были приобретены садом за 25 тыс. руб. В состав этой экспедиции входил друг Лангсдорфа — ботаник Людвиг Ридель. Сад приобрел богатейший гербарий, собранный в эти годы Риделем и содержащий 8 тыс. (!) видов растений. В 1831–1835 гг. Людвиг Ридель вновь плодотворно работал в Бразилии для петербургского сада, причем вместе с садовником Бернгардом Лушнатом. Именно Ридель с Лушнатом заложили в Рио-де-Жанейро ботанический сад, который существовал до 1836 г. и считался филиальным отделением С.-Петербургского Императорского Ботанического сада. В этом филиале выращивалось множество растений, отправлявшихся затем в Санкт-Петербург. Отсюда было получено несколько тысяч горшков с живыми растениями и более 2 тыс. видов в качестве гербария (к сожалению, более подробных сведений о деятельности бразильского филиала петербургского сада мною не найдено). С Америкой, правда, на сей раз с Мексикой и Калифорнией, весьма полезные отношения поддерживал Фишер

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

через барона Карвинского (Karwinsky Wilhelm Baron von (1799–1855)). Камергер баварского короля Вильгельм Карвинский находился в Мексике с экспедицией с 1840 по 1843 г., субсидировавшейся из России. Непосредственно от Фишера Карвинский получал по 1500 руб. ежегодно. Понятно, что собранные Карвинским коллекции в первую очередь попадали в Петербург. Именно так в России оказались редчайшие растения, в том числе кактусы *Echinocactus rapa* и *E. asterias*.

В 1830 г. по высочайшему повелению императора России отправился исследовать растительность Юго-Восточной Сибири и собирать растения для Императорского Ботанического сада Николай Степанович Турчанинов. Денежные средства на исследования и сбор растений отпускались за счет средств кабинета Его Величества. Турчанинов проводил работы в этой экспедиции до 1835 г. Результаты — великолепная книга "Flora daurica", коллекция сухих растений (60 тыс. листов) и семян, которыми ботанический сад пользовался для обогащения своих коллекций. Отметим, что Турчанинов был ботаником-самоучкой, он не имел специального образования, а его учителем был Ф.Б. Фишер. Несмотря на загруженность работой, Фишер помогал юному, еще никому неизвестному Николаю Турчанинову определять собранный им гербарий. Скорее всего не без участия Фишера Турчанинов получит в свое время возможность отправиться исследовать Юго-Восточную Сибирь и в итоге станет известнейшим ботаником.

Большую пользу саду принесла и экспедиция Александра Ивановича Шренка (Alexander Gustav von Schrenk (1816–1876)), в ходе которой он в течение 1837–1839 гг. исследовал северо-восток Европейской России. В начале 40-х годов поступили богатые коллекции из Восточного Закавказья, собранные энтомологом, чешским ученым Фридрихом Коленати. Отправляются люди собирать материал и в Северную Америку. В архиве РАН сохранился любопытный рукописный текст инструкции, составленной самим Фишером, с указанием того, как следует производить исследования местной растительности.

Образным, живым языком того времени описывает эту сторону деятельности ботанического сада один из его директоров — Эдуард Регель. «Натуралисту Венедикту Павловичу Егеру, отправившемуся в 1827 г. на остров Гайти (видимо, Гаити), были отпущены средства в этом году 500 руб. ассигнациями и впоследствии 600 руб. ассигнациями на сбор для сада растений и семян, которые им и были выс-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ны в сад. <...> Федору Ивановичу Базинеру, назначенному по части естественных наук в члены Миссии, отправленной от Азиатского департамента в 1842 г. в Хиву, также было поручено Ботаническим садом собирать для него произведения растительного царства с выдачей ему известной суммы денег для покрытия издержек по сему делу. Вследствие того Ботанический сад по возвращении Ф.И. Базинера в 1843 г. получил полную коллекцию растений, встреченных в означенном краю, которые путешественником и были обработаны».

Следует отметить, что Ботанический сад несколько раз отправлял за свой счет и садовников в разные места для сбора живых растений и семян. Так, в 1828 г. был отправлен в Черниговскую губернию садовник Карл Либер для сбора орхидных *Cypripedium macranthum* и *C. guttatum*.

Уже с самого начала деятельности Ф.Б. Фишера в Петербургском Ботаническом саду им были организованы корреспондентские связи со многими людьми в России и зарубежных странах, которые доставляли в Ботанический сад коллекции засушенных растений и семян. Ф.Б. Фишер 40 лет (!) находился в переписке с известнейшим ботаником финского происхождения, создателем Никитского ботанического сада в Крыму Христианом Стевеном (Christian von Steven (1781–1863)). Также в числе его корреспондентов были Федор Васильевич Геблер (Friedrich-August von Gebler (1781–1850)) с Алтая, Франц Андреевич Гефт (Hoefft (1797–1844)) с Кавказа, краеведы-натуралисты братья Александр и Николай Уфтюжаниновы из приграничной с Китаем Кяхты и многие другие известные ученые и простые любители-естествоиспытатели. Поддерживались плодотворные отношения и с корреспондентами из далеких Южной Африки и Гаваны, а также, конечно, и из стран Западной Европы.

Очень значительным приращением гербария было приобретение в 1832 г. коллекции профессора Карла Мертенса (Franz Karl Mertens (1764–1831)), содержащей около 35 тыс. видов, а в 1841 г. — Генриха Шрадера (Heinrich Adolph Schrader (1767–1836)), заключавшей около 10 тыс. видов.

К концу 40-х годов Ботанический сад под руководством Фишера достиг общеевропейской известности, обладал едва ли не крупнейшей в Европе коллекцией живых растений, вел изучение флоры России экспедиционным путем и начал активную обработку доставляемых гербариев. В это время в саду были начаты широкие флористические работы, определившие важнейшие направления его последующей

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

научной деятельности. С 1834 г. издается перечень семян, предлагаемых в обмен (“Index seminum”, “Delectus seminum”). Сейчас многолетнее издание представляет огромную научную и практическую ценность, так как достаточно четко отражает состояние конкретных испытываемых видов растений в течение почти двух веков. По делектусам можно, например, достаточно полно судить об общей устойчивости этих видов в условиях Петербурга. В этих же перечнях семян ботаники получили возможность публиковать научные труды небольшого объема.

Выдающимся достижением в деятельности сада под руководством Фишера можно назвать создание превосходной специализированной библиотеки, основу которой составили собрание проф. Стефана и Горенская библиотека. Библиотека в 1850 г. состояла из 3944 сочинений в 8494 томах. Объем гербария был настолько велик, что позволил вести серьезные научные исследования по систематике высших растений.

По объему плодотворной энергии с Фишером могут сравниться немногие, даже весьма известные ботаники. Из ученых XX в. мне такой личностью видится Николай Иванович Вавилов.

Несмотря на уже накопленный солидный опыт, Фишер никогда не упускал возможности углублять свои познания. Так, неоднократно выезжая в Европу, он помимо приобретения растений изучал передовой опыт содержания и построения растительных коллекций в местных ботанических садах.

Надо отметить важную черту, характеризующую Фишера как гражданина. Это глубокое чувство ответственности перед обществом. Его особая энергия была направлена на то, чтобы достижения ботанической науки «перешли ограду Ботанического сада» и активно включались в развитие общественного прогресса.

В связи с этим вспомним идею Фишера о создании Ботанического сада за Уралом, идею, которую он на протяжении всей своей деятельности на посту директора пытался воплотить в жизнь. И ему удалось этой идеей вдохновлять смелых и отважных ботаников, которые отправлялись в далекие, тогда еще дикие края. Уже будучи директором Императорского Ботанического сада в Петербурге, Фишер возвращается к этой идее. Новые попытки относятся к 1828 г. Обучавшийся в Павловске в садах императрицы Марии Федоровны садовник Ф.Е. Ридер (по другим данным, Егор (Johan Georg) Ридер) заявил о своем желании ехать на Камчатку. На заведение казенного сада

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

и содержание садовника на полуострове казна ассигновала 3840 руб., а на разъезды по Камчатке с целью изучения растительности и проведения сборов — 800 руб. Ридеру по инструкции, составленной Фишером, следовало не только заняться устройством казенного сада, полным и подробным описанием флоры Камчатки и Курильских островов, но и обучать садовому и огородному искусству местных жителей. В 1829 г. был одобрен план строительства стеклянной оранжереи в Петропавловске в месте предполагаемого ботанического сада. Даже в 1831 г. для этой цели из Петербурга были отправлены стекла. Технические причины помешали возведению оранжереи. Все же Ридер делал от него все зависящее для распространения огородничества, опыта землепашества и плодового садоводства. Он также собирал камчатские растения и присылал их в Петербург. Так, в 1830 г. в Петербург были отправлены 287 видов растений, собранных Ридером на мысе Лопатка. Может быть, Ридеру удалось бы со временем сделать значительно больше, но в 1833 г. его жизнь оборвалась.

В 1834 г. на Камчатку отправляются А. Пленц с двумя помощниками, но и им не удается продвинуть устройство ботанического сада. И все же Фишер не сдается, и в конце 1840 г. «покорять» Камчатку отправляется прусский агроном Иоганн Кегель (Johann Karl Ehrenfried Kegel). Осенью 1841 г. Кегель прибыл на полуостров, но и ему не удалось построить оранжереи, хотя он прилагал максимум усилий для выполнения возложенной на него миссии. Он, однако, проводил немало опытов по посеву зерновых и овощных культур. Кегель пробыл на Камчатке до 1847 г., принеся немалую пользу в деле развития сельскохозяйственной практики данного региона. Ботанический сад тогда на Камчатке так и не удалось создать. Причины этого не только экономические. Законопослушные посланцы на Камчатке оказывались в условиях, где существовали «свои законы», отличные от столичных. Часто посланцы и местная власть не находили общего языка.

Об удивительной интуиции Фишера говорит тот факт, что современная география размещения ботанических садов за Уралом в значительной степени совпадает с той, которая была им предложена задолго до этого.

Хотелось бы также отметить и такую полезную деятельность Фишера, как испытание сортов хлебных культур. Еще задолго до появления Института прикладной ботаники (родоначальника знаменитого ВИРа) в Императорском Ботаническом саду в 1836 г. Фишер вместе со своим учеником и соратником Карлом Мейером (Carl Anton von

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Meyer (1795–1855)) проводил хотя и не столь масштабные, но все же очень нужные сравнительные испытания основных сортов ячменя, ржи, пшеницы и овса. Задача этих исследований заключалась, по словам самого Фишера, в том, чтобы «приобрести точное познание известных хлебных растений и определить степень постоянства их разных признаков. Вместе с тем, однако же, желательно обратить внимание любителей сельского домоводства на лучшие сорта ниворослей и возбудить раздачею семян охоту к деланию опытов». Фишером и Мейером было проведено сравнительное испытание 57 сортов хлебных культур с последующим их разделением по пригодности в условиях Петербурга. Например, характеризуя такой сорт пшеницы, как *Triticum tricoccon aristatum*, Фишер отмечал, что она «плодородна и прекрасна». Напротив, сорт овса *Avena chinensis* «посредственен».

Безусловно, полезной и новаторской можно назвать печатную работу Фишера «О живых изгородах», посвященную, говоря современным языком, изгородям из живых растений. Фишер отмечает в начале работы, что при устройстве деревянных заборов «крестьянин не жалеет на это употребление прекрастнейших дерев», а также что эти заборы порой «представляют чрезвычайно неприятный вид и требуют беспрерывных исправлений». Далее Фишер предлагает весьма простой альтернативный вариант, а именно — «заменить дощатые заборы живыми изгородами». Фишер отмечает, что, помимо главных преимуществ, «они придают садам и полям веселый, приятный вид». В работе даются рекомендации по устройству живых изгородей с указанием наиболее пригодных для этого древесных пород. Хотя работа написана еще в 1836 г., ее следовало бы почитать современным «любителям» заборов. К сожалению, у нас до сих пор для устройства живой изгороди из боярышника практически не используется боярышник однопестичный (*Crataegus monogina* Jacq), один из рекомендованных Фишером. А ведь этот вид совершенно не страдает от мучнистой росы, грибной болезни, от которой почти все виды боярышника летом имеют неопрятный вид.

Наконец, не потеряла свой актуальности и работа Фишера «Деревья и кустарники, способные к разведению в окрестностях С.-Петербурга», написанная им уже после ухода из Ботанического сада. Этот труд — своеобразное подведение итогов интродукции древесных пород, испытывавшихся в условиях довольно сурового климата Петербурга. Обозначая актуальность своей работы, Фишер говорит: «Часто слышатся жалобы на то, что в окрестностях С.-Петербурга разведение

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

деревьев и кустарников по паркам и садам так ограничено суровостью климата, что мы невольно обречены видеть вокруг себя самое утомительное единообразие». Далее Фишер предлагает воспользоваться результатами интродукционного испытания. Он отмечает, что «число древесных растений, которые могут вынести суровость нашего климата, простирается более, нежели до трехсот пород, как видно из прилагаемого ниже списка». В этом списке мы найдем и те, что сейчас прочно вошли в современный ассортимент, но есть и такие, которые по непонятным причинам практически «не вышли» за ограду ботанического сада. Они очень редки даже на приусадебных участках, не говоря уже о территориях общественного пользования. В качестве примера среди наиболее редких, но при этом декоративных растений можно отметить представителей рода рододендрон: р. желтый (*Rhododendron luteum* Sweet.), р. кавказский (*R. caucasicum* Pall.), р. ржавый (*R ferrugineum* L.), р. жестковолосистый (*R. hirsutum* L.), р. даурский (*R dauricum* L.) (возможно, что имелась в виду именно вечнозеленая форма р. даурского, которая теперь выделена в отдельный вид — р. Ледебура (*R. ledebourii* Pojark.) — и которая, в отличие от листопадной формы, обладает хорошей устойчивостью в условиях Санкт-Петербурга), р. камчатский (*R. camtschaticum* Pall.), р. золотистый (*R. aureum*. Georgi), р. канадский (*R. canadense* (L.) Torr.).

Фишером были описаны сотни новых видов, чаще всего в соавторстве с Карлом Мейером, а также два рода. Среди описанных видов есть весьма значимые, например красивейшая ель Шренка (*Picea schrenkiana* Fisch. et C. A. Mey.) Некоторые виды Фишером хотя и не описаны на правах первенства в ботанической литературе, но к их выделению он имел непосредственное отношение. Это касается, например, дуба монгольского (*Quercus mongolica* Fisch. ex Turcz.). Рудольф Эрнстович Траутфеттер (Ernst Rudolf von Trautvetter (1809–1889)), который работал помощником директора Императорского Ботанического сада, то есть Ф.Б. Фишера, с 1835 по 1838 г. и знал Фишера близко, изображает его как «...человека даровитого, обладавшего прекрасным систематическим глазом и памятью. Он был большой знаток растений, которых на своем веку видел множество».

Фишер написал 76 работ. Он был членом-корреспондентом Императорской Академии наук, Императорского Харьковского университета, членом Московского общества испытателей природы и многочисленных отечественных и зарубежных научных обществ. Помимо немецкого и русского языков, знал английский, французский и ла-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

тынь. О его семейном положении известно мало. Фишер женился поздно, так как в возрасте 46 лет был еще холост. В возрасте 52 лет был уже женат, но детей не имел. Дальнейших сведений мне найти не удалось. За служебные заслуги Фишер был произведен в действительные статские советники, что давало право на потомственное дворянство. Он был также кавалером орденов Св. Владимира 4-й степени и Св. Анны 2-й степени.

В 1847 г. «по саду было обнаружено неправильное счетоводство», то есть в сундуке, где хранились деньги, была обнаружена недостача в сумме около 6 тыс. руб. серебром. Была назначена особая комиссия для ревизии. Дело затянулось. Следствием стал уход Фишера со службы в 1850 г. Причем увольнение со службы было регламентировано указом императора России. На основании предписания от 4 августа 1850 г. действительному статскому советнику и кавалеру Ф.Б. Фишеру была выдана квитанция в том, что от него старшим помощником директора Карлом Мейером принят Императорский Ботанический сад «со всеми к оному принадлежностями» по следующим описям:

«1. Денежная касса на сумму 64 931 руб. 11 коп.

2. Библиотека, состоящая из 3944 соч. в 8494 томах.

3. Травники, состоящие из 50 тыс. различных видов.

4. Каталог живых растений, состоящий из 12 тыс. видов, которые находятся в роскошном состоянии» и т.д.

После прекращения дела начетов решено было не взыскивать. Наиболее суровое в этом отношении распоряжение касалось также уволенного надворного советника А. Безсонова, которого было решено «за беспорядки никуда впредь на службу не определять».

Думаю, что к Фишеру в полной мере можно отнести высказывание Н.И. Вавилова, сказанное в адрес знаменитого французского ботаника-интродуктора Луи Трабю: «Науку <...> двигают труженики, что в значительной мере этот труд является бескорыстным, во всяком случае ни в коей мере не покрывающийся эквивалентом результатов, приносимых этой научной работой». В течение 1847–1850 гг. Фишером не было написано ни одной работы. В этом, безусловно, сказались неприятности на службе. После ухода с поста директора Императорского Ботанического сада Ф.Б. Фишер, немного отдохнув, снова оказался на государственной службе, значительно более спокойной, чем предыдущая. Он до конца своей жизни являлся совещательным членом Медицинского совета в Министерстве внутренних дел. Не стало Ф.Б. Фишера 5 июня 1854 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

После ухода Фишера с поста директора в Ботаническом саду дела пошли не лучшим образом. Это выразилось, в частности в том, что вскоре стала искусственно тормозиться научная деятельность сада в угоду практическому садоводству. Такой неоправданный перекос грозил тем, что сад мог потерять статус центра ботанических исследований страны. Только с возвращением в сад в 1864 г. Рудольфа Эрнстовича Траутфеттера и принятием им поста директора в 1866 г. положение было исправлено. Траутфеттер, который когда-то был помощником Фишера, не только вернул былую научную славу Императорскому Ботаническому саду, но и утвердил окончательно его статус центра ботанических исследований России.

Ф.Б. Фишер был личностью планетарного масштаба, для него не существовало границ. За кратчайшие сроки он сумел собрать в Императорском Ботаническом саду богатства растительного царства со всего мира. Об этом мы не должны забывать.

1. *Белоножко Ю.А.* Страницы истории отечественной ботаники // Природа. 1980. № 4. С. 94–100.

2. *Бобров Е.Г.* Сад в Горенках и последние годы сада Академии наук // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л., 1957. С. 25–31.

3. *Бобров Е.Г.* Ботанический сад (1801–1916) // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л., 1957. С. 32–80.

4. *Вавилов Н.И.* Пять континентов. М., 1962.

5. *Гапон В.* Лейхтенбергия? (Богарне, Хукер, Карвинский и другие...). Ч. 2: Фон Фишеры, князь Сальм-Дик, граф Разумовский, барон Карвинский // Кактус-клуб. 2001. № 6. С. 42–50.

6. *Липский В.И.* Исторический очерк // Императорский С.-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913). Пг., 1913. Ч. I. С. 9–378.

7. *Липский В.И.* Биография и литературная деятельность // Императорский С.-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913). Пг., 1913–1915. Ч. III. С. 1–536.

8. *Регель Э.* Путеводитель по Императорскому С.-Петербургскому Ботаническому саду // Труды Императорского С.-Петербургского ботанического сада. 1873. Т. 2. Вып. 1. С. 1–305.

9. СПФ РАН. Ф. 151. Оп. 151. Д. 72.

10. *Фишер Ф.* О живых изгородах. СПб., 1836.

11. *Фишер Ф.* Деревья и кустарники, способные к разведению в окрестностях Санкт-Петербурга // Журнал МВД. 1872. Т. 40. Кн. 12.

12. *Фишер Ф., Мейер Л.* О ниворослях, которые были разводимы в Императорском Ботаническом саду в 1836 г. СПб., 1837.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

13. *Fischer F.E.L.* Index plantarum Anno MDCCCXXIV (1824) in horto botanico Imperiali Petropolitano vigentum // Petropoli. 1824.

14. *Fischer F.* Catalogue du jardin des plantes de son excellence monsieur Le comte Alexis de Razoumoffsky a Gorenki. M., 1812.

15. *Trautvetter E.R. von.* F.E.L. von Fischer und seine schriften // Bulletin de la Societe Imperiale des Naturalisten de M., 1865. T. XXXVIII. № II. С. 585–595.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Т.А. Шрадер

НЕМЕЦКИЕ ВРАЧЕБНЫЕ ОБЩЕСТВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (XIX в.)

В XIX в. в Санкт-Петербурге активное участие в развитии медицины принимали врачи немецкой национальности. Часть из них приехала из Германии в столицу России с целью заработка и применения своих знаний и опыта, часть была выходцами из немецких семей, предки которых прибыли в Россию в XVIII в., а может быть, и ранее. Вклад этой плеяды немецких врачей известен, но полностью еще не отражен в научной литературе. Цель статьи — дать краткий обзор деятельности ряда объединений немецких врачей в столице России.

К середине XIX в. в Санкт-Петербурге функционировали пять медицинских обществ: Немецкое врачебное общество в Санкт-Петербурге (Der deutsche ärzliche Verein in St. Petersburg), Общество русских врачей в Санкт-Петербурге, Общество практикующих врачей в Санкт-Петербурге (Verein praktischer Ärzte zu St. Petersburg), Общество военно-морских врачей в Санкт-Петербурге и Всеобщее общество санкт-петербургских врачей (Allgemeiner Verein St. Petersburger Ärzte). Поскольку в задачу данной статьи входит представление объединений немецких врачей, автор не отражает историю других врачебных сообществ.

Старейшим из вышеназванных обществ являлось Немецкое врачебное общество в Санкт-Петербурге. Первый протокол этого общества относится к 21 января 1819 г. Как было записано в § 1 Устава, в его задачу входило «оказание содействия практическому врачеванию и создание центра для коллегиальных встреч без формальностей и принуждения», заседания проходили с середины сентября до середины мая каждые две недели. Каждое заседание открывал секретарь общества, зачитывал протокол предыдущей встречи, затем обсуждались вопросы состояния распространенных в различное время эпиде-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

мических заболеваний, наиболее интересные случаи в медицинской практике и развитие различного рода направлений в медицине. Вторая часть заседания была посвящена докладу одного из членов общества на заранее выбранную тему. Все члены общества получали возможность сделать доклад в течение всего сезона. Кроме того, во время встреч рассматривались вопросы состояния крупных больниц города. Библиотека общества к середине XIX в. насчитывала тысячу единиц специальной литературы, а также включала различного рода медицинскую периодическую печать, передаваемую в библиотеку членами общества. Все встречи велись исключительно на немецком языке, так же как и протоколы[1].

Немецкое врачебное общество не имело своего периодического медицинского издания, но на протяжении ряда лет были опубликованы 8 томов, изданных с перерывами с 1821 по 1858 г. под названием «Смешанные сочинения из области медицины» ("Vermischte Abhandlungen aus dem Gebiete der Heilkunde")[2]. Основная же часть научных статей членов общества публиковалась в различных медицинских журналах, а с 1861 г. печатались протоколы заседаний общества в санкт-петербургской медицинской печати, о которой речь пойдет дальше.

Одним из инициаторов создания этого общества врачей был Теодор Хейнрих Вильгельм Лерхе (Theodor Heinrich Wilhelm Lerche, 1791–1847). Он родился в Германии, в Брауншвейге. В 1808 г. прибыл в Россию. Это был неординарный человек и врач. Открытая им в Петербурге в 1824 г. глазная больница к середине века занимала второе место в Европе после лондонской глазной больницы по числу обслуживаемых больных за год[3]. Первые собрания общества проходили на частных квартирах членов-учредителей, а затем по предложению В. Лерхе — в помещении Глазной больницы[4]. Немецкое врачебное общество при основании насчитывало 11 человек. Директором его был известный хирург профессор Иоган Буш (Johan Busch), секретарем был избран В. Лерхе. Через несколько лет число членов общества увеличилось до 20, несколько позднее его состав на протяжении многих лет был постоянным и составлял 25 человек. В течение первых 24 лет работы общества его неизменным директором был И. Буш, в дальнейшем этот пост в течение 19 лет занимал доктор Раух (Rauch), после него — доктор Канцлер (Cantsler), в конце XIX в. директором общества был доктор В. Керниг (W. Kernig). Только уход из жизни члена общества давал возможность другому врачу из Петербурга за-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

нять его место, поэтому общество было в определенной степени закрытым и элитным. Помимо постоянных членов общества, в его работе могли принимать участие члены-корреспонденты. К началу 1860-х годов насчитывалось 9 специалистов из Митавы, Финляндии, Берлина, Ревеля и других городов, кроме того, участвовали в деятельности общества и 9 почетных членов, среди которых был академик К. Бэр и Н.И. Пирогов. К 1870-м годам обществом было проведено около 900 заседаний.

21 января 1869 г. Немецкое врачебное общество торжественно отмечало 50-летний юбилей. Праздновали эту дату в зале одной из центральных гостиниц столицы, на встречу были приглашены 29 почетных членов и членов-корреспондентов общества. Из 102 человек — из числа членов общества, принимавших участие, — за 50 лет ушло из жизни 55 человек, а из первых 11 его учредителей в живых уже никого не было. Открыл собрание директор общества доктор Канцлер, затем секретарь общества огласил сводный протокол заседаний за полувековой период. В выступлениях участников торжества отмечалось, что в период организации общества в России было еще недостаточное количество врачей, положение которых в столице достигало почти аристократического уровня, но уже в годы юбилея ситуация в медицине изменилась. Общество перестало быть, как было сказано, «палатой пэров» и становилось более открытым для сообщества врачей. В юбилейных речах была отмечена деятельность первого директора И. Буша (J. Busch), секретаря В. Лерхе, учеников И. Буша — профессора Саломона (Salomon), доктора Арендта (Arendt), а также доктора Вольфа (Wolff), профессора Зейдлица (Seidlitz), Н.И. Пирогова и многих других, внесших неоценимый вклад в развитие медицины в Петербурге и России. Многочисленные приветствия и поздравления в связи с юбилеем поступали из Дерпта, Митавы, Хельсингфорса, Тифлиса, Вены и от медицинских обществ России[5]. В 1894 г. отмечался 75-летний юбилей этого старейшего медицинского общества столицы. По этому поводу были изданы «Исторические записки» общества[6].

В 1850 г. группа немецких врачей в составе 15 человек создала Общество практикующих врачей в Санкт-Петербурге. Основной задачей этого общества был обмен научными достижениями в области медицины, полученными на основе медицинской практики. Протоколы заседаний велись на немецком языке. Членом общества мог стать врач столицы, избранный 2/3 голосов от общего состава. Заседания прово-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

дились по субботам. Первым президентом общества был доктор Лейдесдорф (Leidesdorf), затем избраны проф. Неммерт (Nemmert) и проф. Грубер (Gruber)[7]. К сожалению, в медицинской печати другие сведения о дальнейшей судьбе этого общества не встречались.

В 1858 г. большая группа немецких врачей объединилась, создав Всеобщее общество санкт-петербургских врачей, зарегистрированное 19 февраля 1859 г. Создано оно было по причине того, что значительное число врачей столицы не могло войти в состав первого общества. Основной целью нового общества стало распространение медицинских знаний путем обсуждения важных проблем и опубликования научных достижений, а также оказание каждому врачу помощи в научных изысканиях. Врач из Петербурга и его окрестностей принимался в общество путем голосования. Заседания проходили с 15 сентября по 15 мая каждые две недели[8]. Это общество было известно еще и под названием «Общество вторников» (Dienstagsverein), что соответствовало дню недели его заседаний. Новое немецкое врачебное объединение вызывало большой интерес у специалистов, и нередко его состав увеличивался на сто человек в год. Членский взнос составлял 5 руб. и не был для многих обременительным. Известные русские врачи принимались как почетные члены, к примеру Н.И. Пирогов, И.И. Мечников, И.П. Павлов. До 1884 г. 6,6 % членов общества носили русские и польские фамилии. К 1909 г. число их сократилось до 4,7 %[9]. Основанное в 1819 г. Немецкое врачебное общество следовало образцу Медико-исторического общества в Берлине (Medizin-historischen Gesellschaft zu Berlin), основанного в 1810 г. Общество санкт-петербургских врачей 1859 г. пошло по пути Общества немецких врачей (Verein Deutscher Äerzte), созданного в Париже в 1844 г.[10]

Взаимоотношения между обществами немецких врачей носили коллегиальный характер, и часто врачи были членами обоих обществ. За период с 1859 по 1909 г. членами нового общества стали 423 специалиста, а Немецкого врачебного общества — 71 врач[11]. Деятельность Общества санкт-петербургских врачей прекрасно отражена в его периодическом издании «Санкт-Петербургская медицинская газета» (“St. Petersburger Medicinische Zeitschrift”), которая начала издаваться в 1861 г. Каждый журнал состоял приблизительно из 30 страниц (в библиотеках эти газеты хранятся в подборках-томах, собранных по годам, и насчитывают до 400 страниц). В этом издании печатались научные доклады врачей, протоколы заседаний общества, а также протоколы старейшего Немецкого врачебного общества, публикова-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

лись новости из российских медицинских журналов, обзоры медицинского состояния Сибири и России в целом, сообщения из больниц столицы. Там же публиковались и протоколы заседаний медицинского общества в Дерпте. Так что все, кто владел немецким языком, мог получить из этого печатного органа научную информацию и сведения о практике врачей в городе. «Санкт-Петербургская медицинская газета» выходила под таким названием с 1861 по 1875 г. С 1876 по 1911 г. этот печатный орган назывался «Санкт-Петербургский медицинский еженедельник» (“St. Peterburger Medicinische Wochenschrift”), но этот журнал не следует путать с выходившей в 1912–1914 гг. «Санкт-Петербургской медицинской газетой» с другим правописанием — “St. Peterburger Medizinische Zeitschrift”. С 1876 по 1882 г. редактором еженедельника был Э. Мориц (E. Moritz), главный врач Обуховской больницы, а затем Александровского госпиталя для мужчин. Этот журнал стал печатным органом Немецкого врачебного общества и Общества санкт-петербургских врачей. Отчет о юбилейных торжествах по случаю последнего был опубликован в специальном издании[12]. В 1884 г. в этот журнал пришли изменения. При новом редакторе Л. фон Холсте (L.von Holst) поменялось издательство. Теперь журнал издавался не Кейзеровским придворным книжным издательством у Х. Шмицдорфа (H. Schmitzdorff), которое располагалось на Невском проспекте, напротив Главного штаба, а на Невском проспекте, д. 14, у Карла Рикера (Carl Ricker); в редакционную коллегию, кроме специалиста из Дерпта, с 1890 г. был включен редактор из Риги; журнал начал издаваться с первого тома (Band 1–9. 1884)[13].

В XIX в. врачи немецкой национальности работали практически во всех петербургских лечебных заведениях. Между немецкими и русскими врачебными обществами были установлены контакты, и нередко немецкие врачи стояли во главе некоторых врачебных объединений. Например, председателем Общества военно-морских врачей в Кронштадте (основано в 1858 г.) был директор Медицинского департамента Военно-морского министерства К. Розенбергер (K. Rosenberger), секретарем основанного в 1861 г. Общества психиатров — П. Розенбах (P. Rosenbach)[14], в декабре 1885 г. в Петербурге состоялся I съезд Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. Среди 32 постоянных членов-учредителей этого общества были К. Раухфус (K. Rauchfuss), А. Эберман (A. Ebermann), Ф. Эрисман (F. Erismann), Е. Эйхвальд (E. Eichwald)[15].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

В Петербурге к концу XIX в. были открыты три немецкие больницы, где лечились только лица немецкой национальности, в которых практиковали немецкие врачи и обслуживающий персонал. Помещения этих больниц были украшены портретами и бюстами немецких кайзеров. Прежде всего можно назвать Александровский госпиталь для мужчин (Alexsander Hospital für Männer), где, кроме всего прочего, хранилась большая библиотека Немецкого врачебного общества и Общества санкт-петербургских врачей; Александровская богадельня для женщин (Aleexandra-Stift für Frauen) и Евангелический госпиталь для женщин (Evangelische Hospital für Frauen)[16].

С началом Первой мировой войны деятельность всех немецких обществ, как медицинских, так и немедицинских, была приостановлена. В 1923 г. в Петрограде–Ленинграде возобновило свою работу Общество немецких врачей, документы которого со списками членов общества хранятся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, но в 1929 г. оно было закрыто, как и множество других неполитических организаций.

Итак, деятельность Немецкого врачебного общества в начале XIX в. активизировала развитие медицины а Санкт-Петербурге, этому способствовало и то, что во главе его стоял выдающийся хирург того времени И. Буш. В связи с тем, что в столичных и других медицинских учебных заведениях России количество выпускников возрастало, начали более активно работать и другие медицинские объединения. Издаваемые же периодические журналы немецких обществ на немецком языке знакомили как российскую, так зарубежную медицинскую общественность не только с новейшими достижениями немецких врачей в Петербурге, но и с уровнем развития российской медицины XIX в.

1. Die medicinischen Gesellschaften St. Petersburgs // St. Petersburger Medicinische Zeitschrift. 1862. Band II. S. 268.
2. Die Feier des 50-jahrigen Bestehens des deutschen ärzlichen Vereins in St. Petersburg // St. Petersburger Medicinische Zeitschrift. 1869. Band XV. S. 351.
3. Пятидесятилетие Санкт-Петербургской глазной лечебницы, 1824–1874 гг. СПб., 1874. С. 3–17.
4. Медицинские общества России. М., 1897. С. 9.
5. Die Feier des 50-jahrigen Bestehens... S. 351–357.
6. Медицинские общества России. С. 9.
7. Die medicinischen Gesellschaften St. Petersburgs... S. 272–273.
8. Ibid. S. 275.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

9. *Zieger Kr.* Der St. Petersburger Verein deutscher Ärzte und seine philanthropischen Bemuhunen // Deutsch-russische Beziehungen in der Medizin des 18. und 19. Jahrhunderts. Deutsch-russische Beziehungen in Medizin und Naturwissenschaft / Hgg. D. von Engelhardt, J. Kastner. Shaker Verlag; Aachen, 2000. Band I. S. 108.

10. Ibid.

11. Ibid.

12. Festsitzung des Vereins St. Petersburger Aerzte. Zur Feier des 50jarhrigen Jubilaums. SPb., 1909.

13. *Doreen Jaeschke.* Die St. Petersburger Medicinische Wochenschrift als Medium der deutschen Aerzte Forschungsstand und Perspektiven // Deutsch-russische Beziuhngen in der Medizin des 18. und 19. Jahrhunderts. Deutsch-russische Beziehungen in Medizin und Naturwissenschaften / Hgg. D. von Engelhardt, J. Kastner. Shaker Verlag, 2000. Band I. S. 121–123.

14. *Schrader Tatjana.* Deutsche Aerzte in St. Petersburg in der zweite Hälfte des 19. Jahrhunderts // Der Beitrag der Deutschbalten und der stadtischen Russlanddeutschen zur Entwicklung des Russischen Reiches von der zweten Hälfte des 19. Jahrhunderts bis zum Ersten Weltkrieg / Hgg. B. Meisner, A. Eisfeld. Köln, 1999. S. 259.

15. *Zieger K.* Op. cit. S. 109.

16. Медицинские общества в России. С. 40.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

О.А. Кривдина

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛА А.А. БИЛЬДЕРЛИНГА

Российские немцы в последние десятилетия привлекают к себе особое внимание исследователей, активно обратившихся к тщательному изучению их биографий, благодаря чему с 1997 г. ежегодно издаются материалы научной конференции «Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): биографический аспект» и в период с 1999 по 2006 г. в Москве вышла в свет энциклопедия «Немцы России» (в четырех томах).

Один из талантливых и разносторонне одаренных представителей немцев, живших в Санкт-Петербурге в XIX — начале XX в., — барон Александр Александрович фон Бильдерлинг (Bilderling). Он известен как боевой генерал, принимавший участие в Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войнах. Одновременно он был профессиональным художником-акварелистом, автором проектов нескольких памятников.

Родословная российской ветви Бильдерлингов восходит к 1526 г., к курляндскому дворянскому роду из Митавы. Отец Александра Александровича — Александр Григорьевич Бильдерлинг — окончил в 1826 г. Институт корпуса инженеров путей сообщения, принимал участие в войнах 1826–1828 и 1854–1856 гг. В 1860 г. он стал инспектором, а позже — директором Николаевского инженерного училища и членом конференции Николаевской инженерной академии.

А.А. Бильдерлинг родился 23 июня (5 июля) 1846 г. Получил образование в Пажеском корпусе, окончив его с отличием в 1863 г. Завершил он свое обучение в 1870 г. в Николаевской академии Генерального штаба. После нескольких лет службы в гвардейской кавалерии был начальником Тверского кавалерийского юнкерского училища, а в 1877–1878 гг. участвовал в Русско-турецкой войне, командуя

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

12-м драгунским Стародубовским полком. Став в 1879 г. начальником Николаевского кавалерийского училища в Петербурге, боевой генерал-кавалерист Бильдерлинг поддерживал строгий порядок в быте и учебе кадетов, что отмечали его современники.

После работы в Николаевском кавалерийском училище он был помощником начальника Главного штаба и командиром 17-го армейского корпуса, который воевал на Дальнем Востоке. «Время, проведенное Бильдерлингом во главе армии и штаба, снискало к нему общие симпатии за его мягкость характера, отзывчивость к нуждам, общительность, за нечто рыцарское в отношениях к своим подчиненным», — из воспоминаний генерала М.В. Алексеева[1]. В 1905 г. Бильдерлинг стал членом Военного совета.

Александр Александрович совмещал с военной службой творческую и общественную деятельность. Он участвовал в попечительской деятельности и организации юбилейных мероприятий, а также входил в комиссии по установке памятников. Он являлся организатором музея М.Ю. Лермонтова, открытого в декабре 1883 г. при Николаевском кавалерийском училище в Петербурге (бывшая школа гвардейских юнкеров и подпрапорщиков, где учился Лермонтов). 30 декабря 1880 г. было получено официальное разрешение военного министра Д.А. Милютина на создание Лермонтовского музея. Бильдерлинг вел многолетнюю упорную работу по созданию музея, собиранию и хранению автографов и сочинений Лермонтова, его живописного и графического наследия, иконографии поэта. Он составил и издал каталог «Лермонтовский музей Николаевского кавалерийского училища» (СПб., 1883).

Именным Высочайшим указом от 21 мая 1903 г. генералу от кавалерии А.А. фон Бильдерлингу «дозволено потомственно пользоваться в России баронским титулом»[2]. Александр Александрович Бильдерлинг умер 13 (26) июля 1912 г. в Царском Селе и был похоронен в Петербурге на Новодевичьем кладбище. Данных о месте его погребения не сохранилось.

Биографические факты жизни А.А. Бильдерлинга были опубликованы в таких изданиях, как «Столетие Военного министерства. Память о членах Военного совета»[3] Н.М. Затворницкого, «История 12-го драгунского Стародубовского полка»[4], «Военная энциклопедия»[5]. В. Рыхляков составил информацию о А.А. Бильдерлинге для энциклопедии «Немцы России»[6]. В указанных публикациях внимание сосредоточено на военной карьере генерала А.А. Бильдерлинга и полученных им наградах. Художественная деятельность упоминает-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ся, но не является отдельным объектом изучения. На занятия Бильдерлинга искусством обратили внимание В.В. Стасов[7] и Ф.И. Булгаков[8], однако лишь в качестве упоминаний в своих трудах. Справочную информацию о Бильдерлинге привел Ю.Р. Савельев в книге «Власть и монумент. Памятники державным правителям России и Европы (1881–1914)», вышедшей в свет в 2011 г.[9] Данные о памятниках, воздвигавшихся по проектам Бильдерлинга, К.Г. Сокол опубликовал в своем каталоге «Монументальные памятники Российской империи», изданном в 2006 г.[10]

Небольшая биографическая заметка о Бильдерлинге приведена в биобиблиографическом словаре «Художники народов СССР»[11], особенно ценном своими справочными библиографическими сведениями. В Интернете имеется информация, подготовленная в 2010 г. А. Аиминым, под названием «Забытые имена. Александр Александрович Бильдерлинг». Сказать, что имя А.А. Бильдерлинга забыто, видимо, не совсем правомочно, в связи с тем что в исторических и военных изданиях он не обойден вниманием, а вот относительно его художественной деятельности можно отметить, что она действительно требует обстоятельного изучения и выявления документальных, эпистолярных и архивных материалов.

В начале 1860-х годов творческая дружба соединила Бильдерлинга с живописцем В.Г. Шварцем, учившимся в Императорской Академии художеств. «Тогда мы часто собирались друг у друга, раз или два в неделю, по вечерам, — рисовали, читали, оживленно беседовали, спорили и оканчивали вечер скромным ужином. Душою нашего кружка был Шварц, вечно веселый, живой, остроумный. Товарищами были: К.А. Трутовский, И.И. Соколов, М.Я. Велье, А.И. Мещерский, И.С. Киттнер, я и еще кое-кто из близких знакомых», — вспоминал А.А. Бильдерлинг[12]. Упомянутый им М.Я. Велье писал: «Мы встречались у общих знакомых, у Ф.А. Бруни, у К.А. Трутовского, у вице-президента Академии, графа Ф.П. Толстого, часто также у г-жи Е.П. Бильдерлинг, сын которой, тогда кавалергардский офицер, был нашим хорошим знакомым и рисовал прекрасные акварели»[13]. Эти фрагменты воспоминаний приведены В.В. Стасовым в его статье «Вячеслав Григорьевич Шварц», включенной в собрание сочинений, вышедшее в свет в 1894 г. Стасов упоминал о том, что у Бильдерлинга хранились два рисунка В.Г. Шварца.

Отметим еще одну публикацию, подготовленную О. Воробьевой для Интернета, — «История одной книги», где речь идет об издании

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

А.А. Бильдерлингом труда «Президент Французской Республики в России в 1897», посвященного Феликсу Фору. «Во время посещения Фора в Петербурге он (А.А. Бильдерлинг. — *О.К.*) был в числе лиц, сопровождавших его. Генерал-лейтенант представлял Военное министерство России. По случайному совпадению автор оказался связанным с Францией семейными воспоминаниями. Его отец, инженер-генерал-лейтенант, окончил курс в Политехнической школе в Париже. Вернувшись на родину, он поступил в Институт путей сообщения, где ему пригодилось великолепное знание французского языка. Позднее он помогал известному военному писателю барону Жомини в его ученых трудах. Проведя лучшие годы во Франции и закончив там свое высшее образование, отец передал свою любовь к этой стране своему сыну», — пишет Воробьева. «Бильдерлинг окончил Академию Генерального штаба, был участником войн и сражений, начальником Николаевского кавалерийского училища. Он автор публикаций по военному делу, художник-график. Книга о Форе содержала множество великолепно выполненных иллюстраций. Над книгой работал замечательный живописец, офортист, виртуозный рисовальщик батальных сцен Николай Семенович Самокиш», — сообщает автор указанной выше публикации[14].

Деятельность по изданию книг занимала в жизни Бильдерлинга важное место. Ей предшествовали создание зарисовок во время военных действий, в которых участвовал Бильдерлинг, и выполнение отдельных листов акварелей и рисунков, экспонировавшихся с 1880 г. на выставках Императорской Академии художеств и Общества русских акварелистов. Бильдерлинг публиковал свои графические работы в журналах «Нива», «Всемирная иллюстрация» и в газете «Новое время». Из книг Бильдерлинга отметим: «Германия. Вооруженные силы» (СПб., 1875); «Пособие для военных разведок» (СПб., три издания: 1875, 1883, 1896); «Стародубские драгуны в рущукском отряде. Из воспоминаний о турецкой войне 1877–1878 гг.» (СПб., 1879); «Иппологический атлас для наглядного изучения верховой лошади» (СПб., 1889).

Помимо книг, имеющих прямое отношение к военному делу, обратим особое внимание на художественное издание «Просветители России», составленное Бильдерлингом и вышедшее в свет в 1894 г. Основной текст распределен на разделы: 1. «Духовно-нравственные просветители России»; 2. «Представители литературы»; 3. «Представители науки»; 4. «Представители искусств»; 5. «Общественные дея-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

тели»; 6. «Полководцы»; 7. «Представители казаков»; 8. «Представители флота». Все они, как писал Бильдерлинг, «наглядно знакомят с отечественной историей, вдохновляют юношество к служению родине, направляют все помыслы к прекрасному, к добру, зарождают высшие идеалы, создают достойных подражателей»[15]. Биографические тексты о знаменитых деятелях России сопровождены рисунками, выполненными тщательно, с ориентацией на известные художественные произведения. Например, статуи М.М. Антокольского «Нестор-летописец», «Ермак» и «Петр I», статуэтка «Кузнец» Н. Жака, а фигура сидящего в кресле Минина напоминает одновременно образы Ивана Грозного, созданные В.Г. Шварцем и М.М. Антокольским.

Во вступлении к этому изданию сказано, что «в самых народных нравах хранится историческое чувство, которое спешит выразиться в своем поклонении национальным героям, воздвигая им достойные памятники, таков завет предков потомству»[16]. К выполнению этого завета прямое отношение имел А.А. Бильдерлинг. Говоря об этом, мы имеем в виду его многолетний труд по созданию проектов целого ряда известных памятников для российских городов.

Памятник на могиле путешественника и исследователя Центральной Азии Н.М. Пржевальского недалеко от Каракола (с 1889 г. — Пржевальск) был создан по проекту Бильдерлинга. Александр III утвердил модель памятника 9 августа 1889 г. Скульптурные модели орла и портретного барельефа Пржевальского вылепил И.Н. Шредер, отлиты они из бронзы в Петербурге на Заводе художественной бронзы К. Берто. Памятник выполнен в форме гранитной скалы, украшенной в центре барельефом — увеличенным изображением золотой медали, в 1886 г. поднесенной Пржевальскому Академией наук. На верху скалы установлена фигура бронзового орла с оливковой ветвью в клюве, прижимающего когтями бронзовую карту Азии.

Памятник Н.М. Пржевальскому в Александровском саду (напротив главного фасада Адмиралтейства) в Санкт-Петербурге открыт 20 октября 1892 г. Бильдерлинг создал рисунок-проект монумента, бюст путешественника и фигура верблюда отлиты из бронзы по моделям И.Н. Шредера. Скульптурные работы отличаются тщательностью проработки и исторической достоверностью. Гранит рапакиви для постамента доставлен из каменоломни в Финляндии и обработан фирмой гражданского инженера Р.И. Рунеберга. Портрет установлен на постаменте, выполненном в виде гранитной скалы, у основания

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

которой лежит навьюченный верблюд. Сзади на срезе бюста знак литейной фирмы: //отл. К. БЕРТО С.-П.//. На лицевой стороне постамента выбита надпись: //ПРЖЕВАЛЬСКОМУ первому исслѣдователю природы Центральной Азіи//. С тыльной стороны постамента надпись: //Императорское русское географическое общество на приношенія почитателей//. На стилобате на тыльной грани выбиты подписи: справа — //ВАЯНІЕ И.Н. ШРЕДЕРА// и слева — //РИСУНОКЪ А.А. БИЛЬДЕРЛИНГА//, на правой грани — //КАМЕНОЛОМНЯ Р.И. РУНЕБЕРГА//. На седле верблюда знак литейной фирмы: //отл. К. БЕРТО. С.-П.//. Композиция памятника отличается своеобразием и индивидуальностью решения.

Генерал-фельдмаршал И.В. Гурко в связи с 50-летием службы в офицерских чинах в 1896 г. принял в подарок от войска Варшавского округа «... конную статую фельдмаршала, вылитую из бронзы по рисунку помощника начальника Главного штаба, генерал-лейтенанта А.А. Бильдерлинга и исполненную академиком Шредером», — сообщалось в «Ниве» в 1896 г.[17]

Бильдерлинг был членом Комитета по установке памятника Александру III в Москве (не сохранился).

Важный факт в биографии Бильдерлинга — назначение в 1909 г. председателем Комиссии по празднованию 200-летия Полтавской победы. Он принимал деятельное участие в создании музея «История Полтавской битвы». Бильдерлинг — один из авторов памятника герою обороны Полтавы полковнику А.С. Келину и героическим защитникам города в 1709 г. Памятник сооружен по рисунку Бильдерлинга, модели для отливки скульптуры из бронзы лепил А.Л. Обер. 26 июня 1909 г. в присутствии императора Николая II состоялось торжественное открытие памятника. Он был выполнен в виде гранитного пилона, увенчанного орлом и лежащим у пилона львом. В годы Великой Отечественной войны бронзовые части были похищены немецкими войсками.

В 1903 г. о проекте памятника Петру I в Полтаве писали в «Русском инвалиде»[18] и в 1905 г. в «Военном сборнике», указывая, что замысел основан на идеях Петровского времени. На поле Полтавской битвы по проекту Бильдерлинга должен был стоять монумент в виде пирамиды, на которой возвышалась конная статуя Петра I, у основания размещались четыре фигуры представителей разных родов российских войск. Вместо столь грандиозного замысла на месте боя появился более скромный монумент.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Памятник адмиралу В.А. Корнилову в Севастополе на месте его смертельного ранения на Малаховом кургане был открыт 5 октября 1895 г. Скульптура была вылеплена по проекту Бильдерлинга И.Н. Шредером и отлита из бронзы на заводе Берто в Петербурге. Композиция состоит из фигуры полулежащего раненого Корнилова, размещенной наверху пьедестала, напоминающего бастион. Ниже с правой стороны, как бы в проеме амбразуры, установлена фигура героя обороны Севастополя матроса П.М. Кошки, заряжающего орудие. В годы Великой Отечественной войны бронзовые части памятника были вывезены на переплавку немецкими войсками, постамент был взорван. В 1983 г. памятник был воссоздан в несколько увеличенном размере скульптором М.К. Вронским и архитектором В.Г. Гнездиловым.

Памятник адмиралу П.С. Нахимову в Севастополе был открыт 18 ноября 1898 г. на площади Нахимова. Так же как и при создании памятников Корнилову и Тотлебену, скульптор Шредер руководствовался рисунками Бильдерлинга. Фигура Нахимова была обращена лицом к рейду, в правой руке он держал подзорную трубу, на боку висела сабля Осман-Паши, полученная после Синопского боя. На лицевой стороне постамента был размещен бронзовый кормовой флаг, рядом — якорь, а с тыльной стороны выложены пирамиды из ядер. Рядом с флагом размещался барельеф с изображением эпизода Синопского сражения, повторяющего композицию картины живописца А.П. Боголюбова. С 1928 по 1932 г. проводились работы по изменению памятника Нахимову в памятник В.И. Ленину, бронзовые части которого были увезены немецкими войсками. 5 ноября 1959 г. состоялось открытие нового памятника Нахимову, созданного скульптором Н.В. Томским и архитектором А.В. Арефьевым.

Проект монумента инженеру-генералу Э.И. Тотлебену, руководившему строительством оборонных укреплений Севастополя, был высочайше утвержден в 1901 г. Лепку фигур по рисункам Бильдерлинга осуществил Шредер, отливка из бронзы была выполнена на заводе Морана в Петербурге. 5 августа 1909 г. монумент был открыт в Севастополе рядом со зданием Севастопольской панорамы. Высота памятника — 14 метров, композиция из шести фигур солдат — защитников Севастополя, размещенных вокруг постамента, на котором возвышается фигура Тотлебена, производит величественное впечатление. Созданные Бильдерлингом акварели — проекты памятников для Севастополя — представляют особую художественную значимость

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

в истории развития монументального искусства второй половины XIX — начала XX в.

В данной статье намечены основные направления, по которым развивалась художественная деятельность А.А. Бильдерлинга, каждое из этих направлений может быть предметом для отдельного исследования.

1. *Алексеева-Борель В.М.* Аргентинский архив генерала Алексеева // Военно-исторический журнал. 1992. № 12.

2. *Брокгауз и Ефрон.* Энциклопедический словарь. Биографии. М., 1992. Т. 2. С. 237.

3. *Затворницкий Н.М.* Столетие Военного министерства 1802–1902. Память о членах Военного совета. СПб., 1907. Т. 3, отд. 4. С. 778–781.

4. История 12-го драгунского Стародубовского полка. СПб., 1908. С. 170, 172, 187, 197, 205, 210, 217, 218.

5. Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 4. С. 549–550, воспр. портрет А.А. Бильдерлинга.

6. Немцы России. Энциклопедия: в 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 196–197.

7. *Стасов В.В.* Собр. соч.: в 3 т. СПб., 1894. Т. 2. С. 342, 366, 367, 369, 373.

8. *Булгаков Ф.И.* Наши художники (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академических выставках последнего 25-летия. СПб., 1889. Т. 1. С. 39. Дан список акварелей Бильдерлинга, экспонировавшихся на выставках в Императорской Академии художеств.

9. *Савельев Ю.Р.* Власть и монумент. Памятники державным правителям России и Европы (1881–1914). СПб., 2011. С. 262–263.

10. *Сокол К.Г.* Монументальные памятники Российской империи: Каталог. М., 2006.

11. Художники народов СССР: Биобиблиографический словарь. М., 1995. Т. 4, кн. 2. С. 398–399.

12. Цит. по: *Стасов В.В.* Собр. соч.: в 3 т. СПб., 1894. Т. 2. Стлб. 367–368.

13. Там же. Стлб. 369.

14. *Воробьева О.* История одной книги. Интернет-источник.

15. Просветители России / сост. А. Бильдерлинг. СПб., 1894. Вступление [без указ. стр.].

16. Там же.

17. Нива. 1896. № 34. С. 860.

18. Русский инвалид. СПб., 1903. № 5. С. 10, 19; Военный сборник. СПб., 1905. № 2. С. 26.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

С.Е. Ивлева

АДОЛЬФ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЛЮШАР (1806–1865) — ИЗДАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

Среди русских типографов — издателей середины XIX в. — Адольф Александрович Плюшар был личностью заметной. Сын известного типографа александровской эпохи Пауля Александра (Александра Ивановича) Плюшара, он продолжил фамильное дело, превратив доставшееся ему заведение в одно из лучших в России. Человек широкого размаха и такой же инициативы, Адольф Александрович Плюшар являл собой яркий образец подвижника, который совмещал в одном лице и полиграфиста, и издателя. Его целью стал выпуск интересных по содержанию, образцовых по форме и печати изданий. Он обладал, по отзывам коллег, завидной «способностью с головой отдаваться любимому труду, не жалея ни энергии, ни средств»[1].

Имя издателя вспоминается прежде всего в связи с самым известным его начинанием — «Энциклопедическим лексиконом». Семнадцать томов этого словаря по разным отраслям знаний, которые успел выпустить Плюшар, стали заметным событием в книжной жизни Петербурга 1830-х — начала 1840-х годов. История издания «Лексикона», во многом драматичная, достаточно освещена в литературоведческих трудах, но творческое наследие Плюшара не ограничивалось только одним издательским проектом.

Его деятельность составила эпоху в русском книгоиздании. Журнал «Русский библиофил», оценивая значение издателя, подчеркивал, что выпущенные им иллюстрированные книги много лет «задавали тон» русскому книжному рынку. А плюшаровское клеймо стало «веской рекомендацией, чтобы поместить вышедшее из его типографии произведение на видную полку библиотеки»[2]. Совершенно оче-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

видно, что издательская деятельность этого незаурядного человека заслуживает благодарного внимания, тем более что она не освещена во всей полноте.

Родился Адольф Александрович Плюшар в 1806 г. в Петербурге. Его отец, Пауль Александр (Александр Иванович) Плюшар (1777–1827), имел немецкие и французские корни, большую часть жизни (до приезда в Россию) провел в Брауншвейге, где на правах совладельца содержал типографию с Иоганном Генрихом Вагенером. Он женился на его дочери Софии Аделини Генриетте Федерике (1782–1857), упрочив тем самым деловые связи. В 1805 г. Коллегия иностранных дел заключила соглашение о покупке у Плюшара типографии со всем новейшим оборудованием. В 1806 г. Александр Плюшар вместе с женой оказался в Петербурге, где у них и родился старший сын[3].

Сначала Плюшар руководил типографией при Министерстве иностранных дел, в 1808 г. стал директором Сенатской типографии. Позже он открыл собственное полиграфическое заведение, при котором имелся книжный магазин и вторая в Петербурге частная литография[4]. Плюшар-старший снискал известность у любителей художеств качеством своих изданий. Среди них — серии литографий Александра Орловского, «Живописное путешествие от Москвы до китайской границы» (СПб., 1819) с раскрашенными гравюрами Андрея Мартынова, серии литографий с видами Петербурга[5]. До середины 1820-х годов типография Плюшара-старшего выпускала иллюстрированные издания, которые и сейчас расцениваются как значительные образцы русской печатной книги первой четверти XIX в.

Таким образом, Адольф Плюшар к типографскому и издательскому делу обратился неслучайно. Получив первоначальное образование в пансионе пастора Муральта, Плюшар-младший по настоянию отца продолжил специальное образование в Париже, в фирме знаменитого типографа Дидо, заведение которого определяло направление развития всей европейской полиграфии. Когда в 1827 г. отец будущего издателя умер, Адольф Александрович еще обучался в Париже, и фирму возглавила вдова издателя, София Федоровна. Под маркой «Вдова Плюшар» вышло несколько интересных книг. Среди них — издание «Гамлета» в переделке Висковатова, «Поэтические новеллы» Ламартина и альманах «Комета Беллы». Во всех изданиях был выдержан достойный полиграфический уровень.

В 1828 г. Адольф Плюшар вернулся в Петербург и занялся приумножением и развитием семейного дела. На титульных листах изданий

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

появилось новое обозначение — «Типография вдовы Плюшар с сыном». Используя полученные в Европе знания, он прежде всего улучшил техническое оснащение типографии и находящейся при ней словолитни, которая при отце обслуживала только нужды фирмы. Адольф Александрович превратил словолитню в крупнейшее шрифтовое заведение Петербурга, где стали заказывать современные шрифты многие издатели. Так «новый, красивый» шрифт в плюшаровской словолитне заказал для «Северной пчелы» Н.И. Греч[6]. К началу 1830-х годов и типография благодаря стараниям Плюшара-младшего стала одной из лучших по качеству печати в Петербурге[7]. У Плюшара, зная высокий уровень работ его фирмы, стали печатать «книги достойного вида» известные петербургские издатели.

В 1833 г. под маркой «Типография вдовы Плюшар с сыном» вышли две части знаменитого смирдинского сборника «Новоселье», поводом для создания которого стал переезд книжного магазина Смирдина на Невский проспект. Необходимо отметить, что знаменитый издатель и книгопродавец А.Ф. Смирдин имел и собственную типографию. Однако он предпочел заказать издание у Плюшара, рассчитывая на высокое художественное качество его продукции. В составлении этого альманаха приняли участие самые известные литераторы, в том числе А.С. Пушкин. До сих пор, говоря о литературном быте пушкинской поры, вспоминаются гравированные титульные листы двух частей издания со сценой дружеского обеда по случаю новоселья и повседневной жизни лавки Смирдина, нарисованные А. Брюлловым и А. Сапожниковым, гравированные С. Галактионовым и увековеченные издателем Плюшаром.

После 1833 г. Адольф Плюшар стал полностью отвечать за семейную фирму. На титульных листах издаваемых им книг уже значилось «Типография А.А. Плюшара». Деятельность его стала развиваться по нескольким направлениям.

Художественная литература. В арсенале плюшаровской типографии было немало значимых литературных произведений, изданных, как писала «Северная пчела», «образцово, с применением всех европейских новинок». «Арабески» и «Ревизор» Н.В. Гоголя (1835–1836), отдельное издание «Русских сказок» В. Даля (1833), «Собрание стихотворений» И. Мятлева, драмы Н. Кукольника, сочинения П. Катенина, стихотворения Н. Языкова.

Иллюстрированные книги. В 1830–1840-е годы Плюшар выпускал издания, ставшие «образцами вкуса и изящества» для иллюстриро-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ванных книг. Среди них — «Панорама Петербурга» (1834) Александра Башуцкого с гравюрами Гоберта по рисункам архитектора Горнастаева, «Дон-Кихот Ламанчский» в переводе К. Масальского с многочисленными политипажными иллюстрациями, выписанными издателем из Парижа. В его типографии был напечатан том «Утренней зари» (рис. 1, 2) за 1840 г. — одного из самых изысканных русских альманахов с шестью гравированными на стали иллюстрациями. Этому «роскошному», карманного размера и отпечатанному на веленевой бумаге тому, по словам Нестора Кукольника, было «суждено снова возобновить <...> моду на альманахи»[8]. И именно типография Адольфа Плюшара выпустила издание, «которому любая парижская книга этого рода могла бы позавидовать»[9], продлив тем самым славный век русских альманахов как вида иллюстрированной книги. Необходимо отметить, что и сам Нестор Кукольник с середины 1837 г. стал печатать у Плюшара «Художественную газету», видя в этом залог «высокого художественного качества» его издания.

«Энциклопедический лексикон». Работа над ним в 1835–1841 гг. значительно подорвала материальное благополучие издателя. История издания «Лексикона» описана в специальной литературе. В силу разных причин словарь удалось довести только до буквы «Д». На 17-м томе Плюшар прекратил издание. Необходимо отметить, что даже недоброжелатели Плюшара, касаясь полиграфических достоинств «Лексикона», признавали, что он являлся «образчиком» для изданий подобного рода.

Крах «Лексикона» значительно сократил издательские возможности Плюшара. Пытаясь спасти фамильное дело, Плюшар предпринял ряд новых проектов. В конце 1842 г. он начал издавать «Сорок сороков повестей, тысяча анекдотов, острот, каламбуров, шуток и пр.» — сборник статей, заимствованных из французских журналов. Книга эта, как всегда изящно изданная, интересна еще и тем, что в качестве переводчика в ее составление принимал участие юный Дмитрий Васильевич Григорович, оставивший воспоминания о работе у Плюшара. Он отмечал редкое умение издателя деятельно противостоять неблагоприятным жизненным обстоятельствам. «Полное расстройство его дел, — писал Григорович, — не вылечило его [Плюшара] от старой привычки; не владея прежними средствами, он продолжал посещать театры, <...> одеваться франтом. <...> Благодаря старым связям отца, знакомству с Кукольником, Гречем <...> и книгопродавцами он еще держался, печатая <...>различные издания»[10].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

С января 1843 г. под «присмотром» Плюшара стал выходить модный журнал «Листок для светских людей» со множеством гравюр на дереве и литографий, рисованных Василием Тиммом.

С 1850 г. Плюшар затеял издание иллюстрированного журнала «Живописный сборник замечательных предметов из наук, искусств, промышленности и общежития» (рис. 3). Плюшар постарался создать издание, максимально интересное для широкого круга читателей, снабдив его рассказами о далеких странах, экзотических народах, последних достижениях науки. «Живописный сборник» был напечатан в 8-ю долю листа, на веленевой бумаге, украшен политипажами (гравюрами на дереве) разной величины. Продавался в рельефной, отпечатанной золотом издательской обложке. Потратив на издание журнала 5 тыс. руб. серебром, Плюшар издал всего три тома («Сборник» выходил одной книгой раз в год). Ставя перед собой прежде всего культурные цели, Плюшар, конечно, не смог получить ничего, кроме убытков, и в 1853 г. прекратил издание. Он смог возобновить «Сборник» в 1857 г. и стал издавать его совместно с Василием Генкелем, с которым с 1848 по 1853 г. он уже издавал женский журнал «Гирлянды. Журнал новейших образцов для шитья и вышивания». Но совместный «Живописный сборник» стал уже больше изданием Генкеля.

В 1858 г. Плюшар затеял издавать журнал «Весельчак» — «журнал всяких разных странностей, светских, литературных, художественных и пр.», но и этот проект из-за отсутствия средств прекратил существование в 1859 г. на 7-м номере.

Неутомимую натуру издателя не сломили жизненные трудности. Он пережил потерю типографии и знаменитого магазина на углу Невского и Большой Морской[11], но продолжал искать новые формы издательской деятельности. Его последним предприятием стал совместный с художником Микешиным «Проект шитовых и столбовых объявлений, выставленных на улицах». На его осуществление Плюшару даже удалось получить согласие властей. Но внезапно 23 марта 1865 г. Адольф Александрович Плюшар скончался. Почти через пятьдесят лет после смерти Плюшара автор очерка о русском книгоиздании Александр Круглый, оценивая вклад издателя в русскую культуру, писал: «Деятельностью Плюшара <...> заканчивается один из самых светлых периодов нашего книгоиздания первой половины XIX в., когда энергия, труд и капитал приносились нередко на алтарь идейного служения культурным запросам общества»[12].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Рис. 1. Авантитул альманаха «Утренняя заря» на 1840 г.

Рис. 2. Титульный лист альманаха «Утренняя заря» на 1840 г.

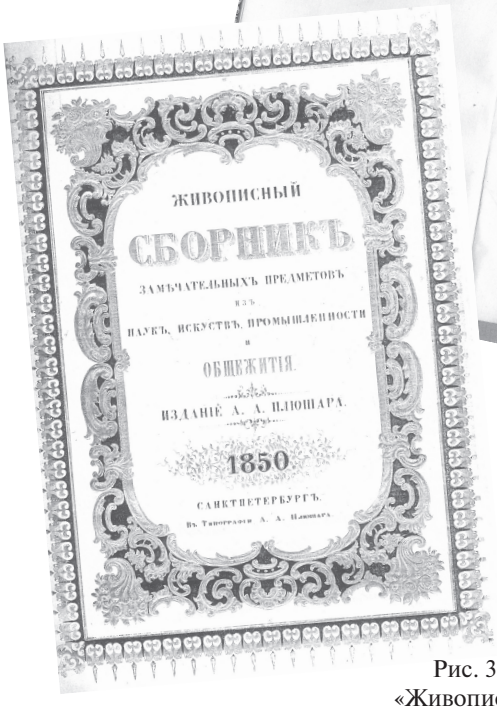


Рис. 3. Обложка журнала «Живописный сборник». 1850 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

1. *Андерсон В.М.* Семейство Плюшар — типографы // Русский библиофил. 1911. № 1. С. 26.

2. Там же.

3. Младший сын, Евгений Александрович Плюшар (1808–1880), — академик живописи, портретист.

4. Магазин располагался сначала на Большой Морской, д. 84, потом в доме Косиковского на углу Невского пр. (Невский пр., 14) и Большой Морской (Б. Морская, 13). Об этом см:. *Баренбаум И.Е.* Книжный Петербург. Три века истории. Очерки издательского дела и книжной торговли. СПб.: Культ-ИнформПресс, 2003. С. 416.

5. Подробно об этом см:. *Миролюбова Г.А.* Петербургское издательство А.И. Плюшара и ранняя русская литография // Книжные памятники. Авторы, издатели, владельцы. СПб.: Изд-во ГЭ, 2004. С. 106–118.

6. Северная пчела. 1832. 28 нояб.

7. В 1832 г. на Петербургской мануфактурной выставке за технические достижения типография Плюшара была удостоена Серебряной медали.

8. Библиография // Художественная газета. 1840. № 2. 15 янв. С. 26.

9. Там же.

10. *Григорович Д.В.* Литературные воспоминания. С приложением полного текста воспоминаний П.М. Ковалевского. Л.: «Academia», 1928. С. 107–108.

11. В 1850-е годы контора Плюшара переместилась на 8-ю линию Васильевского острова.

12. *Круглый А.* Очерк развития гражданской книги и книгоиздательства // Каталог русского отдела международной выставки печатного дела и графики в Лейпциге. СПб.: Тип. «Сириус», [1914]. С. 62.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

В.И. Богданов, Т.И. Малова

МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЕВГЕНИЙ АЛЬФРЕДОВИЧ ГЕЙНЦ (1866–1918)

В 2010–2011 гг. исполнилось 120 лет со времени выполнения мало известной широкому кругу специалистов нивелировки Васильевского острова и части Петербургской (ныне — Петроградской) стороны. Производил съемку Евгений Альфредович Гейнц — 24-летний студент Санкт-Петербургского университета. И это обстоятельство само по себе не может не вызывать удивления, поскольку речь идет не об институтской «полевой» практике, а о серьезном геодезическом проекте, инициированном знаменитым геодезистом А.А. Тилло и одобренном в разное время такими известными учеными, как М.А. Рыкачев и Ю.М. Шокальский[1].

Личность Е.А. Гейнца, его практическая и научная деятельность, успехи, карьера и, конечно же, его нивелировка — тема настоящей статьи.

Биографические сведения о Е.А. Гейнце, к сожалению, обрывочны и во многом противоречивы, даже в вопросе об основных датах его жизни: годе его рождения — 1866 или 1867 и кончины — 1918 или 1919[2]. Наиболее полную картину представляет Аннотированный указатель автобиографий С.А. Венгерова[3]: родился Е.А. Гейнц 12 сентября 1866 г. в Санкт-Петербурге и учился в 8-й мужской гимназии (рис. 1)[4].

Гимназия была создана в конце XIX в. В 90-х годах ее директором был И.Ф. Анненский. Одним из выпускников гимназии был третий сын П.П. Семенова-Тян-Шанского — Вениамин. Он оставил воспоминания, которые в 2006 г. были опубликованы в «Невском архиве». Согласно В.П. Семенову-Тян-Шанскому, в гимназии (несмотря на то что это была настоящая «классическая» гимназия с преподаванием

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Рис. 1. Бывшая 8-я мужская гимназия (9-я линия, д. 8).
Ныне в этом здании находится средняя школа № 700
Василеостровского района. Фото Т.И. Маловой, 2011 г.

древних языков и углубленной математики) учились представители разных сословий, даже дети ломовых извозчиков. Правда, до выпуска доходили не все, и в этом состоял некий «естественный отбор»[5]. Е.А. Гейнц гимназию окончил, что, возможно, характеризует его социальное происхождение.

После окончания гимназии он поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Область интересов Е.А. Гейнца тяготела скорее к естественным наукам: географии, гидрологии, метеорологии. Может быть, здесь сыграли роль практические занятия профессора А.Н. Воейкова[6], проводимые им в конце 1880-х годов (следовательно, в бытность Е.А. Гейнца еще студентом) при участии студентов-натуралистов и математиков, в частности по определению температуры снега на различных глубинах и т.д. Занятия проводились в ботаническом саду университета и пользовались большой популярностью[7].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

1 февраля 1892 г., то есть практически сразу же после окончания университета, Е.А. Гейнц поступил на работу в Николаевскую Главную физическую обсерваторию (ГФО) (рис. 2). Этот факт, прежде спорный, авторам удалось подтвердить благодаря обнаружению в Российском государственном историческом архиве (РГИА) письма директора ГФО Б.Б. Голицына[8] А.С. Танееву[9], в котором речь идет о «чинопроизводстве сотрудников»[10].

Деятельность Е.А. Гейнца в ГФО была активной и разнообразной. Он участвовал в экспедиции по исследованию источников главнейших рек Европейской России, продолжая тем самым начинания А.А. Тилло[11], исследовал атмосферные осадки[12]. Среди изданий, в которых опубликованы статьи Е.А. Гейнца, — «Метеорологический вестник», «Ежемесячный бюллетень Обсерватории», «Почвоведение», а также Энциклопедический словарь Ф.Ф. Брокгауза, И.А. Ефрона[13] и др.

Рис. 2. Здание Николаевской Главной физической обсерватории. Современный вид. Фото Т.И. Маловой, 2011 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

В 1899 г. Е.А. Гейнц был награжден почетной золотой медалью им. Д.А. Толстого[14] за работу «Об осадках, количестве снега и об испарении на речных бассейнах Европейской России», выполненную им в 1898 г. В защиту этой работы на торжественном собрании Академии наук 29 декабря 1899 г. выступил М.А. Рыкачев, отметивший, что «Гейнц представил впервые верную, основанную на наблюдениях картину географическаго распределения количества выпадающаго снега в Европейской России за каждый месяц и за зиму, указав и на максимальныя и на минимальныя величины, полученныя в отдельные годы; затем он разсмотрел распределение ливней и количество испарения воды в разных местностях, также по бассейнам рек. Решение этих задач требовало много труда и правильной критической оценки наблюдений. Эти самостоятельныя изследования автора существенно обогащают наши познания о климате Европейской России, а в частности служат важными пособиями для изследований вопроса о питании рек»[15].

Е.А. Гейнц был не просто рядовым сотрудником ГФО: 9 лет службы из 27 он состоял библиотекарем и ученым архивариусом, а последние 17 лет занимал должность ученого секретаря[16]. Наверное, он застал самое непростое время в истории обсерватории: первые два десятилетия XX в., войны, революции. Отметим, что Е.А. Гейнц был одним из тех сотрудников (наряду с А.М. Шенроком, Э.Ю. Бергом, С.Д. Грибоедовым, Н.А. Коростелевым, П.И. Ваннари, В.Х. Дубинским, И.Б. Шукевичем и С.И. Савиновым), которые в годы Русско-японской войны, когда обсерватория оказалась в чрезвычайно трудном финансовом положении и «встал вопрос о сокращении деятельности отделений», подали записку ее директору М.А. Рыкачеву «о необходимости развивать в первую очередь научные исследования за счет сокращения метеорологических наблюдений»[17].

С 1900 г. Е.А. Гейнц, не прекращая работы в обсерватории, становится сотрудником Библиотеки Императорской Академии наук. А с 1901 г. он — секретарь Бюро международной библиографии[18]. Здесь перед Е.А. Гейнцем открывается новое поле для деятельности, так как международная библиография как самостоятельная дисциплина в начале XX столетия лишь зарождалась. Об этом впоследствии напишет сам Е.А. Гейнц в очерке, посвященном истории создания Бюро: «Лондонское Королевское общество (Royal Society), издавшее в свое время знаменитую библиографию “Catalogue of Scientific Papers”, обратилось в 1894 г. к академиям и ученым обществам всего

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

света с предложением в 20-м столетии издавать научную литературу по естествознанию и математике совместными усилиями всех культурных наций... В каждой стране учреждены особыя бюро, собирающия литературу своей страны и отсылающия ее в Лондон»[19], а также в связи с подготовкой Международной выставки печатного дела и графики в Лейпциге в 1914 г.: «Еще задолго до Выставки — в 1912 г. — председатель Берлинскаго Бюро международной библиографии писал Русскому бюро, что на предстоящей в 1914 г. в Лейпциге Выставке впервые библиография явится самостоятельной группой международной выставки, и было бы желательно воспользоваться этим, чтобы познакомить широкую публику, а также администрацию с библиографической работой разных учреждений цивилизованного мира, заинтересовать ею возможно большее число лиц и облегчить этим проведение в жизнь новых начинаний в деле библиографии»[20].

В списке заслуг Е.А. Гейнца — участие в учреждении в 1907 г. Петербургского общества библиотековедения[21], образованного из секции библиотековедения при Русском библиографическом обществе с целью усовершенствования библиотечного дела в России. Периодическим изданием общества стал журнал «Библиотекарь», издававшийся с 1910 г., в котором Е.А. Гейнц активно публиковался.

К сожалению, более подробных сведений о жизни и научной деятельности Е.А. Гейнца на сегодняшний день авторам найти не удалось. Трепетные слова написал в некрологе, посвященном Е.А. Гейнцу, М.А. Рыкачев: «Проработав с величайшей добросовестностью 27 лет, отдав свои силы делу, покойный заслуживал отдыха, который он представлял себе в виде покойнаго кабинетнаго труда. Вместо того последние годы пришлось ему, как и всем, переживать небывало тяжелое во всех отношениях время, и сил больше не хватило»[22].

Имена Е.А. Гейнца и М.А. Рыкачева связаны достаточно тесно. М.А. Рыкачев принял Е.А. Гейнца на службу в ГФО, позднее поддержал его кандидатуру в конкурсе на получение золотой медали им. Д.А. Толстого, а в 1918 г. зачитал некролог, написанный по поводу кончины своего коллеги. Имеются серьезные основания полагать, что и нивелировка, описание которой представлено далее, проводилась не без учета пожеланий М.А. Рыкачева, исполнявшего в то время должность помощника директора обсерватории[23].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Речь о нивелировке 1890–1891 гг. зашла в 1903 г., когда в Петербурге произошло очередное наводнение, после которого возобновились дискуссии о мерах к предотвращению подобных бедствий. При ГФО была создана специальная комиссия из представителей обсерватории, города и полиции для выработки таких мер. Было высказано «пожелание, чтобы в затопляемых частях города на некоторых домах были прикреплены особыя доски с указанием высоты места над ординаром. Такия доски на Васильевском острове и Петербургской стороне можно было бы установить при помощи имеющихся реперов нивелировки 1890 и 1891 гг.»[24] (рис. 3). Однако в процессе работы выяснилось, что мало кто знает о выполненном Е.А. Гейнцем нивелировании. Заинтересовавшись этим вопросом, члены комиссии высказали пожелание о публикации нивелирных материалов. В этой связи Ю.М. Шокальский заручился согласием городских властей издать эту работу, а Е.А. Гейнц, в свою очередь, пересмотрел еще раз все материалы и подготовил их к печати.

В предисловии к публикации[25] Ю.М. Шокальский отметил, что автор привел «все необходимыя данныя по вопросу о нивеллировке», произведенной по инициативе генерал-лейтенанта А.А. Тилло, который заведовал ранее работами «по своду нивеллировок и гипсометрии при Министерстве Путей Сообщения», и что «все реперы были проверены два раза и зачерчены с натуры». Значительная часть этих реперов была осмотрена весной 1908 г. лично Ю.М. Шокальским. Во введении к этой работе[26] Е.А. Гейнц сообщил сведения о выполненном нивелировании, на которых мы кратко остановимся ниже.

Целями и задачами работы было: 1) получить точные оценки «об абсолютной высоте различных частей Васильевскаго острова и Петербургской стороны в связи с вопросом о степени затопляемости их во время высоких подъемов воды в Неве»; 2) разыскать «все марки наводнения 1824 г. и связать их точной нивеллировкой для поверки таким способом высоты подъема воды во время этого наибольшаго из известных» наводнений; 3) выполнить «сравнение нулей футштоков по Большой Неве». Исполнителями работ были Е.А. Гейнц и его «товарищ» по университету А.В. Ососов, участвовавший, правда, только в съемке Васильевского острова весной 1890 г.

План работ состоял в том, чтобы пройти по всем главнейшим магистралям Васильевского острова, условно разбитым Е.А. Гейнцем на 12 полигонов (табл. 1), выбирая в качестве реперов характерные точки

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

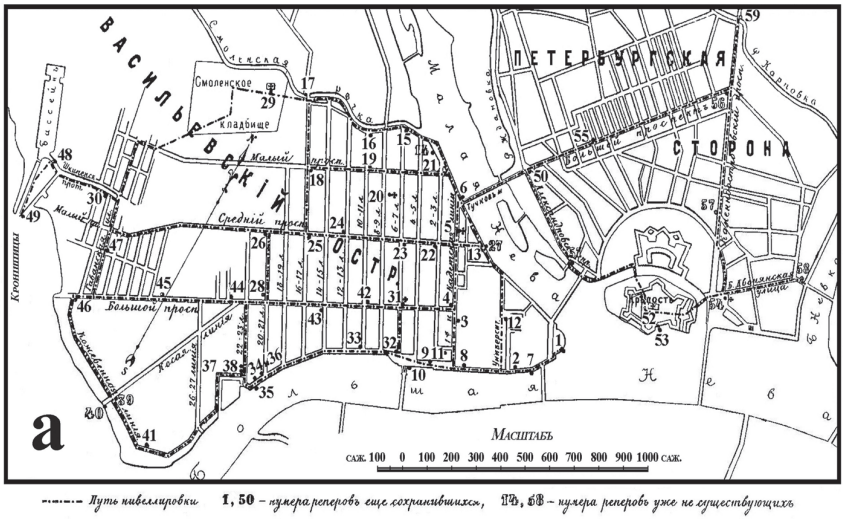


Рис. 3. План Васильевского острова и части Петербургской стороны с указанием линий нивелирования и местоположения реперов, по Е.А. Гейнцу[27]

элементов зданий или сооружений, оград и т.п., а также метки высот наводнения 1824 г. и футштоки. Всего в нивелирование было включено 59 реперов: 49 — на Васильевском острове, 10 — на Петербургской стороне (табл. 2). При этом на домах не делалось никаких знаков, но место, послужившее репером, точно описывалось по определенной инструкции и зарисовывалось с натуры. К нивелировке Васильевского острова, начатой в 1890 г., в 1891 г. была присоединена нивелировка части Петербургской стороны, главным образом для того, чтобы связать футшток Петропавловской крепости с футштоком у Николаевского моста, принятым за начало отсчета высот.

В 1909 г. Е.А. Гейнц с сожалением отметит, что за истекшие со времени съемки 18 лет многие дома, на которых были реперы, оказались сломаны или перестроены. Эти реперы он был вынужден исключить из общего списка. Однако, «чтобы не нарушать связи с первоначальной обработкой нивелировки и описанием ея», Е.А. Гейнц сохранил нумерацию и привел номера 9 несуществующих реперов, для которых нет рисунков и планов: 14, 27, 39, 40, 51, 54, 56, 57 и 58 (реперы 39 и 56 — это марки наводнения 1824 г.)[28].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Таблица 1

Нивелирные полигоны, их длины и невязки замкнутых ходов[29]

I	Тучков мост — Смоленская речка — 17-я линия — Малый проспект — Тучков мост — 3½ вер. — 9 мм
II	Академия наук — Университетская линия — набережная Малой Невы — Тучков мост — 1-я линия — набережная Б. Невы — Академия наук — 3 версты — 14 мм
III	Угол Среднего проспекта и набережной Малой Невы — набережная Малой Невы — Тучков мост — Малый проспект — 17-я линия — Средний проспект до Малой Невы — 4½ версты — 15 мм
IV	Угол 1-й линии и Большого проспекта — Большой проспект до угла 6-й линии — 6-я линия до набережной Большой Невы — Николаевский мост — набережная Невы до 1-й линии — 1-я линия до Большого проспекта — 1½ вер. — 7 мм
V	Угол 1-й линии и Большого проспекта — 1-я линия до Среднего проспекта — Средний проспект до 21-й линии — 21-я линия до Большого проспекта — Большой проспект до 1-й линии — 4 версты — 10 мм
VI	Угол Набережной Большой Невы и 7-й линии — 7-я линия до Большого проспекта — Большой проспект до 23-й линии — 23-я линия до набережной Большой Невы — набережная Большой Невы до угла 7-й линии — 3½ версты — 10 мм
VII	От угла набережной Большой Невы и 23-й линии — 23-я линия — Масляный переулок — 27-я линия — Косая линия до Кожевенной линии — по Кожевенной линии до набережной Масляного канала — до угла 23-й линии — 3 вер. — 16 мм
VIII	Угол Косой линии и Большого проспекта — Большой проспект до Кожевенной линии — Кожевенная линия до угла Косой линии — Косая линия до угла 27-й линии — 27-я линия — Масляный переулок — 23-я линия до Большого проспекта — и до угла Косой линии — 4 версты — 2 мм
IX	Угол Опочининой улицы и Шкиперскаго протока — Шкиперский проток — Гребной порт — Берег взморья до угла Большого проспекта — Гаваньская улица — Шкиперский проток — 3 версты — 13 мм
X	Угол 20-й линии и Среднего проспекта — Средний проспект до Шкиперского протока — Гаваньская улица — Большой проспект — 20-я линия — Средний проспект — 4 версты — 13 мм
XI	Угол 17-й линии и Смоленской речки — Смоленское кладбище — Гаваньское поле — Наличный переулок — Гаваньская улица — Шкиперский проток — Средний проспект — 17-я линия — Смоленская речка — 5 верст — 17 мм

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Окончание табл. 1

XII	На Петербургской стороне: угол Большого и Александровского проспектов — Александровский проспект — Александровский парк — Петропавловская крепость — Троицкая площадь — Каменноостровский проспект до угла Большого проспекта — Большой проспект до угла Александровского проспекта — $5^1/_2$ верст — 17 мм

Таблица 2

Список реперов нивелирования Е.А. Гейнца и превышения их ΔH_0 (в мм) над нулем футштока у Николаевского моста[30]

№	ОПИСАНИЕ МЕСТ НАХОЖДЕНИЯ РЕПЕРОВ	ΔH_0, мм
1	На спуске к р. Большой Неве у Биржи	+490
2	По набережной р. Большой Невы, на здании Академии наук на углу Университетской линии	+3109
3	По Кадетской линии, на подъезде Главного управления военно-учебных заведений	+3105
4	На углу 1-й линии и Большого проспекта на доме при лютеранской церкви св. Екатерины — марка наводнения 7 ноября 1824 г.	+4095
5	По Кадетской линии на ступени часовни при церкви св. Екатерины	+3501
6	На спуске к Малой Неве у Тучкова моста	+436
7	На спуске к р. Большой Неве, против Академии наук	+ 301
8	На набережной Большой Невы, на подъезде 1-го Кадетского корпуса	+3375
9	На набережной Большой Невы, на подъезде Академии художеств	+4180
10	На спуске к р. Большой Неве у Николаевского моста (разводная площадка)	+616
11	На набережной р. Большой Невы в Румянцевском сквере на обелиске	+5068
12	На ограде сада перед Университетом, на Университетской линии	+3717
13	На углу Среднего проспекта и набережной Малой Невы	+3202
15	На углу набережной Смоленской речки и 6-й линии, на доме Сименса № 6–61	+3064
16	На углу набережной Смоленской речки и 10-й линии, на доме № 16–59	+2480

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Продолжение табл. 2

№	ОПИСАНИЕ МЕСТ НАХОЖДЕНИЯ РЕПЕРОВ	ΔH_0, мм
17	На спуске к Смоленской речке у Немецкого моста	+758
18	На углу Малого проспекта и 16-й линии, на доме № 50–71	+2484
19	На углу Малого проспекта и 10-й линии, на доме № 31–51	+2692
20	На церкви св. Благовещения по 8-й линии	+3693
21	На углу Малого проспекта и 3-й линии, на доме № 60-3	+2856
22	На лютеранской церкви св. Михаила по 3-й линии	+3628
23	На углу Среднего проспекта и 6-й линии, на доме № 28–29	+2861
24	На углу Среднего проспекта и 13-й линии, на доме Богадельни № 40–55	+4286
25	На углу Среднего проспекта и 17-й линии, на доме № 32–67	+3055
26	На углу Среднего проспекта и 21-й линии, на доме № 18–80	+3790
28	На Большом проспекте, на здании Василеостровской части	+3818
29	На Смоленском кладбище, на церкви Смоленской Божией Матери	+3723
30	В Гавани, на углу Шкиперского протока и Опочининой ул. на доме № 8	+2258
31	На углу Большого проспекта и 6-й линии, на ступени часовни Андреевского собора	+3817
32	На углу 7-й линии и Николаевской набережной Большой Невы, марка наводнения 1824 г.	+4287
33	На углу 11-й линии и Николаевской набережной, на здании Морского корпуса, марка наводнения 1824 г.	+4295
34	На углу 21-й линии и Николаевской набережной, на здании Горного института	+4245
35	Спуск к Большой Неве против лестницы Горного института	+36
36	Марка наводнения 7 ноября 1824 г. на здании Горного института	+4600
37	По 23-й линии на здании Главной физической обсерватории, край цоколя подъезда	+3785
38	На здании Главной физической обсерватории у подъезда, специальная марка обсерватории (винт)	+3693
39	На углу Косой и Кожевенной линий, марка наводнения 7 ноября 1824 г.	+3852
41	По Кожевенной линии на цоколе часовни против Балтийского завода	+2600

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Окончание табл. 2

№	ОПИСАНИЕ МЕСТ НАХОЖДЕНИЯ РЕПЕРОВ	ΔH_0, мм
42	Угол 10-й линии и Большого проспекта, цоколь дома № 37-5	+3726
43	Угол 15-й линии и Большого проспекта, на подоконнике 5-го окна дома № 8	+3668
44	Угол 24-й линии и Большого проспекта, на цоколе здания больницы в память Александра II	+3218
45	Большой проспект. Детский приют Покровской общины, на здании приюта во дворе	+2228
46	Угол Кожевенной линии и Большого проспекта, на здании Малого Дерябина дома Морского ведомства	+2046
47	Угол Среднего проспекта и Гаваньской ул., на цоколе дома № 13	+2847
48	На Шкиперском протоке в С.-Петербургском Гребном порту в Гавани. Репером служит 8-е деление находящегося здесь футштока. Нуль этого футштока	+2200 –238
49	На кронштице Гребного порта. Репером служит $6^1/_2$ деление находящегося здесь футштока. Нуль этого футштока	+1733 –248
50	Угол Большого и Александровского проспектов, на цоколе часовни при церкви св. кн. Владимира	+2454
52	В Петропавловской крепости в Невских воротах, марка наводнения 1824 г.	+4239
53	В Петропавловской крепости, черта десятого фута водомерной рейки Нуль этой рейки	+2933 +115
55	Угол Большого проспекта и Павловской улицы, на цоколе д. № 28-1	+3658
56	Марка наводнения 1824 г. на углу Большого и Каменноостровского проспектов	+4124
59	По Каменноостровскому проспекту на углу Карповской набережной, на цоколе дома № 29–49	+3229

Отдельного внимания заслуживает инструментальное обеспечение съемки. Е.А. Гейнц и А.В. Ососов «работали с большими нивелирами известной фирмы Керна с тремя горизонтальными нитями. Уровень этих приборов отличался очень большою чувствительностью.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Это обстоятельство очень затрудняло установку прибора, но за то поправки на наклонность были очень незначительны». Сумма инструментальных ошибок определялась «чрез день после работ и колебалась в разные дни от 0,31 мм до 0,14 мм на один метр разности разстояния. Все это указывает, с какою точностью можно было этим инструментом производить нивелировку»[31].

В ходе реализации идеи «точной нивелирной связи» всех марок наводнения 1824 г. Е.А. Гейнц столкнулся с тем, что из 7 указанных в табл. 2 меток высот наводнения 1824 г. (№ 4, 32, 33, 36, 39, 52, 56) только 2 значительно отличались по высоте от всех остальных: № 39 (не сохранилась) и № 36 (на здании Горного института). «Случайно, однако, та и другая марки отклоняются в разныя стороны от остальных почти на одну и ту же величину, а потому на величину средней из 7-ми они не влияют, то есть средняя из 5 остальных и из всех 7 марок одна и та же»[32]. «В среднем выводе вода 7 ноября 1824 г. стояла на 4,21 метра выше нуля футштока Николаевскаго моста, что составляет 13,8 футов или 13 фут. 10 дюйм, или с поправкой относительно нуля футштока Николаевскаго моста 13 фут. 8 дюйм. Эта величина, полученная на основании подлинных наблюдений того времени в разных частях Васильевскаго острова и Петербургской стороны, отличается только на два дюйма от обычно принимаемой величины подъема воды в это наводнение»[33].

Большое внимание Е.А. Гейнц уделил сравнению нулей футштоков вдоль Невы: у Петропавловской крепости, у Николаевскаго моста, против Главной физической обсерватории, в Гребном порту в гавани. В ходе съемки он определил, что нуль футштока у Николаевского моста находится на 616 мм ниже репера № 10 (разводной площадки того же моста); нуль футштока Петропавловской крепости на 115 мм превышает нуль Николаевского моста; а нуль на «кронштице» Гребного порта — на 248 мм ниже нуля Николаевского моста. Однако эти значения «не соответствуют величине падения Невы», определенной в ходе нивелировок, предшествовавших нивелировке Е.А. Гейнца (табл. 3).

Таблица 3

Разница в величине падения Невы в пределах Санкт-Петербурга, по Е.А. Гейнцу

По М.А. Савицкому	По Ф.Ф. Витраму	Среднее
3,3 см/версту	2,3 см/версту	2,8 см/версту

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Следовательно, если принять ординар Николаевского моста за нуль, то ординар футштока Петропавловской крепости, отстоящей от него на 2 версты, должен был бы равняться, согласно Е.А. Гейнцу, +5,6 см, а ординар футштока Гребного порта, отстоящий от Николаевского моста на 4 версты, — –11,2 см. Это свидетельствует о том, что если нуль футштока у Николаевского моста совпадает со средним уровнем Невы, то отсчеты по двум другим футштокам не соответствуют локальным значениям ординаров. «Последнее обстоятельство — пишет Е.А. Гейнц, — мы имеем возможность проверить благодаря вычисленному И.Б. Шукевичем среднему уровню Невы против здания Главной физической обсерватории на основании 30-летних непрерывных наблюдений помощью лимниграфа. Оказалось, что марка обсерватории (наш репер № 38) превышает средний уровень Невы против обсерватории на 367,0 сант. Эта же марка по нашей нивелировке находится выше нуля футштока Николаевскаго моста на 369,3 сант. Следовательно, нуль футштока Николаевскаго моста на 2,3 сант. ниже средняго уровня Невы у обсерватории. Если принять в расчет падение Невы от Николаевскаго моста до обсерватории ($1^1/_2$ версты), то есть 3,7 сант., то оказывается, что нуль футштока Николаевскаго моста ниже средняго уровня реки у моста на 5,9 сант. = 2,3 дюйма. На эту величину должен был поднят футшток Николаевскаго моста. Принимая во внимание эту поправку, оказывается, что нуль футштока Петропавловской крепости соответствует среднему уровню Невы против крепости с точностью, находящейся в пределах точности нивелировки, а нуль футштока в Гребном порте должен быть поднят на 7,7 сант. = 3 дюйма». С такими поправками все футштоки могли точно соответствовать среднему уровню реки против мест их установки[34].

Об «абсолютной высоте» Васильевского острова Е.А. Гейнц кратко сообщает, что высоты реперов над поверхностью земли являются превышением их над тротуарами, которые, «во-первых, всегда выше уровня улиц, а во-вторых, перед некоторыми домами искусственно подняты. Поэтому говорить об абсолютной высоте можно только в самом грубом приближении». Самой высокой частью Васильевского острова, с точки зрения Е.А. Гейнца, является его «средняя полоса, примерно между Средним и Большим проспектами и между 2-й и 20-й линиями. Здесь высота доходит до 3 метров над нулем футштока Николаевскаго моста. В Гавани, начиная с Покровской общины, и прилегающей к Гавани части Чекуш высота не доходит до 2 метров и опускается даже до $1^1/_2$ метра выше ординара Николаевскаго моста.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Более возвышенным является также восточный угол острова, где высота превосходит $2^1/_2$ метра. В остальных районах высота мало отличается от двух метров. Приблизительно тот же результат дают нивелировки Городской управы по профилям некоторых улиц, произведенныя в разное время до 1891 г.». При подъеме уровня Невы во время наводнений «выше 5 фут заливается указанный выше самый низкий район, где абсолютная высота не доходит до 2 метров; при высоте воды выше 7 фут в большей части Васильевскаго острова появляется на улицах вода. Наконец, когда вода доходит до 9 фут или немного превосходит эту величину, то незатопленной остается только указанная выше средняя часть острова»[35].

В заключение Е.А. Гейнц отмечает, что в 1905 г. в Гавани была произведена нивелировка «в связи с предпринятыми там общественными работами». Результатом ее явились, в частности, доски с указанием отметок горизонта, «превышающаго ординар на 9 фут». Результаты этой нивелировки не были нигде опубликованы, несмотря на очевидный интерес сравнения ее с произведенной Е.А. Гейнцем в 1890–1891 гг.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в декабре 2010 г. группа геодинамики Пулковской обсерватории завершила составление масштабного проекта под названием «Анализ изученности феномена исторических наводнений Невы, экспертное обследование и привязка сохранившихся меток их высот к Государственной нивелирной сети I класса (к 120-летию нивелирования Е.А. Гейнца 1890–1891 гг.)». Проект был передан на обсуждение чиновникам, без согласия которых, к сожалению, реализация его не представляется возможной. Остается только надеяться, что при благоприятном развитии событий нивелировка Е.А. Гейнца будет повторена, хотя бы частично. Это позволило бы зафиксировать высотное положение всех обнаруженных меток на современную эпоху в единой нивелирной сети; сравнить превышения меток высот одних и тех же наводнений, отмеченных на памятных дощечках разных столетий; получить уникальные материалы по реальной оценке современных движений земной поверхности Санкт-Петербурга на площади, охваченной нивелировкой Е.А. Гейнца.

Авторы выражают глубокую признательность сотрудникам справочно-библиографического отдела БАН, особенно Светлане Владимировне Высоцкой, за всестороннюю помощь в поисках материалов о Е.А. Гейнце.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

1. Тилло Алексей Андреевич (1839–1899) — генерал-майор, геодезист, картограф, географ, климатолог, член-корреспондент Петербургской академии наук; Рыкачев Михаил Александрович (1840–1919) — метеоролог, физик, директор Николаевской Главной физической обсерватории, член Петербургской академии наук; скончался в Петрограде от истощения; Шокальский Юлий Михайлович (1856–1940) — генерал-лейтенант, географ, океанограф, геодезист, член Постоянной водомерной комиссии, член Бюро международной библиографии, почетный член АН СССР.

2. Летопись Библиотеки Российской академии наук. Т. 1: 1714–1900 / науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. Н.В. Колпакова; отв. сост. Г.В. Головко. СПб., 2004. С. 377; Летопись Российской академии наук / гл. ред. Ю.С. Осипов; отв. ред. М.Ф. Хартанович (Т. III), Э.И. Колчинский, Г.И. Смагина (Т. IV). СПб.: Наука, 2003. Т. III: 1861–1900. С. 646; 2007. Т. IV: 1901–1934. С. 902.

3. [*Венгеров С.А.*]. Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С.А. Венгерова. Аннотированный указатель: в 2 т. Том 1: А–Л / под ред. В.А. Мыслякова. СПб., 2001. С. 288. Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) — историк и критик литературы, библиограф, организатор и первый директор Российской книжной палаты.

4. Тот факт, что Е.А. Гейнц учился в гимназии на Васильевском острове, косвенным образом подтверждает его василеостровские «корни». Он хорошо знал этот район, и данное обстоятельство могло сыграть роль в выборе исполнителя для проведения нивелировки 1890–1891 гг.

5. *Семенов-Тян-Шанский В.П.* То, что прошло. Главы из книги воспоминаний / публ. М.А. Семенова-Тян-Шанского // Невский архив. Историко-краеведческий сборник. СПб., 2003. Вып. VI. С. 5–78.

6. Воейков Александр Иванович (1842–1916) — основоположник климатологии в России, метеоролог, географ, профессор Петербургского университета, член-корреспондент Петербургской академии наук.

7. Петербургский листок. 1889. № 49. 20 февр. (4 марта).

8. Голицын Борис Борисович (1862–1916) — российский физик, академик Петербургской академии наук (1908), один из основоположников сейсмологии. С 1913 г. — директор ГФО.

9. Танеев Александр Сергеевич (1850–1918) — российский государственный деятель, статс-секретарь, обер-гофмейстер Императорского двора, камергер. Член Государственного Совета, почетный член Петербургской академии наук.

10. РГИА. Ф. 1409. Оп. 16. Д. 1004. Л. 3–4.

11. [*Венгеров С.А.*]. Русская интеллигенция... С. 288.

12. [*Рыкачев М.А.*]. Евгений Альфредович Гейнц. Некролог. (Читан академиком М.А. Рыкачевым в заседании Общаго собрания Российской академии наук 2 ноября (20 октября) 1918 г.). Приложение к протоколу XIV заседания Экстраординарнаго Общаго собрания Российской академии наук 2 ноября (20 октября) 1918 г. (к § 265) // Справочно-библиографический отдел Библиотеки Академии наук / Из собрания А. Лященко. 1 л.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

13. [*Венгеров С.А.*]. Русская интеллигенция... С. 288.

14. Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) — министр народного просвещения, почетный член Петербургской академии наук, президент Петербургской академии наук.

15. Отчет о присуждении премий имени графа Д.А. Толстого // Известия Императорской Академии наук. 1900. Март. Т. XII. № 3. С. 226.

16. [*Рыкачев М.А.*] Евгений Альфредович Гейнц. Некролог... 1 л.

17. *Пасецкий В.М.* Метеорологический центр России. История основания и становления / под ред. В.Я. Никандрова. Л.: Гидрометеоиздат, 1978. С. 221.

18. Летопись Библиотеки Российской академии наук. Т. 1. С. 377; *Гейнц Е.А.* Указатель статей по метеорологии и земному магнетизму, напечатанных в изданиях Императорской Академии наук и Николаевской Главной физической обсерватории с 1894 по 1900 г. включ. СПб., 1901.

19. [*Гейнц Е.А.*] Бюро международной библиографии при Императорской Академии наук // Русския библиографическия организации. Очерки их возникновения и деятельности. Пг., 1915. С. 34.

20. [*Гейнц Е.А.*] Библиография на Международной выставке печатнаго дела и графики в Лейпциге // Отдельный оттиск из журнала «Библиотекарь». 1914. Вып. IV. С. 1.

21. [*Венгеров С.А.*]. Русская интеллигенция... С. 288.

22. [*Рыкачев М.А.*] Евгений Альфредович Гейнц. Некролог... 1 л.

23. [*Гейнц Е.А.*] Очерк пятидесятилетней деятельности Николаевской Главной физической обсерватории // Ежемесячный метеорологический бюллетень. 1899. № 3. С. 1–4.

24. *Гейнц Е.А.* Нивелировка Васильевскаго острова и Петербургской стороны 1890 и 1891 гг. Сравнение нулей водомерных реек на Большой Неве и марок наводнения 7 ноября 1824 г. (с планом и 50 рисунками реперов). СПб., 1909. С. 6.

25. Там же. С. 3.

26. Там же. С. 5–14.

27. Там же. С. 9.

28. Там же. С. 8.

29. Там же. С. 10–11.

30. Там же. С. 12–14.

31. Там же. С. 7–8.

32. Согласно Е.А. Гейнцу, среднее из 7 значений меток высот наводнения 1824 г. (реперы № 4, 32, 33, 36, 39,52, 56 равно 421,3 см, а среднее из 5 значений (без меток № 36 и 39, с экстремальными значениями высот) — «то же». Фактически же второе значение равняется 420,8 см ($\Delta = 0{,}5$ см).

33. *Гейнц Е.А.* Нивелировка Васильевскаго острова... С. 16.

34. Там же. С. 14–16.

35. Там же. С. 17–18.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Е.С. Соболева

ИОСИФ ИОСИФОВИЧ ЛЕМАН — ПОПЕЧИТЕЛЬ АКАДЕМИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Иосиф Иосифович Леман (Lehmann) (1866–?) относится к числу крупных и влиятельных фигур петербургской культуры конца XIX — начала XX в. К сожалению, о жизни и деятельности этого выдающегося человека имеются только отрывочные сведения: купец 1-й гильдии (с 1897 г.), дворянин (с 1904 г.), коммерции советник (с 1906 г.), товарищ председателя совета Общества взаимного кредита печатного дела в Петербурге, председатель правления Акционерного общества «Словолитни О.И. Леман в Санкт-Петербурге»[1], член многих благотворительных комитетов (товарищ председателя Школы печатного дела, основанной в 1884 г.), видный деятель Русского общества деятелей печатного дела и др.

Документы Российского государственного исторического архива и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН проливают свет на некоторые стороны жизни и деятельности И.И. Лемана, его интересы и достижения.

Владелец одного из крупнейших в Санкт-Петербурге шрифтолитейных заводов и успешный предприниматель, И.И. Леман был также увлеченным библиофилом и коллекционером. Развивая искусство книгопечатания в России, он поддерживал новые начинания в этой сфере, публикацию экспериментальных художественных изданий, которые и поныне считаются образцом вкуса и качества. С его участием состоялся ряд знаковых книжных и художественных выставок. Не случайно он принял приглашение войти в состав Попечительного совета при Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого (далее — МАЭ) при Императорской Академии наук (далее — ИАН) и стал одним из наиболее активных его членов в период 1911–1917 гг.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Создание производства. Родоначальник династии типографов петербургский немец Франц Иосиф (Осип) Иванович Леман (1833 — 2 марта 1873 г.) открыл в 1854 г. «Словолитное заведение О.И. Лемана», которое считали старейшей и лучшей в России шрифтолитейной мастерской. Он усовершенствовал процесс отливки шрифта (в 1859 г. — машинную отливку, 1863 г. — гальванический, 1865 г. — стереотипный), ввел в России французскую систему шрифтов, изобрел изящный русский шрифт. В 1870 г. он получил право изображать государственный российский герб на своих произведениях. Ежегодно он изготавливал по 4 тыс. пудов шрифтов, 2/3 из них — по заказам государственных и частных типографий.

Продолжая дело отца, его наследники в 1887 г. учредили Товарищество на вере «О.И. Леман». И.И. Леман с 1889 г. стал совладельцем словолитни под фирмою «О.И. Леман». В 1896 г. он реорганизовал ее в акционерное общество «Словолитня О.И. Лемана». В его состав входил завод, превратившийся в крупнейшее в России полиграфическое предприятие (наряду с филиалом берлинской фирмы «Бертгольд и К°»). Общество стало заниматься торговлей типографскими машинами, бумагой для печати, устройством типографий. В 1919 г. производство было национализировано, но существует до сих пор[2].

Присуждение И.И. Леману звания коммерции советника. Комиссия по техническому образованию Императорского Русского технического общества 4 марта 1904 г. ходатайствовала перед Василием Ивановичем Тимирязевым, товарищем министра торговли и промышленности, о признании заслуг И.И. Лемана: «Весной текущего года исполняется 50 лет существования фирмы “Словолитня О.И. Лемана”. Если бы Ваше Превосходительство признали возможным представить по этому случаю к Высочайшей награде главу фирмы, потомственного почетного гражданина (вписано — «личного дворянина». — *Е.С.*) Иосифа Иосифовича Лемана, то я покорнейше просил бы принять при этом во внимание нижеследующие труды его как общественного деятеля: И.И. Леман, состоя учредителем Школы печатного дела Императорского Русского технического общества с 1887 г., исполняет безвозмездно обязанности члена Совета и казначея школы. Последняя обязанность требует особенно много хлопот и особенной любви к делу, так как казначею ежегодно необходимо собрать учредительные взносы на сумму более 3000 руб., причем учредительный взнос уставом школы определен в 50–100 руб.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

В 1888 г. И.И. Леман принимал участие в организации выставки и библиотеки при 1-м Съезде русских деятелей по техническому и профессиональному образованию и при этом составил первый на русском языке «Каталог книг по техническому и профессиональному образованию». В 1889 г. в качестве сотрудника Е.Н. Андреева И.И. Леман принимал участие в организации русского отдела Всемирной выставки в Париже и в работах жюри этой выставки по IX классу (печатное дело).

В 1895 г. И.И. Леман принимал деятельное участие в устройстве 1-й Всероссийской выставки печатного дела в качестве товарища председателя Распорядительного комитета.

В 1897 г. И.И. Леман от имени Императорского Русского технического общества участвовал в работе Экспертной комиссии по отделу печатного дела на выставке в Стокгольме.

В 1899 г. И.И. Леман принял участие в учреждении Русского общества деятелей печатного дела, где и поныне состоит членом Совета, заместителем товарища председателя и членом Статистико-библиографической комиссии.

В 1901 г. И.И. Леман предпринял издание журнала “Печатное искусство”, единственного в России социально-технического иллюстративного органа по печатному делу, имевшего целью повлиять на развитие у нас художественных вкусов в этой важной отрасли промышленности. В качестве редактор-издателя журнала “Печатное искусство” И.И. Леман в течение двух лет издания журнала положил много трудов и знания в это излюбленное им дело.

Во внимание такой разносторонней деятельности И.И. Лемана, если бы Ваше Превосходительство признало возможным испросить ему в награду звание коммерции советника, то такое награждение, как мне известно, наиболее удовлетворило бы г. Лемана»[3].

В 1904 г. «высочайшим пожалованием» целая группа ведущих российских предпринимателей получила дворянский статус. Представления на «лиц торгового сословия, выполняющих деятельность на поприще торговли и промышленности», готовили министр финансов, министр торговли и промышленности и другие министры.

В 1904 г. И.И. Леману исполнилось 37 лет. Препятствий для его награждения не имелось. Отвечая на вопросы анкеты, И.И. Леман писал, что он лютеранского вероисповедания, под судом и следствием не состоял, имел награды: Большая золотая медаль на Владимирской ленте (1888), орден Св. Станислава 3-й ст. (1895), орден Св. Анны

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

3-й ст. (1898) по Министерству финансов за изготовление типографского шрифта и орден Св. Станислава 2-й ст. (10 августа 1901 г.) по Императорскому Русскому техническому обществу через Контору Великого Князя Константина Константиновича[4]. Оборот АО «Словолитня О.И. Леман», председателем правления которого являлся И.И. Леман, по отчету за 1902 г. определился в сумме 1 394 000 руб.[5]

Указ Его Императорского Величества Правительствующему Сенату гласил: «По свидетельствованию Министерства торговли и промышленности о полезной деятельности на поприще отечественной торговли и промышленности, <...> личного дворянина Иосифа Иосифовича Лемана <...> жалуем в коммерции советники. Николай. Царское Село. 1 января 1906 г.»[6] Указ был опубликован в установленном порядке 28 февраля 1906 г. Согласно справке от 25 апреля 1913 г. № 8309, И.И. Леман именным указом Его Императорского Величества удостоен звания коммерции советника, причитающийся гербовый сбор уплачен[7].

Акционерное общество «Словолитня О.И. Лемана». В 1870 и 1896 гг. словолитне Лемана был присужден Государственный герб, в 1895 г. — звание поставщика Двора Его Императорского Величества[8].

24 июля 1895 г. начато дело по учреждению акционерного общества словолитни «О.И. Леман в Санкт-Петербурге». Учредители: «1) санкт-петербургский 2-й гильдии купец Иосиф Иосифович Леман, 29 лет. Санкт-петербургский 2-й гильдии купец, личный Почетный гражданин Федор (Теодор) Андреевич Гартман, 54 л. Подпоручик в отставке временный санкт-петербургский 2-й гильдии купец Петр Александрович Михайлов, 49 лет.

2) Поведения хорошего, в предосудительных поступках замечены не были, суду и следствию не подвергались.

3) Состоят товарищами-совладельцами фирмы “Словолитня О.И. Лемана” (Гороховая, 49). И. Леман в 4/8 частей, Федор Гартман — 1/2 частей, Петр Михайлов — 1/2 частей. У Лемана — капитал на хранении в Государственном банке. Недвижимого имущества не имеется.

4) Постоянного содержания или пенсии от казны, пособий не получают.

5) Семейство Леман состоит из жены Марии Федоровны 25 лет, сыновей Бориса 4 лет, Дмитрия 2,5 лет, живущих при нем. Семейство Гармана: жена Софья Андреевна 44 лет, сын Рудольф 26 лет (ныне в Москве служит в конторе Сименса и Гальске), дочери Мария 25 лет (состоит в замужестве), Алиса 15 лет (пансион Хитрова). Семейство

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Михайлова: жена Шарлотта Ивановна 40 лет, сыновья — Михаил 19 лет, Николай 16 лет, Владимир 14 лет, Александр 11 лет, Георгий 3 лет, Леонид 2 лет, дочерей — Мария 20 лет, Раиса 12 лет, Вера 10 лет, Людмила 7 лет. Все дети находятся при родителях и существуют на средства их.

6) Леман, Гартман и Михайлов — товарищи-совладельцы фирмы "Словолитня О.И. Лемана", получают жалование как активные деятели по означенной фирме в размере 400 руб. в месяц каждый и около 4000 руб. в год % доходов с предприятия (Гартман и Михайлов) и 16 000 руб. — % дохода Леман»[9].

Общество размещалось в Спасской части Санкт-Петербурга (3-й участок, по Гороховой ул., д. 49); в его состав входили словолитня, мастерские гальванопластическая, стереотипная, граверная, ксилографическая, фотоцинковая, меднолинеечная, механическая и столярная. Общество вело торговлю типо-литографическими машинами, газо-, электро-, паровыми двигателями, бумагой для печатания и принадлежностями для тиснения; занималось устройством и содержанием типографий[10]. Основной капитал общества составлял 800 тыс. руб., разделенный на 3200 именных акций по 250 руб. каждая, подлежащих оплате в течение 6 мес. со дня распубликования Устава[11]. 23 ноября 1897 г. первое Общее собрание акционеров избрало членами правления И.И. Лемана (440 акций на сумму 110 тыс. руб.), Т.А. Гартмана (280 акций на 70 тыс. руб.), П.А. Михайлова (280 акций на 70 тыс. руб.) и Германа Карловича Витте (108 акций на 27 тыс. руб.). Среди главных акционеров были М.Ф. Леман, В.И. Леман, Н.И. Леман, К.И. Леман, Р.Р. Леман[12].

Здания словолитни О.И. Лемана и склады во дворе (Гороховая ул., д. 49) в 1890–1891 гг. перестроил и расширил архитектор Л.П. Андреев, в 1905–1906 гг. — В.А. Козловский и И.П. Макаров. По одному из последних проектов реконструкции Гороховой улицы предлагалось снести несколько исторических зданий — № 49 и дворовые флигели дома № 47 — и возвести там торгово-гостиничный комплекс.

В 1899 г. общество купило для шрифтолитейного завода участок на Звенигородской ул., д. 20, принадлежавший причту Волковской единоверческой церкви; позже к заводу присоединили участок по Николаевской ул., д. 82 (ул. Марата, д. 82). К 1 января 1900 г. учредители полностью собрали капитал[13]. В 1899–1900 гг. было возведено здание по проекту архитектора-художника Алексея Георгиевича Эренберга (в стиле модерн). Там разместилось правление общества. В этом доме

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

3/16 апреля 1905 г. был основан первый рабочий профессиональный союз в России — Союз рабочих печатного дела.

Предприятие было доходным. Основной капитал общества на 7 мая 1915 г. составлял 1 350 000 руб. (5400 акций по 250 руб. каждая). 84,3 % принадлежали русским подданным, 15,7 % — немецким[14]. Они приносили дивиденды в 1911–1913 гг. по 11 руб. за акцию ежегодно, в 1914 г. — по 6 руб. Баланс на 1 января 1916 г. составлял 2 873 957 руб., стоимость имущества — 1 268 867 руб.

Состав предприятия: словолитня и мастерские: гальванопластическая, стереотипия, граверная, ксилография, фотоцинкография, меднолитейная, механическая и столярная в Петрограде. Фирма имела отделение в Москве, склады в Одессе, Ростове-на-Дону, Вильно, Риге, Саратове, Киеве. Производство: шрифты, типографические материалы, медные линейки, продажа типографических машин и принадлежностей тиснения[15].

Постановлением ВСНХ от 27 июня 1918 г. предприятие было национализировано, передано в ведение полиграфической секции Совнархоза Северного района Петрограда под названием 1-я Государственная словолитня, с 1924 г. — им. III Интернационала (тогда завод перешел в подчинение Ленинградского отделения треста «Полиграф» ВСНХ РСФСР). В 1930 г. шрифтолитейный завод перешел в ведение Всероссийского объединения полиграфической промышленности; здесь были созданы шрифты для народностей, не имевших раньше письменности.

И.И. Леман — библиофил и меценат. Уникальные шрифты «Словолитни О.И. Лемана» пользовались известностью. Ими напечатаны обзоры Первой всероссийской выставки печатного дела в Петербурге (1895), а каталог выставки вышел под редакцией И.И. Лемана. В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже образцы работ «Словолитни О.И. Лемана» и типографии А. Маркса получили гран-при. Позже И.И. Леман редактировал каталог русского отдела на Выставке печатного дела и графики в Лейпциге (1914).

В октябре 1901–1902 гг. И.И. Леман был издателем и редактором журнала «Печатное искусство» — первого российского издания, посвященного графическому дизайну, который определял развитие отечественных наборных шрифтов. (Тему развивал журнал «Полиграфическое производство».)

В 1903 г. И.И. Леман инициировал в Петербурге Кружок любителей русских изящных изданий, объединивший петербургских биб-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

лиофилов и любителей искусств, коллекционеров, и стал его казначеем. Фундаментальное издание кружка «Гравюра и литография» не потеряло своего значения до сих пор[16]. Как и другие библиофилы, И.И. Леман предоставлял для изданий экспонаты из своей коллекции.

Когда в 1906 г. в Петербурге организовался журнал «Старые годы», И.И. Леман вошел в состав его Редакционного комитета (впрочем, все его члены участвовали в заседаниях кружка).

Словолитней Лемана были созданы шрифты, которыми печатались многие российские газеты; журнал «Старые годы» (1907–1916), «Истории русского искусства» И.Э. Грабаря (1909–1917) и др.

Директор В.В. Радлов в 1917 г., «озабочиваясь пополнением Библиотеки при Галерее Императора Петра I изданиями, относящимися к личности и эпохе Великого преобразователя России, имел честь просить Кружок любителей редких изящных изданий не отказать в присылке 1 экз. своего издания: И.И. Леман. “Гравюра и литография” (1913)»[17].

Общество взаимного кредита деятелей печатного дела основано в Санкт-Петербурге в 1904 г. Правление осуществляло выдачу кредитов по низкой процентной ставке под товары, связанные с печатным делом, а также бумагу и печатные издания — книги, газеты, журналы, открытки и др. Этот вид кредита помог многим малым и средним типографиям выстоять и развить свои возможности[18]. И.И. Леман был товарищем председателя совета этого общества, и Попечительский совет МАЭ с 1911 г. имел там расчетную книжку (Екатерининский канал, д. 14); другая часть средств Попечительского совета МАЭ находилась в Волжско-Камском банке.

21 сентября 1915 г. в помещении Центрального банка Общества взаимного кредита (Невский, д. 15, вход с Мойки) состоялось публичное чествование Григория Николаевича Потанина по случаю его 80-летия. Организаторами мероприятия выступили Общество изучения Сибири и улучшения ее быта, при участии Сибирского общества подачи помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны, Общество содействия учащимся в Петрограде сибирякам и Петроградского сибирского собрания. Вход на празднование был бесплатным. Председателем правления общества, базировавшегося в МАЭ, был директор МАЭ академик В.В. Радлов[19].

И.И. Леман — почетный член Попечительного совета Музея антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого. Попечитель-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ный совет МАЭ был создан в 1909 г.[20] Некоторые аспекты его работы известны благодаря отчетам, которые по предложению В.В. Радлова стали печатать в Приложении в протоколам ИАН и в «Известиях» Академии.

9 февраля 1911 г. почетными членами Попечительного совета МАЭ были утверждены коммерции советник И.И. Леман и немецкий ученый и путешественник Герман Мейер (Лейпциг).

В 1911 г. Попечительный совет заседал шесть раз, была проведена проверка денежного отчета за 1910 г. Благодаря усилиям почетных членов Совета на коллекции и расходы МАЭ всего в 1911 г. поступило 9500 руб.[21] В 1912 г. состоялось пять заседаний Совета, а 23 марта 1913 г. проведена ревизия денежных книг сумм Совета[22]. В 1913 г. Попечительный совет МАЭ собирался 5 раз, в 1914 г. — 3, в 1915 и в 1916 гг. — по 2 раза.

Еще в ноябре 1910 г. чешскому путешественнику А.В. Фричу в Южную Америку И.И. Леман перевел 1000 руб., за что МАЭ выразил ему благодарность[23]. Вернувшись в Европу, А.В. Фрич занимался по поручению МАЭ регистрацией своих южноамериканских предметов, которые в марте 1913 г. были доставлены в Музей. На средства И.И. Лемана приобретены 111 предметов: № 1976 — предметы быта и культа племени чамакоко из Северного Чако, 42 пр.; № 1977 — предметы быта и культа племени тумраха, 33 пр.; № 1978 — оружие, военные принадлежности, предметы быта и культа племени моротоко, 17 пр.; № 1979 — оружие и предметы быта племени чиригуано из Боливии, 11 пр.; № 1980 — предметы быта и культа племени шуанкуру из Мато-Гроссо, 8 пр.[24]

При активном участии И.И. Лемана и Ф.Ю. Шотлендера был подготовлен альбом для поднесения императору Николаю II по случаю его визита в МАЭ 5 марта 1914 г.[25] В 1914 г. в список наград, испрашиваемых на особо полезную деятельность по Музею антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого, И.И. Леман был включен под № 4. Почетный председатель Попечительного совета князь Александр Георгиевич Романовский, герцог Лейхтенбергский, ходатайствовал о присуждении ему чина статского советника: «Иосиф Иосифович Леман, личный дворянин, коммерции советник, чина не имеет. Вероисповедание лютеранское. Награжден орденами Св. Станислава 3-й ст. (1895), Св. Анны 3-й ст. (1898), Св. Станислава 2-й ст. (1901) по представлению Императорского Русского технического общества. 1904 г. — личное дворянство по представлению Его Импера-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

торского Высочества Великого Князя Константина Константиновича. 1906 — звание коммерции советника (по Министерству торговли и промышленности). 1907 — орден Св. Анны 2-й ст. (по Министерству финансов), 1914 — Св. Владимира 4-й ст. (по Министерству торговли и промышленности). Член Попечительского совета с 2 февраля 1911 г.» На представлении помета: «Нет между наградами срока, чин статского советника можно лишь в изъятие из правил»[26].

Военное время. В 1914 г. АО «Словолитня О.И. Лемана» в Петрограде претерпело серьезные изменения в связи с введением запретов на торговлю с Германией и наличием иностранных акционеров. До 20 июля 1914 г. членами правления были Леман И.И., Михайлов П.А., Эрленбах Сигизмунд Семенович (баварский подданный, проживавший в Пензенской губ.), Эрленбах Альфред Сигизмундович (баварский подданный, Петербург), кандидатами — Березин Петр Владимирович (инженер путей сообщения), Леман Борис Иосифович (потомственный Почетный гражданин). 11 октября 1914 г. Эрленбахи были отстранены от должности и считались выбывшими из состава правления с 18 сентября 1914 г., членом правления стал Будевиц Борис Федорович (личный Почетный гражданин). С. и А. Эрленбахи приобрели инвентарь словолитейного дела в Петрограде как «Братья Эрленбах»[27].

В справке говорилось, что «Общество было учреждено в 1897 г. русскими подданными, и 85 % акций находились в руках русских подданных»[28]. Среди акционеров были российские, французские, британские, итальянские, баварские, германские подданные. В 1914 г. акционеры Леман Наталья Иосифовна (Москва) и Николай Иосифович (Гельсингфорс) возбудили ходатайство о переходе в русское подданство[29].

В 1915 г. Акционерное общество имело 5400 акций по 250 руб. каждая. В 1915–1916 гг. предприятия И.И. Лемана выполняли заказы Центрального военно-промышленного комитета — изготавливали гранаты к ружейным мортирам с дистанционными трубками, запальные трубки к ручным гранатам, железные футляры для ружейных патронов[30].

В тяжелые годы Первой мировой войны И.И. Леман не прекратил поддержку МАЭ. 28 марта 1915 г. В.В. Радлов вновь прибег к его помощи: «Милостивый Государь Иосиф Иосифович, в настоящее время в связи с военным временем Музей находится в очень затруднительных обстоятельствах по целому ряду научных предприятий, частью

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ранее начатых, частью вновь предпринимаемых. Поэтому позволяю себе обратиться к Вам как к Почетному члену Попечительного совета в момент...»[31]

Члены Попечительного совета изыскивали возможности помогать Музею — требовались средства для выплаты жалования сотрудникам, содержания отправленных в поле экспедиций, закупок материалов. Удалось запасти около 6 тыс. пудов угля, что помогло сохранить музейные экспонаты в холодное время разрухи. 27 января 1916 г. правление Императорской Академии наук согласилось на доставку топлива для МАЭ «через посредство Попечительного совета по цене не выше 1 руб. 40 коп. за пуд лучшего донецкого угля, о найме истопника для производства топки печей Музея распоряжение сделано»[32]. В ответ на письмо морской министр его превосходительство И.К. Григорович 3 февраля 1916 г. разрешил отпустить со складов Петроградского порта для МАЭ 5 тыс. пудов каменного угля за плату, с тем чтобы уголь был вывезен средствами и распоряжением Музея[33]. Кабинет Его Императорского Величества 6 февраля 1916 г. согласился уступить МАЭ 1000 пудов антрацита, морской министр — 5000 пудов по 40 коп. без доставки[34].

18 мая 1916 г. почетные члены Б.А. Игнатьев и И.И. Леман произвели ревизию денежных сумм и книг Попечительного совета[35]. 24 ноября 1916 г. попечителям Э.Л. Нобелю, Б.М. Игнатьеву, барону фон дер Остен-Дризену было направлено следующее письмо: «Глубокоуважаемый [имярек], на последнем заседании Совета, на котором, к сожалению, Вы не имели возможности присутствовать, вследствие доклада моего об остром положении вопроса о добровольном жаловании вольнонаемным служащим в связи с возрастающей дороговизной, а также о финансовой поддержке начатых еще до войны экспедиций в отдаленных местах, Совет, по предложению И.И. Лемана, постановил обратиться циркулярно с предложением покрыть недостающую сумму в 55 тыс. руб. подпиской среди Почетных членов Попечительного совета и довести об этом до сведения отсутствующих почетных членов Совета, о чем имею честь Вам сообщить вместе с приложением копии протокола. В.В. Радлов»[36].

К тому времени некоторые попечители покинули Петроград и вообще уехали из России, положение оставшихся уже не было стабильным. 2 декабря 1916 г. и 25 января 1917 г. В.В. Радлов обращался в Канцелярию председателя Особого совещания по продовольствию г. Петрограда и его района с просьбой «выдать сахара для заседаний

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

членов Попечительного совета в количестве 10 чел.; чая для служебных часов служащих МАЭ (ежедневно — 24 чел.)»[37].

И.И. Леман и Галерея Петра Великого. При МАЭ был создан специальный памятный отдел «Галерея Петра Великого», экспонаты для нее собирались с 1909 г. Поскольку эти предметы являлись собственностью Его Императорского Величества, Государь Император лично приказал 1 марта 1914 г. по докладу Герцога Лейхтенбергского, что «все изменения должны восходить через министра Двора на Императорское благовоззрение, и музейные предметы не могут выдаваться для пользования вне стен Музея». 21 сентября 1916 г. решался вопрос о высылке рукописи Коринса «Грамматика малая» в Московский и Румянцевский музеи. В состав комиссии под председательством В.В. Радлова вошли представители Министерства Императорского Двора, музейного персонала (зав. Галереей Э.К. Пекарский) и Попечительского совета (И.И. Леман): «Милостивый Государь Иосиф Иосифович, Во исполнение определения Историко-филологического отделения ИАН от 21 сентября 1916 г. имею честь просить Вас принять на себя исполнение обязанностей члена имеющей образоваться при Музее, согласно положенной в рескрипте на мое имя Августейшим Почетным председателем Попечительного совета Высочайшей воле, Комиссии для выработки правил относительно отпуска, хранения и пополнения Галереи Императора Петра I; равно и периодических ревизий находящихся в ней предметов»[38]. 25 января 1917 г. были назначены «представители от Министерства Императорского Двора в Комиссию по Галерее Петра I — хранитель музеев Императорской Академии художеств Эмилий Визель и хранитель Императорского Эрмитажа Сергей Тройницкий»[39]. Как и И.И. Леман, Тройницкий был членом Кружка любителей русских изящных изданий и редколлегии журнала «Старые годы». Заседание комиссии состоялось I7 февраля 1917 г. в МАЭ.

После отречения Николая II от престола В.В. Радлов предложил 8 марта 1917 г. ввиду необходимости пересмотра коллекции закрыть на время Галерею Петра Великого для посетителей[40]. После этой даты сведений о дальнейшей судьбе И.И. Лемана не имеется.

Вклад И.И. Лемана в развитие МАЭ был весьма существенным: он выделял средства для покупки коллекций, вел счета Попечительного совета, содействовал получению средств из Общества взаимного кредита деятелей печатного дела, помогал в организации важных мероприятий, способствовал печатанию подарочных изданий и альбомов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

А созданные в его словолитне шрифты использовались в академических изданиях, хотя особо сложные приходилось выписывать из-за рубежа. На пользу Музею пошел и огромный опыт И.И. Лемана по организации международных и всероссийских выставок, подготовке каталогов и периодических изданий, его международные связи и уникальные специальные знания, художественнее вкусы и пристрастия коллекционера. Введение его в состав серьезных комиссий свидетельствует об авторитете и высокой репутации И.И. Лемана. Его можно справедливо причислить к числу созидателей Музея антропологии и этнографии.

1. *Боханов А.Я.* Деловая элита России [Электронный ресурс.] URL: http://genobooks.narod.ru/Ros_burzhuazia_1914/Ros_burzh_1914-21e.htm
2. Немцы в России: энциклопедия. М., 1999. Т. 2. С. 298–299.
3. РГИА. Ф. 23. Оп. 24. 1904 г. № 1061. Л. 345–346.
4. Там же. Л. 348 об.–349.
5. Там же. Л. 350.
6. Там же. Л. 416.
7. Там же. Л. 443 об.
8. РГИА. Ф. 23. Оп. 24. 1895–1915 гг. № 261. Л. 212.
9. Там же. Л. 23–23 об.
10. Там же. Л. 52.
11. Там же. Л. 53.
12. Там же. Л. 76, 100.
13. Там же. Л. 123.
14. РГИА. Ф. 23. Оп. 28. 1915–1916 гг. № 2038. Л. 14.
15. Акционерно-паевые предприятия России. М., 1917. С. 108.
16. *Леман И.И.* (сост.). Гравюра и литография. Очерки истории и техники. СПб., 1913 (переиздание: Центрполиграф, 2004).
17. СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Ед. хр. 69. Л. 486.
18. *Зотова А.В.* Деятельность «Общества взаимного кредита деятелей печатного дела» как специфическая форма сервиса. Исторический опыт [Электронный ресурс.] URL: http://www.rusnauka.com/2_KAND_2012/Pedagogica/3_98913.doc.htm
19. СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 70. Л. 100.
20. *Соболева Е.С.* Попечительный Совет МАЭ в 1909–1914 гг.: роль Ф.Ю. Шотлендера в созидании Музея // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 225–231.
21. СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1912. Ед. хр. 159. Л. 368–368 об.
22. СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1913. Ед. хр. 8. Л. 8–11 об.
23. СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 56. Л. 413.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

24. СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1913. Ед. хр. 160. Л. 369 об.
25. СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Ед. хр. 44. Л. 15.
26. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1914). Ед. хр. 74. Л. 21–22, 40.
27. РГИА. Ф. 23. Оп. 28. 1915–1916 гг. № 2038. Л. 5, 11.
28. Там же. Л. 9.
29. Там же. Л. 4.
30. Там же. Л. 14.
31. СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Ед. хр. 44. Л. 34.
32. Там же. Ед. хр. 68. Л. 7.
33. Там же. Л. 11.
34. СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Ед. хр. 69. Л. 254.
35. СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1916. Ед. хр. 163. Л. 426 об.
36. СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Ед. хр. 44. Л. 61.
37. Там же. Ед. хр. 69. Л. 430, 470.
38. Там же. Л. 383–384, 422.
39. Там же. Л. 469.
40. СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1917. Ед. хр. 164. Л. 422.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

П.А. Матвеева

СЕМЬЯ МЕЙЕНДОРФ В ИСТОРИИ МАЭ[1]

История МАЭ рубежа XIX–XX вв. тесно переплетена с именами многих выдающихся людей своей эпохи. Среди них — несколько представителей Мейендорфов, баронского семейства прибалтийских немцев.

Барон Федор Егорович Мейендорф (1842–1911), генерал-адъютант, начинал свою карьеру в Пажеском Его Императорского Величества корпусе, после окончания которого служил корнетом в лейб-гвардии конном полку, в 1862 г. был произведен в поручики, а уже в 1883-м — в полковники. В 1884–1893 гг. состоял для особых поручений при командующим войсками Одесского военного округа, в 1893–1895 гг. — помощником начальника канцелярии Императорской главной квартиры, а в 1895–1898 гг. — ее начальником. В 1896 г. получил звание генерал-майора, в 1898–1902 гг. служил комендантом Императорской Главной квартиры. В 1905 г. был произведен в генерал-лейтенанты. Кавалер орденов Св. Анны 1-й степени (1903) и Св. Владимира 2-й степени (1907), в 1902–1907 гг. был почетным опекуном Санкт-Петербургского присутствия Опекунского совета Ведомства учреждений императрицы Марии, состоящих под непосредственным Их Императорского Величества покровительством.

Его родной брат, Феофил Егорович Мейендорф (1838–1919), генерал от кавалерии, с 1898 г. был участником войн с Турцией и Японией. В 1860–1864 гг. участвовал в военных действиях на Кавказе и за боевые отличия был награжден орденом Св. Станислава 3-й и 2-й степени, Св. Анны 2-й степени, а за участие в войне 1877–1878 гг. произведен в генерал-майоры с зачислением в Свиту Его Императорского Величества и награжден орденом Св. Станислава 1-й степени. В 1904–1905 гг. принял участие в войне с Японией и за боевые отличия был награжден бриллиантовыми знаками ордена Св. Александра Невско-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

го и орденом Св. Георгия 4-й степени. Он являлся почетным председателем Мариинского приюта для ампутированных и увечных воинов, председателем состоящей при главном военно-санитарном управлении Комиссии по снабжению воинских чинов протезами и председателем Общества ревнителей военных знаний, которое регулярно заслушивало известных путешественников, имея в виду информацию военного значения, которую могли сообщить последние. Кроме того, он был членом Попечительного совета Музея антропологии и этнографии (утвержден 23 февраля 1910 г.[2]).

Безусловно, родственные (и не только) связи барона Феофила Егоровича Мейендорфа давали директору МАЭ академику Радлову блестящую возможность решения вопросов, связанных с музейной жизнью, «на самом верху». Любопытно и то, что две племянницы барона Феофила Егоровича Мейендорфа, Анна и Мария, также сыграли свою, пусть и небольшую, роль в формировании коллекций Музея. Они посвятили всю свою жизнь благотворительности: Мария Федоровна Мейендорф активно участвовала в деле народного образования, а Анна Федоровна всю жизнь прослужила сестрой милосердия.

Баронесса Мария Федоровна Мейендорф[3] родилась в 1869 г. в семье, имевшей обширные родственные связи со многими аристократическими семьями России. В 1870-х годах барон Ф.Е. Мейендорф купил имение в Киевской губернии, куда переехал вместе с семьей. В 1882 г. семья переезжает в Одессу, где Мейендорфы провели около десяти лет. Старшие дочери — Алина и Мария — поступают здесь в частную гимназию, а Мария — еще и на фельдшерские курсы. Затем было принято решение ехать в Петербург, здесь девочки имели возможность поступить на Высшие женские курсы. В Петербург Мейендорфы прибыли в 1893 г., братья Марии поступили в высшие технические учебные заведения, а она сама планировала обучение на Бестужевских курсах. Летом 1896 г. по ряду семейных обстоятельств Мария Федоровна не сдала переводные экзамены на четвертый курс, и была вынуждена остаться на второй год. Когда директор Высших женских курсов предложил ей занять место преподавательницы математики старших классов Кронштадтской Александровской женской гимназии, Мария незамедлительно согласилась. Несколько лет спустя, в 1901 г., ее сестра Алина, оставшаяся в Одессе, заразилась тифом и скончалась, у нее осталось двое детей, присматривать за которыми взялась Анна Федоровна[4]. Когда началась Русско-японская война, Анна просила Марию заменить ее при детях, окончила курсы сестер

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

милосердия и уехала на фронт. Мария, оставив преподавание в Кронштадтской гимназии, переехала в Одессу.

Еще весной 1899 г. Анна Федоровна в качестве добровольной помощницы вместе с отрядом Касперовской общины Красного Креста отправилась в Ставропольской уезд Самарской губернии для борьбы с голодом и эпидемией цинги, в апреле 1904 г. в составе отряда петербургской общины Св. Георгия — на Дальний Восток. После прибытия на театр военных действий 1-го армейского корпуса под командованием дяди Анны — генерала Феофила Егоровича Мейендорфа — она перешла в 34-й походный госпиталь. Особенность таких госпиталей — они должны были быстро разворачиваться вблизи уже занятых позиций. Условия работы здесь были крайне суровыми. После окончания военных действий Анна была прикомандирована к санитарному поезду, который в 1905 г. прибыл в Петербург.

Судя по описям и архивным документам, в 1907 г. Анна, будучи в Петербурге, передала в дар МАЭ свою первую коллекцию, привезенную из Маньчжурии (№ 1187). Опись, составленная от руки, в целом читается плохо.

Коллекция состоит из семи трехчастных миниатюр (1187 — 1abcdefk, картина-свиток. Китай. Бумага, дерево, ксилография, живопись. Имеются утраты), представляющих, по мнению автора описи, героев Троецарствия и близкий сюжет времен Танской династии (рис. 1, 2): «Картина акварелью на бумаге. Каждая состоит из трех частей: в одной трактуются различные эпизоды из жизни героя Троецарствия Любей (в современной транскрипции: Лю Бэя. — *П.М.*) (III в. п. Р.Х.), а в остальных двух или эти же сюжеты, или различные эпизоды из жизни Го-дзы-и (в современной транскрипции: Го Цзы-и. — *П.М.*) и Танъмин-хуанъ (в современной транскрипции: танский Мин-хуан. — *П.М.*) времени Танской династии (VII–X гг. Р.Х.)». № 1187-2 представляет собой картину тушью на бумаге (картина-свиток. Китай. Бумага, дерево, ксилография, живопись. Имеются утраты) (рис. 3).

А 1910 г. в МАЭ поступила вторая коллекция (№ 1825) по Китаю и Японии. В описи читаем:

«Поступило в дар через бар-су Мейендорф в марте 1910 г.

Две китайские вышивки и японский бумажный платок, снятый с убитого японца во время Русско-японской войны.

1825-1. Бумажный платок голубого цвета <...>.

1825-2. Китайская вышивка шелком по материи желтого цвета (Маньчжурия) (рис. 4).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Рис. 1. Картина-свиток. Китай. Бумага, дерево, ксилография, живопись. 123×31,5 см. МАЭ РАН. Колл. № 1187-1a

Рис. 2. Картина-свиток. Китай. Бумага, дерево, ксилография, живопись. 117×32 см. МАЭ РАН. Колл. № 1187-1d

Рис. 3. Картина-свиток. Китай. Бумага, дерево, ксилография, живопись. 143×38 см. МАЭ РАН. Колл. № 1187-2

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Рис. 4. Китайская вышивка шелком по материи желтого цвета. Китай. Шелк, вышивка. 15,5×10 см. МАЭ РАН. Колл. № 1825-2

Рис. 5. Китайская вышивка шелком по материи белого цвета. Китай. Шелк, картон, вышивка. 17×9 см. МАЭ РАН. Колл. № 1825-3

1825-3. Китайская вышивка шелком по материи белого цвета (Маньчжурия)» (рис. 5).

К сожалению, бумажный платок (1825-1) не сохранился.

В октябре 1911 г. умер отец Анны и Марии барон Федор Егорович Мейендорф. Переживая за здоровье матери, Мария, остававшаяся в Одессе, переехала в Петербург, оставив племянников, с которыми она пробыла в общей сложности более восьми лет, на попечение няни. Очевидно, что в период с 1911 по 1914 г. сестры встретились в Петербурге и, возможно, совместно сотрудничали с Музеем антропологии и этнографии, дружеские связи с которым долгое время поддерживал их дядя, будучи членом Попечительного совета. Выше уже упоминалось о том, что Анна передала в дар МАЭ две коллекции — № 1187 и 1825. Возможно, что с 1911 г. ее сестра Мария, «баронесса М.Ф. Мейендорф, зарисовывала орнаменты в отделе Океании»[5].

В 1914 г. Анна Федоровна снова уехала на фронт и была назначена в качестве сестры милосердия на одно из госпитальных судов, стоявших в Одессе, — «Портюгаль». В марте 1916 г. в газетах появились заголовки о гибели судна в результате атаки немецкой подводной лодки. Изначально пароход, построенный французской судостроительной компанией, предназначался для пассажирских и грузовых перевозок

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

между Францией и Южной Америкой, впоследствии совершал регулярные рейсы в Александрию, а до 1914 г. курсировал между Марселем и Одессой. В сентябре 1914 г., оказавшись в Одесском порту и получив пробоины после обстрела турецкими судами, он был передан в распоряжение России. На корабле был устроен госпиталь Красного Креста. По одной из версий, в тот день немецкая подводная лодка выпустила по кораблю торпеду: он разломился пополам и затонул менее, чем за две минуты. В числе погибших была и баронесса Анна Федоровна Мейендорф.

В апреле 1920 г. скончалась мать Марии Федоровны. Через три года Мария вернулась в Одессу, а в 1927 г. ее арестовали по обвинению в «церковном деле». После выхода из тюрьмы по решению суда она уехала в Уральск, где жила ее троюродная сестра. Во время Второй мировой войны и оккупации немцами она находилась в Одессе, в 1944 г. уехала в Вену, в 1947-м — в Париж, а через два года — в Биарриц. До 1962 г. жила в Нью-Йорке, была похоронена на кладбище русского женского монастыря Ново-Дивеево.

1. Автор выражает искреннюю благодарность Игорю Алимову, Арине Лебедевой, Дмитрию Иванову, Анне Гуртовой за консультации в ходе написания статьи, а также сотрудникам лаборатории аудиовизуальной антропологии Никите Ушакову и Станиславу Шапиро за оперативность в проведении фотосъемки.

2. СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1910. Ед. хр. 8. Л. 22.

3. Баронесса М.Ф. Мейендорф. Воспоминания. Ишим, 2003.

4. *Жигальцова Л.* «Умирать стоит, только спасая других. Иначе обидно...» (А.Ф. Мейендорф). [Электронный ресурс.] URL: http://zapadrus.su/rusmir/istf/237-l-r-.html

5. СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 7.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Эрика Фогт

ПАСТОР ЭДУАРД ИОГАНЗЕН В СИБИРИ
(Из истории немецкой лютеранской церкви в России)[1]

Следствием переменчивой и многострадальной судьбы немецкого меньшинства в России в трагическом XX столетии стало то, что сегодня едва ли еще существуют живые, осязаемые свидетельства жизни немецких семей и групп более раннего периода времени. Истории целого народа грозит исчезновение. Это тем более тревожно, так как знание достижений собственного народа имеет сегодня большое значение для уровня самооценки людей. Поэтому должно бережно сохраняться и предаваться огласке все, что может дать информацию об истинном месте немцев в той стране, где они нашли свою родину, — в русской жизни, в политике, науке и культуре, в духовной жизни в самом широком смысле.

В качестве небольшого вклада в этот процесс я хочу предложить рассказ о жизни лютеранского пастора Эдуарда Иоганзена (рис. 1), который оставил нам свои воспоминания и многочисленные письма к родственникам.

Эдуард Иоганзен (1831–1912) родился в Эстонии, в поместье Унгерн-Штернберг в Вике, уезд Хаапсалу (до 1917 г. уезд Гапсаль). Его отец был управляющим поместья. Эдуард мечтал поступить учиться в Петербургскую Академию художеств — он хорошо рисовал (рис. 2). Но этого не произошло, и он направился в Дерпт (Тарту) изучать теологию. В 1859 г. он приехал в Санкт-Петербург и получил разрешение проводить лютеранское богослужение на эстонском, латышском и финском языках; немецким языком он владел свободно, так как говорил по-немецки дома, в школе и во время учебы. От Генеральной консистории, высшего правления евангелическо-лютеранской церкви в России, ему, как одному из лучших учеников-стипендиатов, пред-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Рис. 1. Эдуард Иоганзен (справа) со своим зятем архитектором Карлом Шмидтом в Павловске в 1906 г.

Рис. 2. Рисунок Эдуарда Иоганзена, на котором изображены немецкие поэты: внизу в середине — Иоганн Вольфганг фон Гёте, справа — Фридрих Шиллер, Иоганн Готфрид Хердер, вверху — Фридрих Готлиб Клопшток, под ним — Готфрид Эфраим Лессинг, рядом — Людвиг Уланд

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

стояло принять должность в указанном месте. Ему предложили поехать на три года в Рыжково (Омск). Он принял это предложение.

Город Омск в те времена еще не был центром лютеранской веры в Западной Сибири, в городе проживало всего 18 тыс. человек, из них — только 89 лютеран. Местом назначения молодого священника, который впервые покинул Европу и отправился в Сибирь, было местечко Рыжково, «в двухстах верстах на запад от Омска, в восемнадцати от станции Ольгино по так называемому Сибирскому тракту, большому пути, который еще до железной дороги проходил через всю Сибирь»[2]. Так он описывал свое прибытие.

Колония Рыжково была основана в начале XIX в. финскими крестьянами, «которые в 1803 г. были выселены из дочерней колонии Коханкина под Нарвой после восстания против своего жестокого барина барона Унгерн-Штернберга. Я разговаривал об этих событиях с одним 90-летним финном, и он все мне рассказал, — пишет Иоганзен. — В мое время жили потомки смутьян. До 1840 г. население Рыжково составляли исключительно финны. В 1840 г. по указу правительства началось поселение эстонцев, латышей и финнов. Среди всех этих народностей было очень много скверных людей, и Рыжково пользовалось дурной славой»[3].

Вероятно, Иоганзен не представлял себе свою службу таким образом, хотя во время экзаменов в Санкт-Петербурге познакомился со своим предшественником из Рыжково — пастором Фридрихом Вильгельмом Майером. Неизвестно, насколько правдиво он описал положение в Рыжково, когда приглашал Иоганзена стать своим преемником в этом приходе.

Иоганзен заранее сообщил о своем прибытии в уездное управление и, как он писал, «поручил приглашать лютеран из всех русских деревень собираться в Рыжково в один из воскресных дней. Что и произошло: управление обязало всех явиться в приказном порядке». То было для 30-летнего пастора «незабываемое богослужение, самое первое в Рыжково! Кирха (построенная в 1818 г.) состояла из мощных балок сибирской березы и не отапливалась, потому что, как мне объяснили, старая печь сильно коптила. И вот я стоял перед алтарем кирхи Иоанна Крестителя, в шубе поверх рясы, держа чашу руками в теплых перчатках. А вся многочисленная община дружно притопывала ногами от холода! Таким ледяным было начало моей деятельности в колонии»[4].

Иоганзена не испугал тот факт, что от него требовалось гораздо больше, чем забота о спасении душ прихожан. Рыжково, по воспо-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

минаниям Эдуарда Иоганзена, «было материнской колонией всех сибирских колоний поселенцев-лютеран»[5]. Причины «большого нравственного разложения в Рыжково» заключались, с одной стороны, в недостаточной возможности для трудовой занятости поселяющихся, которые зачастую даже не имели понятия о местных специфических географических и климатических условиях; с другой стороны, в недостатке духовной опеки, на что и «было указано лютеранскому проповеднику в Екатеринбурге в первом десятилетии XIX в.; однако расстояние между Екатеринбургом и Рыжково составляет 1150 верст».

Большинство верующих-лютеран составляли ссыльные поселенцы, представители различных народностей, населявших Россию, в основном эстонцы, финны и немцы.

Молодой пастор должен был быстро привыкнуть к исполнению авторитарной функции, о которой он, разумеется, и не думал во время своего приезда: «Вот я, наконец, включился в деятельность, и люди заставили меня принять должность судьи. Я пытался защищаться от их настойчивых требований, говоря: “Кто может поставить меня судьей над вами!” Но люди меня осаждали. Они приходили ко мне с жалобами. Чтобы избежать несправедливости, я приглашал к себе старших с каждой из спорящих сторон, расспрашивал их и разбирал дело. Потом виновный отдавался на суд старших. Таким образом, в колонии во время моего пребывания там воцарился образцовый порядок. Но стоило мне уехать, как снова все стало по-прежнему»[6].

Иоганзену следовало очень энергично взяться за дело, чтобы восстановить спокойствие и порядок, вернуть членов своей общины к полноценной жизни в духе нравственных ценностей своей веры.

Постоянный приток новых ссыльных, определенных на поселение в колонии, а с отменой крепостного права и крестьян, приезжавших из европейской части России, привел к нехватке плодородных земель. На болотистой, засоленной почве в колониях вокруг Рыжково можно было возделывать сельскохозяйственные культуры лишь в небольших объемах; там занимались скотоводством и добывали смолу из березовой коры. К началу 1860-х годов драматические конфликты, часто приводившие к столкновениям на межнациональной почве, настолько участились, что в 1861 г. Центральным управлением и Центральным комитетом кассы взаимопомощи евангелическо-лютеранской церкви в Санкт-Петербурге было принято решение о предоставлении новых земель под поселение для колоний прихода Рыжково.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Как только Иоганзен вступил в должность, он стал решительно поддерживать это намерение, так как очень быстро понял неотложную необходимость перемен. Он так описывал ход событий: «Земля, принадлежавшая колониям, была низкой болотистой равниной с истощенными почвами, а из-за ежегодного притока от 100 до 200 человек и этой земли стало не хватать. К тому же начался еще и мор скота. Люди хотели куда-нибудь переехать. По этому поводу я обратился к генерал-губернатору с просьбой предоставить переселенцам наделы земли из государственных фондов. Так и произошло. С пятнадцатью самыми лучшими прилежными крестьянами, в основном финнами, и в сопровождении исправника я отправился вверх по реке Омь, которая впадает в Иртыш вблизи Омска. В 120 верстах от Омска мы нашли подходящую для колонистов землю, которая и была измерена землемером в моем присутствии. 25 тыс. десятин, степняк (чернозем) с лесными массивами (береза и осина), в середине 8 тыс. десятин заболоченных земель. Это болото, Шадрино, тоже было необходимо. Засушливым летом болото дает необходимый запас кормов, дождливым же летом корма дает вся степь. Здесь, на реке Омь, на расстоянии 8–9 верст я заложил четыре деревни: одну латышскую, одну эстонскую, одну для финских крестьян и четвертую для финских ссыльных. Официально эти деревни назывались Ревель, Рига, Нарва и Гельсингфорс. Землю для пастората я выбрал у большого изгиба, колена реки Омь, рядом с латышской деревней».

В первый же год переселенцы ощутили успех своего начинания. И сам пастор тоже был доволен результатами: «Один латыш, который переселился незадолго перед Троицей, спросил у меня совета, может ли он еще успеть посеять зерно. Я ответил ему, что может. В этом году все вырастет и созреет. Так оно и случилось. Сам я тоже собрал богатый урожай»[7].

Со временем Иоганзен пришел к таким же выводам, что и его современник Георг Кеннан, который в своем описании Сибири сообщает о Тобольской губернии следующее: «На основании практических исследований и наблюдений, которые мы могли сделать на протяжении нашего участка (между Тюменью и Омском. — *Э.Ф.*), у меня сложилось впечатление, что если провинцией Тобольск управлять честно и с умом и если ее очистить от тяжелого влияния уголовных ссыльных, то в относительно короткое время она могла бы стать одной из самых зажиточных и цветущих частей империи»[8].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Точные данные об отдельных вновь основанных колониях мы узнаем от Эдуарда Буша. Они были заложены «на новой земле, которая состояла из хорошей пашни, прекрасных лугов и 4 тыс. десятин березового леса». Колония Рига насчитывала 200 латышей, колония Ревель — 350 эстонцев, колония Нарва — 150 финнов и колония Гельсингфорс — 110 шведов и финнов. Там же отмечается, что пастор ежегодно получал надбавку в размере 300 руб. от Центрального комитета кассы взаимопомощи, как и учитель епархии[9].

Пастор Иоганзен описывал эти события без пафоса, скорее сдержанно, как будто он хотел спустя годы рассказать своим детям о своей жизни в Сибири.

До конца 1864 г. он, как тобольский губернский проповедник, курировал только уезды Омск/Рыжково и Тару. Потом произошли изменения: «После ухода первого полкового проповедника Западной Сибири, который жил в Тобольске, я был назначен замещающим первым полковым проповедником и, таким образом, должен был обслуживать всю губернию (Тобольск) с киргизской степью Сибири. Начиная с 1865 г. я должен был ежегодно проделывать четыре тысячи верст»[10]. Следующие далее описания «роскошных ландшафтов» Баян-Аула, «Каркаралинска с его озером на вершине горы», «чарующего, напоминающего Шварцвальд (горный массив в земле Баден-Вюртенберг на юго-западе Германии. — *Э.Ф.*) Кокчетава горного хребта из известняка и гранита 4 тыс. футов высотой и 14 верст длиной, окруженного венцом ясных, как кристалл, и богатых рыбой озер», позволяют сделать вывод, что он мог воспринимать красоту природы, несмотря на все мытарства путешествий. Трудности этих поездок преследовали его еще долго, так как и в последующие годы к его епархии принадлежали общины, далеко расположенные друг от друга. В письмах к родственникам не обнаруживается никаких следов этих трудностей, но наверняка описание, принадлежащее Георгу Кеннану, могло бы быть сделано и пастором Иоганзеном: «Кто этого не пережил, не может представить себе полностью, как приходится страдать физически, когда едешь день и ночь в быстром темпе по плохим проселочным дорогам. Нас до такой степени растрясло, что болела каждая косточка в теле, и на почтовых станциях мы с большим трудом выбирались из наших забрызганных грязью тарантасов»[11].

Ежегодные «большие турне» приводили пастора в самые отдаленные места; останавливался он, где это было возможно, у знакомых прибалтийских семей Зефтиген, фон Таубе. Управляющий Санкт-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Петербургской кассой взаимопомощи Т. Мейер, к кому стекались все сообщения пасторов о больших и малых поездках по отдаленным приходам, имел довольно полное представление о заботах таких будней: «Количество дней, проведенных в разъездах, у пастора большой сибирской епархии составляет 200 и более в год, значительную часть от этого числа составляют дни, проводимые во всевозможных страданиях от грязи и насекомых, мороза и жары, скудного питания и бессонных ночей, непроезжих дорог и неудобных средств передвижения»[12].

Нередко случалось, что приход должен был два-три года дожидаться своего священника, пишет далее Мейер. «Для большого количества сибирских приходов считалось нормой провести одну-две службы в год. Но даже для того, чтобы удовлетворить эти, на наш взгляд, более чем скромные потребности, пастор в Сибири должен был провести большую часть года в дороге».

Пастор Иоганзен совершил множество таких поездок во время своей службы в Сибири. Только один раз он получил разрешение съездить домой, в Ревель. «После того как я в некоторой степени утолил свою жажду деятельности основанием новых колоний на Оми, я взял в консистории отпуск для поездки на родину», — писал он[13]. В Ревеле ему удалось заинтересовать начальство своими новыми колониями, так как упомянутая касса взаимопомощи для евангелических лютеранских общин в России оказывала помощь только «наиболее бедным общинам для поддержки их в достижении духовных и церковных целей». Кассы начали свою деятельность в Санкт-Петербурге незадолго до этого, в 1859 г.

На родине Иоганзен смог найти спонсоров для своих колоний: «В Ревеле я заинтересовал своими колониями пастора Гуна и некоторых знатных дам. Они организовали благотворительное общество и переслали мне в течение четырех лет около 400 руб., которые были израсходованы на покупку лошадей и коров. Это было необходимо, так как много скота было потеряно из-за сибирской язвы. Русские крестьяне охотно давали лошадей и коров под письменное обязательство с моей стороны. Когда я ездил за необходимой суммой в колонию и в знак своего возвращения поднимал черно-красно-золотой флаг, который был виден в соседней деревне, то русские приходили с выданными мной записками и получали свои деньги»[14].

Согласно предписанию, связанному с государственной стипендией, которую получал Иоганзен для учебы, он был обязан отслу-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

жить в Сибири только три года. Но вышло иначе. Конечно, было нелегко найти подходящий свободный приход в европейской части России, как можно ближе к столице. Но это была только одна сторона. Иоганзен принял свой приход в то время, когда в сибирских колониях зрели большие социальные перемены. И он, конечно, чувствовал это и наблюдал в своих немецких, эстонских и финских деревнях. Приток поселенцев из различных регионов европейской части России неслучайно усилился именно в начале 60-х годов XIX в. Молодому пастору было безразлично, приехали они на Омь по своей воле или были высланы. Как выясняется из его воспоминаний, для него было важно помочь этим людям сориентироваться в новых условиях и сделать их жизнь осмысленной. Не всегда это было легко, еще реже удавалось наблюдать устойчивый положительный результат. Но глубоко укоренившееся чувство справедливости не позволило ему покинуть колонию в незавершенной ситуации. И он остался на своем посту, несмотря на то, что это означало долгую разлуку с женой и ребенком.

Из записей, которые Эдуард Иоганзен сделал позднее, нельзя сделать вывод, что его, как немца, особенно волновали политические проблемы того времени, которые возникали в Российском государстве. В письмах к жене, написанных из Сибири в Санкт-Петербург, тоже нет тому никаких доказательств. Напротив, с уверенностью можно сказать, что за годы его деятельности в Сибири в нем окрепло глубокое чувство привязанности к стране, в которой он жил, и к людям различного происхождения и национальности, с которыми он встречался. Это становится ясно из более поздних свидетельств.

Главу «Сибирь» в своих воспоминаниях Иоганзен заканчивает так: «Семь с половиной лет я прожил в Западной Сибири и проводил богослужения для немцев, эстонцев, латышей и финнов на их языках. Несмотря на то, что общины, состоящие в основном из ссыльных, затрудняли службу до того, что зачастую меня одолевало моральное отвращение, все же моя первая община полюбилась мне как первая любимая женщина! И к тому же меня ценили в сибирском приходе, — добавляет он со справедливым удовлетворением, — так как они еще долго вспоминали обо мне с любовью». Но без сильного пастора люди не могут долго продержаться: «К сожалению, злой дух не оставил следующие поколения»[15].

В мае 1868 г. Иоганзен со своей женой Маргот, урожденной фон Буш, и маленьким ребенком Германом (в будущем профессором Том-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ского университета) покинул Сибирь. В июле того же года он прибыл с семьей в Самару на новое место службы.

Здесь тоже были трудности, хотя и несравнимые с сибирскими: «Естественно, было затрачено много времени и усилий, прежде чем фабричные рабочие, которые привыкли по субботам получать заработную плату и часть ее пропивать, стали прилежными пахарями. После того как молодежь, послужив у соседей-меннонитов, основательно изучила земледелие, немецкие колонисты из Польши тоже стали рачительными хозяевами на земле. В мои времена дело до этого еще не дошло. Но я нашел среди них очень серьезных, благочестивых христиан и даже одну баптистскую семью. Немцы жили в 11 колониях, которые растянулись по одной большой окружности. Обычно я проводил богослужение в молитвенном доме, где обучались пономари. Все же однажды по просьбе отдельных деревенских общин, разъезжая от деревни к деревне, я провел 12 богослужений за пять дней одновременно с освящением отдельных колоний»[16].

Иоганзен пытался в своих общинах давать людям не только духовные наставления, но и экономические, что должно было создать предпосылки для стремления к образованию в евангелических общинах.

Жизнь в Самаре не особенно отличалась от прежней. Здесь не хватало лишь сибирской природы (ее первозданности, девственности и непосредственности), любовь к которой Иоганзен привил своему сыну Герману, родившемуся в 1866 г. в Омске.

К сожалению, пастор Иоганзен не вел записей о своей жизни в Твери в последующие десятилетия. Вероятно, для этого было много причин — забота об увеличивающейся семье, ранняя смерть жены в 1885 г. В Твери Иоганзен провел большую часть своей служебной деятельности — 36 лет он заботился о лютеранах в этом городе и во всей губернии. Но это уже другая история.

1. Перевод с немецкого языка Людмилы Трутановой.
2. *Johansen Eduard*. Aus meinem Leben. (Из семейного архива Эрики Фогт.)
3. Ibid. S. 23.
4. Ibid. S. 22.
5. *Busch E.H.* Materialien zur Geschichte und Statistik des Kirchen- und Schulwesens der Ev.-Luth. Gemeinden in Russland. Im Auftrage des Zentral-Komitees der Unterstützungskasse für Ev.-Luth. Gemeinden in Russland. SPb., 1862. Bd. I.
6. *Johansen Eduard*. Aus meinem Leben. S. 23.
7. Ibid. S. 24.
8. *Kennan George* ...und der Zar ist weit. Sibirien 1885. Berlin, 1978. S. 156.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

9. *Busch Eduard*. Materialien... Bd. II. SPb.; Leipzig, 1867. S. 322.
10. *Johansen Eduard*. Aus meinem Leben. S. 29.
11. *Kennan George*. Op. cit. S. 142.
12. *Meyer Th.* Luthers Erbe in Russland. Ein Gedenkbuch. M., 1918. S. 111–113.
13. *Johansen Eduard*. Aus meinem Leben. S. 26.
14. Ibid. S. 27.
15. Ibid. S. 32.
16. Ibid. S. 35.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Из истории немецких и русских родов

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

П.А. Головнин

ДВОРЯНСКИЙ РОД САЛОМОН В ИСТОРИИ РОССИИ

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное равнодушие.

А.С. Пушкин

Дочь прославленного вице-адмирала В.М. Головнина (1776–1831), Поликсения Васильевна Головнина (1824 – 20 марта 1909)[1], вышла замуж за Петра Ивановича Саломон (1819–1905), у них родились дети: Евдокия (1855–), Варвара (1861–), Александр (1853–1908), Сергей (1857–) Надежда (1858–). В табл. 1 и 2 представлены укороченные родословные дворянского рода Головниных. П.И. Саломон окончил Императорский Александровский лицей с золотой медалью № 2, а медаль № 1 получил его друг Александр Васильевич Головнин, который и познакомил Петра со своей сестрой Поликсенией. Через всю свою жизнь они пронесли дружбу и участие в судьбах друг друга, даже жили рядом в Санкт-Петербурге: А.В. Головнин — на Гагаринской набережной, д. 20, а семейство Саломон — на Шпалерной улице, д. 8.

Дворянский род Саломон записан в родословные книги Галиции, Лодомерии, Саратовской и Санкт-Петербургской губерний, Царства Польского и имеет герб Лабендзь, Лабэндзь (Labedz, Labendz, Labecz, Labancz, Labec, Skrzynski, Skrynscy).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

В.М. Головнин

Герб рода Головниных

А.В. Головнин

Петр Саломон

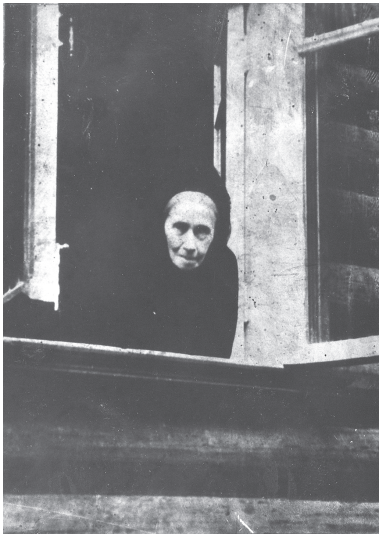
Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Герб Лабендзь

Андрей Саломон

А.П. Саломон

Петр Иванович Саломон



Поликсения Васильевна Саломон (Головнина)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Таблица 1

Укороченная родословная дворянского рода Головниных
Никита «Головня» (XIV в.)
Иван Головнин (XV в.)
Иван большой
Тарасий (+до 1594 г.)
Игнатий (+1652 г.)
Петр большой, ж. — Елена Петровна Головнина
Иван
Кирилл (1676–1739), ж. — Ксения Ивановна Пущина
I----------I
Григорий (1719, 1722–1798) Василий (1708?–1788) 1 ж. — Ирина Евграфовна Кутузова 1 ж. — Пелагея Петровна Чеботаева 2 ж. — Екатерина Михайловна Бурцова
I----------I I
Викул (1771–1846) Яков (1757–) Михаил (1742–1785) ж. — Екатерина Васильевна Вердеревская I ж. — А.И. Вердеревская (+1785)
Дмитрий (1807–1876) **Дмитрий (1791–)** **Василий** (1776–1831) ж. — кн. С.П. Мещерская ж. — Анастасия Васильевна ж. — Е.С. Лутковская (+1853) (1795–1880)
Сергей (1848–1921) **Александр** (1821–1886) ж. — Елена Константиновна Смольянинова (1855–1911) I
I----------I
Петр (1880–1918) Борис (1878–1920) ж. — Любовь Платоновна Некрасова ж. — Клавдия Геннадиевна Карпова (1882–1954) (1882–1976)
Андрей (1909–1980) Дмитрий (1906–1942) ж. — Зоя Николаевна Преображенская ж. — Ванда Карловна Тальберг (1914-2012) (1916–2002)
Петр (1950) Олег (1941) ж. — Светлана Ильинична Мошкова (1941)
Дмитрий (1970) ж. — Александра Александровна Байкалова (1970)
Максим Головнин (2008)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Таблица 2

Укороченное генеалогическое древо дворянского рода Головниных
№ 1 Никита «Головня» (1401 г.), новгородский боярин
№ 2 Иван Головнин
№ 3 Иван-большой Головнин
№ 4 Тарас Головнин (+до 1594 г.), ж. — Пелагея
№ 5 Игнат Головнин (+1652 г)
№ 6 Петр-большой Головнин, ж. — Елена Петровна Головнина
№ 7 Иван Головнин
№ 8 Кирилл (1676–1742), ж. — Ксения Ивановна Пущина
I----------I
№ 9 Григорий Головнин (1719–1722+1798) Василий Головнин
ж. — Надежда Петровна Кутузова (Ирина Ефграфовна) ж. — Пелагея Чеботаева
№ 10 Викул (1759–1773+1846) Михаил (+1785)
ж. — Екатерина Васильевна Вердеревская ж- Александра Ивановна Вердеревская (+1785)
№ 11 Дмитрий (1807–1876) **Василий (1776–1831), вице-адмирал**
ж. — княжна С.П. Мещерская (+1853) ж. — Е.С. Лутковская (1795–1880)
I I
I----------I I-------I------I------I-------I---------I---------I
№ 12 Сергей Екатерина Ираида Александра Ольга Мария Николай **Поликсения** Александр
(1848–1921) (1822–1827) (1829–1905) (1827–1869) (1827–1905) (+1830) (1824–1909) (1821–1886)
ж. — Е.К. Смольянинова (1855–1911) м. — **П.И. Саломон** (1819–1905)
№ 13 Петр (1880–1918) Александр (1853–1908)
ж. — Л.П. Некрасова (1882–1954) ж. — Е.В. Никольская (1864–1916)
№ 14 Андрей (1909–1980) Петр Саломон (1889–1941)
ж. — З.Н. Преображенская (1914–2012) ж. — А.С. Разумова (1890–1972)
№ 15 Петр (1950) Александр (1914–1986)

Поликсения Саломон (Головнина), как и все представители дворянского рода Головниных, интересуется своей родословной. В одном из писем она пишет своему сыну Александру Саломону: «Посы-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

лаю тебе, Саша, пока один экземпляр родословной, а на всякий случай пришлю еще, если тебе понадобится кому-нибудь дать для справки. Мать Анны Дмитриевны Соколовой, Екатерина Дмитриевна Баркова (Головнина), из линии, которую у нас, в параллель к Викуловичам, называли Дмитриевичи, очень много знает о существовании разных Головниных, и если ты хочешь, я могу спросить у нее разные сведения, но напишу только те вопросы, которые ты скажешь, она теперь у сына в Феодосии. Может быть, эти сведения тебе и не нужны? О себе не могу сказать, чтобы я была нездорова, но все это время не могу справиться с сердцем, которое вдруг начинает биться и до того утомит, что станет голова кружиться, но когда отдохну молча несколько часов, опять все успокаивается. Все это естественно в 81 год. Тяжелый, трудный и ужасный год. Мы теперь заняты соображениями, как по средствам нашим помочь своим крестьянам, которым прямо, без преувеличения, угрожает голод, может быть, удастся устроить для беднейших столовую на зиму. Но скот кормить нечем, пока еще не выпал снег, можно на освежение пустить, а после не знаю, что и будет»[2]. Сын вице-адмирала, Александр Головнин (1821–1886), пишет своему дяде, адмиралу Петру Степановичу Лутковскому: «В Гулынках я нашел ваш портрет в обер-офицерских эполетах, писанный масляными красками, я привезу его с маменькой. Надобно бы рядом поставить такой же величины портрет в адмиральских эполетах с тремя орденами. Жаль, что вы не можете приехать, увидели бы у меня собрание эполет покойного батюшки и коллекцию морских сабель и кортиков»[3].

Важное влияние на своего племянника А.П. Саломона оказывал бывший министр народного просвещения (1861–1866) Александр Васильевич Головнин (1821–1886). 1 декабря 1886 г. Михаил Иванович Семевский пишет А.П. Саломону: «Милостивый Государь Александр Петрович! Примите выражение глубочайшего моего сочувствия и соболезнования со смертью Вашего дяди А.В. Головнина. Как только прочел я в газетах об этой тяжкой утрате, я писал К.К. Гроту, прося дать лучший портрет покойного художнику Федору Александровичу Миркину, который награвирует этот портрет для приложения к январскому или февральскому “Русской старины”! Мы писали, что А.В. Головнин поручил Вам передать мне пакет с моими письмами 1862–1886 гг., благоволите пакет вручить моему секретарю Анне Николаевне Писаревой в моей конторе. М.И. Семевский».

М.И. Семевский опубликовал очерк и характеристику покойного А.В. Головнина: «3 ноября 1886 г. скончался в Санкт-Петербурге из-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

вестный государственный деятель, бывший министр народного просвещения А.В. Головнин. Человек высокого ума, глубоко понимающий современные нужды страны, он особенно близко принимал к сердцу дело народного образования. Построил в селе Гулынки прекрасную сельскую школу, каменный дом, ежегодно снабжал ее книгами и учебными пособиями, через несколько лет открыл женское училище, устроена лечебница. Вообще все Гулынские учреждения составляют, так сказать, особый городок и представляют собой явление, совершенно исключительное в Рязанской губернии. Головнин имел большую и прекрасную библиотеку, значительная часть в отличных переплетах и шкафах красного дерева передана им в 1877 г. на метеорологическую обсерваторию в городе Павловске, во многие заграничные православные церкви».

Близкий друг А.В. Головнина Ланге писал Великому князю: «Осмеливаюсь представить при сем Вашему Императорскому Высочеству краткое описание последних часов жизни статс-секретаря А.В. Головнина. Описание болезни и сопровождавшие ее обстоятельства: воскресенье 2 ноября сего 1886 г. в 9 часов утра я получил от него письмо, содержание которого было следующее: “Могу доложить почтенному другу Фердинанду Ивановичу (Ланге), что я прекрасно спал эту ночь, всего более 5 часов, и встал без всяких тяжелых ощущений. Намерен ехать к обедне в Мраморный дворец. Сердечно благодарю за вчерашнее вечернее посещение. Искренне преданный Головнин”. В Мраморный дворец Головнин пошел пешком, отстоял обедню и имел счастье говорить с Ея Императорским Высочеством Великой княгинею Елизаветою Маврикиевною (Ея Высочество была одна в церкви). По окончании обедни, Головнин поехал домой. За завтраком у себя он имел чашку крепкого бульона и полпорции яичницы. Будучи в этот день в особенно веселом настроении духа, как это удостоверяют его родные, он намеревался сделать некоторые визиты и распорядился, чтобы была готова карета. В половине третьего было все готово; шляпа, перчатки лежали на своем месте. Но тут Александр Васильевич вспомнил о письме, полученном из деревни, и пожелал прочесть его приехавшему в это время к нему сенатору Саломону (его зятю). Во время чтения сего письма Саломон заметил, что лицо Головнина вдруг побледнело, что рот покосился и что вместе с тем левая рука и левая нога отказались повиноваться. Несмотря на все это, шатаясь из стороны в сторону, Александр Васильевич дошел до спальни, где уже люди положили его на постель в платье, как он был. Ничего

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

об этом не зная, я почувствовал непреодолимую потребность непременно видеть Александра Васильевича, у которого я был накануне вечером; я вышел в 3 часа из дома, дошел до Дворцового моста, и вдруг вижу: едет с чрезвычайной скоростью карета Александра Васильевича, а в ней сидит Саломон. Кучер, узнав меня, остановил экипаж, и я моментально очутился в нем. От Саломона я впервые услышал обо всем вышеупомянутом. Я застал Головнина одетым на постели и первым же долгом приказал его раздеть, положить на голову пузырь со льдом, а к ногам теплые кувшины и тотчас же послал за профессором Здекаудером. Когда Головнин был положен в постель, он мог только сказать (и то с трудом): "Хо-ло-дно, ха-лат". Вскоре после сего, так через1/4 часа, началась рвота, повторяемая раз пять, пульс был хотя и ускорен, но почти нормальный, дыхание спокойное. Здекаудер долго не заставил себя ждать, он исследовал больного и пришел к печальному заключению, что жизнь Александра Васильевича в большой опасности и что он не проживет и до утра. Было несомненно, что случилось излияние крови из мозговой артерии в существо мозга в правом полушарии; с первого момента разрыва сосуда кровь постоянно продолжала просачиваться до наступления смерти. С 9 часов вечера рвота прекратилась, но глотать он уже не мог, лекарство и питье вытекали из рта. Глаза в это время закрылись, и он их более уже не открывал. Пульс стал падать, и дыхание начало сопровождаться хрипом и иногда громкими стонами, которые были слышны в третьей от него комнате. Всякое пособие было тщетно и невозможно. В пять часов утра духовник его начал отходную, но не вслух, а про себя. Таким образом, агония началась уже в 9 часов вечера воскресенья и продолжалась до 4 часов 10 минут пополудни другого дня. С 3 часа дня воскресенья я не оставлял больного до самой его кончины. 3.11.1886. Ф. Ланге»[4].

4 ноября 1886 г. панихида на квартире у Головнина. «6 ноября, четверг. В 9 часов 30 минут у Головнина. Вынос тела из его квартиры на Гагаринской набережной, 20, в Пантелеймоновскую церковь. Несмотря на чрезвычайную продолжительность служения, множество всякого народа присутствуют до конца. Доблестный председатель Государственного Совета, зная, как мало покойный пользовался Высочайшим расположением, не приезжает на похороны, а предпочел отправиться в Царское Село, где в Высочайшем присутствии гусары празднуют свой полковой праздник».

О кончине члена Государственного Совета А.В. Головнина сообщили все официальные источники: «Редакция газеты "Правитель-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ственный вестник" № 1435. Редакция имеет честь покорнейше просить Канцелярию Государственного Совета не отказать в содействии предъявителю сего, сотруднику ея г. Орлову к составлению некролога скончавшегося действительного тайного советника, статс-секретаря А.В. Головнина. Главный редактор Г. Данилевский»[5].

«Государственная Канцелярия. Отделение дел Государственного секретаря 7 мая 1887 г. № 908. В Департамент общих дел Министерства государственных имуществ. Вследствие отношения от 29 апреля № 126 Отделение имеет честь сообщить: 1 — что умерший член Государственного Совета Головнин был холост и 2 — что сведений о том, остались ли после него родственники боковых линий и кто состоит наследником покойного, в делах Государственной канцелярии не имеется. Статс-секретарь М. Красовский»[6].

В послужном списке члена Государственного Совета, сенатора, действительного тайного советника П.И. Саломона отмечается: «Родился 19 ноября 1819 г., вероисповедания православного. Имеет родовое имение: Нижегородской губернии, Горбатовского уезда при селе Чудино 623 десятин, 272 сажени разного качества земли и в Пронском уезде Рязанской губернии 421 1/2 десятин земли. По окончании курса наук в Императорском Александровском лицее, с чином титулярного советника, Высочайшим приказом от 20 января 1840 г. определен на службу по Министерству юстиции. (МЮ). 21 мая 1840 г. причислен к 2-му отделению 5-го Департамента Правительствующего Сената. 16 июля 1840 г. назначен старшим помощником секретаря, 4 июля 1841 г. от имени МЮ объявлена признательность за прилежание, усердие к службе, исправлял должность секретаря с января 1841 г. по март 1842 г. С Высочайшего разрешения определен помощником правителя Канцелярии Совета Воспитательного общества благородных девиц 23 февраля 1842 г., с сохранением должности по Сенату. 12 марта 1842 г. назначен исправляющим должность секретаря, 3 июля 1843 г. за отличия по службе произведен в коллежские асессоры, 3 мая 1844 г. утвержден в должности секретаря, 1 марта 1845 г. уволен от должности секретаря и причислен к Департаменту МЮ. 17 марта 1845 г. поручено исправление должности обер-секретаря в 1-м Департаменте Сената. Сверх означенной должности исполнял обязанности обер-секретаря в Общем собрании первых 3-х департаментов Сената с 28 июня по 27 июля 1845 г. 6 июля 1845 г. за отличия по службе произведен в надворные советники, 6 марта 1847 г. поручено исправление должности обер-секретаря в Общем собрании первых 3-х департамен-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

тов Сената. 8 августа 1847 г. произведен за отличие в коллежские советники со старшинством, 11 юля 1848 г. поручено исправление должности в Правительствующем Сенате Министерства юстиции. 1 октября 1848 г., согласно прошению, уволен от должности помощника правителя Канцелярии Совета ИВОБД, 31 января 1850 г. Именным Высочайшим указом Всемилостивейшее повелено быть помощником статс-секретаря Государственного Совета, 29 мая 1850 г. по всеподданнейшему докладу Опекунского совета, с Высочайшего соизволения, назначен директором, управляющим письмоводством Санкт-Петербургского опекунского совета. Вместе с сим вступил в отправление обязанностей: члена Высочайше утвержденных при IV отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии комитетов: 1 — по рассмотрению проектов штатов, подведомственных опекунским советам заведений, 2 — для начертания правил отчетности счетоводства подведомственных опекунским советам экспедиций и заведений и составления формы письмоводства опекунских советов, 3 — о пересмотре уставов экспедиций и заведений опекунских советов. Производителем дел: а) комитета Главного управления Императорской Александровской мануфактуры, б) секретного комитета, состоящего под председательством принца Петра Георгиевича Ольденбургского.

2 марта 1851 г. с Высочайшего соизволения прежняя служба по Ведомству заведений Императрицы Марии присоединена к настоящей в отношении назначения пенсии и постоянных прибавок к жалованию. 8 августа 1851 г. за выслугу лет произведен в статские советники. 9 октября 1851 г. назначен производителем дел Высочайше утвержденного Комитета о мерах уменьшения приноса детей в воспитательные дома. 23 декабря 1851 г. Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Владимира 3-й степени. 20 марта 1855 г. назначен исправляющим должность директора канцелярии Государственного контроля, 12 января 1856 г. назначен членом Комитета устройства отчетности и ревизии, 26 августа 1856 г. получил темно-бронзовую медаль на Андреевской ленте в память войны 1853–1856 гг., 26 августа 1856 г. Высочайшим приказом от 3 сентября 1856 г. № 181 произведен за отличия в действительные статские советники, 22 августа 1857 г. Всемилостивейшее пожалован кавалером ордена Св. Станислава 1-й степени. 18 мая 1858 г. переведен на службу по православно-духовному ведомству с причислением к Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода сверх штата, 6 июня 1858 г. с Высочайшего соизволения

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

командирован в разные епархии для ознакомления с учреждениями, обычаями и местными особенностями Православного ведомства, 18 июня 1858 г. возвратился из командировки. 27 октября 1858 г. Именным Высочайшим указом Правительствующему Сенату данным, назначен старшим чиновником за обер-прокурорским столом в Святейшем Синоде и управляющим Синодальной канцелярией. 30 марта 1860 г. по Высочайшему повелению командирован для собрания сведений о состоянии православных церквей на Востоке, 29 октября 1860 г. возвратился из командировки. Командирован в качестве депутата со стороны Духовного ведомства в город Задонск для присутствия при открытии 13 августа 1861 г. Святых Мощей святителя Тихона епископа Воронежского, в коей командировке находился по 23 августа.

5 марта 1862 г. П.А. Саломон Всемилостивейше пожалован арендою по чину на 12 лет. 27 ноября 1863 г. Именным Высочайшим указом Правительствующему Сенату данным, при Министерстве юстиции учрежденной, с оставлением в прочих должностях. 19 апреля 1864 г. Всемилостивейше пожалован за отличия по службе в тайные советники, 23 мая 1864 г. Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату, назначен к присутствованию в Сенате с увольнением от занимаемых должностей, 29 июля 1864 г. Высочайше повелено присутствовать в 8-м Департаменте Правительствующего Сената, 24 декабря 1865 г. назначен к присутствию в 7-м Департаменте Сената, 1 января 1867 г. Всемилостивейшее пожалован кавалером ордена Св. Владимира 2-й степени, 11 июля 1868 г. назначен к присутствованию в Гражданском кассационном департаменте Сената, 1 января 1874 г. Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Белого Орла. Производство арендных денег по 1500 руб. в год продолжено на 6 лет, 26 декабря 1875 г. назначен к присутствованию во 2-м Департаменте Сената, 22 февраля 1876 г. назначен к присутствованию в 4-м Департаменте Сената, 30 мая 1876 г. Всемилостивейше пожаловано единовременно 2000 руб., 27 апреля 1878 г. Всемилостивейше повелено быть первоприсутствующим в 4-м Департаменте Сената, 1 января 1880 г. Всемилостивейше пожалован кавалером ордена Св. Александра Невского, 3 марта 1880 г. арендное производство Всемилостивейшее увеличено до 2000 руб. в год и продолжено на 6 лет с 5 марта 1880 г., 1 апреля 1882 г. Всемилостивейшее повелено быть первоприсутствующим в Гражданском кассационном департаменте Сената. 15 мая 1883 г. Всемилостивейше пожалован в действительные тайные совет-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ники, 3 ноября 1883 г. получил темно-бронзовую медаль на Андреевской ленте в память Священного Коронования Императора Александра III. 12 июня 1885 г. Всемилостивейше повелено быть первоприсутствующим в Общем собрании кассационных департаментов Сената, а равно и в Высшем дисциплинарном присутствии. 24 февраля 1886 г. арендное производство увеличено до 3000 руб. в год и продолжено на 4 года с 5 марта 1886 г. 1 января 1889 г. Именным Высочайшим указом повелено быть членом Государственного Совета, с оставлением в звании сенатора, 7 января 1889 г. Высочайше повелено присутствовать в Департаменте гражданских духовных дел, 11 сентября 1889 г. содержание, по званию члена Государственного Совета, Высочайше повелено производить по 10 тыс. руб. в год, 20 января 1890 г. в 50-летие службы Всемилостивейшее пожалованы бриллиантовые знаки к ордену Св. Александра Невского при Высочайшем рескрипте, 25 февраля 1894 г. арендное производство по 3000 руб. в год Всемилостивейше продолжено с 5 марта 1890 г. на 4 года, с 5 марта 1894 г. на 4 года, 23 августа 1895 г. Всемилостивейше пожалован знаком отличия 50-летнего достоинства за беспорочную службу и выслугу, 1 января 1896 г. Всемилостивейше освобожден от присутствия в Департаменте гражданских и духовных дел, 26 февраля 1896 г. получил серебряную медаль на Андреевской ленте в память Царствования Императора Александра III и в 1896 г. присутствовал при Священном Короновании в Москве Их Императорских Высочеств, 14 мая 1896 г. Всемилостивейшее пожалован кавалером ордена Св. Владимира 1-й степени, 25 мая 1896 г. пожалована серебряная медаль на Андреевской ленте в память Священного Коронования Императора Николая II, 25 июня 1896 г. получил серебряную медаль на Владимирско-Александровской ленте в память Императора Николая I, 4 марта 1897 г. пожалована темно-бронзовая медаль на ленте Государственных цветов за труды по первой Всеобщей переписи населения в 1897 г., 26 августа 1898 г. арендное производство по 3000 руб. в год продолжено на 4 года с 5 марта 1898 г.

Государь Император, утвердив 25 мая 1901 г. Положение о Совете Императорского лицея, соизволил назначить сенатора Саломона членом сего Совета с оставлением в занимаемых должностях. 4 марта 1902 г. арендное производство по 3000 руб. в год Всемилостивейше продолжено на 4 года с 5 марта 1902 г. 9 марта 1905 г. сенатор П.И. Саломон скончался от воспаления легких и старческой дряхлости»[7].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

О кончине действительного тайного советника, сенатора, члена Государственного Совета П.И. Саломона было доложено императору Николаю II и Государственному Совету: «Государственная Канцелярия считает долгом уведомить, что вынос тела скончавшегося члена Государственного Совета, действительного тайного советника Петра Ивановича Саломона последует из квартиры покойного (Шпалерная, 8) в субботу, 12 марта, в 9 часа утра в Александро-Невскую лавру, где будет совершена в Исидоровской церкви заупокойная литургия, которая начнется в 11 часов утра, а после оной последует отпевании».

Поликсения Васильевна Саломон (Головнина), когда хоронила своего мужа — сенатора Петра Ивановича Саломон в Исидоровской церкви Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге, заказала место и для себя. «23 июня 1909 г. За погребение вдовы действительного тайного советника Поликсении Васильевны Саломон в Александро-Невской лавре — 185 руб. Именно: за устроение могилы — 40 руб., за покров — 50 руб., катафалк — 15 руб., церковную потребность на братию — 50 руб.»[8] «21 марта 1905 г. за предоставление могильного места вдове действительного тайного советника П.В. Саломон — 300 руб.» «22 марта 1905 г. за погребение действительного тайного советника П.И. Саломон — 550 руб., за место — 300 руб. На рытье могилы — 5 руб., покров — 50 руб., катафалк — 15 руб., церковное погребение — 30 руб., на братию — 100 руб., на певчих — 50 руб.»[9] «18 февраля 1906 г. за предоставление трех могильных мест вдове действительного тайного советника Поликсении Васильевны Саломон — 900 руб.»[10] «31 октября 1906 г. за предоставление одного двухъярусного могильного места в Исидоровской церкви под № 41 вдове действительного тайного советника и сенатора Поликсении Васильевны Саломон 1500 руб.»[11]

В Исидоровской церкви заказал себе место и знаменитый писатель, журналист князь Владимир Петрович Мещерский: «29 декабря 1907 г. За предоставление одного двухъярусного могильного места в Исидоровской церкви князю Владимиру Петровичу Мещерскому и Николаю Федоровичу Бурдунову 1000 руб.»[12], а также внук вице-адмирала В.М. Головнина (1776–1831) Александр Саломон: «9 июня 1908 г. За погребение тайного советника Александра Петровича Саломона — 350 руб., а именно: за могильное место — 300 руб., на братию — 50 руб.»[13]

Государственный Совет позаботился о вдове сенатора: «16 июля 1905 г. В Канцелярию главноуправляющего землеустройством и зем-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

леделием. Вследствие отношения от 12 июля № 1064/4105, отделение дела Госсекретаря имеет честь уведомить, что вдове члена Государственного Совета, действительного тайного советника П.И. Саломона, Поликсения Васильевна Саломон, Всемилостивейшее повелено производить из государственного казначейства пенсию в размере 9000 руб. в год, с тем чтобы по кончине ее из означенной пенсии было сохранено до замужества дочерям ее незамужним — Евдокии Петровне и Варваре Петровне — по 3000 руб. и вдове доктора Надежде Петровне Богоявленской — по 2400 руб. в год каждой.

И.о. статс-секретарь А. Вергопуло»[14].

Отец П.И. Саломона — Иван Андреевич Саломон — происходил из немецких переселенцев, которые в конце XVIII в. прибыли в Россию. «По Указу Его Императорского Величества из Саратовской конторы опекунства иностранных поселенцев, служившему в оной младшим членом титулярному советнику И.А. Саломон в том, что он в службу вступил из канцелярских детей в Петербургский почтамт подканцеляристом 4 сентября 1804 г., канцеляристом назначен 5 июня 1805 г., коллежским регистратором определен 21 декабря 1808 г. По увольнению из Почтамта определен Правительствующим Сенатом 5-го Департамента в I отделение 26 апреля 1808 г. Произведен в губернские секретари 31 декабря 1809 г., далее помещен на вакансию переводчика немецкого языка 24 ноября 1810 г. Произведен в коллежские секретари 31 декабря 1812 г., награжден званием титулярного советника 4 декабря 1814 г. Сверх настоящей обязанности, определен он в разные времена на должности секретаря и экзекутора, а в 1812 г. производил в Москве следственную комиссию о принявших должности у неприятеля в бытность оного в Москве чиновников, купцов и т.д. По прошению из Сената для определения к другим делам уволен 23 ноября 1819 г. и определен товарищем главного судьи Конторы опекунства иностранных переселенцев, под судом и штрафом не был, 8 декабря 1824 г. по прошению уволен. Составлено 14 мая 1826 г.»[15]

Иван Саломон 23 января 1808 г. получил удостоверение: «Известно и ведомо да будет каждому, что Мы Ивана Саломона, который нам канцеляристом служил, за оказанную его в службе нашей ревность и прилежность в наши коллежские регистраторы 1806 г. 31 декабря Всемилостивейшее пожаловали и учредили, яко же Мы сим жалуем и учреждаем повелевая всем нашим подданным онаго Ивана Саломона за нашего коллежского регистратора надлежащим образом призна-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

вать и почитать и Мы надеемся, что он в сем от нас Всемилостивейшее пожалованном чине также честно и прилежно поступать будет, как-то верному подданному надлежит. В свидетельство чего, Мы сие Правительствующему Сенату подписать и Государственной нашей печатью укрепить повелели. Александр».

«По Указу Его Императорского Величества дан сей лист от СПб. городского депутатского собрания, фабриканта Саломона женой вдовы Катерине Крестьяновой, урожденной Лиман в том, что имя ее, на основании Высочайшего утвержденного 7 апреля 1820 г. Государственного Совета, в первую часть здешней обывательской книги внесено. 27 октября 1820 г.»

В «Петербургском некрополе» записано: «Саломон Екатерина-Регина, рожденная Лиман (12.04.1770–15.05.1857), похоронена вместе с Иваном Саломон на Волковом лютеранском кладбище».

И.А. Саломон проживал с семьей последние годы в Саратовской губернии, и его детям была дана «Опись, учиненная недвижимому имению, оставшемуся после покойных титулярного советника Ивана Андреевича и жены его Надежды Петровны, принадлежащим детям их коллежскому асессору Петру, вольнослушателю студенту Императорского Петербургского университета Андрею, девице Софьи и малолетним Дмитрию, Алексею, Николаю, Ольге, Вере, Марье, состоящему Саратовской губернии, Аткарского уезда в селе Сергеевка (8 мужских и 8 женских душ) и в селе Слепцовка (11 мужских и 11 женских душ) в 1843 г.»[16]

Дочь фабриканта, Софья Андреевна Саломон, указывает в своем завещании: «Прошу племянника моего Петра Ивановича Саломона принять на себя из 8 тыс. руб. Отказываю: 7 тыс. серебром внуку моему Петру Швенцону, внукам моим Александру и Сергею Саломон по 300 руб., внучке Надежде — 400 руб., племяннику Василию Васильевичу Саломон — 200 руб.»[17]

Представители дворянского рода фон Швенцон отличились в военных действиях против мятежников в середине XIX в. «В Правительствующий Сенат по Департаменту герольдии. Московского ДДС. Донесение. Московское ДДС имеет честь донести, что сына подполковника Александра Петровича фон Швенцона, воспитанника Императорского Александровского лицея Петра, определением 4 января 1874 г. внесло во 2-ю часть ДРК Московской губернии. Московский губернский предводитель дворянства князь Мещерский 30.01.1874 г. № 10»[18].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

«20 февраля 1868 г. № 18. В Правительствующий Сенат в Департамент Герольдии. Московское ДДС. Донесение. Московское ДДС имеет честь донести, что определением сего Собрания 8 февраля сего года, коллежский советник Антон Петрович фон Швенцон, внесен в ДРК Московской губернии в 2-ю часть. Московский губернский предводитель дворянства князь Гагарин».

«Великий Государь Император Александр Николаевич, Самодержец Всероссийский. Просит уволенный от службы коллежский советник Антон Петров сын фон Швенцон. Покойный родитель мой, полковник Петр фон Швенцон при рождении моем состоял в российской государственной службе артиллерии подполковником, сам я указом Правительствующего Сената от 9 февраля 1865 г. произведен в коллежские советники и желаю я быть внесенным в ДРК Московской губернии. Антон фон Швенцон руку приложил»[19].

«Аттестат. Дан сей, с приложением казенной печати, состоявшему при Министерстве финансов, бывшему члену Новоалександровской дополнительной поверочной по крестьянским делам Коллегии, коллежскому советнику Антону Петровичу фон Швенцону в том, что он, как из формулярного служебного списка видно, из дворян, 44 лет, вероисповедания евангелическо-лютеранского, имения за ним никакого не имеется, по выпуске из Финляндского кадетского корпуса с чином прапорщика определен на службу лейб-гвардии Преображенский полк 23 мая 1838 г. Произведен в подпоручики 6.12.1841 г., в поручики 11.04.1843 г., назначен полковым казначеем 4 мая, произведен в штабс-капитаны 7.04.1846 г. Переведен в Украинский Егерский полк с чином майора 2.02.1847 г. Приказом Главнокомандующего действующею армиею за № 96 утвержден батальонным командиром 8.09 за смотр в Высочайшем присутствии 2-й бригады 12-й пехотной дивизии во время перехода оной в Галицию. Объявлено Монаршее благоволение 4.07.1849 г. за оказанное в Венгерскую кампанию в сражении при местечке Дебречине отличие и пожалован кавалером ордена Св. Анны 3-й степени с бантом 16 августа. Награжден орденом Леопольда Австрийского 14.09.1850 г. Высочайшим приказом по Военному ведомству уволен по домашним обстоятельствам для определения к статским делам с награждением чина надворного советника 7.02.1851 г. Определен на службу к Ведомству Министерства государственных имуществ Ровенским окружным начальником 1.02.1853 г. Получил установленную в память войны 1853–1856 гг. темно-бронзовую медаль для ношения в петлице на Андреевской ленте 26.08.1856 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству № 48 уволен от службы по прошению 23.02.1858 г. Получил знак отличия в память успешного введения в действие положений 19.02.1861–1863 гг., июля 16 дня. Определен главным начальником Северо-Западного края членом Новоалександровской дополнительной поверочной по крестьянским делам Коллегии 9.04.1864 г. Приказом по Министерству финансов за № 16 причислен к сему Министерству 19.08. Указом Правительствующего Сената 9.02.1865 г. за № 618 произведен за выслугу лет в коллежские советники со старшинством 9.04.1864 г. Получил установленную 1.01.1865 г. в память усмирения Польского мятежа 1863–1864 гг. темно-бронзовую медаль для ношения на груди 1.06.1865 г. Приказом по Министерству финансов № 6 уволен по прошению от службы 15.03.1866 г. В походах был в 1849 г. против мятежных венгров, 6 мая вступил в пределы Австрийской империи, 5 июня находился при переходе через Карпатские горы, 12-го при занятии г. Кашау, с 14 по 16 в движении к Токаю и в деле при сем городе. С 24 июня по 8 июля в движении от Дебречина к Мезекевезду, с 10 по 13 к Миткользу и в делах против мятежников, 12-го при сем Геремболи и 13-го у села Волча. С 17 по 21 при движении от Тисса Фвореда к Дебречину, 21-го в сражении при Дебречине и 15 августа по 14 сентября в обратном походе в Россию. Женат на дочери инженер генерала Аврежио Александра Францевой, детей не имеет. Жена вероисповедания римско-католического. СПб. 21 марта 1866 г.»[20]

«24 апреля 1868 г. по указу Его Императорского Величества, Правительствующий Сенат слушали дело о внесении в ДРК коллежского советника фон Швенцона представленное при рапорте Московского ДДС от 20.02.1868 г. за № 18. Приказали: Правительствующий Сенат, рассмотрев документы, по коим Московское ДДС постановлением 8.02.1868 г. внесло во 2-ю часть ДРК коллежского советника Антона Петрова сына фон Швенцона, и находит, что он, состоя на службе, произведен в 1838 г. в прапорщики, каковым чином приобрел права потомственного дворянства»[21].

Родная сестра Петра Ивановича Саломона, Софья Ивановна Саломон (1822–), была замужем за Сергеем Ивановичем Сабуровым (1811–), потомком костромского мурзы-боярина Захарии Чета и Федора Ивановича Зернова, по прозванию Сабур, который и был родоначальником дворянского рода Сабуровых (XV в.). Род Сабуровых находится в России с 1330 г. и внесен в VI и IV части родословных книг Саратовской, Тамбовской, Пензенской, Смоленской, Московской

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Герб Сабуровых

и Владимирской губерний. Род Сабуровых прославили государственные деятели: Сабуров Петр Александрович (1835–1918) — русский дипломат, государственный деятель; Сабурова Соломония Юрьевна — первая жена Великого князя Василия III; Сабурова Евдокия Богдановна (+1619/1620) — первая жена царевича Ивана, сына Ивана Грозного; Сабуров Александр Иванович (1799–1880) — ротмистр, тамбовский помещик, декабрист; Сабуров Александр Петрович (1871–1919) — русский государственный деятель, последний губернатор Санкт-Петербургской губернии; Сабуров, Андрей Александрович (1837–1916) — русский государственный деятель, статс-секретарь.

Описание герба Сабуровых: «В щите, разделенном на три части горизонтально и вертикально, в верхней малой части в красном поле находится серебряная стрела, летящая в правую сторону; в нижней пространной части: в правом голубом поле золотая пика, остроконечием обращенная вверх; в левом серебряном поле орлиная лапа, держащая саблю. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской на нем короной. Намет на щите голубой, подложен золотом»[22]. Герб рода Сабуровых внесен в 1-ю часть Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи.

Сергей Сабуров заботился о дворянском происхождении, постоянно посылал прошения в Дворянское собрание, на которые получал следующие ответы: «3.08.1851 г. Правительствующего Сената в Департамент герольдии Пензенского ДДС. Представление. Вследствие

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

прошения отставного майора Сергея Иванова Сабурова, ДДС определениями, состоявшимися 7.11.1845 г. и в июле сего 1851 г., положило: его Сабурова с женою Софиею Ивановною и детьми Дмитрием и Ольгою причислить к роду Сабуровых, внесло в 4-ю часть ДРК и выдало этому сыну его копию с определения сего числа за № 641. Сергей Иванович Сабуров по резолюции Герольдии 7.04.1831 г. признан в дворянском достоинстве, а указом Департамента герольдии от 22.05. 1850 г. № 3859 дало знать, что определение 8.01.1795 г., о внесении секунд-майора Василия Михайловича Сабурова с детьми Яковом и Иваном в 4-ю часть ДРК утверждено. Губернский уездный предводитель дворянства»[23].

Сергей Иванович обязан был представить формулярный список о службе: «Всепресветлевший, Державнейший, Великий Государь Николай Павлович, Самодержец Всероссийский и прочая, прочая, прочая. Предъявитель сего майор Сергей Иванов сын Сабуров имеет серебряную медаль в память покорения Варшавы 25 и 26 августа 1831 г., установленный и принадлежавший Царству Польскому знак отличия за военные достоинства 4-й степени, вероисповедания православного, отроду ему 31 год, из дворян Пензенской губернии, родового имения за отцом его состоит в той же губернии 450 душ крестьян мужского пола, благоприобретенного не имеет. В службу вступил из отставных из Министерства финансов коллежских регистраторов, на правах, университетским студентам предоставленным, унтер-офицером 15.09.1830 г. в Елизаветградский гусарский полк, произведен в корнеты 18.07.1831 г. на вакансию. В поручики 21.10.1834 г., штабс-ротмистры 29.09.1838 г., ротмистры 23.03.1840 г. В походах находился в войну против польских мятежников с 14.03.1831 г., 29-го в деле на реке Нухавец при д. Иган, близ г. Седлица и отражении неприятеля, делавшего стремительные нападения в течение целого дня, с 12.04 во фланговом движении Главной армии от Седлица чрез Куфлев к Минску и обратно в окрестности Седлица, участвовал 13-го в стычке с мятежниками под Куфлевым и 14-го в сражении при местечке Минске, 22-го в успешной рекогносцировке от главных сил армии. Награжден 30.09.1839 г. бриллиантовым перстнем. 1.06.1843 г. уволен от службы по домашним обстоятельствам майором и с мундиром»[24]. А также метрические свидетельства: «По указу Его Императорского Величества из Пензенской духовной консистории отставному майору Сергею Иванову сыну Сабурову вследствие просьбы его в том, что брак его Сабурова с настоящей женою его, по метрикам Пензенского кафед-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

рального собора за 1845 г. во 2-й части под № 2 записано так: июля 20 числа 1845 г. венчаны: жених — Сергей Иванов сын Сабуров, 34 года, невеста — дочь умершего титулярного советника Ивана Андреева девица София Иванова Саломонова (Саломон), 22 года. Выдано по определению Епархиального начальства за подписанием члена и с приложением казенной печати. 27.10.1845 г. Подлинное подписали: соборный Иерей Козма Романов, скрепил за секретаря Карпинский»[25].

«Свидетельство. По указу Его Императорского Величества, из Пензенской духовной консистории вследствие прошения титулярного советника Сергея Иванова Сабурова и на основании журнала Консистории от 26.04 сего 1848 г., утвержденного Его Преосвященством Амвросием Епископом Пензенским и Саранским выдано сие свидетельство в том, что сын просителя г. Сабурова Дмитрий, в числе родившихся по метрическим книгам Пензенского кафедрального собора за 1848 г. в 1-й части под № 4 записан так: 15 марта рожден, а 20 числа крещен Дмитрий, коего родители из дворян, титулярный советник Сергей Иванов сын Сабуров и законная жена его Софья Иванова, оба православного вероисповедания. Восприемниками были: гвардии полковник и кавалер Дмитрий Сергеев Олсуфьев и жена майора Василия Сабурова София Николаевна»[26].

«Свидетельство. 19 апреля 1850 г. родилась Ольга и при крещении были: Д.С. Олсуфьев и генерал-майорша Александра Михайловна Гладкова»[27].

Поколенное родословие рода Сабуровых
князь Чета, в крещении Захарий
Александр
Дмитрий Зерно
I----------I----------I
Иван Константин Дмитрий
I
I----------I----------I
Федор Сабур Данило Подовозский Иван Годунов
I
I---------I---------I---------I--------I----------I
Иван Данило Михаил Василий Семен Константин

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

I
I----------I
Семен Федор
I
I--------I------I---------I--------I-------I-------I
Иван Иван Юрий Тимофей Борис Федор Федор
I
I----------I----------I---------I---------I----------I--------I------I--------I
Семен Елизарий Тимофей Пантелей Григорий Тимофей Иван Симон Степан
I
I----------------------------------I
Игнатий, прозвище Богдан Григорий
I
I-------------I--------I
Дмитрий Степан Матвей
I
I--------------------------I------I
Василий, ж. — Татьяна Иван Родион
I
I---------I-------I-------I--------I---------------------------------I
Яков Василий Иван Иван Дмитрий, ж- Федора Васильевна Андрей
I
I-------------------------I--------I------I---------I--------I-------I
Михаил, ж. — Мария Алексей Петр Иван Александр Юрий Андрей
I
I--------------------------I-----------I------I----------I---------I
Василий, ж. — Настасья Иван, ж. — Анна Никанор Александр Андрей Варвара
I
I------------I----------I
Иван Владимир Яков
I
I-------------------------------------I---------I--------I--------I--------I
Сергей (1811–) Михаил Владимир Яков Николай Юрий
ж. — Софья Ивановна Саломон (1822–)
I----------------------------------I
Дмитрий (15.03.1848–) Ольга (19.04.1850–)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

С 2012 г. в Русском географическом обществе в Санкт-Петербурге хранится копия картины И.Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 года в день столетнего юбилея со дня его учреждения». На этом заседании присутствовали в том числе сенаторы П.И. Саломон, Андрей и Петр Александровичи Сабуровы.

Картина И.Е. Репина «Торжественное заседание Государственного Совета 7 мая 1901 мая 1901 г. в честь столетнего юбилея»

П.И. Саломон

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Сенатор Андрей Александрович Сабуров играл важную роль в Государственном Совете, что видно из его формулярного списка: «Справка. Статс-секретарь, д.т.с. Сабуров получал, по званию сенатора, содержание 12 тыс, руб. в год»[28].

«Формулярный список сенатора Андрея Александровича Сабурова (1837–1916): из потомственных дворян, родовое имение — 1320 десятин земли Тамбовской губернии Козловского уезда. У жены родовое имение — 680 десятин земли там же. По окончании курса наук в Императорском Александровском лицее приказом по Гражданскому ведомству от 5.01.1858 г. № 4 определен на службу в Канцелярию Комитета министров с чином титулярного советника с 28.12.1857 г. Командирован для занятий во 2-е Отделение МЮ 28.04.1859 г. назначен старшим помощником столоначальника 1.06.1860 г. Женат на дочери тайного советника графа Владимира Александровича Соллогуба Елизавете Владимировне. Имеет дочерей: Марию (1.12.1870–), Александру (16.10.1872–). Высочайшим указом, данным придворной конторе, Всемилостивейше пожалован в звание камер-юнкера Двора Его Императорского Величества 23 апреля 1861 г. и 27 мая произведен в коллежские асессоры. 23.12.1862 г. пожалован орденом Св. Анны 3-й степени. По всеподданнейшему докладу председателя Комитета Общества попечительства о тюрьмах Высочайше утвержден в звании директора сего Комитета 17.08.1863 г. Министром юстиции назначен исправляющим должность обер-секретаря 2-го отделения 5-го Департамента Правительствующего Сената 18.02.1864 г. Произведен в надворные советники 27.05.1865 г. Пожалован орденом Св. Владимира 3-й степени 1.11.1869 г. Произведен за выслугу лет в коллежские советники 30.09.1871 г. и в статские советники 9 декабря. Произведен за отличия в действительные статские советники 14.12.1872 г. Указом Правительствующего Сената утвержден в должности почетного мирового судьи по Козловскому судебному округу в 1875 г. Награжден орденом Св. Анны 1-й степени 1.07.1875 г. Избран почетным членом Ученого Эстляндского общества 10.10.1876 г. Произведен в тайные советники 1.01.1879 г. Именным высочайшим указом, данным 24 апреля 1880 г. Правительствующему Сенату, Всемилостивейше пожалован в статс-секретари Его Императорского Величества с назначением Управляющим МНП. Избран почетным членом Императорской Академии наук 29.12.1880 г. Избран почетным членом Археологического института 11.02.1881 г. Награжден орденом Св. Владимира 2-й степени 1.01.1883 г. и Белого Орла

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

1.01.1888 г. Пожалован в звание действительного тайного советника 1.01.1898 г.»[29]

«Божиею Милостию Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, прочая и прочая. Нашему статс-секретарю, члену Государственного Совета, сенатору, действительному тайному советнику Андрею Сабурову. Желая вознаградить долговременную служебную вашу деятельность, а равно просвещенное участие, принимаемое вами в обсуждении многосложных законодательных дел Государственного Совета, выражением Нашего благоволения, Всемилостивейше жалуем вам препровождаемые при сем бриллиантовые знаки Императорского ордена Нашего Святого Благоверного Великого князя Александра Невского, кои Повелеваем возложить на себя и носить по установлению. Пребываем к вам Императорскою милостию Нашею неизменно благосклонны. Николай. В Санкт-Петербурге января 1 дня 1903 г.»[30]

«При назначении в 1899 г. статс-секретаря, д.т.с. Сабурова 1-го членом Государственного Совета, оклад содержания по сему званию ему определен был в размере 12 тыс. руб. в год, в каком он получал оное по званию сенатора. Статс-секретарь Сабуров со времени назначения его членом Государственного Совета непрерывно присутствует в Департаменте законов, с неутомимым рвением посвящая силы свои разработке дел, производящихся как в этом Департаменте, так и в Соединенных онаго присутствиях с другими Департаментами и в Общем собрании Государственного Совета. Независимо от сего, состоя ныне в качестве члена в Особых, в составе Совета, совещаниях, учрежденных, по Высочайшему повелению, для предварительного рассмотрения обширных и сложных законопроектов (о раздельном жительстве супругов, по пересмотру законоположений по судебной части), он вместе с тем несет труд по председательствованию в Особой при Государственном Совете комиссии для предварительного обсуждения проекта учреждения вотчинных установлений и вотчинного устава, с дополнительными к нему законопроектами. Благодаря обширному опыту, приобретенному долговременною службою, в связи с разносторонним образованием и глубокими познаниями в области отечественного и иностранных законодательств, статс-секретарь Сабуров является одним из полезнейших членов Государственного Совета. Во внимание к такой выдающейся деятельности статс-секретаря Сабурова 1-го, его полезным трудам и ввиду ограниченности личных его

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

средств, я находился бы справедливым увеличить назначенный ему оклад содержания по званию члена Государственного Совета до 14 тыс. руб. в год. Означенное предположение мое приемлю смелость, за отсутствием Его Императорского Высочества Августейшего Председателя Государственного Совета, всеподданнейше представить на Всемилостивейшее Вашего Императорского Величества благовоззрение. Статс-секретарь граф Сольский. Высочайшее соизволение последовало в Царском Селе 24 декабря 1904 г.»[31]

«Состав комиссии для рассмотрения внесенного из Государственной Думы законопроекта об отмене смертной казни: Н.С. Таганцев, князь Б.А. Васильчиков, В.И. Вернадский, М.В. Красовский, С.С. Манухин, Н.Н. Маслов, С.И. Лопацинский, А.А. Сабуров, А.С. Ермолов, С.С. Гончаров, А.А. Нарышкин, С.Ф. Платонов, Ф.Д. Самарин, князь Н.Ф. Касаткин-Ростовский, Н.Э. Крамер»[32]. «Настоящая копия выдана из Государственной Канцелярии д.т.с. А.А. Сабурову 1-му, согласно его заявления для представления в Пажеский Его Императорского Величества Корпус при определении внука его Александра Шидловского»[33].

«Его Высокопревосходительству. Господину Государственному Секретарю, пристава 4-го участка Литейной части Петрограда. Рапорт. Доношу Вашему Высокопревосходительству, что сего числа, в 5 часу пополудни, после продолжительной болезни скончался статс-секретарь, д.т.с. Андрей Александрович Сабуров, проживавший в доме № 26 по Воскресенской набережной. Подполковник. 10 марта 1916 г. № 4691»[34]. «Государственная канцелярия считает долгом уведомить, что сегодня, в 4 часа дня, скончался член Государственного Совета, статс-секретарь, сенатор, действительный тайный советник Андрей Александрович Сабуров 1-й. Панихиды по усопшему будут совершено на квартире (Воскресенская набережная, 26) в 2 часа дня и в 8 часов 30 минут вечера. О времени и месте погребения последует особое извещение»[35].

«Государственная канцелярия. 22 марта 1916 г. № 1185. Министру финансов. Государь Император, по всеподданнейшему докладу Председателя Государственного Совета 19 марта, высочайше повелеть соизволил: вдове скончавшегося 10 марта А.А. Сабурова 1-го производить из государственного казначейства пенсию 10 тыс. руб. в год, с тем чтобы по кончине ее было сохранено из сей пенсии дочери ее, фрейлине Их Императорских Величеств Марии Андреевне (1.12.1810–) по 3 тыс. руб. в год до замужества. Государственный секретарь Крыжа-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

новский»[36]. «Государственная канцелярия. 20.04.1916 г. № 1481. Министру финансов. Государь Император, 16 апреля Высочайше повелеть соизволил: вдове А.А. Сабурова, Елизавете Владимировне Сабуровой, выдать из сумм государственного казначейства 4000 руб. единовременно, от Имени Его Величества. Государственный секретарь Крыжановский. Статс-секретарь М. Головин»[37]. «Государственный Секретарь. 28 марта 1916 г. № 1301. Милостивая Государыня Елизавета Владимировна. Имею честь препроводить при сем Вашему Высокопревосходительству печатный оттиск стенографического отчета Государственного Совета по заседанию 14 сего марта, в котором Председательствующий почтил речью покойного супруга Вашего. Примите, Милостивая Государыня, уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности. С. Крыжановский»[38]. «Государственному секретарю. Лейб-гвардии Конной артиллерии поручика Андрея Сергея Шидловского 1-го. Прошение. Ходатайствую перед Вашим Высокопревосходительством о выдаче мне выписи из послужного списка покойного деда моего Члена Государственного Совета Андрея Александровича Сабурова о пожаловании ему наследственного нагрудного знака установленного для лиц приносивших Их Императорским Величествам личных верноподданнейших поздравлений по случаю 300-летия царствования Дома Романовых в дни юбилейных торжеств. Настоящая выпись необходима мне, как старшему прямому потомку мужского пола, для представления по команде военному начальству для получения свидетельства на право ношения означенного знака. Поручик Шидловский. Г. Павловск, ул. Зверинецкая, 2. Петроград 12.09.1916 г.»[39]

Андрей Александрович сообщает: «3 мая 1880 г. Ваше Императорское Высочество. Милостивейший Государь. Именным Высочайшим Указом, данным 24 апреля Правительствующему Сенату, Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивейше назначить меня Управляющим МНП. Вступил ныне, с Высочайшего Государя императора соизволения, в управление назначенным Министерством, долгом считаю почтительнейше довести о сем до сведения Вашего Императорского высочества»[40]. «Высочайшим Его Императорского Величества приказом, отданным по 1-му Отделению Собственной Его Величества Канцелярии 24 марта 1881 г. за № 5, тайный советник А.А. Сабуров уволен, согласно прошению, по болезни от должности Управляющего МНП с назначением к присутствованию в Правительствующем Сенате и с оставлением в звании статс-секретаря»[41].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

За отцом титулярного советника Николая Александровича Сабурова в Тамбовской губернии Козловского уезда числилось 950 душ крестьян. Формулярный список о службе причисленного к Государственному контролю титулярного советника Н.А. Сабурова (8.05.1841–) составлен 1.03.1868 г.: «Кавалер орденов Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (30.09.1863 г.) Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (7.12.1863 г.). Воспитывался в Императорском Александровском лицее и выпущен с чином губернского секретаря, в службу вступил в Канцелярию Комитета министров 17.05.1859 г. Определен на службу юнкером в Киевский гусарский полк 3.01.1860 г. Участвовал в действиях против польских мятежников в 1863 г. с 2 мая по 16 июля. В деле при деревне Неверске 11 мая 1863 г. ранен саблею в правое ухо и в голову позади того же уха; пользовался от раны в г. Ленчицах. 16.05.1862 г. произведен в корнеты и 30 августа поручиком. Пожалован ротмистром 28.08.1863 г. Высочайшим приказом ротмистр Сабуров уволен от службы за болезнью к статским делам с переименованием в титулярные советники 22.09.1864 г. Причислен к Государственному контролю и командирован для занятий в Оренбургскую Контрольную палату 13.05.1866 г.»[42]

Жизнь сенатора Петра Александровича Сабурова также была насыщена событиями. В «Формулярном списке о службе сенатора, тайного советника П.А. Сабурова второго (1835–1918)», составленном 8.01.1900 г., записано: «Имеет родовое имение в Тамбовской губернии Козловской округи 470 душ крестьян. По окончании курса наук в Императорском Александровском лицее с золотой медалью № 1 Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству № 259 определен на службу в Канцелярию Кавказского и Сибирского комитетов с чином титулярного советника 25.12.1854 г. Произведен в коллежские асессоры 26.08.1856 г., переведен в канцелярию МИД вторым секретарем 26.10, определен младшим секретарем в Мюнхене 11.12, получил темно-бронзовую медаль в память войны 1853–1856 гг. В 1857 г. отправлен был курьером из СПб. чрез Варшаву и Вену в Мюнхен, пожалован в звание камер-юнкера 2.07 и разрешено носить Баварский орден Св. Михаила 3-й ст. 11.07. Приказом по МИД назначен младшим секретарем посольства в Лондоне 1.01.1859 г. и отправлен курьером из СПб. чрез Берлин и Париж в Лондон, пожалован орденом Св. Анны 3-й ст. 17.04.1860 г., Правительствующим Сенатом утвержден в звании надворного советника 26.08.1860 г., назначен старшим секретарем посольства в Лондоне 21.12.1861 г. В 1862 г. отправлен был курье-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ром чрез Берлин и Остенд в Лондон, произведен в коллежские советники 5.01.1863 г., назначен советником посольства в Лондоне 25.10. Высочайше разрешено носить Датский орден Данеброга командорского креста 28.01.1864 г., пожалован орденом Св. Анны 2-й ст. с императорской короною 19.04.1864 г., разрешено принять и носить Греческий орден Спасителя командорского креста 21.07. по случаю отъезда посла из Лондона, управлял делами посольства с 21 августа по 7.09.1864 г., произведен в статские советники 5.01.1866 г., пожалован орден Св. Владимира 3-й ст. 18.05.1868 г. Назначен постоянным поверенным в делах в Карлсруэ 13.12.1869 г. Всемилостивейше пожалован в звание камергера Двора Его Императорского Величества 1.01.1870 г., произведен в действительные статские советники 16 мая. Назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром при Его Величестве Короле Греции 29.05.1870 г., разрешено носить Баденский орден Церингенского Льва командорского креста 1-й степени со звездою 17.06. Вручил Его Величеству Королю Эллинов кредитивную грамоту 29.07.1870 г., пожалован орден Св. Станислава 1-й ст. 16.04.1872 г., разрешено принять и носить орден Спасителя 1-й степени 24.12.1873 г., пожалован орден Св. Анны 1-й ст. 31.03.1874 г., произведен в тайные советники 16.04.1878 г. По постановлению Главного управления Общества попечения о раненых и больных войнах выдан высочайше установленный знак Красного Креста 26.04.1879 г. Назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом при Его Величестве Императоре Германском Короле Прусском и чрезвычайным посланником и полномочным министром при Великогерцогских дворах Мекленбург-Шверинском и Мекленбург-Стрелицком 22.12.1879 г. Представил Великому Герцогу Мекленбург-Шверинскому кредитивную грамоту 09.05.1880 г., пожалован орден Св. Владимира 2-й ст. 20.12., награжден орденом Белого Орла 15.05.1883 г. Высочайшим указом, данным Правительствующему Сенату 8.02.1884 г., назначен присутствовать в Правительствующем Сенате с оставлением в ведомстве МИД, разрешено принять и носить Прусский орден Красного Орла большого креста 11.03.1884 г. По всеподданнейшему докладу МЮ 21.03.1884 г. Всемилостивейше повелено производить содержание из оклада в 10 тыс. руб. в год со дня назначения его сенатором 21.03.1884 г. По общему распределению сенаторов на 1885 г. назначен к присутствию в 1-м Общем собрании 26.12.1884 г. Награжден орденом Св. Александра Невского 1.01.1891 г. На основании Именного Высочайшего указа от 26.02.1896 г. получил

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

серебряную медаль, установленную в память царствования Императора Александра III, для ношения на груди на Александровской ленте. Высочайше повелено присутствовать в 1-м Общем собрании Правительствующего Сената 1.07.1899 г., повелено быть членом Комитета финансов 5.11. Петр Сабуров был женат на графине Луизе-Терезии-Леонтине Альбертовне Фитцтум-фон-Экстедт и имел сыновей: Александра (5.11.1870–), Петра (2.01.1880–). 1.01.1900 г. повелено быть членом Государственного Совета с оставлением в звании сенатора. 1.01.1901 г. пожалован в действительные тайные советники. 22.01.1902 г. назначен членом Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В день 50-летия государственной службы Всемилостивейше пожалованы бриллиантовые знаки ордена Св. Александра Невского 25.12.1904 г., назначен членом Совета Императорского Александровского лицея 18.05.1905 г. и уволен, согласно прошению 26.05.1907 г., пожалован орден Св. Владимира 1-й ст. 1.01.1912 г. Предоставлено право ношения на груди высочайше учрежденной в память 300-летия царствования Дома Романовых светло-бронзовой медали 21.02.1913 г. На основании высочайшего повеления 18.02.1913 г. пожалован нагрудный знак, высочайше учрежденный для лиц, приносивших Их Императорским Величествам личные верноподданнические поздравления по случаю 300-летия царствования Дома Романовых в дни юбилейных торжеств 21–24.02.1913 г. Содержание по званию члена государственного Совета высочайше увеличено до 14 тыс. руб. в год с 1.01.1914 г. Члены Государственного Совета, оставленные Временным правительством за штатом, декретом Временного рабочего и крестьянского правительства считаются уволенными с 25 октября 1917 г., с предоставлением им права возбудить в установленном порядке ходатайство о назначении пенсии 14.12.1917 г. П.А. Сабуров скончался 10 апреля 1918 г.»[43]

Сигизмунд Саломон был пожалован званием почетного гражданина: «В Правительствующий Сенат по Департаменту герольдии. Поверенного кандидата химии Юрьевского университета, Сигизмунда (по прозванию Сергея) Ивановича Саломона, жительствующего в г. Баку, присяжного поверенного Карла Оттовича Ульмана, жительствующего в г. СПб., Коломенской части, 1-го участка, по Офицерской улице, в доме № 51. Прошение. Представляя документы, покорнейше прошу Правительствующий Сенат причислить моего доверителя к потомственному почетному гражданству и выдать моему доверителю грамоту на сие звание. 29.05.1896 г.»[44]

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

«Свидетельство. Дано сие кандидату Юрьевского университета, сыну надворного советника Сергею Ивановичу Саломону, вследствие его прошения, для представления такового в Департамент герольдии о причислении к потомственному почетному гражданству, в том, что он принадлежит к русскому подданству. Изложенное подписью и приложением казенной печати удостоверяется. 7.09.1896 г., г. Баку. Гербовой сбор оплачен. Бакинский губернатор. № 2524»[45].

«Аттестат. Объявитель сего коллежский асессор Иоган Карл Генрих Саломон, как значится в формулярном его списке, от роду имеет 41 год, вероисповедания евангелически-лютеранского, знаков отличия не имеет, исключая бронзовой медали на Владимирской ленте в память минувшей войны 1853–1856 гг., сын доктора медицины. Женат на Наталье Львовой, имеет детей: Сергея (14.09.1851–), Петра (11.05.1853–), Ивана (16.05.1854–), Едуарда (20.11.1856–), Елизавету (17.10.1858–), Германа (13.11.1859–). Жена и дети вероисповедания евангелическо-лютеранского и все они находятся при отце, имения ни родового, ни благоприобретенного ни он, ни жена не имеют. По окончании курса наук в Императорском Дерптском университете со степенью лекаря 3.12.1842 г., определен с правами Государственной службы врачом, в имение князя Кочубея, состоящее в Лукояновском уезде 3.11.1843 г. По прошению уволен от службы 8.04.1847 г. По экзамену Дерптским университетом удостоен степени доктора медицины 5.12.1847 г. и имеет на эту степень диплом № 231. Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству определен вновь врачом с правами службы в имение того же помещика 8.05.1849 г. За выслугу лет произведен в коллежские асессоры 3.01.1851 г. По засвидетельствованию нижегородского военного губернатора за усердие к службе объявлена ему МВД признательность Начальства чрез предписание Нижегородского военного губернатора от 5.10.1854 г. № 11793. Получил бронзовую медаль 25.07.1857 г. От должности врача в имении князя Кочубея уволен в отставку по прошению по случаю закрытия больницы предписанием от 11.10.1861 г. № 12962, исправляющим должность начальника Нижегородской губернии. В походах против неприятеля, в штрафах, под судом и следствием не был, к продолжению статской службы и повышению чином аттестовывался способным и достойным, в отставке был без награждения чином с 8.04.1847 г. по 8.05.1849 г., в отпусках не был. Случаем лишающих права на получение знака отличия не подвергался. Дан ему сей аттестат из Нижегородской врачебной управы. 18.10.1861 г.»[46]

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

«Выписка из церковных книг Нижегородского евангелическо-лютеранского прихода. Список рожденных и крещенных, стр. 50, № 13. Сигизмунд (Сергей) Эдуард Андрей Саломон родился в законном браке, в селе Слобода, Лукояновского уезда, Нижегородской губернии 14.09 в 11 часов вечера 1851 г. и там же крещен 22.10 по обряду евангелическо-лютеранской церкви. Родители: доктор медицины Иоган Генрих Карл Саломон и жена его Наталья, урожденная Фреунд. Восприемники: 1 — Готфрид Сигизмунд Галле, 2 — Эдуард Прале, управляющий, 3 — Татьяна Эйхель, жена купца, заочно, а вместо нее жена доктора Каролина Саломон, 4 — жена доктора Бетти Фреунд. Нижний Новгород 22.08.1853 г.»[47]

«Свидетельство. Императорский Казанский университет сим свидетельствует, что доктор медицины Иван Дмитриевич Саломон вследствие произведенного ему испытания, на основании § 40 Высочайше утвержденных в 18/30.12.1845 г. Правил испытания врачей, фармацевтов и прочее, Медицинским факультетом признан достойным и Советом сего Университета, 7.02.1857 г. утвержден в звании инспектора врачебной управы. Казань, 13.02.1857 г.»

«От имени Императорского Дерптского университета и с утверждения Совета от 18.04.1875 г. физико-математический факультет сего Университета удостаивает бывшего студента онаго по предмету химии Сигизмунда (Сергея) Саломона, по выдержании им означенного испытания степени кандидата химии и всех прав и преимуществ, которая, по существующим в Российской Империи законам сопряжены с сею степенью, а именно права на 10 класс при вступлении на гражданскую службу»[48].

В «Формулярном списке коллежского асессора Василия (Вильгельма) Андреева сына Саломон», отмечается: «Всепресветлевший, Державнейший, Великий Государь Николай Павлович, Самодержец Всероссийский и прочая, прочая, прочая. Просит коллежский асессор Василий Андреев сын Саломон. Нужно мне иметь для определения в казенное учебное заведение сына Василия о дворянстве свидетельство. Жительство имею: Московской части 4-го квартала в Технологическом институте»[49].

В «Петербургском некрополе» (1912) записано: «Саломон фон Вильгельм (2.04.1788–8.03.1849), похоронен на Волковом лютеранском кладбище, Саломон Екатерина Андреевна (29.10.1807–24.01.1860) похоронена вместе с В.А. Мейер на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры, Саломон Анна (14.02.1833–28.12.1902) похоронена на Смоленском евангелическом кладбище».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

«Вильгельм Андрей Фридрих Иоганн фон Саломон, родившийся в законном браке 17.02.1826 г., крещен 31.03. Отец его 8-го класса и кавалер Вильгельм фон Саломон, мать Юлия, урожденная Станевич. Восприемниками были: статский советник и кавалер Фридрих Бартоломеус и вдова Катерина фон Саломон, урожденная Лиман, титулярный советник Иван Саломон, генеральша Амалия Демидова, урожденная Лиман. Купец Сван Бремер и девица София Саломон. В чем сим свидетельствую СПб., 06.08.1826 г. Фридрих Август Гиршфельд пастор Кадетском корпусе. Перевел государственной юстиц-коллегии лифляндских и эстляндских дел штатный переводчик Брилинев. Санкт-Петербург 6 апреля 1826 г.»[50]

«Коллежский асессор В.А. Саломон имеет ордена: Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 3-й степени, Св. Станислава 3-й степени, знак отличия за XX лет беспорочной службы, 46 лет из иностранных, принявших российское подданство переселенцев, имения не имеет. В службу вступил в СПб. палату Уголовного суда копиистом 26 апреля 1805 г., произведен в подканцеляристы 21 июля 1805 г., из оной уволен для определения к другим делам с чином канцеляриста 13 сентября 1806 г., определен в 1-й Департамент Правительствующего Сената 7 октября 1805 г., произведен сенатским регистратором 31 декабря 1807 г., определен 24 октября 1810 г. в Комиссию по снабжения солью Государства, 31 декабря 1810 г. произведен в губернские секретари. 18 июня 1813 г. В.А. Саломон определен окружным начальником Познанского департамента в бывшем Герцогстве Варшавском, 23 января 1814 г. по случаю прекращения в тамошнем крае надобности в российских чиновниках на основания указа уволен, 1 августа 1815 г. поступил на службу к бывшему генерал-интенданту I армии генерал-лейтенанту Канкрину, и за службу в Герцогстве награжден орденом Св. Станислава 4-й степени, 6 мая 1816 г. определен экзекутором интендантства, 12 марта 1817 г. произведен в коллежские секретари, 19 апреля 1817 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени и награжден жалованием 1 тыс. руб. 28 мая 1818 г., 2 октября 1819 г. произведен в титулярные советники, 9 марта 1820 г. определен в штат провиантским комиссионером с переименованием в 9-й класс, 16 июня 1822 г. переименован в 8-й класс, 16 августа 1822 г. определен СПб. Казенной палатой в Ведомство питейного сбора, 30 марта 1827 г. уволен, 1 мая 1828 г. определен в государственный коммерческий банк чиновником для особых поручений, 31 июля 1829 г. произведен в титулярные советники, 9 января 1831 г. назначен старшим надзирателем

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

и полицмейстером Технологического института, 12 ноября 1831 г. произведен в коллежские асессоры. В походах был в Герцогстве Варшавском с 25 января 1814 г., Германии и Франции по 18 декабря 1815 г., в штрафах и под судом не был. Женат, имеет сыновей Карла (16 лет) и Василия (6 лет)».

«Свидетельство. По Указу Его Императорского Величества Герольдия определила: дать сие коллежского асессора Василия Саломон сыну Вильгельму Андрею Фридриху Иоганну Саломону в том, что он по чину отца его и Всемилостивейшее пожалованным ему орденом Св. Анны 3-й степени и Св. Владимира 4-й степени, на основании Дворянской грамоты по 79 и 92 статьям состоит в дворянском достоинстве.

Утверждено СПб. Евангелическим заседанием 7 февраля 1826 г.»

В январе 1837 г. доктор Саломон был на квартире Пушкина на набережной реки Мойки, 12, где осматривал раненого Александра Сергеевича: «Стали съезжаться ближайшие друзья Пушкина — Жуковский, Вяземский с женой, А. Тургенев, Вильегорский, Загряжская. Прибыли врачи <...> Спасский, Задлер, Саломон»[51]. В табл. 3 представлена укороченная родословная дворянского рода фон Саломон.

Таблица 3

Андрей фон Саломон (XVIII в.)

Родословное древо фон Саломон								
Андрей Саломон								
ж. — Катерина-Регина Крестьяновна Лиман (12.04.1770–15.05.1857)								
I								
I----------I----------I----------I----------I								
Василий (1788–1849) м. — Мейер ж. — Юлия Станевич	Мария ж. — Надежда Петровна	**Иван Саломон** (1781–)				Софья м. — В.А. Мейер	Екатерина (29.10.1807–24.01.1860)	
I		I						
I----------I	I-----I-------I------I-------I----------I---------I----------I							
Василий (1826–)	Карл (1820–)	Мария (1833–)	**Петр** (1819–1905)	Андрей (1821–)	Софья (1822–)	Дмитрий (1824–)	Алексей (1826–1846)	Николай (1828–)	Ольга (1823–)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ж. — **П.В. Головнина** м. — Сергей Иванович Сабуров (1811–)				
-		I		
I----------I----------I----------I----------I				
Евдокия	Варвара	**Александр**	Сергей	Надежда
(1855–)	(1861–)	(1853–1908)	(1857–)	(1858–)
	м. — Владимир Иванович	ж. — Евгения Владимировна Никольская (1864–1916)	ж. — Надежда Ивановна	м. — Богоявленский
I				
I----------I----------I				
Маргарита (1886–1944)	**Петр Саломон** (1889–1941) ж. — Антонина Сергеевна Разумова (1890–1972)			Владимир (1885–1918)
I				
I----------I				
Дмитрий (1926–1942)	**Александр Саломон** (1914–1986)			
	1 ж. — Тамара Ильинична Кирина			
	2 ж. — Лилия Александровна Баленкова			

Супруга Василия Андреевича Саломон, Юлия Станевич, принадлежала к старинному польско-литовскому дворянскому роду Станевич, ветви этого рода пользовались гербами «Лелива» и «Лис». Впервые герб «Лелива» упоминается в 1399 г. в битве под Грюнвальдом, в 1410 г. приняли участие три хоругви под гербом «Лелива».

Описание герба «Лелива»: «В голубом поле над золотым полумесяцем концами вверх шестиконечная золотая звезда. В клейноде над шлемом в короне на павлиньем хвосте такое же изображение». Это знамя, общее для многих славянских племен, есть вместе и герб Иллирии. Польские геральдики утверждают, что Леливу принес с собою в XI столетии с берегов Рейна некто Тицимир, который, основав в Польше город и породнившись с польскими фамилиями, передал им свой герб.

Описание герба «Лис» (Lis): «Серебряное копье или белая стрела, положенная в красном поле и перекрещенная двумя белыми перекладинами наподобие секир. На шлеме видна до половины выходящая лисица, обращенная вправо». Благородному мужу, имевшему в гербе своем лисицу (оттого и название эмблемы Lis), Казимир Справедливый после победы, одержанной над ятвягами на реке Мзуре в 1058 г., даровал новый знак его отваги — копье — в память того, что он с ма-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

лым отрядом, окруженный неприятелем, дал сигнал копьем, брошенным вверх с зажженной серой, и тем спас себя и войско от погибели. Знамя это есть в гербе Сапег; из русских родов: у Комовских (с переменой — V, 90); Лисянских (X, 114); Хомутовых (VII, 117). Герб «Лис» стал родовым гербом Сапег в начале XV в. В 1413 г. его получил Сунигайло, потомком которого в шестом колене был Лев Иванович Сапега. Изображение символа — стрелы с двумя перекладинами — можно видеть и на личном гербе Льва Сапеги. Он помещен в центре гербового щита на маленьком щитке. 4 января 1591 г. великий князь Великого княжества Литовского и король Польши Сигизмунд (Жигимонт) III Ваза подтвердил городу право на самоуправление и официально утвердил герб Слонима, так называемый герб «Лис», отображающий принадлежность города владельцу — Льву Ивановичу Сапеге, канцлеру Великого княжества Литовского и старосте Слонима с 1586 г.

Мария и Екатерина Андреевны Саломон были замужем за представителями дворянского рода Мейер. Герб Мейера внесен в 15-ю часть Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи (с. 122). (Примечание: часть 15 Общего гербовника никогда не издавалась и хранится в единственном экземпляре в Российском государственном историческом архиве (СПб.).) «Определением Правительствующего Сената по Департаменту герольдии от 8.11.1860 г. Эдуард Христофоров Мейер с сыном Иоганом-Эдуардом были утверждены в правах потомственного дворянства и записаны в 3-ю часть ДРК Новгородской губернии определением от 6.10.1860 г. Всеподданнейше прошу к сему дабы повелено было составить полковнику Иогану-Эдуарду Мейеру дворянский герб, в коем эмблемами были бы в память фамильных событий: лошадь и змея в щите и какая-нибудь птица, вооруженная мечом — в нашлемнике. Полковник Эдуард Эдуардович Мейер. 21.10.1892 г., живущий Адмиралтейской части, по Большой Морской улице, в гостинице “Франция”»[52].

«Полный послужной список Управляющего Елисаветградскою заводскою конюшнею числящегося по армейской кавалерии полковника Иогана-Эдуарда Эдуардовича Мейер. Кавалер орденов: Св. Владимира 4-й степени с бантом за 25 лет, Св. Анны 2-й ст., Св. Станислава 2-й ст., Св. Анны 3-й ст., имеет светло-бронзовую медаль в память войны с Турцией 1877–1878 г. Родился 7.10.1838 г. Женат вторым браком на дочери инженера Амелунга Амалии Генриховны, имеет детей: от 1-го брака — Лидию (3.11.1871–) и Иду (15.07.1873–) и от 2-го брака — Александра-Генриха-Эдуарда (10.08.1888–) и Генриха-Влади-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

мира (20.06.1892–). Жена и дети вероисповедания лютеранского. 18.02.1893 г. В Правительствующем Сенате приказали: изготовив проект герба полковника Иогана-Эдуарда Эдуардова Мейер, представить его установленным порядком к Высочайшему утверждению и по воспоследовании такового выдать ему Мейеру копию с того герба и послать указ Петербургскому градоначальнику об изготовлении же герба и обращении по принадлежности внесенных в Главное казначейство 62 руб., представить герольдмейстеру сделать надлежащее распоряжение. 1.03.1893 г.»[53]

Популярным художником в начале XIX в. в России был Фридрих-Вильгельм Мейер. По оригиналу картины Ф.-Л. Кателя (1778–1856) он выполнил работу в 1806 г. «Клятва над гробом Фридриха Великого 4 ноября 1805 г.», представленную в Эрмитаже на выставке «200-летие Отечественной войны. 1812–2012 гг.»

Важную роль в воспитании и становлении будущего известного художника Егора Мейера сыграл прославленный адмирал Петр Иванович Рикорд (1776–1855), ближайший друг и соратник вице-адмирала В.М. Головнина (1776–1831), освободившего его из японского плена в 1813 г. Вице-адмирал Рикорд пишет в 1835 г.: «Свидетельство. Воспитанник мой Георгий Мейер родился 14 марта 1822 г. от свободного состояния иностранного негоцианта Мейера и крещен в греческую веру в Новгороде, в Градской Дмитриевской церкви священником Алексеем Иванским. Вице-адмирал Рикорд»[54].

«Свидетельство. По Указу Его Императорского Величества, Новгородская духовная консистория, слушав: 1 — отношение вице-адмирала Рикорда, при коем доставил копию с свидетельства, данного Новгородской градской Димитриевской церковью священником Иванским, о рождении юноши Георгия Мейера, родившегося от неизвестной особы и крещенного 14 марта 1823 г., и просит выдать из Консистории законное свидетельство для определения в одно из казенных учебных заведений. 2 — выдать справку, по коей оказалось, что младенца Георгия, родившегося от неизвестной особы, по метрическим Новгородской градской Димитриевской церкви за 1823 г. книгах, в числе родившихся записанным не оказалось. 3 — показание Новгородской градской церкви священника Алексея Иванского, коим он показывал, что действительно в 1823 г. 14 марта он крестил младенца Георгия с покойным дьяконом Фоминым, о родителях коего повивальная бабка ему священнику не объявила, а только говорила, что младенец сей есть незаконнорожденный по фамилии Мейер;

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

коему и восприемником он был. Определили: и Его Преосвященство, Анастасий, Епископ Старорусский и кавалер утвердил: хотя рождение и крещение младенца Георгия Мейера в метрической книге не написано; но поелику священником Иванским показано, что он действительно крестил Георгия, то на основании показания Иванского, заготовленное свидетельство о рождении и крещении незаконнорожденного младенца Георгия отослать оное при отношении вице-адмирала Рикорду. 2 апреля 1835 г.»[55]

«Министерство Императорского Двора. Императорской Академии художеств. Выпись из журнала Предварительного Совета Академии художеств, бывшем пред Общим ея собранием 24.09.1853 г. Рассматривали исполненные по назначению Совета Академии разными лицами программы для получения звания Академика, именно: по живописи пейзажной, художника Егора Мейера картину, изображающую горное ущелье. Определено: Мейера за искусство и познания в художестве, доказанные означенными трудами, возвести в звание академика, и представить на утверждение Общего собрания Академии»[56].

Академия художеств снабжает Мейера документами: «Билет. Предъявитель сего ученик Императорской Академии художеств Егор Мейер отправляется с повеления академического начальства в Восточно-Алтайский край для снятия видов с натуры, почему господ на заставах команду, имеющие благоволение чинить ему как туда, так и обратно в СПб. свободный пропуск, равно и беспрепятственное на месте, где и сколько нужно будет пребывать. В уверение сего и дан ему Мейеру сей билет с приложением меньшей академической печати. СПб. 28.02.1842 г.»[57]

Работы художника Мейера пользуются успехом, и он получает заказы: «Министерство Императорского двора в СПб., 3.12.1844 г. Милостивый государь Василий Иванович (Григорович). Г. министру Императорского двора угодно знать: хороший ли имеет талант находящийся в Одессе художник Мейер и может ли он, кроме пейзажной, быть употреблен по другим родам живописи; есть ли в Академии художеств его произведения, и какие, и по какому случаю проживает он в Одессе? Вследствие сего покорнейше прошу Вас сообщить мне для доклада Его Светлости означенные сведения, присовокупив, не тот ли самый это Мейер, который сопутствовал камер-юнкеру Чихачеву в 1842 г. в путешествии в Алтайские и Саянские горы. В Панаев»[58].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

«19.02.1845 г. В Правление Императорской Академии художеств. Я прошу Правление выдать живописцу пейзажей Егору Мейеру, уволенному мной, согласно желания генерал-адъютанта, генерала от инфантерии графа Воронцова в бессрочный отпуск на Кавказ, для занятия по части живописи, на проезд и нужные ему деньги, по прибытии на Кавказ и во все время там Мейера нахождения будет получать содержание от графа Воронцова. Президент Герцог Максимилиан Лейхтенбергский»[59]. «Господину конференц-секретарю Императорской Академии художеств от ученика ее Егора Мейера. Я имел честь удостоиться внимания Его Сиятельства графа Воронцова, который желает иметь при себе художника. Не имея ничего, я вынужден был сделать следующие три условия: 1 — получить здесь на необходимые материалы для работы в экспедициях и также на поездку в Тифлис 1200 руб. серебром; 2 — находиться под непосредственным начальством главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом и при нем; 3 — получать жалование 100 руб. серебром. Его Сиятельство ответил мне, что имел честь об этом докладывать Его Императорскому Высочеству герцогу Максимилиану Лейхтербергскому, который Всемилостивейше благоволил отправить меня на Кавказ, где по прибытии моего я буду обеспечен согласно условиям из суммы кавказских находящихся в Тифлисе. 17.02.1845 г.»[60]

«22 марта 1845 г. В Правление Императорской Академии художеств Егора Мейера. Прошение. Имея намерение вступить в брак с дочерью умершего чиновника 8-го класса Черникова девицею Софиею Васильевною, прошу покорнейше о выдаче мне на то свидетельство, равно выдать свидетельство о настоящем моем звании, причем представляю и метрическое свидетельство. Егор Мейер»[61].

Егор Мейер представляет в Академию список более ста картин, которые могут быть им изготовлены за 8 лет пребывания в Приамурском крае, но в Петербург он возвратился совершенно больным и обращается в «Министерство Императорского двора. Императорская Академия художеств 2 июня 1863 г. № 1248. Господину министру Императорского Двора. Академик Мейер, прибывший недавно из Приамурского края, где он не дослужил одного года, по расстроенному здоровью, не позволившему ему более там оставаться, возвратился в СПб. и подал в Совет Академии записку, объясняя свое крайне стесненное положение по неимению работы и места, которое бы доставляло ему с семейством содержание, просил оказать ему содействие к получению того или другого; причем он представил список карти-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

нам, которые может написать из материалов, собранных в течение 8-летнего пребывания своего в Приамурском крае. Совет Академии в заседании 29 мая, признавая положение академика Мейера заслуживающим полного уважения, и имея в виду, что он, как окончивший курс Академии с 1-й золотою медалью и притом как весьма талантливый художник, с пользою может заняться работами, — постановил просить Ваше Сиятельство, не изволите ли признать возможным обратить благосклонное внимание Его Величества Государя Императора на просьбу г. Мейера и удостоить каким-либо заказом видов Приамурского края. Имея честь представить о сем Вашему Сиятельству и прилагая список картинам, которые могут быть исполнены академиком Мейером, из собранных им материалов, покорнейше прошу о последующем: не оставить меня предписанием. Вице-президент»[62].

«Министерство Императорского Двора 17 июня 1863 г. № 3115. Господину д.ст.с. Тону. По докладу моему рапорта вице-президента Императорской Академии художеств от 2 июня, Государь Император повелеть изволил предоставить Совету Императорской Академии художеств из прилагаемых академиком Мейером к написанию картин, изображающих виды Приамурского края, выбрать четыре сюжета (“Крещение Амурских инородцев на устье реки Амгуни”, “Виды города Иркутска из-за реки Ангары”, “Русское поселение Екатерино-Никольск на Амуре у входа в Кин-Ган или Амурские щеки”, “Буря у озера Хинка, границы Приморской” и прошу за каждую из них заплатить мне по 1500 руб.) и заказать исполнение их Мейеру; но предварительно условиться с ним о цене и представить о том мне, для испрошения по сему предмету окончательного Высочайшего разрешения. Министр Императорского Двора»[63].

Для исполнения заказанных картин различных видов из Восточной Сибири Мейер очень нуждался в утвари и костюмах сибирских инородцев, о чем и просил свое начальство[64].

«В Правление Императорской Академии художеств академика Егора Мейера. Рапорт. Имею честь представить в Правление Императорской академии художеств оконченную мною картину “Шаманство во время поминок Амурских инородцев”, заказанную в 750 руб. к картине “Ветер Тайфун на озере Хин-ка в Манчжурии”. Причем прошу выдать мне в скорейшем времени означенную сумму по крайнему моему положению, болезни и неимению средств на содержание семейства и себя. Вместе с тем доношу, что две картины: “Вид города Иркутска” и “Первое крещение на Амуре” по величине их (слишком

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

4 аршин) не могут быть исполнены в занимаемой ныне мною мастерской, а другого помещения по случаю перестроек в Академии мне отвести нельзя, то покорнейше прошу войти к господину Министру Императорского Двора с просьбою отвести мне таковое в Эрмитаже, или где будет угодно. Остановить же работы мои я не могу по неимению средств к пропитанию моему с семейством. Академик Егор Мейер»[65].

Жена академика, Софья Мейер, опасаясь вследствие недостатка средств остановить художественное образование своих дочерей: Марии, обучающейся гравированию на дереве, и Веры, уже получившей от Императорской Академии художеств две медали за живопись, «просит о продолжении негласного содержания, ныне выдаваемого дочерям ее из кабинета Его высочества по 300 руб. серебром в год»[66].

В полицейском донесении указывается: «Коллежский асессор, академик Егор Мейер умер в больнице Св. Марии Магдалины 29 января 1867 г. от поноса и был погребен на Смоленском православном кладбище 31 января 1867 г. Академией художеств. Протоиерей Денисов»[67], и уже другой художник доделывает ранее заказанную картину «Вид г. Иркутска»[68].

«4 мая 1867 г. Вдова академика Мейера покорнейше просит Совет Императорской Академии художеств исходатайствовать ей 500 руб. в счет недоконченной картины мужа ея, изображающей город Иркутск, об окончании которой она, по высочайшему соизволению вошла уже в сношение с академиком Богомоловым-Романовским. Вышеозначенные 500 руб. необходимы на материалы и другие потребности при окончании картины. Софья Мейер»[69]. «На предъявленное мне Правлением Императорской Академии художеств отношение Канцелярии МИД от 22.12.1867 г. за № 3640, имею честь объяснить, что академик Резанов, принимая на себя исполнение картины “Екатерино-Никольская станица на Амуре” по рисунку и эскизу покойного мужа моего, дал расписку в обязательстве уплатить мне 450 руб. из следующих ему за написание этой картины 1500 руб.»[70] Вдова академика, коллежского асессора Егора Мейера Софья Васильевна Мейер вышла замуж за надворного советника Василия Васильевича Дерикера[71].

Талантливым художником была и дочь Егора Мейера — Вера Егоровна Мейер: «В Общем собрании Императорской Академии художеств. 3.09.1861 г. Вера Мейер удостоена 2-й серебряной медали за портреты, а 1.09.1863 г. за картину, изображающую крестьянскую де-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

вушку, считающую деньги, тоже награждена 2-й серебряной медалью»[72]. «Свидетельство № 2513. Из Императорской Академии художеств дочери академика девице Вере Егоровне Мейер в том, что она во внимании к хорошим познаниям ея в живописи, награждена от Академии двумя серебряными медалями 2-го достоинства и потому может с успехом преподавать уроки рисования в женских институтах, гимназиях и других учебных заведениях. 13 декабря 1865 г.»[73] «В Совет Императорской Академии художеств ученицы Академии и школы состоящей при ней. Прошение. Имею честь покорнейше просить Совет Академии, выдать мне девице Вере Мейер, как получившей две вторые серебряные медали, диплом на звание художника, необходимый мне для преподавания уроков, девицам в институтах, гимназиях и т.п. заведениях. Вера Мейер. 29 ноября 1865 г. В.О., 8 линия, д. 19/26, кв. 5»[74].

Достойным продолжателем дела Петра Ивановича Саломон стал его сын, Александр Петрович Саломон. В «Формулярном списке о службе члена Совета Государственного дворянского земельного банка в звании камергера высочайшего двора, действительного статского советника Александра Петровича Саломон за 1896 г.» записано: «43 года, окончил полный курс наук в Императорском Александровском лицее и выпущен с чином IX класса, в котором Высочайше утвержден 22 мая 1874 г. и награжден золотой медалью. Приказом по 2-й Гвардейской пехотной дивизии № 72 зачислен на службу в лейб-гвардии Гренадерский полк рядовым, на правах вольноопределяющихся 1-го разряда. Утвержден ефрейтором 19 июля 1874 г, произведен в младшие унтер-офицеры 23 августа. Произведен в портупей-юнкера 18.01.1875 г., за выслугу установленного срока произведен в прапорщики 26.02. Назначен исправляющим должность батальонного адъютанта 6.09.2875 г. Утвержден адъютантом 2-го батальона 17.04.1876 г. Назначен исправляющим должность делопроизводителя полкового суда 6 мая 1876 г. Высочайшим приказом уволен в отставку 23.09.1876 г. 16.12 определен обратно в тот же полк. Высочайше разрешено все время бытности в отставке, в которое находился он в Сербии по случаю бывших там военных действий зачесть в действительную службу 24 марта 1877 г. Был в боях против турок с 21.08 по 13.10.1877 г. при переходе через границу княжества Румынии 1.09.1877 г., при переходе через реку Дунай 3.10.1877 г., состоял в отрядах Плевневского обложения Его высочества Князя Карла Румынского с 10.10 по 12.10. Находился в сражениях против турок

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

12.10.1877 г. при взятии укрепленной позиции и селения Горный Дубняк, под начальством генерал-адъютанта Гурко, где был ранен пулями: 1 — в мизинец правой руки, который прострелен по всей длине, 2 — в кисть левой руки. С раздроблением пястных костей 3-го и 4-го пальцев и 3 — в мягкие части правого бедра. Состоит под покровительством Александровского комитета о раненых, в числе раненых второго класса. Художник А.Д. Кившенко отобразил взятие Горного Дубняка в 1877 г. на своей картине. Произведен в подпоручики 30.08.1877 г. За отличия в делах против неприятеля 12.10.1877 г. награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью за храбрость. 16.04 произведен в поручики. 5.08 награжден светло-бронзовой медалью за войну 1877–1878 гг. 12.12 за отличие в делах против неприятеля награжден орденом Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом. 23.02.1879 г. по выдержании приемного экзамена зачислен в младший класс Николаевской академии Генерального штаба. Награжден железным крестом, учрежденным Его Высочеством князем Карлом Румынским в память перехода через Дунай 5.06.1879 г. С разрешения начальника Главного штаба по болезни отчислен от Академии 11.03.1881 г. Прибыл к полку 17.03. Уволен от службы для определения к гражданским делам с награждением чина коллежского асессора 26 мая, выключен из списков полка 27 мая. Высочайше разрешено носить пожалованный Его Высочеством князем Сербским орден “Такова”, для ношения в петлице и серебряную медаль с надписью за храбрость. Приказом по МВД от 4.07.1881 № 16 определен на службу в Министерство. С причислением к оному и с откомандированием для занятий в Главное тюремное управление (ГТУ) 28 мая 1881 г. Командирован за границу для изучения тюремной части в некоторых государствах Западной Европы 19 июня. Приказом по МВД от 28.11.1881 за № 33, назначен секретарем Совета по тюремным делам 28.11. Назначен в Комитет СПб. Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов членом от ГТУ 30.09.1882 г. Всемилостивейше награжден чином надворного советника 15.05.1883 г. Указом Правительствующего Сената 3.10.1885 г. № 99 произведен за выслугу лет в коллежские советники 26 мая 1885 г. Командирован с Высочайшего соизволения в Рим, для участия в трудах III Международного тюремного конгресса в качестве представителя Русского правительства 24.10.1885 г. Всемилостивейше награжден чином статского советника 13.04.1886 г. Назначен членом Высочайше учрежденной комиссии по устройству в СПб. IV Международного тюремного конгресса, с остав-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

лением в прежней должности и возложением обязанностей секретаря означенной комиссии 16.04.1886 г. Высочайшим приказом по Военному ведомству уволен из запаса армии 12.06.1888 г. Приказом по МВД назначен инспектором Главного тюремного управления VI класса 23.12.1888 г. Всемилостивейше награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. 1.01.1889 г. Приказом по МВД назначен инспектором Главного тюремного управления V класса 23.06.1890 г. Пожалован Великим Герцогом Ольденбургским кавалером Ольденбургского ордена за заслуги командорского креста, на принятие и ношение коего последовало Высочайшее соизволение 20.07.1890 г. Высочайшим приказом по Министерству Императорского Двора от 23.08 за № 10 назначен секретарем при Ея Императорским Высочеством Принцессе Евгении Максимилиановне Ольденбургской с оставлением в занимаемой должности 2.08.1890 г. Французским правительством пожалован знак отличия, на принятие и ношение коего последовало высочайшее соизволение 27.11. Именным высочайшим Указом от 21.04.1891 г. Всемилостивейше пожалован в Камергеры Двора ЕИВ 21.04.1891 г. Приказом по МВД от 3.08.1891 г. уволен, согласно прошению, по домашним обстоятельствам от должности инспектора Главного тюремного управления 10.08. Его Высочеством принцем Александром Петровичем Ольденбургским, попечителем Императорского Института экспериментальной медицины назначен членом-сотрудником сего института 25.09.1891 г. Назначен 21.10.1892 г. членом Совета Государственного дворянского земельного банка, с оставлением в должности секретаря и придворном звании 21.10.1892 г. Всемилостивейше награжден за отлично-усердную службу 17.04.1894 г. чином д.ст.с. Назначен членом Кустарного комитета Министерства земледелия государственных имуществ 8 мая 1894 г. Всемилостивейше награжден орденом Св. Владимира 3-й степени 14 мая 1896 г. В звании камергера Высочайшего Двора д.ст.с. Саломон окончил курс наук в Императорском Александровском лицее в 1874 г.; с 1874 по 1881 г. состоял на военной службе, принимал участие в войне в Сербии и Русско-турецкой кампании, ранен под Горным Дубняком, находясь в составе лейб-гвардии Гренадерского полка; с 1881 по 1891 г. занимал должности по Главному тюремному управлению секретаря Совета по тюремным делам и инспектора VI и V класса; с 1890 г. состоит секретарем Ея Императорского Высочества принцессы Евгении Максимилиановны Ольденбургской и с 1892 г. членом Совета Государственного дворянского земельного банка»[75].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Александр Петрович Саломон в 1896 г. также был назначен начальником Главного тюремного управления[76], что отражено в Указе Правительствующего Сената[77].

«Приказ по Ведомству Министерства юстиции № 56. По Правительствующему Сенату назначен: сенатор, статс-секретарь, тайный советник Андрей Сабуров — Первоприсутствующим в 4-м Департаменте Правительствующего Сената с 6.11 с оставлением в звании статс-секретаря. Переведен на службу по ведомству МЮ Саломон — начальником Главного тюремного управления»[78].

«4.07.1900 г. Исправляющий должность главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества Канцелярии по учреждениям Императрицы Марии 3.07.1900 г. СПб. № 13217. Милостивый Государь, Николай Валерианович (Муравьев). Государь Император, Именным Высочайшим Указом, данным в 29 день сего июня Правительствующему Сенату Всемилостивейше повелел начальнику Главного тюремного управления, члену консультации, при МЮ учрежденной, в должности Шталмейстера Двора ЕИВ, д.ст.с. Саломону быть директором Императорского Александровского лицея, с оставлением его членом упомянутой консультации и в придворных должностях».

А.П. Саломон был женат на дочери действительного статского советника Евгении Владимировне Никольской и имел детей: Владимира (23.05.1885–1918), Петра (18.03.1889–1941), Маргариту (20.10.1886–1944).

Отец Евгении Саломон, Владимир Васильевич Никольский (1836–1883), «сын священника, окончил курс в Санкт-Петербургской духовной академии, преподавал русскую словесность в Санкт-Петербургской духовной семинарии, Николаевском сиротском институте, училище правоведения, коммерческом училище, на педагогических курсах при Мариинской женской гимназии, позже был профессором и инспектором классов в Александровском лицее и профессором в Санкт-Петербургской духовной академии. Принимал участие в составлении “Описания дел Синодального архива” и “Словаря славянских наречий” Миклошича, редактировал “Славянскую грамматику” Перевлесского, один из первых сделал предметом учебного курса народную русскую словесность. Его трудами устроена в Александровском лицее Пушкинский музей и библиотека, его лекции остались в рукописях и литографиях, в печати появилась актовая речь “Об идеалах Пушкина”. В.Н. Никольский участвовал в “Учителе Паульсо-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

на", "Русской сцене" (писал балет под псевдонимом Иванушки Дручко), "Санкт-Петербургских ведомостях", "Голосе", "Русской старине", где опубликовал статьи "Предки М.Ю. Лермонтова" (1873. Т. VII. 1880. Т. XXVIII), "Дантес–Геккерен" (1880. Т. XXIX), "Первоначальный план оперы "Жизнь за царя" М.И. Глинки" (1881. Т. XXX). Отдельно издал: "Pushkiniana", "Каталог Пушкинской библиотеки" (СПб., 1880), "Памятная книжка Александровского лицея на 1886 г." (СПб., 1886). Сын его, Борис Владимирович Никольский, окончил курс Санкт-Петербургского университета по юридическому факультету, участвовал в "Новом времени", "Историческом вестнике", "Русском вестнике", где помещал статьи по эстетики и критике, выступая сторонником идей Н.Н. Страхова и противником движения 1860-х годов»[79].

6 мая 1908 г. А. Саломон получает уведомление: «Милостивый Государь, Александр Петрович. Именным Высочайшим указом, в 6 день сего мая Государственному Совету данным, Вам Всемилостивейше повелено быть членом Государственного Совета, с оставлением Вас шталмейстером. М. Акимов»[80].

Александр Петрович пишет письмо по этому поводу: «Глубокоуважаемый барон Юлий Александрович. Письмом от 18 мая Председатель Государственного Совета уведомил меня, что мне назначен оклад содержания в 10 тыс. руб. Согласно разъяснению, которое Вы мне дали, мне предстоит получать то же, что я получал, без всяких вычетов за увеличение содержания, ибо содержание не увеличено, а скорее даже уменьшено. На другой день по получению письма от Акимова я заболел настолько серьезно, что прекратил начатые мною визиты, слег бы в постель, если бы был в состоянии лежать в ней, и собираюсь в сопровождении фельдшера ехать в Рязань для продолжения довольно затяжного, по-видимому, лечения. Будучи прикован к своей комнате, я не могу сделать ни каких шагов, ни для получения жалования, ни для организации получения такового в летнее время. Поэтому решаюсь беспокоить Вас просьбою поручить какому-нибудь более других свободному чину Государственной канцелярии навестить меня в любое время по его выбору (кроме 4–6, когда мне делают ванну), чтобы дать мне все нужные указания относительно жалования, а также относительно получения ныне же отпуска. Простите, что беспокою Вас, и верьте моему неизменному, искреннему почтению и преданности. Ал. Саломон»[81]. Однако 5 июня Александр Саломон скончался.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Государственный секретарь докладывает по этому поводу: «Главноуправляющему Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Долгом считаю уведомить Ваше Высокопревосходительство, что сего числа в 7 часа утра в СПб. скончался член Государственного Совета шталмейстер Высочайшего Двора Саломон. Государственный секретарь барон Икскуль»[82].

«Его Императорское Величество в присутствии Своем в Питкопас на яхте "Штандарт" 7 июня 1908 г. соизволил отдать по Собственной Его Императорского Величества Канцелярии следующий приказ по Государственному Совету: Исключается из списков умерший Член Государственного Совета шталмейстер Двора Его Императорского Величества Саломон. Статс-секретарь А. Танеев»[83].

«Милостивый Государь Михаил Григорьевич (Акимов). Со смертью члена Государственного Совета и Шталмейстера Двора Его Императорского Величества А.П. Саломона возникнет, вероятно, вопрос относительно обеспечения пенсией семьи его. Вопрос этот является для меня особенно близким ввиду того, что А.П. Саломон, занимая в продолжение нескольких лет должность секретаря при мне, всегда служил мне деятельным помощником во всех делах, касавшихся подведомственных мне многочисленных благотворительных и просветительных обществ и учреждений. Исключительные природные дарования, редкая образованность и начитанность, а также живая и отзывчатая натура покойного выдвигали его на пройденном им жизненном пути. Глубоко огорчившая меня смерть А.П. Саломона усугубляется для семьи его крайне необеспеченным ее положением, так как почивший содержал семью лишь на зарабатываемые им службою средства и ценного имущества или капитала он после себя оставить не мог. Такое безвыходное положение семьи Саломона побуждает меня обратиться к Вашему высокопревосходительству с особенною просьбою, не найдете ли Вы, Милостивый Государь, возможным, со свойственною Вам отзывчивостью к чужому горю, с Вашей стороны способствовать испрошению семьи Саломона Всемилостивейшей пенсии в наивысшем размере. Исполнением настоящей просьбы Вы, Ваше Высокопревосходительство, окажете мне большое личное одолжение, и за благожелательное отношение к настоящему делу я буду Вам крайне признательна. 12 июня 1908 г. № 594. Ольденбургская».

А.П. Саломон скончался 5 июня 1908 г. от грудной жабы на 54-м году жизни и был погребен 7 июня на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге, на памятнике над-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

пись: «От сослуживцев по Императорскому Александровскому лицею».

Председатель Государственного Совета. 17 июня 1908 г. обращается к вдове Саломона: «Милостивая Государыня Евгения Владимировна! Государь Император 16 июня Всемилостивейшее повелел соизволить: производить Вам, за службу покойного супруга Вашего, пенсию из Государственного Казначейства по 3 тыс. руб. в год, а детям Вашим: дочери Маргарите (20.10.1886–) и сыну Петру (18.03.1889–) по 1 тыс. руб. в год, первой — до замужества, а второму — до окончания образования. М. Акимов»[84].

Талантливым скрипачом был Алексей Александрович Саломон, однако жизнь его была недолгой: «В субботу 12 апреля скоропостижно от разрыва сердца скончался Алексей Александрович Саломон. Покойный — талантливый скрипач, питомец СПб. консерватории, ученик профессора Ауэра Л.С., пользовался известностью в музыкальных кругах»[85].

27 января 1916 г. скончалась и супруга Александра Петровича Саломон — Евгения Владимировна Саломон (Никольская). Ее дочь Маргарита обращается к императору Николаю II: «Ваше Императорское Величество, Всемилостивейший Государь! Горестные обстоятельства и бедственное положение понуждают меня умолять Ваше Величество выслушать мою всепокорнейшую просьбу. 27 января после тяжких и продолжительных страданий скончалась моя матушка, вдова бывшего директора Императорского Александровского лицея, шталмейстера Двора Вашего Величества, члена Государственного Совета, Евгения Владимировна Саломон. К нравственному моему страданию из-за этой утраты присоединяются и полная материальная необеспеченность. Находясь постоянно при матушке, я пользовалась жизненными удобствами и преимуществами, которые доставляли нам получаемы нами сообща 5 тыс. руб. ежегодной пенсии, не прибегая к личному труду для увеличения наших средств к существованию. Я даже имела возможность с самого начала военных действий посвятить свои силы для ухода за ранеными и больными, сначала бесплатно в больницах и лазаретах Империи, а с января 1915 г. и до сих пор на передовых театрах военных действий в Галиции в качестве сестры милосердия военно-санитарного поезда Общедворянской организации имени Ея Императорского Величества Великой княгини Ольги Николаевны. В Петроград я вернулась только потому, что мое присутствие у постели занемогшей матушки было необходимо. Ныне,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

оставшись совершенно одинокой, ни чем не связанная, я снова стремлюсь вернуться к моей любимой деятельности, дававшей мне богатейшее нравственное удовлетворение сознанием того, что я могу, по мере сил моих, быть полезной защитникам Родины в их военной страде. Но со смертью матери моей я располагаю в качестве средств к существованию только 1 тыс. руб. личной пенсии, оставшейся мне после покойного отца, что составляет около 83 руб. ежемесячно. Никаких иных доходов или достатков у меня нет, так как родители мои личных средств никогда не имели. От родственников моих я материальной помощи ожидать не могу, так как все они люди совершенно необеспеченные. Таким образом, я и думать не могу продолжать работу на поездах, а принуждена искать постоянного заработка. В нынешнее тяжелое время столько осиротевших и разоренных людей тщетно ищут средства к существованию, что я не могу рассчитывать даже на ничтожный заработок, мне остается одно — принести Вашему Императорскому Величеству мою слезную просьбу. Умоляю Вас, Государь, снизойти к моему бедственному положению и, следуя Вашему неисчерпаемому милосердию, увеличить мне пенсию в пределах по Вашему милостивому усмотрению. Таковая милость Вашего Императорского Величества навсегда избавит меня от грозящей мне нужды и позволит мне до конца посвятить себя посильному служению Родине. Вашего Императорского Величества верноподданная Маргарита Саломон. Б. Монетная, д. 15, кв. 4»[86]. 17 февраля 1916 г. Маргарита Саломон получила ответ от Императора: «Увеличить пенсию с 1000 руб. до 2000 руб. в год»[87].

Маргарита Александровна Саломон пишет в своей «Автобиографии»: «Я родилась в Петербурге в 1886 г. Мой отец, А.П. Саломон, скончавшийся в 1908 г. директором Александровского лицея, владел несколькими иностранными языками и в свободное время занимался переводами Данте и критическими работами в области дантеведения, за которые был награжден Пушкинской золотой медалью Академии наук. Моя мать, Е.В. Саломон, дочь В.В. Никольского, известного в свое время профессора эстетики и русской словесности и пушкиниста. Образование я получила дома и в гимназии Таганцевой, которую окончила в 1905 г. с серебряной медалью. В 1906 г. в “Вестнике Европы” появилась моя первая большая статья “Тип Дон Жуана в мировой литературе”, за которой в 1908–1909 гг. последовала работа о гробнице Микельанжело “Мраморная загадка”, в 1912 г. вышла отдельной брошюрой работа “Метерлинк, его творчество и миросозерцание”.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

В 1914 г. я работала над исследованием "Микельанжело как поэт и мыслитель", в это же время я начала пробовать свои силы в преподавании иностранных языков и в переводах с них. В 1918 г. и до слияния его с Госиздатом я работала переводчицей в издательстве "Всемирная литература", где перевела ряд вещей с итальянского (отрывки из Уго Фоскало, двухтомную "Историю итальянской литературы" де Сантиса, отрывки из "Жизнеописаний великих художников "Вазари", роман "Каприз" Ольманера, Д. Конрада), с английского, а также стихотворений Мёрике, Виланда и других с немецкого. В 1923 г. я поступила слушательницей на Высшие государственные курсы при Государственном институте истории искусств, которые окончила в 1927 г., еще будучи на III курсе, я была приглашена покойным профессором Вальфауэром в качестве доцента читать лекции студентам Академии художеств по курсам истории скульптуры от позднеримского периода до XIX в. и общей истории искусства от позднеримского периода до эпохи Возрождения. Последний курс я вела 2 года, а всего в Академии художеств работала 3 года. С января 1923 и по 1936 г. я преподавала английский язык в Училище им. Фрунзе, с ноября 1923 г. и по настоящее время преподаю иностранные языки в ВМОЛА им. Ворошилова. Основным моим языком является английский, хотя в разное время и в течение различных периодов я вела и веду преподавание немецкого, французского и итальянского языков. С 1932 по 1934 г. я вела группы немецкого языка в НИВК, с 1934 по 1936 г. я была старшим преподавателем в ВМУ им. Фрунзе, с 1937 г. являюсь одним из старших преподавателей на кафедре иностранных языков ВМОЛА им. Ворошилова. За время службы в военно-морских учебных заведениях наряду с пособиями грамматического и лексического характера я составила ряд специальных хрестоматий для введения слушателей в чтение технической литературы по общей и судовой электротехнике, радио, машиностроению и котлам, с 1932 г. руководила бригадой преподавателей, участников семинара по повышению квалификации при ВМА, разработала вопрос о роли предлога в английском языке. За годы эвакуации совместно с другими преподавателями кафедры иностранных языков ВМОЛА я составила английский и немецкий словари, минимумы авиационных терминов для командиров наших военно-морских сил, английское пособие для сношений с иностранными портовыми властями и кораблями, а перед самой войной участвовала в составлении систематического военно-морского пособия для чтения параллельно с учебником общего языка (на

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

английском языке). В течение почти 20 лет я собираю картотеку военно-морских терминов и выражений на английском языке и ныне в сотрудничестве с доцентом Т.Л. Рутковской работаю над военно-морским англо-русским словарем. Наряду с педагогической деятельностью много занимаюсь переводами для научно-переводческого бюро ВМОЛА, перевела один том из двухтомного капитального труда Фиораванцо "Интегральная война на море" и сочинение Дерамберарди "Искусство ведения войны на море". В 1940 г. Высшая аттестационная комиссия ВКВШ утвердила меня в звании доцента на кафедре "иностранные языки", в 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета я награждена орденом "Знак Почета"».

Владимир Александрович Саломон трагически погиб в 1918 г. в Киеве, до переворота работал в Министерстве юстиции. «Родился 13 мая 1885 г., вероисповедания православного, знаков отличия не имеет. По окончании курса наук в Императорском Александровском лицее выпущен с чином 9 класса, Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству от 26 мая 1907 г. № 37 утвержден в чине титулярного советника со старшинством, приказом по ведомству Министерства юстиции от 20 июля 1907 г. № 32 определен на службу, согласно прошению, в ведомство МЮ с причислением к министерству и с откомандированием для занятий в 1-й Департамент Правительствующего Сената, холост. 27 ноября 1908 г. перемещен на службу в Госбанк делопроизводителем 3-го разряда. Приказ по Ведомству Министерства юстиции от 10.07.1907 г. № 32. Определяются на службу по Ведомству МЮ согласно прошениям: титулярный советник Саломон и окончившие курс наук в Императорском университете: Громыко и Свенцицкий — с причислением к сему Министерству и с откомандированием для занятий в канцелярию 1-го Департамента Правительствующего Сената, из них Саломон с 23 мая 1907 г.»[88]

«22.12.1908 г. Правительствующего Сената 1-го Департамента по делам обер-прокурора 18.12.1908 г. № 2749. В 2-й Департамент МЮ. Причисленный к МЮ и откомандированный для занятий в Канцелярию 1-го Департамента Правительствующего Сената титулярный советник Владимир Саломон перемещен на службу в Государственный банк с 27.11.1908 г., помощником делопроизводителя третьего разряда банка. И.о. обер-прокурор, сенатор»[89]. «Формулярный список о службе Владимира Александровича Саломона», 1908 г.: «Родился 23 мая 1885 г., православный, из дворян. По окончании курса наук в Императорском Александровском лицее с чином 9-го класса, Высо-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

чайшим приказом по Гражданскому ведомству от 26 мая 1907 г. № 37 утвержден в чине титулярного советника со старшинством. Приказом по МЮ от 10 июля 1907 г. № 32 определен в службу, согласно прошению, в ведомство МЮ»[90].

Родной брат Владимира и Маргариты — Петр Александрович Саломон (1880–1941) — был женат на Антонине Сергеевне Разумовой и имел двух сыновей: Дмитрия (27.10.1926–1942) и Александра (31.07.1914–1986).

«Александр Петрович Саломон (31.07.1914–1986) первым браком был женат на Кириной Тамаре Ильиничной (1914–), вторым браком — на Лилии Александровне Баленковой (1921–1985), детей нет». А.П. Саломон в 1949 г. окончил Ленинградский горный институт по специальности «Геологическая съемка и поиски». В системе Северо-Западного геологического управления работал с 1933 г., в течение ряда лет являлся старшим геологом, главным инженером и начальником крупных геологических партий (Адрианопольской, Ржевской и других), проводивших работы по поискам и разведке углей Подмосковного бассейна. С 1957 г. работал в Тематической комплексной экспедиции Северо-Западного геологического управления в должности Начальника геолого-литологической партии и одновременно являлся руководителем и исполнителем ряда научных тем. В 1963 г. им лично были выполнены исследования по теме «Установление закономерности размещения полезных ископаемых (углей, огнеупорных глин, бокситов) в Северо-Западной части Подмосковного бассейна». Эта работа была высоко оценена научно-техническим советом СЗГУ и рекомендована для публикации, а также взята в качестве основы для диссертации на соискание ученой степени. А.П. Саломон написал 33 отчета, находящихся в геологических фондах, и опубликовал 5 статей. Служил рядовым в 1939 г. в зенитном дивизионе на Карельском перешейке, за Отечественную войну получил награды: орден «Отечественная война 1-й степени», «Красная Звезда», медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией».

Жизнь и деятельность прославленного мореплавателя и реформатора Военно-морского флота В.М. Головнина служит ярким примером самоотверженного служению России. Вот такими патриотами были потомки вице-адмирала В.М. Головнина от его дочери Поликсении, носящие фамилию Саломон, и родственных фамилий: фон Мейер, Станевич, Сабуровых, Лиман, фон Швенцон. Они занимали важные государственные посты, свято хранили рукописи своего зна-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

менитого предка, вовремя передали архив мореплавателя в 1916 г. в РГА ВМФ, которым активно пользуются не только российские, но и японские историки и в настоящее время. В этом году отмечается 200-летие «инцидента Головнина» (1811–1813), который вошел во все документы по истории российско-японских отношений, это часть культуры и истории России и Японии. В 1996 г. на острове Авадзи в городе Сумото-сити (Госики-чо) был торжественно открыт памятник японско-российской дружбы: «Такатая Кахэй — Василий Головнин», в 2002 г. в Кронштадте была подписана Декларация о побратимстве с г. Госики-чо, в 2006 г. открыт памятник мореплавателю в районном центре Старожилово Рязанской области. Все это отражается в девизе на гербе дворянского рода Головниных **«За правых — провиденье»**. И вспоминаются слова Плутарха: **«Глядя в историю, словно в зеркало, я стараюсь изменить к лучшему собственную жизнь и устроить ее по примеру тех, о чьих доблестях рассказываю. Всего более это напоминает постоянное и близкое общение: благодаря истории мы точно принимаем каждого из великих людей в своем доме как дорогого гостя, узнаем, кто он и что»**.

1. Газета «Свет» от 22 марта 1909 г. № 77 («20 марта скончалась Поликсения Васильевна Саломон (урожденная Головнина)»).
2. ГАРО. Ф. 1367. № 50. Дело о дворянском роде Саломон.
3. ОР РНБ. Ф. 777. Тиханов. № 2912.
4. РГА ВМФ. Ф. 224. Оп. 1. № 366. Письмо Ф. Ланге о болезни и смерти А.В. Головнина, 3.11.1886.
5. РГИА. Ф. 1262. Оп. 6. № 133. Дело о службе члена Государственного Совета, статс-секретаря, д.т.с. Александра Васильевича Головнина, 25.12.1861–7.05.1887 гг. С. 65.
6. Там же. С. 68.
7. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. № 488. Формулярный список о службе члена Государственного Совета, сенатора, действительного тайного советника П.И. Саломон.
8. РГИА. Ф. 815. Оп. 14. № 555. Книга для записи вкладов и приношений по Лаврскому кладбищу, 1909. С. 58.
9. Там же. № 551. Книга для записи вкладов и приношений по Лаврскому кладбищу, 1905. С. 15.
10. Там же. № 553. Книга для записи вкладов и приношений по Лаврским кладбищам, 1907. С. 34.
11. Там же. № 552. Книга для записи вкладов и приношений по Лаврскому кладбищу, 1906. С. 4.
12. Там же. № 553. Книга для записи вкладов и приношений по Лаврским кладбищам, 1907. С. 57.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

13. Там же. № 554. Книга для записи вкладов и приношений по Лаврским кладбищам, 1908. С. 29.

14. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. № 488. Формулярный список о службе члена Государственного Совета, сенатора, действительного тайного советника П.И. Саломон. С. 102.

15. ГАРО. Ф. 1367. № 50. Дело о дворянском роде Саломон.

16. ГАРО. Ф. 1367. Арх. № 33. Св. 1. Дело о взятии в опеку имений наследников Саломон, оставшихся после смерти родителей.

17. ГАРО. Ф. 1367. Арх. № 55. Св. 3. Духовное завещание, данное Софьей Андреевне Саломон своим внукам.

18. РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. № 745. Дело о дворянском роде фон Швенцон, 1875. С. 2.

19. РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. № 745. Дело о дворянском роде фон Швенцон, 1875. С. 4–6.

20. ОР РНБ. Ф. 208. № 49. Письмо от 13 августа 1852 г. Царское Село. С. 8.

21. РГИА. Ф. 1343. Оп. 33. № 744. Дело о дворянстве рода фон Швенцон, 1868. С. 1.

22. РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 55. Дело о дворянском роде Сабуровых, 1846–1866. С. 43.

23. Там же. С. 473.

24. Там же. С. 498.

25. Там же. С. 500.

26. Там же. С. 504.

27. Там же. С. 505.

28. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. № 483. Дело о службе члена Государственного Совета, статс-секретаря, д.т.с. Сабурова 1-го (17.06.1899–17.09.1916). С. 14.

29. Там же. С. 19–22.

30. Там же. С. 46.

31. Там же. С. 63–65.

32. Там же. С. 155.

33. Там же. С. 85.

34. Там же. С. 174.

35. Там же. С. 176.

36. Там же. С. 207.

37. Там же. С. 214.

38. Там же. С. 212.

39. Там же. С. 216.

40. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. № 482. Дело о службе Управляющего МНП, тайного советника Сабурова. С. 2.

41. Там же. С. 3.

42. РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. № 966. Дело о службе причисленного к Государственной Канцелярии титулярного советника Николая Александровича Сабурова, 1868. С. 8–11.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

43. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. № 484. Дело о службе Члена Государственного Совета, тайного советника Петра Александровича Сабурова-второго, 21.12.1899 г. С. 19–25.

44. РГИА. Ф. 1343. Оп. 40. № 4517. Дело о почетном гражданстве Сигизмунда Саломона, 19.12.1896 г. С. 1.

45. Там же. С. 5.

46. Там же. С. 6.

47. Там же. С. 10.

48. Там же. С. 11.

49. РГИА. Ф. 1343. Оп. 29. № 755. О дворянстве Саломона, 1833. С. 2.

50. Там же. С. 5.

51. *Гессен А.* Набережная Мойки, 12. М., 1969. С. 217.

52. РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. № 3019. Дело о дворянстве рода Мейер, 1862. С. 17.

53. Там же. С. 24.

54. РГИА. Ф. 789. Оп. 14. № 41-«М». Дело художника Мейера, 1863–1868 гг. С. 19.

55. Там же. С. 20.

56. Там же. С. 1.

57. Там же. С. 7.

58. Там же. С. 6–7.

59. Там же. С. 12.

60. Там же. С. 15.

61. Там же. С. 18.

62. Там же. С. 28.

63. Там же. С. 29.

64. Там же. С. 43.

65. Там же. С. 47.

66. Там же. С. 71.

67. Там же. С. 101.

68. Там же. С. 103.

69. Там же. С. 105.

70. Там же. С. 123.

71. Там же. С. 129.

72. РГИА. Ф. 789. Оп. 14. № 39-«М». Дело художницы Веры Егоровны Мейер. С. 1.

73. Там же. С. 4.

74. Там же. С. 5.

75. РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. № 11741. Дело о службе члена Консультации, директора Лицея, тайного советника, шталмейстера Высочайшего Двора Саломона, 1908; Формулярный список о службе члена Совета Государственного Дворянского Земельного Банка в звании Камергера Высочайшего Двора, д.ст.с. Александра Петровича Саломон, 1896. С. 19.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

76. Там же. С. 21.
77. Там же. С. 22.
78. Там же. С. 46.
79. *Брокгауз и Ефрон*. Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. XXI.
80. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. № 487. Дело о службе Члена государственного Совета, Шталмейстера Высочайшего Двора Саломона, 3.05.1908–12.02.1914. С. 14.
81. Там же. С. 33–34.
82. Там же. С. 35.
83. Там же. С. 39.
84. РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. № 11741. Дело о службе члена Консультации, Директора Александровского Лицея, тайного советника, Шталмейстера Высочайшего Двора А.П. Саломон (26.10.1896–9.05.1908).
85. ОР РНБ. Тимофеев Г.Н. Оп. 1. № 257.
86. ОР РНБ. Ф. 152. Военский К.А. № 635. Письмо Саломона А.П. Константину Адамовичу Военскому 28.02.1894.
87. РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. № 487. С. 111.
88. РГИА. Ф. 1405. Оп. 545. № 11742. Дело о причислении к Министерству юстиции Владимира Саломона, 1908. С. 3.
89. Там же. С. 5.
90. Там же. С. 6–7.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

П.А. Головнин

ТАЙНА МАСОНСКОГО ТОПОРА

Нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими, потому что это — доля его, ибо кто приведет его посмотреть на то, что будет после него!

Екклесиаст 3: 22

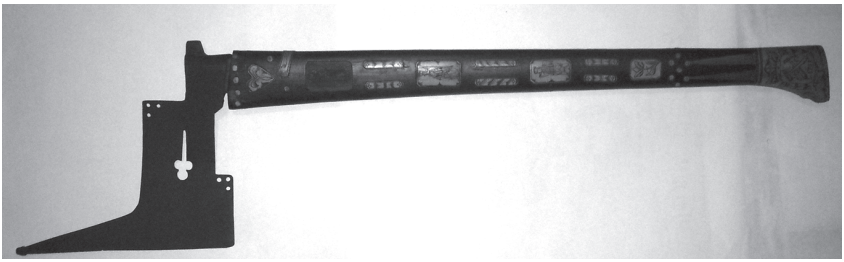
Всякое дерево, не приносящее хороших плодов, срубают и бросают в огонь.

Евангелие от Матфея 7:19

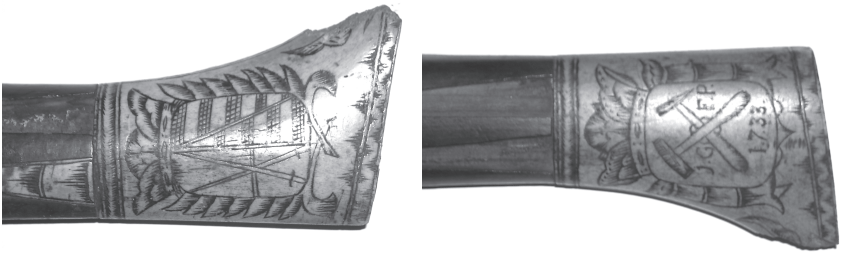
Вот уже около трехсот лет в семье Головниных хранится реликвия — ритуальный масонский топор, инкрустированный вставками из слоновой кости с изображениями граждан средневековой Европы, на древке изображены скрещенные молотки, дата «1733» и буквы «J.G.F.P.», а на другой стороне — герб, здесь присутствует шпага, циркуль. Из литературных источников стало известно, что именно в 1733 г. были созданы масонские ложи в Гамбурге, Флоренции и Бостоне. Возможно, в семью Головниных этот топор попал от Николая Григорьевича Головнина, «который в 1793 г. был капитаном армии, впоследствии подполковником и кавалером Мальтийского ордена»[1].

Каждый символ имеет свое объяснение и практическое применение. Так, линейка и отвес символизируют равенство сословий, угломер — символ справедливости. Циркуль служит символом общественности. Наугольник по некоторым толкованиям означает совесть. Обыкновенный камень — это «грубая нравственность», хаос. Кубический камень — «нравственность обработанная». Молоток служит для обработки дикого камня, а так как он принадлежит мастеру, то одновременно является символом власти. Лопатка — снисхождение к слабости людей и строгости к самому себе. Ветка акации — бессмертие.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН



Масонский топор



Древко масонского топора

Гроб, череп, кости — презрение к смерти; печаль в связи с исчезновением истины. Одеяние членов масонской организации в общем означает добродетель: круглая шляпа — символ вольности, обнаженный меч — карающий закон, символ борьбы за власть, козни злодеев, защиты невинности, кинжал — символ предпочтения смерти. Печатью масонства служит несколько эмблем. Самой распространенной является круг, в котором заключены два взаимно пересекающихся равносторонних треугольника, один из которых вершиной обращен вверх, а другой — вниз. Это большая печать ордена. Помимо этого, существуют более простые печати, одна из которых — шестиконечная звезда.

Масонский топор хранился в семье доктора искусствоведения, крупного специалиста по древнерусской архитектуре и литературе Георгия Карловича Вагнера (1908–1995). Он вместе с рязанским краеведом С.В. Чугуновым опубликовал многочисленные работы по «рязанским достопамятностям».

С.В. Чугунов в 1990 г. написал «Воспоминания о Г.К. Вагнере»: «В августе 1947 г. вместе с Ариадной Сергеевной Эфрон в Рязанском художественном училище появился и Георгий Карлович Вагнер. Он прибыл с Колымы. Георгий Карлович родился в 1908 г. в городе Спас-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Г.К. Вагнер

ске Рязанской губернии в интеллигентной семье. Здесь прошли его детство и юность, окончил школу второй ступени. В 1926 г. семья Вагнеров переехала в Рязань, где Георгий Карлович поступил в художественный техникум, по окончании которого в 1930 г. он был оставлен преподавателем ИЗО на первом курсе и истории искусства и цветоведения на остальных курсах. В 1932 г. Георгий Карлович перешел на работу в картинную галерею Краеведческого музея, где начал заниматься изучением древнерусской архитектуры в Рязанском крае. Однако развернувшаяся в середине 30-х годов в Москве острая борьба вокруг сноса "Красных ворот" и "Сухаревой башни", против чего выступил и Георгий Карлович, привела его к аресту и отправке на 10 лет в Колымский край. В 1947 г., после освобождения из мест заключения, Георгий Карлович возвратился в Рязань и поступил преподавателем рисунка и истории искусства в родное художественное училище. В 1949 г. его, как бывшего репрессированного, вновь арестовали и отправили на пожизненное поселение в Красноярский край, где он оказался в тайге на геологических работах. Здесь Георгий Карлович пробыл до смерти Сталина. Первый год после освобождения Георгий Карлович пробыл в одной из археологических экспедиций на Ангаре <...> вернувшись в Москву, он был принят лаборантом в Институт археологии АН СССР и где "вырос" до звания доктора искусствоведения и лауреата государственных премий СССР за свои многочисленные научные труды по исследованию памятников древнерусской архитектуры. На его счету 20 книг и около 200 статей по искусству Древней Руси»[2].

Георгий Карлович так же, как и автор статьи, является потомком новгородского боярина Никиты Головни, который упоминается в летописи попа Иоанна в 1401 г. Прадед Георгия Карловича, контр-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

адмирал Николай Викулович Головнин (1797–1850), «поступил в Морской кадетский корпус кадетом в 1815 г. Впоследствии был начальником Иркутского адмиралтейства и порта в Охотске. Скончался в 1850 г. в Петербурге в чине контр-адмирала и похоронен на православном Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге»[3].

Г.К. Вагнер тоже интересовался историей своих предков и оставил заметки «Кое-что из моей родословной»: «К стыду своему, я очень плохо знаю свою родословную со стороны отца. Знаю, что отец мой родился в Харькове и там же окончил университет. Деда, Августа Вагнера, я не знал совершенно. Отец говорил нам, что он был выходцем из Курляндии».

В РГИА хранится дело Августа Андреевича Вагнера, прадеда Г.К. Вагнера: «Записка из дела по прошению статского советника Августа Андреева, сына Вагнера о признании его с детьми в потомственном дворянстве и о выдаче в том свидетельств, перенесенного на рассмотрение первого Общего собрания Правительствующего Сената вследствие разногласия сенаторов Департамента герольдии». Обстоятельства дела: А.А. Вагнер 25 марта 1901 г. обратился в Правительствующий Сенат по Департаменту герольдии с прошением о признании его с детьми в потомственном дворянстве на основании Всемилостивейшего пожалования его 18 апреля 1899 г. орденом Св. Владимира 4-й степени и о выдаче свидетельства на это достоинство. В послужном списке А.А. Вагнера, выданном президентом Медико-филантропического комитета от 3.02.1901 г., записано: «Статский советник, провизор Август Андреев сын Вагнер, из коей видно, что он, Вагнер, из граждан города Аренсбурга, признан в звании провизора 7.12.1861 г., определен на настоящую должность 31.01.1873 г., утвержден в чине коллежского секретаря в 1876 г., со старшинством с 31.01.1873 г., произведен за выслугу лет, в порядке постепенности, в статские советники в 1892 г., со старшинством с 31.01.1891 г., пожалован кавалером орденов Св. Станислава 3-й ст. 23.06.1876 г., Св. Анны 3-й ст. 18.01.1880 г., Св. Станислава 2-й ст. 30.08.1886 г., Св. Анны 2-й ст. 1.01.1894 г и Св. Владимира 4-й ст. 18.04.1899 г. Под судом и следствием не был. Женат вторым браком на Каролине Александровне Леш. По метрическим свидетельствам, заверенным Санкт-Петербургскою евангелическо-лютеранскою консисториею 12.10.1900 г. за № 4344-6, о законном рождении у аптекаря Августа Вагнера и жены его Каролины, урожденной Леш, детей: Вольдемара-Фердинанда 27.05.1874 г., Марии-Эмилии 25.04.1876 г. и Бориса-Александра 6.03.1894 г.»[4]

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

(Аренсбург (Ahrensburg) — город в Германии, в земле Шлезвиг-Гольштейн. Входит в состав района Штормарн. Население составляет 31 276 человек (на 31 декабря 2010 г.). Занимает площадь 35,3 км^2. Город подразделяется на 5 районов.)

При определении на службу дворяне были обязаны подписывать «Клятвенное обещание на верность Императору». Коллежский советник Павел Вагнер дал 9 февраля 1803 г. клятвенное обещание на верность Александру I: «Я, нижеименованный обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору Александру Павловичу Самодержцу Всероссийскому и Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику, который назначен будет, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества Самодержцу, силе и власти принадлежащие права и преимущества узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и при том по крайней мере старатися споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и Польше Государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но всякими мерами отвращать и допущать тщатися, и всякую мне вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный мне чин, как по сей (генеральной, так и по особливой) определенной и от времени до времени Его Императорского Величества Именем от представленных надо мною Начальником определяемым Инструкциям и Регламентам и Указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей и присяги не поступать, и таким образом себя вести и поступать как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как сущее мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключении же сей моей клятвы целую Слова и Крест Спасителя моего Аминь. По сей форме коллежский советник Павел Вагнер прилагал. К присяге привел Санкт-Петербургского собора протоиерей Михаил Сколов. 1803 г. февраля 9-го дня»[5].

Герб рода Вагнер внесен в 20-ю часть Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи (с. 106).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Герб рода Вагнер (von Wagner)

У рода Вагнеров две ветви, восходящие к концу XVII в. и записанные в I часть родословных книг: один — в Саратовской губернии, другой — в Гродненской губернии. Родоначальник первой ветви — Василий Алексеевич Вагнер — перешел в православие в 1744 г., получив при крещении отчество своего восприемника. Он был управляющим графа А.К. Разумовского и по именному указу императрицы Елизаветы от 19 марта 1745 г. был возведен вместе со своими детьми в потомственное дворянское достоинство с назначением «состоять при управлении домом» Разумовского, причем было высочайше повелено записать Вагнера в герольдию, в «дворянский список», и изготовить соответствующую грамоту. Впоследствии Вагнер состоял генерал-адъютантом при А. Разумовском.

Г.К. Вагнер вспоминал: «...бабушку же, Шарлотту Васильевну, я хорошо помню не только по дореволюционным групповым фотографиям (она некоторое время гостила в Муратове), но и “в натуре”. Она жила у нас в Спасске примерно с 1908 по 1920 г. Это была низенькая и совершенно седая старушка, говорившая по-русски с заметным акцентом. Откуда она приехала к нам в Спасск и куда потом уехала — не ведаю. По своей несерьезности я вовремя об этом не спрашивал ни у папы, ни у мамы. Надо думать, что Шарлотта Васильевна появилась у нас в Спасске раньше 1910 г., так как была моей крестной матерью, а я родился в 1908 г. Но куда она потом уехала — ума не приложу. Это очень скверно с моей стороны. У папы было два брата, Куно и Отто, и сестра Эльза. Судя по старым фотографиям, все они побывали в Исадах. Я вижу их на снимках, хотя, откровенно говоря, не могу сказать, кто Куно, а кто Отто. Один из них потом обосновался в Саратове, а другой — в Карлсруэ. Почему-то папа не поддерживал с ними тесной связи. Это особенно обидно в отношении саратовского дяди. Ведь в Саратове могут быть мои родственники. Но и судьба дяди Отто не дает покоя моей совести. Ведь вполне возможно, что дядя Отто — это тот архитектор Отто Вагнер, который считается предтечей кон-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

структивизма. Еще в 1910-х годах он много работал для архитектурного усовершенствования плана Вены. К сожалению, это все, что я могу сказать. Тетя Эльза жила у нас не только в Спасске, но и в Рязани. Это было примерно в 1929 г. Она была высокого роста, крепкого сложения и довольно красивая. Куда она потом уехала — тоже не знаю. Скорее всего в Харьков. В 1930 г. ее в Рязани уже не было. А вскоре нам стало известно, что она скончалась. Я уже писал, что, по рассказам папы, его род происходил от двоюродного брата Рихарда Вагнера, придворного ювелира какого-то герцога. Папа показывал нам старые блеклые фотографии своего деда, имеющие на оборотной стороне немецкие надписи.

И ничем этим я в то время не интересовался, чему никак не могу найти объяснения. Неужели я был настолько глуп! Или время было такое, что всякие генеалогии летели вверх тормашками и лучше было совсем их не знать? А мне хотелось бы косвенно быть связанным генеалогически с Рихардом Вагнером, хотя его мифологизированной музыкой я никогда не увлекался. Вероятно, при большой настойчивости в генеалогических разысканиях я мог бы чего-либо добиться, но такой настойчивости я до сих пор так и не проявил. Мне удалось только узнать, что Рихард Вагнер бывал в Риге, что в Риге в XIX в. жили какие-то Вагнеры. Но тем дело и закончилось. В дальнейшем я тоже этим почти не интересовался. Правда, издающаяся в Москве немецкая газета опубликовала статью с намеком о моем родстве с великим музыкантом, но это не имело ни малейшего резонанса. Гораздо лучше известна моя родословная по линии матери. Но опять же благодаря не мне, а моему свойственнику (двоюродному племяннику Юрию Даниловичу Кашкарову).

Вот выдержки из его генеалогических разысканий. Таким образом, моя бабушка Елизавета Николаевна Головнина (по мужу Кожина) была двоюродной племянницей вице-адмирала — мореплавателя Василия Михайловича Головнина, а я прихожусь ему двоюродным правнуком. Не плохо! Итак, в Рязани Головнины появились во времена Ивана Грозного. Затем один из потомков оказался в Пронском уезде Рязанской губернии, где в имении Гулынки в 1776 г. и родился мой двоюродный прадед Василий Михайлович Головнин. Где родилась моя бабушка, Е.Н. Головнина, я не знаю, но, конечно, в Рязанской же губернии»[6].

«Из генеалогии Головниных интересно вот еще что. Внучка Дмитрия Вуколовича Головнина (брата моего прадеда, Н.В. Головнина), Наталья Сергеевна Головнина (1885–1956), вышла замуж за Вульфа.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Следовательно, этот Вульф приходится мне как муж моей двоюродной тети! Интересно. Ныне в Москве живет Дмитрий Алексеевич Вульф, ведущий свою линию тоже от вице-адмирала В.М. Головнина. По моим расчетам, Д.А. Вульф находится на одинаковой со мной генеалогической ступени от В.М. Головнина, то есть мы как бы троюродные братья или кто-то в этом роде. Однако есть у меня близкий родственник, прямой потомок В.М. Головнина. Это Петр Андреевич Головнин, живущий в Санкт-Петербурге и ведущий активную работу по сохранению памяти о своем предке. Он тесно связан с японскими деятелями в этой области и ныне готовится к 600-летию рода Головниных. Итак, я двоюродный правнук Рихарда Вагнера и двоюродный правнук Василия Михайловича Головнина. В иное время это могло что-либо значить, но в наше время — ничего. К тому же ни я, ни кто-либо из сведущих в этом вопросе никогда не афишировали, проще говоря, не спекулировали этим по примеру иных. Так я и остался Вагнером, и только.

Каковы же мои "генеалогические корни" по линии дедушки, Владимира Николаевича Кожина? Согласно изысканиям Юрия Кашкарова, здесь видим следующее. "Полумифическим" родоначальником Кожиных выступает некто Юрий Бахты-Франц (Франценбах, Фаренсбах) из Швеции. Крестившись под именем Анания, он служил у Великого князя Московского Василия II Темного. Но фамилия Кожин пошла от его сына, Василия Ананьевича. Она происходит от слова "кожа". Кусок кожи от коня убитого врача Василия II привез князю Василий Ананьевич. От него и пошли Кожины (в Кашинском уезде). Сын Василия Ананьевича Кожина, Матвей, стал чудотворцем Макарием Калязинским. Отсюда идет длинная череда Кожиных, среди которых были видные духовные лица, а также воеводы, бояре, дворяне, моряки и военные. Петр Никитич Кожин (1728–1805) был директором Каменного приказа и, вероятно, общался с М.Ф. Казаковым, что для меня очень дорого. Я много занимался М.Ф. Казаковым. Из других Кожиных отмечу Ивана Артамоновича Кожина (1781–1833) — полковника и флигель-адъютанта. Это он купил у Ржевских в 1815 г. село Исады, где и похоронен был при церкви. По всей вероятности, его большой портрет маслом был в 20-е годы у нас в Спасске, но в годы начавшихся арестов мы его не сохранили. Очередное недомыслие с моей стороны. А ведь мне было уже 15–16 лет, и в эти годы юноша уже проявляет свои задатки. Видимо, кроме тяги к рисованию особых задатков у меня не было. Маловато! Павел Сергеевич Кожин (1801–

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

1851) был рязанским губернатором с 1847 г., отличался честностью, но был нелюбим местным дворянством. Советские авторы не преминули видеть в нем злодея. Иван Иванович Кожин (1810–1898) — штабс-капитан в отставке. Председатель Спасской управы. Передал Исады своему брату Николаю, моему прадедушке, от которого Исады и перешли к дедушке Владимиру Николаевичу. Но, как выясняется из родословной Кожиных, мой дедушка Владимир Николаевич Кожин родился (в 1844 г.) не в Исадах, а в Плуталове, оно потом перешло к его дочери Наталии Владимировне (Лихаревой). Из той же родословной выясняется, что моя бабушка Елизавета Николаевна Головнина родилась около 1847 г. Умерла она в Рязани в 1925 г., похоронена в Исадах рядом с дедушкой. Эти похороны я хорошо помню. К моему времени оставался в живых Иван Владимирович Кожин, мой дядя. Это был "последний Кожин" из рязанских (спасских, исадских) Кожиных. Родился он в 1883 г., умер в дороге по возвращении из концлагеря в 1943 г. Как сын помещика и "нэпман" (арендовал в 20-е годы свой же крахмальный завод в Исадах) был лишенцем, в Москве вынужден был жить на полулегальном положении. Хорошо знал русскую литературу, преклонялся перед Чеховым, любил Левитана, в чем просветил и меня. Добрый, умный, всеми любимый, он был олицетворением истинного русского интеллигента XIX в., почему и погиб. У дочерей дяди Вани — Наталии и Татьяны — нет сыновей, поэтому на дяде Ване род Кожиных кончился. Так же, как род Вагнеров — на мне».

Незадолго до кончины в 1995 г. Г.К. Вагнер написал статью «Проблема Южных Курил: уступка или справедливость?», тема которой актуальна и сегодня: «...первым научным географическим описателем тогда еще малоизвестных Курильских островов был мой двоюродный прадед, капитан-лейтенант (позднее вице-адмирал) Василий Михайлович Головнин (1776–1831). В 1807 г. по Высочайшему повелению шлюп "Диана" отправился под его командованием на Камчатку с целью описания почти неизвестных тогда островов между Чукоткой и Аляской». Выполнив к 1810 г. это поручение, В. Головнин в 1811 г. приступил к описанию Курильских островов, еще неведомо кому принадлежащих. Они населялись местным племенем айнов, японцами и русскими. До острова Итурупа плавание и описание шли благополучно, но на острове Итуруп моряки «Дианы» встретили сопротивление японцев. В ответ на просьбу о пополнении провизии начальник местной крепости направил Головнина в город Урбитч. В. Головнин

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

почему-то миновал этот пункт и направился прямо к острову Кунашир, почти соприкасавшемуся с «материковой» Японией. Здесь в ответ на ту же просьбу о пополнения провианта В.М. Головнин с двумя офицерами и четырьмя матросами были взяты японцами в плен, «Диана» же была обстреляна их береговой батареей. Стало совершенно ясно, что русские моряки попали на японскую территорию. При этом выяснилось, что начальник Итурупа подчинялся начальнику Кунашира, а последний — начальнику крупного острова Матсмай (Хоккайдо), самому северному из известных тогда японских островов. В. Головнин и его товарищи пробыли в японском плену почти 2,5 года. Головнин оставил подробное описание этого плена. Его «Записки» были изданы в Санкт-Петербурге в 1816 г., но по странной причине не упоминаются ни в одной из современных публикаций о спорах вокруг Южных Курил. Между тем они вносят много ясности в этот искусственно запутанный вопрос.

Показательно, что в плену Головнина не покидало сознание, что он и его товарищи попали не на русские, а на японские острова. Имелись в виду острова Итуруп и Кунашир, относимые к так называемым Южным Курилам. И освобождены были русские моряки не из какого-либо, а из японского плена, чего не оспаривала и царская Россия. Откуда же взялась нелепая версия, что Итуруп и Кунашир — это не исконно японские острова, известные ныне под названием «Северные территории» Японии? Казалось бы, что не только «географическая логика», но и русско-японские договоры свидетельствуют об этом утвердительно. Следует напомнить, что по Симодскому договору 1855 г. граница между Россией и Японией проходила по проливу между островами Уруп и Итуруп. Более того, по Санкт-Петербургскому договору 1875 г. вся Курильская гряда отходила к Японии в обмен на южную часть Сахалина. Так, полностью японской Курильская гряда изображена в «Географическом атласе»[7]. При этом в Энциклопедическом словаре[8] все Курильские острова прямо названы «самыми северными владениями Японского государства». В связи с этим вопрос о «северных территориях» Японии приобретает значение неоспоримого исторического факта.

Хорошо известно, что во время войны 1941–1945 гг. японские острова Итуруп и Кунашир были оккупированы советскими войсками. Подготавливался план высадки советских войск и на остров Хоккайдо, против чего выступал маршал Г.К. Жуков. Поражение Японии вынудило ее подписать Сан-Францисский договор, по которому она

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

отказывалась от прав на Курильские острова, включая Итуруп и Кунашир. Новая ситуация сложилась при составлении декларации 1956 г., по которой СССР возвращал Японии острова Хабомаи и Шикотан с последующим заключением мирного договора. Япония, естественно, добавила сюда острова Итуруп и Кунашир. Здесь и возникло возражение со стороны СССР: Курильские это острова или нет? Иначе говоря: японские ли они? После всего вышесказанного такая постановка вопроса выглядит не более чем дипломатическая уловка. Более того, захват островов Итуруп и Кунашир объявляется «нормальным итогом войны»[9]. Это парадоксально! Тем более что не Япония объявила войну СССР, а наоборот!

Если следовать такой «логике», то можно было считать нормой захват Швецией острова Котлин, на котором располагается Кронштадт. Ведь этот остров отошел к России только при Петре I. Я не говорю уже и о ярких примерах с западнорусскими землями, захваченными в свое время Польшей и Литвой. Слава богу, тогда у государственных мужей хватило ума восстановить справедливость. И никто не кричал об «уступках». Почему же сейчас в отношении островов Итуруп и Кунашир поднимается такой крик? Я глубоко убежден, что будь жив мой знаменитый прадед Василий Михайлович Головнин, то он крайне удивился бы такой государственной безграмотности. Кстати сказать, память в В.М. Головнине высоко чтут в Японии, о чем существует немалая литература, как наша, так и японская. С нашей стороны эти связи поддерживает прямой праправнук В.М. Головнина — автор настоящей статьи Петр Андреевич Головнин, действительный член Русского географического общества.

26 мая 1837 г. начальником Охотского порта с производством в капитаны 2-го ранга был назначен Николай Викулович Головнин (1797–1850). В 1823–1828 гг. он уже служил в Охотском порту, командовал бригом «Дионисий», с 1832 г. был начальником Иркутского адмиралтейства и хорошо знал местную обстановку. В самом начале его правления в 1837 г. в Охотске после 80-летнего существования был упразднен солеваренный завод. Н.В. Головнин большое внимание уделял развитию земледелия, хлебопашества, скотоводства и огородничества. С хлебопашеством ничего не получилось, а огородничество развивалось хорошо, особенно картофельное. По представлению Н.В. Головнина в 1837 г. правительство приняло решение «всем нижним чинам в Петропавловском и Охотском портах производить за рабочие деньги». Это укрепило сплоченность и дисциплину. Кроме

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

того, были установлены специальные знаки на арматуре флотских экипажей — охотского и камчатского. В 1839 г., когда в Охотск прибыл адъютант начальника Главного морского штаба кн. А.С. Меншикова капитан 2-го ранга Н.А. Васильев, присланный для осмотра Охотского и Петропавловского портов, Н.В. Головнин сумел убедить его в целесообразности проекта Валронта (переноске порта в урочище Булгин). Основываясь на доводах Васильева, кн. Меншиков испросил на это Высочайшее разрешение, но в дело вмешалось РАК, и проекту не был дан ход.

За время нахождения Н.В. Головнина в должности начальника порта на охотских верфях были спущены на воду — 28 июля 1842 г. бриг «Курил» и в 1843 г. бот «Кадьяк». 6 декабря 1843 г. был назначен командиром охотского флотского экипажа и начальником Охотского порта капитан 1-го ранга И.В. Вонлярский, который отправился из Санкт-Петербурга на Дальний Восток в кругосветное плавание на транспорте «Иртыш». Н.В. Головнин, не дождавшись его прибытия в Охотск, 10 декабря 1843 г. выехал, временно сдав свои дела капитан-лейтенанту П.М. Транковскому. За управление Охотским краем капитан 1-го ранга Н.В. Головнин был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени. Жители Охотска и все служащие глубоко уважали Н.В. Головнина и перед отъездом его из Охотска хотели преподнести ему на память серебряную вазу, на что требовалось согласие генерал-губернатора. Но генерал-губернатор Руперт уведомил их, что на представление его по этому вопросу не последовало Высочайшего разрешения. 25 апреля 1845 г. Н.В. Головнин был уволен со службы в чине контр-адмирала. Н.В. Головнин скончался в Петербурге в 1850 г. и вместе с супругой похоронен на Смоленском кладбище[10].

В исторических архивах России сохранились фонды дворянских собраний всех губерний, в которых можно найти важные документы о деятельности предков.

«Вукол Григорьевич Головнин (1772–) имел детей от своей супруги Екатерины Васильевны Вердеревской: Николая (1797–), Владимира (1798–), Петра (1803–), Дмитрия (1804–), Фортуната (1805–1851), Ипполита (1807–), Надежду (1802–), Анну (1810–). Имения за ним состоит по пятой ревизии Козловской округи в деревне Головниной мужского пола 14 душ»[11]. Все дворяне обязаны были подавать прошения, свидетельства о рождении детей и бракосочетаниях в Дворянское депутатское собрание той губернии, где они жили и находились их имения.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

«Свидетельство. По Указу Его Императорского Величества, из Рязанской Духовной консистории, вследствие прошения подпоручика Дмитрия Вуколовича Головнина, о выдаче ему метрического свидетельства о рождении и крещении его, который рожден в 1807 г. Спасской округи селе Красильники, для представления в Рязанское дворянское собрание к доказательству рода своего. На основании продолжения Свода законов IX тома о состояниях, статьи 945 дано ему сие свидетельство в том, что хотя по данным Спасской округи села Красильников от священноцерковнослужителей метрическим книгам поручика Вукола Григорьевича Головнина сына Дмитрия за 1807 г. между рожденными в записи не оказалось, то поелику спрошенные на законном основании поручица Анна Григорьевна Бахметьева (Головнина) и с ней семь человек показали, что действительно он Дмитрий рожден от законного брака поручика Вукола Головнина с Екатериной Васильевной Вердеревской, брак же Головнина с Екатериной, как видно из метрических книг, был совершен 27 августа 1800 г., то по сему Консистория с утверждения его Высокопреосвященства Гавриила архиепископа Рязанского и Зарайского и кавалера, признаем его Дмитрия законным сыном поручика Вукола Григорьева сына Головнина законной жены его Екатериной Васильевой дочерью Вердеревской. 26 июня 1842 г. Соборный священник Иоанн Покровский»[12].

Просит поручик Петр Вуколович Головнин: «Род наш признан в дворянстве, и записан в 6-ю часть Дворянской родословной книги на основании предъявленных доказательств родным дядей моим поручиком Яковом и родителем Вуколом и я при отце своим показан, но дочь моя Екатерина, рожденная в приходе Пронской округи села Последова 5 ноября 1835 г. № 13 от законной супруги Татьяны Михайловны Прибытковой. Восприемниками при крещении были: поручик Михаил Николаевич Прибытков и помещица Екатерина Васильевна Головнина не показана»[13].

«Аттестат. Дан сей Тамбовской губернии из Липецкого земского суда служившему в нем судо-дворянским заседателем, поручику Петру Вуколовичу в том, что в Формулярном списке за 1837 г. значится, что ему 29 лет, в службу вступил в Императорский военно-сиротский корпус кадетом 21 апреля 1819 г., произведен корнетом в Кирасирский полк 18 декабря 1828 г., по Высочайшему приказу с награждением чином поручика от службы уволен 17 февраля 1833 г., по выбору дворянства с утверждения Губернского правления

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

определен в сей суд дворянским заседателем 9 марта 1837 г., от сей должности по прошению Тамбовского губернского правления уволен 11 января 1838 г.»[14]

«Свидетельство. Дано сие поручику Петру Вуколову сыну Головнину от родного брата его подпоручика Дмитрия Вуколова сына Головнина на основании 59 статьи IX тома Свода законов (издания 1842 г. в том, что он поручик Петр Вуколович действительно есть родной брат мой и произошел от одного нашего отца, умершего поручика Вукола Григорьева сына Головнина, которому так же, как и нам, по продаже всего имения родительского досталась законная часть капитала, о чем собственноручно подписал. 28 декабря 1850 г.»[15]

Николай Викулович Головнин (1797–1850), контр-адмирал, «из дворян российской нации, был женат на дочери статского советника Елизавете Петровне, от которой имел детей: Николая (1841–), Петра (1844–), Екатерину (1842–), Елизавету (1846–1925), в замужестве за рязанским губернатором начала XX в. В.Н. Кожиным (1844–1924)», внук которого — Георгий Карлович Вагнер (1908–1995).

Бабушка К.Г. Вагнера, Елизавета Николаевна Головнина (1846–1925), «была представлена госпожой Скерлетовой в младший класс и принята по жребию баллотирования 15 июня 1856 г. в Императорское Воспитательное общество благородных девиц в Санкт-Петербурге». Ее брат, гардемарин флота Его Императорского Величества Петр Николаевич Головнин, 8 октября 1863 г. подал прошение в Канцелярию Совета Воспитательного общества: «Имея надобность в копиях с метрических свидетельств сестер моих Елизаветы и Марии Головниных, воспитывающихся в вышеозначенном заведении, имею честь покорнейше просить о выдаче мне засвидетельствованных копий этих для доставления в Пронскую дворянскую опеку, которая имеет надобность в них по случаю поступившего в нее договора о разделе имения, находящегося в Рязанской губернии Пронского уезда. Жительство имею в СПб. губернии, г. Кронштадте, Галкина улица в доме Мелетиной».

Из Воспитательного общества Елизавету забрала ее сестра Екатерина: «21 мая 1863 г. Я, нижеподписавшаяся сим удостоверяю, что родную сестру мою приняла обратно из ИВОБД, воспитанницы 1-го класса означенного заведения девицу Елизавету Николаевну Головнину. Получила и принадлежащие вышеуказанной девицы документы, а именно: 1 — метрическое свидетельство о рождении и крещении ее, выданное из Рязанской духовной консистории от

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

14 марта 1851 г № 2405, 2 — указ об отставке родителей сей девицы, выданный из Инспекторского департамента Морского министерства от 28 февраля 1847 г. № 62401. Опекунша над означенной девицы, родная сестра ее, дочь контр-адмирала Екатерина Головнина. Книги: Новый Завет и сокращенный Молитвослов получила Елисавета Головнина. Жительство имею: Рязанской губернии, Пронского уезда, село Последово»[16].

Канцелярия Совета Института 7 августа 1865 г. докладывает: «В Департамент государственного казначейства. Канцелярия Совета ИВОБД и СПб. Александровского лицея имеет честь уведомить Департамент казначейства на отношение от 31 июля № 14190, что бывшие воспитанницы Общества благородных девиц, дочери контр-адмирала Головнина Елизавета и Мария, выбыли из заведения, первая — 21 мая 1864 г., а вторая — в нынешнем году 8 июня при общих выпусках по окончании курса наук»[17].

Елизавета Николаевна Головнина в 1878 г. вышла замуж за помещика Рязанской губернии села Исады Владимира Николаевича Кожина (1844–1924) и «от счастливого брака имела детей: Наталью (14.12.1879–), Людмилу (11.08.1881–), Ивана (29.04.1888–), Киру (1.02.1885–), Нину (7.06.1886–). Из них старшая дочь в замужестве, а остальные дети находятся при родителях».

В «Формулярном списке о службе помощника Спасского уездного Предводителя дворянства титулярного советника Владимира Николаевича Кожина от 25 мая 1916 г.» указано: «66 лет, кавалер орденов Св. Владимира 4-й степени, Св. Анны 3-й степени, имеет медали: серебряную в память в Бозе почившего Императора Александра III и бронзовую за труды по Первой всеобщей переписи населения в 1897 г. Имеет родовое имение в Спасском уезде Рязанской губернии при селе Исады, земли 580 десятин. Воспитание получил в Рязанской губернской гимназии, но полного курса не окончил и вышел при переходе из 6-го в 7-й класс в 1867 г., затем был на 4-годичных курсах Петровской Земледельческой Академии. Спасским уездным Земским Собранием Владимир Николаевич был избран в должность Председателя Спасской уездной Земской Управы 22 сентября 1889 г., а 23 октября утвержден в должности Рязанского Губернатора. На бывших дворянских выборах избран в должность депутата от дворянства Спасского уезда на трехлетие 14 января 1890 г., 3 августа 1890 г. утвержден снова в должности Рязанского губернатора, 29 сентября 1892 г. избран на должность

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Е.Н. Кожина (Головнина)
(1846–1925)

В.Н. Кожин
(1844–1924)

председателя управы на новое трехлетие, 30 октября утвержден в должности Рязанского губернатора, 5 октября 1895 г. вновь избран Уездным собранием в должности председателя Спасской уездной Земской управы на трехлетие, 9 апреля 1899 г. Высочайшим приказом по Гражданскому ведомству № 20 произведен за выслугу лет в коллежские регистраторы, Высочайшим приказом от 18 сентября 1899 г. № 67 за выслугу лет произведен в губернские секретари, Высочайшим приказом от 22 сентября 1899 г. в награду усердного и беспорочного прослужения по выборам дворянским узаконенного срока награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, Высочайшим приказом от 29 января 1900 г. № 6 произведен в коллежские секретари со старшинством, 1 января 1901 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени, 30 сентября 1901 г. Спасским уездным Земским собранием вновь избран в должность Председателя уездной Управы на трехлетие, 10 октября 1901 г. утвержден в должности рязанского губернатора, 30 октября 1901 г. Высочайшим приказом от 30 мая 1902 г. № 46 произведен за выслугу лет в титулярные советники,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

23 октября 1904 г. по окончании трехлетия выбыл с должности Председателя уездной Земской управы по сдаче дел, 14 января 1914 г. на очередном Губернском дворянском собрании созыва 1914 г. избран помощником Спасского уездного Предводителя дворянства на трехлетие, 10 июля 1914 г. рязанским губернатором утвержден в означенной должности. За засвидетельствовании начальства об отличном усердии и особых трудах 6 декабря 1907 г. Всемилостивейше награжден орденом Св. Станислава 2-й степени, о чем имеет грамоту от 18 декабря 1907 г. № 15703. Предоставлено право ношения на груди Высочайше утвержденной в память 300-летия царствования Дома Романовых светло-бронзовой медали, в чем имеет свидетельство выданное директором Главной физической николаевской обсерватории от 7 февраля 1914 г. № 607».

Дворянский род Кожиных ведет свое происхождение с начала XV в., когда «Юрий Бахты-Франц (Фаренсбах), потомок древнего германского рода, “муж честен”, посол Великого князя Литовского Витовта к Великому князю Василию Дмитриевичу», был задержан в Москве по поводу занятия лифляндскими рыцарями, союзниками Витовта, русских крепостей. Позднее был послан Великим князем в Швецию для набора конного полка против татарского князя Эдигея, вернулся в Москву, удачно исполнив возложенное на него поручение (1407), принял святое крещение с именем Анания. Его сын, Василий Ананьевич, победил Галицкого князя Дмитрия Юрьевича Шемяку в битве 27 января 1450 г., «гнался с полком за ним от Галича к Новгороду и убил под Шемякой коня, у которого вырезал кусок кожи, за что Великий Князь указал писать его “Кожею”, в награду за этот подвиг и за выезд отца из Швеции пожалован именоваться Василий Ананьевич “Кожа”, и получил 4 февраля 1450 г. в Кашинском уезде деревню Семендяево, пустоши Караузино, Спас-на-Холму и сельцо Гритьково (впоследствии Кожино), и погребен вместе с женой в сельце Кожино».

Описание герба Кожиных: «Щит разделен на четыре части. Первая четверть имеет в серебряном поле изображение крестообразно положенных натянутого лука и палаша, под ними лоскута кожи. Во второй и третьей представлено в красном поле по каменной стене, означенной серебром; в четвертом, голубом, поле виден золотой лев, обращенный вправо и стоящий на задних лапах. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянской на нем короной. На шлеме между двумя орлиными крыльями видны два значка с их древками: из

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

них на правом, синем, положены крестообразно лук и палаш и под ними лоскут кожи, а на левом, красном, видна такая же, как описано, стена. Намет на щите золотой, подложен красным». Род Кожиных внесен в 6-ю часть Дворянской родословной книги Ярославской, Тверской, Воронежской, Рязанской губерний, а герб Кожиных находится в Общем гербовнике (1 ч., с. 52).

Сыновья Василия: Матвей (в иноках Макарий; умер в 1483 г.) — святой преподобный игумен Калязинский, Александр — непосредственный родоначальник дворян Кожиных. Иван Андреевич Кожин (умер в 1646 г.) был воеводой в Вятке и Ефремове. Петр Никитич Кожин был директором каменного приказа (1775), его брат Алексей — правителем псковского наместничества (1781–1783), сенатором (1796) и президентом Камер-коллегии. Николай Петрович Кожин (умер в 1816 г.) был сенатором, а Сергей Алексеевич, генерал-майор и шеф лейб-кирасирского Его Величества полка, убит под Фридландом в 1807 г.

Известные представители рода Кожиных: Кожин Никита — русский картограф, Кожин Алексей Никитич (1737–1807) — председатель Тверской уголовной палаты, Новосильцева Мария Петровна (Кожина) (1830–1910) — сестра милосердия; начальница Смольного института благородных девиц в 1886–1894 гг.; кавалерственная дама ордена Св. Екатерины меньшего креста.

Имения рода Кожиных: Княжьи Горки, Кашары (Задонский район Липецкой области), Репец (Задонский район Липецкой области). Дворцы и особняки Кожиных: Бельское устье — Холомки, Псковская область, Порховский район, с. Бельское Устье, Городская усадьба Кожиных, Столешников переулок, д. 6, стр. 1, Москва.

В 1915 г. В.Н. Кожин опубликовал свою книгу об истории своего имения Исады и Воскресенской церкви[18]: «В летописях село Исады, отстоящее в 4 верстах от Старой Рязани, расположенное крутом берегу Оки и служившее, вероятно, временным загородным пребыванием рязанских князей, упоминается под 1217 г. по случаю избиения кн. Глебом и Константином своих братьев, о котором рассказывается в Лаврентьевской летописи. В выписи с писцовых книг Рязанского уезда, письма и меры межевания кн. В. Вяземского да подьячего Ивана Кавелина 145–148 (1637–1640) гг. село Исады значится в вотчинах за Володимером Прокофьевым, сыном Ляпуновым по государевой жалованной грамоте за подписью дьяка Неупокоя Кокошкина 140 г., что ему дано во 121 г. за царя и Великого князя Василия за московское

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Герб рода Кожиных

осадное сиденье, да по грамоте 140 г. за московское осадное сиденье, как во 126 г. стоял под Москвою Литовского короля Жигимонтов сын королевич Владислав, да за Василием Чевкиным да за Федором Колтовским».

В селе упоминаются церковь Воскресения Христова, построенная в 1735 г., и теплая церковь Николы Чудотворца, «ветха, строение мирское». В окладных книгах 184 г. «на Исадех» значится только одна церковь «Воскресения господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа с пределы», которые упоминаются в писцовых книгах 145 г. В ноябре 1816 г. владельцем села Исады полковником Иваном Артамоновым, сыном Кожиным, испрашивалось дозволение «каменную, уже ветхую Воскресенскую церковь привести в лучшее состояние на его собственный кошт». В феврале 1818 г. Кожину разрешено распространить пределы в ветхом этаже, в 1837 г. испрашивалось дозволение на освящение двух престолов в нижнем этаже. В 1875 г. был возобновлен помещиком Алексеем Ивановичем Кожиным в верхнем этаже придел Георгиевский, построенный в 1673 г. и упраздненный в текущем столетии, а в 1881 г. были возобновлены помещиком Иваном Ивановичем Кожиным остальные пределы того же этажа.

Из памятников древности, сохранившихся в Воскресенской церкви, обращает на себя внимание серебряный напрестольный крест со следующей на нем надписью: «Лета 7149 мая в 20 день на память святого мученика Фалалея и обретения честных мощей иже во святых Отца нашего Алексея митрополита Московского и всея России чудотворца сии животворящий крест Господень приложил в вотчину свою в Старой Рязани в селе Исадех и к великим мученикам Флору и Лавру и к чудотворцу Николе и к благоверному князю Владимиру Владимир Прокофьевич Ляпунов по своих родителей и себе в наследие вечных благ, доколе сия святая Божия церковь предстоит». А также золотой крест с мощами, приложенный Лукою Ляпуновым в 7186 г., пожертвованные им же серебряные вызолоченные сосуды с воздухами,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

шитыми серебром и золотом по шелковой материи, 2 евангелия XVII столетия, иконы Иоанна Предтечи и пресвятые Троицы. «На благоукрашение Воскресенской церкви имеется неприкосновенного капитала 35 тыс. руб. Церковной земли состоит под церковью и кладбищем 2 десятины усадебной. В приходе числится 1310 м.п. и 1406 ж.п., в том числе старообрядцев мужского пола 143 и женского пола 157 душ. Большая часть из них принадлежит к приемлющим австрийское священство. Школа в Исадах существует с 1868 г.»[19]

Ниже приводятся сведения о прямых предках рязанского губернатора В.Н. Кожина: «Александр Васильевич Кожин поколение (№ 3) купил от великого князя Бориса Александровича Тверского село Настасовкое (Анастасово), что доныне принадлежит его потомкам, Василий Александрович (№ 4), в иноках Варсонофий, Иван Васильевич (№ 5), служил князю Юрию Ивановичу Тверскому и пожалован волостью Инобажем, Борис Иванович (№ 6), Андрей Борисович (№ 7), помещик Кашинского уезда (1601), умер в 1608 г., Иван Андреевич Кожин (№ 8), стольник, воевода в Вятке, умер в 1646 г., Василий Иванович (№ 9), стряпчий (1664), скончался в 1679 г., Иван Васильевич (№ 10), стольник (1682–1703), дневал и ночевал у гроба царя Феодора Алексеевича 6 мая 1682 г., Никита Иванович (№ 11) (1705–1760), морского флота капрал (1742), Алексей Никитич (№ 12) (1737–1807), действительный тайный советник, жена Мария Дмитриевна Филосова, Сергей Алексеевич (№ 13), генерал-майор, убит под Фридландом в 1807 г., жена — княгиня Екатерина Михайловна Волконская (1777–1834), Павел Сергеевич Кожин (№ 14) (1801–1851), рязанский губернатор, жена — Ольга Ивановна Кусова»[20]. В 1918 г. некоторое время бывший губернатор Рязани В.Н. Кожин сидел в лагере для бывших помещиков и чуждых пролетариям элементов.

Еще одна дочь Н.В.Головнина — Мария (1847–) — была замужем за Д.Д. Малашкиным — одним из главных организаторов празднования 800-летия Рязани.

«По Определению Рязанского дворянского собрания, состоявшегося 22 февраля 1852 г., Николай Викулович Головнин с детьми его Николаем, Петром, Екатериной, Елизаветой и Мариею внесен в 6-ю часть Дворянской родословной книги Рязанской губернии и об утверждении его в дворянском достоинстве последовал указ от 4 июля 1852 г. № 6593»[21].

Дмитрий Малашкин обращается к государю: «Всепресветлевший, Державнейший, Великий Государь Николай Павлович, Самодержец

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Всероссийский и прочая, прочая, прочая. Просит Рязанской губернии города Спасска 1-й гильдии купец Дмитрий Данилов сын Малашкин. По состоянию купечества, пробыв 17 лет во 2-й гильдии по Рязани и в г. Спасске 1850 г. во 2-й гильдии, а с 1851 г. по сие время состою купцом 1-й гильдии. И так находясь с 1833 г. 18 лет во второй и два года в первой гильдии беспрерывно, желаю воспользоваться правом на потомственное почетное гражданство. Жительство имею Рязанской губернии и уезда в селе Казаре. Вторая жена — Пелагея Гавриловна. Дети: Константин, Николай, Леонид, Дмитрий, Владимир, Марья, Любовь, Раиса, Клавдия. Решено 28.02.1852 г.»[22]

«Свидетельство. По указу Его Императорского Величества дано сие из Рязанской казенной палаты, Спасскому 1-й гильдии купцу Дмитрию Данилову сыну Малашкину, вследствие поданного от него прошения и состоявшегося по оному 30.01.1852 г. определения, для представления в Герольдию на предмет ходатайства о возведении его с семейством в потомственные почетные граждане, в том, что он поступил в купечество Калужской губернии Перемышльского уезда деревни Разсудовой из экономических крестьян, причислен был Казенною Палатою в сие звание в 1831 г. и состоял по г. Рязани в одной ревизской душе во 2-й гильдии с 1833 по 1852 г., на 1850 г. во 2-й гильдии по г. Спасску, а на 1851 и 1852 г. по г. Спасску в 1-й гильдии, с женою Пелагеею Гавриловною и детьми. 1.02.1852 г.»[23]

«Свидетельство. По указу ЕИВ, из Рязанской духовной консистории, вследствие прошения г. Спасска 1-й гильдии купца Дмитрия Данилова Малашкина, о выдаче ему метрического свидетельства о рождении и крещении детей его от 1-го брака: Марьи, Любови, Константина и от 2-го брака Николая, Леонида, Раисы, Дмитрия, Клавдии и Владимира, рождены же они: Марья в 1836.19.07, Любовь в 1837.09.09, Константин в 1838.30.09, Николай в 1841.02.11, Леонид в 1843.30.03, Раиса в 1845.12.08, Дмитрий в 1847.02.03, Клавдия в 1848.05.10 и Владимир в 1851.03.07 г. и крещены они Рязанского уезда в селе Казари. По метрическому свидетельству за 1836 г. под № 11 села Казари у купца Дмитрия Даниловича Малашкина и законной жены его Евдокии Васильевой родилась дочь Мария 19 июля»[24].

«Свидетельство. По указу ЕИВ из Московской духовной консистории, вследствие прошения Рязанского 1-й гильдии купца Дмитрия Даниловича Малашкина о даче ему метрического свидетельство о браке его: первым с дочерью Верейского купца Василия Ивановича Шокина Авдотьею Васильевною и второго с дочерью московского

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

купца Гавриила Кононова Боткина в том, что в метрических книгах записано: 1 — города Верей Ильинской церкви 1831 г. 24 июля женился рязанский купец Дмитрий Данилов Малашкин, понял за себя Верейского купца Василия Ивановича Шокина дочь девицу Авдотья Васильевна. Брак венчал священник Иоанн с причтом. 2 — Московской Воскресенской за Даниловым монастырем церкви за 1839 г. 8 января женился рязанский 2-й гильдии купец Дмитрий Данилов Малашкин, вдовый, после первого брака, понял за себя Московскую Садовой большой слободы мещанку девицу Пелагею Гавриловну Боткину. Брак венчал священник Федор Васильев с причтом 21.01.1852 г.»[25]

Дмитрий Данилович Малашкин получил грамоту на потомственное почетное гражданство: «Божиею Милостию. Мы, Николай Первый, Император и Самодержец Всероссийский, и прочая, прочая и прочая. Манифестом Нашим в 10-й день апреля 1852 г. установлено сословие почетных граждан на правах, в оном предначертанных; а как верноподданный Наш Спасский первой гильдии купец Дмитрий Малашкин представленными актами доказал право на потомственное почетное гражданство; то возведя онаго Спасского первой гильдии купца Дмитрия Малашкина, с женою его Пелагеею Гавриловною и детьми их: сыновьями: Константином, Николаем, Леонидом, Дмитрием, Владимиром и дочерьми, девицами: Марьею, Любовью, Раисою, Клавдиею в сословие почетных граждан, Всемилостивейше повелеваем пользоваться как ему, так и его потомству всеми правами и преимуществами, Манифестом Нашим сему сословию дарованными. Во свидетельство чего повелеваем Мы сию грамоту Правительствующему Сенату подписать и Государственною Нашею печатью укрепить. Дана в Санктпетербурге июля 28 дня 1854 г. Сенатор и кавалер Иосиф Гурко, сенатор и кавалер Николай Карышев, сенатор и кавалер барон Павел Критвик, сенатор и кавалер князь Сергей Давыдов, состоящий в должности герольдмейстера и кавалер В. Философов»[26].

Его внук стал революционером-максималистом: «Малашкин Владимир Дмитриевич (1880–1921) родился в Рязани в семье потомственного почетного гражданина. Партийная принадлежность — социалист-революционер-максималист». Участник заговора 1905–1907 гг. В 1908 г. осужден на 10 лет каторги. В Шлиссельбурге с 1910 г., переведен туда из Псковского централа, освобожден из Шлиссельбургской крепости в 1917 г. После Февральской революю-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ции 1917 г. придерживался большевистских взглядов. Умер в Крыму от туберкулеза в 1921 г., и о нем в журнале «Прометей» была напечатана статья[27].

Елизавета Николаевна Малашкина (1884–), дочь учителя 2-й Рязанской гимназии, в начале 1903 г. заболела воспалением легких. Врачи поставили неверный диагноз: скоротечная чахотка. 7 марта 1903 г. Малашкина обратилась к Л.Н. Толстому за поддержкой и утешением[28].

Ольга Николаевна Малашкина состояла в переписке со знаменитым композитором: «Глубокоуважаемый Monsieur Римский-Корсаков! Простите, пожалуйста, что я, не будучи Вами знакома, тем не менее, обращаюсь к Вам с просьбой. Я сама пою, и, конечно, весь мой репертуар состоит из Ваших дивных пьес. Я давно еще думала, но все не решалась написать Вам, наконец решилась и пишу Вам мою просьбу. Дело в том, мне бы страшно хотелось иметь Вашу фотографическую карточку с подписью, сделанную Вашей рукой — рукой такого великого человека, как Вы. Если Вы исполните мне мою просьбу, я буду счастливейшим человеком в мире. Еще раз прошу Вас исполнить, пожалуйста, мою просьбу, за исполнение я буду бесконечно благодарна Вам. Глубоко уважающая Вас, почитательница Вашего таланта Ольга Малашкина. Мой адрес: Рязань, редакция газеты "Рязанский листок" Ольге Николаевне Малашкиной»[29].

Сын Николая Николаевича Головнина (1841–), капитан 1-го ранга Петр Николаевич Головнин (1862–), «из дворян, уроженец Рязанской губернии, женат первым браком на дочери губернского секретаря Смыкова, девице Екатерине Петровне, имеет дочь Елизавету (1889–), награжден орденами: Св .Станислава 2-й и 3-й ст., Св. Анны 2-й и 3-й ст., серебряной медалью в память царствования Императора Александра III, серебряной медалью в память священного коронования Императора Николая II, бронзовой медалью за труды по первой всеобщей переписи населения, светло-бронзовой медалью в память событий в Китае в 1900–1901 гг. Закончил Морской кадетский корпус, в 1882 г. произведен в гардемарины, приказом младшего флагмана командующего сводным отрядом флотских экипажей от 4 октября 1891 г. № 4 назначен командиром 3-й роты команды броненосного крейсера "Рюрик", на этом крейсере совершил плавание к берегам Китая, приказом командующего эскадрой на Тихом океане № 357 при занятии Порт-Артура назначен начальником западного отряда эскадренного десанта на Тигровый полуо-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

стров 14 марта 1898 г. Предписанием Главного морского штаба назначен 4 сентября 1900 г. посредником на иностранные пароходы для сопровождения сухопутных войск на Дальний Восток, 6 сентября 1902 г. приказом главного начальника командующего войсками Квантунской области морскими силами Тихого океана № 1103 предоставлено право ношения светло-бронзовой медали в память подвигов, оказанных нашими войсками в китайском походе 1900–1901 гг. В 1909 г. произведен в капитаны 1-го ранга»[30].

Дмитрий Яковлевич Головнин «в 1810 г. был мичманом. Просил тогда Герольдию составить роду Головниных потомства Игнатия Головнина герб. Вследствие этой просьбы герб был составлен, и 5 августа 1816 г. Высочайше утвержден»[31].

«4 марта 1830 г. в Тамбовском дворянском собрании слушали прошение липецкого Предводителя дворянства капитан-лейтенанта Дмитрия Яковлевича Головнина, который представил: подлинный Указ из Государственной Адмиралтейств-коллегии 23 марта 1820 г., данный ему при отставке от службы, копию 22 января 1830 г. за свидетельством Липецкой дворянской опеки с формулярный списком о службе, три свидетельства: 1 30 ноября 1829 г. № 5764 из Рязанской духовной консистории и два — 21 декабря 1828 г. № 8067, 8068 из Тамбовской духовной консистории, выданные о времени рождения и крещения его детей. Просит внести детей в Дворянскую родословную книгу и выдать грамоты о дворянском происхождении».

В Формулярном списке Дмитрия Яковлевича Головнина указывается: «35 лет, имеет родовое имение в Тамбовской губернии, Липецкой округи в селе Лосиный лук 15 душ, у жены родовое имение Липецкой округи в деревне Красиловка 13 душ. Приобретен в Липецке деревянный дом. Воспитывался в Морском кадетском корпусе, куда поступил кадетом 15.05.1808 г., 1809 г. — гардемарин, выпущен во флот мичманом 1.04.1811 г., произведен в лейтенанты 29.04.1813 г. За бытность нашей эскадры в 1810 г. в Балтийском море получил с прочими Монаршее благоволение. За оказанное при взятии в 1807 г. острова Тенедоса и в 1812 г. острова Ленкорана, за отличие награжден орденом Св. Анны 3-й степени. По болезни уволен капитан-лейтенантом с мундиром. По выбору дворян избран Предводителем Липецкого дворянского собрания в 1823 г. Женат на Анастасии Васильевне и имеет детей: Василия (1820–), Якова (1821–), Григория (1823–), Петра, Дмитрия, Владимира, Анну, Александру, Надежду, Веру (1835–), Любовь (1837–)»[32].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Отец Дмитрия Яковлевича ссылается на важные документы: «17 января 1807 г. По Указу Его Императорского Величества губернский Предводитель дворянства и уездные дворянские депутаты Тамбовской губернии рассматривая представленные документы липецкого помещика, поручика Якова Григорьева сына Головнина на дворянское его достоинство грамоту 1794 г. 28 ноября Рязанской губернии от губернского предводителя дворянства и уездных дворянских депутатов данную отцу сего просителя подполковнику Григорию Кириллову сыну Головнину, что по представленным от него о дворянском достоинстве доказательствам, он и род внесен в ДРК Рязанской губернии в 6-ю часть, а что он проситель точно оному родной сын о том к удостоверению представил роспись данную в 1806 г. из Рязанской гражданской палаты, из копии видно, что оставшееся после отца просителя подполковника Григория и матери Надежды Головниных имение состоящее в разных районах губерний разделено с братьями и сестрами по частям, в том числе досталось и ему Якову Головнину Тамбовской губернии в Козловской округи, справка об отставке его просителя с чином поручика данной ему в 1789 г., и от городской межевой конторы пашпорт при чем поколенную роду его роспись и по форме список просит о внесении его с родом в РДК Тамбовской губернии в 6-ю часть и надлежащую грамоту учинить. Якову Григорию 50 лет, женат, имеет троих сыновей. Крестьян за ним в Тамбовской губернии, Липецкого округа в сельце Григорьевском 19 душ, да в Рязанской губернии Сапожковской округи в сельце Озерках 12 душ. Приказали: внести поручика Якова Головнина с родом в ДРК в 6-ю часть»[33].

Генеалогические исследования привели к неожиданному продолжению, в декабре 2012 г. П.А. Головнин получил письмо из Франции от потомка Надежды Фортунатовны Головниной и ее мужа Евстафия Евстафьевича Cresson (1836–) — Alain C. Bourbonnaud. Alain тоже занимается своей родословной, пытается найти родственников и документы о своих предках в России.

В Формулярном списке Фортуната Вуколовича Головнина от 30 ноября 1848 г. указано: «От роду имеет 40 лет, в Харьковской губернии за ним благоприобретенное 4 души крестьян и 200 десятин земли, а за женою в этой же губернии 240 душ крестьян и 3400 десятин земли и в Екатеринославской губернии 30 душ крестьян и 1050 десятин земли. При крещении дочери Надежды, рожденной 17 ноября 1844 г. от родителей, квартирующихся в селе Токарях ротмистра, командира 3-го эскадрона

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Фортуната Головнина и его супруги Веры Ивановны. Восприемниками были: помещик поручик Вукол Григорьев сын Головнин и села Токарей помещика, майора Ивана Евграфова сына Смагина дочь девица Анна Иванова. Таинство крещения совершал священник Иоанн Флоринский. 13 июня 1856 г. Харьковское дворянское депутатское собрание рассмотрело прошение вдовы Веры Ивановны о внесении в Родословную книгу во 2-ю часть по Изюмскому уезду. Согласно просьбе госпожи Головниной выдано на имя дочери свидетельство о дворянстве, которое вместе с метрикой передать к делам Харьковского губернского Предводителя дворянства, по случаю зачисления ее Надежды Головниной в кандидатки здешнего Института»[34].

В Формулярном списке о службе и достоинстве гусарского наследного гросс-герцога Саксен-Веймарского полка ротмистра Фортуната Головнина от 16 сентября 1847 г отмечается: «Кавалер орденов Св. Владимира 4-й ст., Св. Анны 3-й ст., Св. Станислава 4-й ст. и имеет знак отличия беспорочной службы за XV лет. 8 марта 1819 г. — кадет в Императорском военно-сиротском доме (ныне — Павловский кадетский корпус), 22 июля 1826 г. — унтер-офицер, 25 июня 1827 г. — корнет и переведен в Ея Императорского Величества Великой княгини Екатерины Михайловны Уланский полк, 30 марта 1833 г. назначен на вакансию поручика, 5 июня 1834 г. назначен на вакансию штабротмистра и переведен в Ингерманландской гусарский полк, что ныне Саксен-Веймарский, с оставлением в резервном эскадроне Уланском полку, 4 мая 1836 г. утвержден командиром эскадрона, 15 июня 1842 г. причислен в действующий эскадрон, 30 июня 1842 г. назначен командующим эскадрона, 4 октября 1839 г. назначен ротмистром. Женат до дочери помещика Ивана Махвилова девице Вере и имеет дочь Надежду, которой 2 года. В походах находился: в кампании против польских мятежников в 1831 г. по выступлении из Округа Украинского военного поселения с 16 апреля по 8 августа на Волынь под командою генерал-майора Махова в составе 1 армии, потом по присоединению 2 бригады к 1-ой под командою начальника 2 Уланской дивизии в составе Резервной армии с 25 сентября за границей в Царстве Польском до города Ломзы по 29 сентября, а оттуда в обратном следовании в российские пределы на квартиры в округ военного поселения по 8 декабря 1831 г.».

Ниже приводится краткая история возникновения в Европе и России масонского движения, а также перечисляются политические события, происходившие в 1733 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

В XII–XIII вв. по всей Европе, а особенно в германских землях, широко разворачивается строительство храмов и других церковных зданий. Архитекторы, скульпторы, художники и рабочие, возводившие храмы, поселялись, как правило, вблизи места строительства, а свои инструменты хранили в особых помещениях, именовавшихся ложами. Тайна строительного ремесла тщательно оберегалась от непосвященных. Таким образом, были созданы и конституированы объединения или союзы строителей церковных зданий — ложи, которые распространились вскоре почти во всех западноевропейских странах. Достоянием историков стал счет, выставленный за строительство аббатства Вале Ройяль в 1278 г., в котором мастерская каменщиков уже названа «ложей». Средневековые «ложи» — гильдии свободных каменотесов — имели собственный суд, устав и благотворительную кассу.

Документально доказано не только существование таких лож в те годы в Кёльне, Вене, Страсбурге и Берне, но и то, что все они поддерживали тесные контакты друг с другом. В 1376 г. в грамоте, оставленной в Лондоне, упоминается понятие «фримейсон», которое было переведено на немецкий язык как «фраймаурер» — «вольный каменщик». Цехи каменщиков не были самыми старыми или самыми влиятельными среди других цехов. Первое упоминание о них в официальных документах относится к концу XIV в., когда гильдия строителей была отнесена ко второму разряду. Но уже в 1411 г. лондонский цех каменщиков был инкорпорирован (включен в число официальных учреждений), а в 1472 г. получил свой герб. С 1481 г. королевским указом членам этого объединения было дано право носить мундир, они получили весь объем прав и привилегий, которыми пользовались самые крупные и влиятельные гильдии ремесленников.

Одна из важнейших привилегий каменщиков — свобода передвижения, которая была необходима по роду профессии, поскольку средневековым строителям приходилось переезжать из города в город возведения замков, домов знати, церквей и соборов. В те времена все податные слои общества были обязаны соблюдать жесткие законы об оседлости. Каменщики были единственными податными жителями Англии, которым было позволено свободно передвигаться по стране. Поэтому их стали называть «вольными». Так появилось нынешнее название «франкмасон» (free mason) — «вольный каменщик».

Древнейший документально подтвержденный случай участия в масонских трудах нестроителя относится к Эдинбургской ложе

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Шотландии: 3 июня 1600 г. на собрании присутствовал сэр Джон Босуэлл, лорд Очинлекский. С тех пор присутствие шотландской знати в ложах становится событием заурядным. В Абердинской ложе в 1670 г. из 49 членов только 12 были профессиональными каменщиками, остальные были пасторами, коммерсантами, представителями интеллигенции (учеными, писателями) или дворянского сословия.

По мере роста числа лож возникала необходимость координировать их деятельность. Поэтому в Лондоне в 1717 г. четыре ложи объединились и создали своеобразный орган надзора — Великую ложу, ежегодные собрания которой привлекали повышенное внимание общества и превращали орден в динамично растущее образование. В Англии между 1737 и 1907 г. в братстве состояли шестнадцать принцев, четверо из которых впоследствии стали королями. С годами масонство совершенствовало свою организацию. В 1723 г. в Англии была опубликована «Книга уставов», написанная шотландским священником Джеймсом Андерсеном. Этот документ гласил, что представители различных религиозных течений должны суметь объединиться в дружественной атмосфере ложи для спокойного обсуждения новых идей. С тех пор терпимость и непредубежденность стали законом, свято соблюдающимся в масонских трудах. Типографским способом «Уставы» были изданы в Америке (в Филадельфии) в 1734 г. Великим магистром ордена Бенджамином Франклином. В конце 30-х годов XVIII в. ложи существовали в Бельгии, России, Италии, Германии, Швейцарии. В 1735 г. в Париже действовали 5 лож, к 1742 г. их число возросло до 22, а через 45 лет, накануне Французской революции, количество масонов достигало 100 тыс.

Состоявшие в братстве ученые стремились найти истоки представлений масонов об общественной морали в древних этических и религиозных учениях. Они одними из первых заметили родство древних религий и этических систем между собой, открыли сходство космогонических представлений о мире у различных народов. Так стало принимать современную форму представление о Великом Строителе Вселенной, воплотившем в себе черты верховного божества различных народов. Масонам удалось восстановить смысл античных мистерий, посвятительных обрядов жрецов Древнего Египта, расшифровать тайны карт Таро, по-новому прочесть предания арийских народов Центральной Азии, увидеть глубинное родство между этикой индуизма, буддизма, конфуцианства, даосизма, других религиозно-фило-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

софских систем Востока и этикой Ветхого Завета и христианства. Постепенно масонство превращалось в синтетическое, универсальное этико-философское учение, что дало ему возможность распространиться по всему миру, не конфликтуя при этом с религиозными системами, отличными от христианской религии.

Днем рождения нового, одного из самых изолированных от общества секретного течения считается 24 июня 1717 г., когда «вольные каменщики» из лондонской ложи «Гусь и противень» (по имени таверны, где обычно собирались франкмасоны) приняли братьев из трех других лож, находившихся в столице Англии: «Короны», «Яблони» и «Виноградной грозди». Именно в «Гусе и противне» и было принято решение создать организацию — первую Великую ложу масонов. Великий мастер и Великий надзиратель увенчали эту иерархию. А уже через 15 лет Великая ложа стала центром всего английского масонства (к 1733 г. в Англии насчитывалось уже 126 лож), а через 30 лет — под названием «Великой материнской ложи» — «вольных каменщиков» всей планеты. После учреждения Великой ложи Англии начался бурный рост масонства. В 1724 г. в подчинении Великой ложи Англии находились 52 ложи. В 1725 г. возникает ложа в Париже, в 1728 г. — в Мадриде, в 1729 г. — в Гибралтаре, в 1733 г. — в Гамбурге, в 1735 г. — в Гааге и Стокгольме, в 1738 г. — создается польская ложа. 30 июля 1733 г. в США была открыта первая масонская ложа. Это произошло в Бостоне.

Среди русских масонов было распространено предание о том, что первая масонская ложа в России была учреждена Петром Великим немедленно по его возвращении из первого заграничного путешествия: сам Кристофер Врен, знаменитый основатель английского масонства, будто бы посвятил его в таинства ордена; мастером в основанной Петром ложе был Лефорт, Гордон — первым, а сам царь — вторым надзирателем. Предание это, лишенное документальной основы, находит лишь косвенное подтверждение в том высоком уважении, которым имя Петра пользовалось среди русских братьев XVIII в., распевавших на своих собраниях известную «Песнь Петру Великому» Державина. Оно показывает только, что наши масоны (сознательно или бессознательно) связывали с масонскими идеями преобразовательную деятельность Петра, «которая была в России таким же нововведением в смысле цивилизации».

Первый параграф Конституции масонов, составленный в 1723 г. пресвитерианским пастором и доктором богословия и философии

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Джеймсом Андерсеном, гласит: «Масон по самому положению своему подчиняется законам морали и не может стать ни бессмысленным атеистом, ни лишенным нравственности нечестивцем». Вера в бога и бессмертие души — это условие было одним из обязательных при вступлении в ряды «вольных каменщиков».

К масонству принадлежали многие выдающиеся деятели. Масонами была написана американская Конституция, которая впервые в истории сделала права человека высшим государственным законом. К масонскому братству принадлежали композиторы Вольфганг Амадей Моцарт, Ференц Лист, Йозеф Гайдн, Людвиг ван Бетховен, Никколо Паганини, Яков Сибелиус, писатели и поэты Иоганн Вольфганг Гёте, Рабиндранат Тагор, Вальтер Скотт, Оскар Уайльд, Марк Твен, поэты Александр Поп, Роберт Бернс, Редьярд Киплинг. Теодор Рузвельт и целый ряд других американских президентов также были масонами, как и Уинстон Черчилль. Английский король Эдуард VII до вступления на престол состоял в братстве. В масонскую ложу входили такие известные люди, как Джон Джейкоб Астор и Генри Форд, авиатор Чарльз Линденберг, совершивший первый одиночный перелет через Атлантику, полярные исследователи Роберт Пири, Мэтью Хенсон, адмирал Ричард Берд. Американский астронавт Эдвин Олдрин, ступивший на поверхность Луны 21 июля 1969 г., нес в кармане знамя с масонскими эмблемами. Не менее известными и выдающимися людьми были и русские масоны: Александр Сергеевич Пушкин, Александр Васильевич Суворов, Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, Сумароков, Новиков, Баженов, Левицкий, Боровиковский, Жуковский, Грибоедов, Аполлон Григорьев, Волошин, Гумилев, Алданов, Адамович. Философско-этические взгляды Льва Толстого были очень близки масонству, что он сам признавал.

Михаил Осоргин, выдающийся русский писатель, так определил масонство в одной из своих речей: «Масонство — вовсе не система нравственных положений, и не метод познания, и не наука о жизни, и даже, собственно, не учение. Идеальное каменщичество есть душевное состояние человека, деятельно стремящегося к истине и знающего, что истина недостижима... Братство вольных каменщиков есть организация людей, искренне верующих в приход более совершенного человечества. Путь к совершенствованию человеческого рода лежит через самоусовершенствование при помощи братского общения с избранными и связанными обещанием такой же над собой работы. Значит — познай себя, работай над собой, помогай

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

работе над собой другого, пользуйся его помощью, умножай ряды сторонников этой высокой цели. Иначе — союз нравственной взаимопомощи».

Старший научный сотрудник Артиллерийского музея Санкт-Петербурга А.Н. Кулинский, крупнейший специалист по русскому и европейскому холодному оружию, увидев принесенные фотографии масонского топорика, сообщил что, по всей видимости, это именно «саксонский цеховой (горняков) топорик». Дата «1733» на древке топорика — в память о кончине короля польского Августа II, который скончался 11 февраля 1733 г. В это время между Россией, Австрией и Францией возникли политические осложнения по вопросу престолонаследия. Россия и Австрия объявили Примасу, что они будут покровительствовать избранию курфюрста саксонского под именем Августа III на польский престол, русскую партию поддержали влиятельный епископ Краковский и Познанский и князь Вишневецкий (родовой герб «Тражска» которого принадлежит и дворянам Любиевским, Любевским, Глинка; прапрабабушка автора статьи — Елена Николаевна Любиевская (1834–1904) тоже принадлежит к этому роду).

Франция со своей стороны поддерживала короля польского Станислава, и начались военные действия. Императрица Анна Иоанновна дала повеление генералу графу Ласси вступить в пределы Польши. После прибытия к осажденному Данцигу главнокомандующего графа Миниха возобновились активные военные действия, и только 30 июня 1734 г. магистрат Данцига подписывает капитуляцию и признает королем польским Августа III. Станиславу к этому времени удалось бежать из города[35].

В Артиллерийском музее Санкт-Петербурга хранится «топорик саксонский цеховой, середины XIX в.» (№ 523): «...на правой плоскости топора изображен саксонский герб и эмблема горняков — скрещенные молоток и кувалда. Деревянное топорище украшено костяными вставками с резными изображениями работающих горняков. Нижняя часть топорища полностью закрыта костяной накладкой, на которой с правой стороны изображен саксонский герб под короной, с левой стороны — скрещенные молоток и кувалда, дата “1728” и аббревиатура “J.G.H.” В средней части топорища с левой стороны на костяной вставке — скрещенные молоток и кувалда в венке и дата “1837”». Топорик поступил в Артиллерийский музей в 1947 г. из воинской части. Общая длина — 837 мм, длина топора по лезвию —

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

213 мм, ширина топора от лезвия до обуха — 213 мм. Длина топорища — 665 мм, масса — 1000 г.

Второй — «топорик польский цеховой, 1767 г.»: «...плоскости топора украшены травлением. С обеих сторон изображен польский орел. С правой стороны — вензель “SAR” (польский король Станислав Август, правивший с 1764 по 1795 г.) и дата “1767”». Деревянное топорище полностью закрыто костяными накладками, украшенными разными изображениями польских королей, святых, библейских сюжетов. Топорик поступил в Артиллерийский музей до 1935 г. Общая длина — 918 мм, длина топора по лезвию — 246 мм, ширина топора от лезвия до обуха — 230 мм, длина топорища — 712 мм, масса — 1150 г.[36]

Возможно, в семье Головниных хранится именно «топорик саксонский цеховой» с датой «1733» и аббревиатурой «J.G.F.P.» Остается только раскрыть тайну этой аббревиатуры и вспомнить слова В. Гёте: **«Тот, кто поставит себе за правило проверять дело мыслью, а мысль — делом, не может ошибаться, а если он и ошибается, то скоро снова нападет на правильный путь»**[37].

Вот такими были потомки и родственники знаменитого мореплавателя В.М. Головнина. Занимая важные государственные посты, они честно и бескорыстно служили Родине, выполняли ответственные поручения и храбро защищали Отечество практически во всех военных конфликтах XVIII–XX вв.

Родословная дворянского рода Вагнер (14)
Бартоломей Вагнер
I
Готфрид
I
I----------I
Ян-Николай Ержи-Ернст
Адам
I----------I----------I
Игнацы ксендз Ян, прокуратор Быдгощеский ксендз Андрей
I
I----------I----------I
Андрей-Ян, ж. — Амелия-София Сымон Якуб
I
I----------I----------I----------I

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

«Указ ЕИВ из Герольдии, Виленскому ДДС. По прошению чиновника 9 класса, председателя Виленской Евангелической коллегии Карла Вагнера об утверждении его в дворянстве, определено: Андрей-Иван Игнатьевич Вагнер от имени своего и младших братьев Семена и Якова в 1716 г. доставшееся им после смерти отца их Игнатия Вагнера, бывшего секретарем при Польском Короле, имение Потешуве, равно и приобретенная им продал помещику Ботишевскому. От Андрея произошли сыновья: Ян, Андрей-Бениамин, Мартин, Якуб-Людвиг. В доказательство сего представляются метрические свидетельства и привилегии Короля Польского Станислава-Августа, данная в 1791 г. Мартину Вагнеру на чин надворного советника. От Мартина произошел Карл-Фердинанд, который имея 9 классов служит президентом Виленского евангелического Общества. От него произошли сыновья Сигизмунд-Богуслав и Ольгерд-Карл, от Яна произошли: Карл-Даниэль, Кршиштоф-Бениамин. От Карла Казимир, от Кршиштофа Ян-Людвиг, Константин-Павел. (с. 126) Формулярный список о службе, составлен 31.12.1883 г. Надворный советник Людвиг-Иван Христофорович Вагнер, помощник библиотекаря Императорского Университета, 70 лет. Женат вторым браком на дочери коллежского секретаря Хотяновского Софии Федоровой. Имеет детей от первого брака: Владимира (9.05.1854–), Александра (12.04.1858–), Павла (29.06.1860–), Георгия (14.04.1873–), Марию (29.06.1861–), Софию (12.02.1863–), Лидию (11.09.1864–), Елену (8.05.1867–). Именным высочайшим указом от 3.08.1880 г. Всемилостивейше дозволено рожденным от расторгнутого брака его с Софией Хотяновскою, детям его принять его фамилию и вступить во все права по роду. Приговор. 27.05.1878 г., в г. Саратове, по указу ЕИВ, Саратовский окружной суд слушали в публичном заседании дело о надворном советнике Иване-Людвиге Христофорове Вагнере, обвиняемого в двоеженстве. Имея виде, что решением присяжный заседателей Вагнер признан не виновным в совершении возведенного на него преступления, Окружной Суд постановил: подсудимого надворного советника Иван-Лювига Вагнера, 63 лет, признать по суду оправданным. Поручик Владимир Людвигович Вагнер (1854–), участник войны 1877 года. Свидетельство. По указу ЕИВ, из Казанской Духовной Консистории, вследствие прошения жены надворного советника Софии Федоровой Вагнер, выдано ей свидетельство, что по метрической книге Казанско-Богородицкой церкви секла Буракова Спасского уезда за 1874 год записано: 12.04, крещен 20.04. Георгий. Родители его: Спасской Земской Управы 3 участка медицинский доктор Людвиг Христофоров Вагнер и жена его София Федоровна. 18.04.1885 г. В Правительствующий Сенат Саратовское ДДС. Рапорт. Указ ЕИВ из Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии, последовавший Саратовскому ДДС от 18.03. за №1221 об утверждении постановления Собрания 4.05.1884 г., о сопричислении Владимира и Георгия, сыновей надворного советника Ивана-Людвига Христофорова Вагнера к роду Вагнеров со внесением в 1 часть ДРК Саратовской губернии. 12.03.1885 г. Свидетельство. В метрической книге за 1858 г., Балашовского уезда, села Бельщины записано: рожден 15 апреля 1858 г. Александр, родители его надворный советник Людвиг Христофоров Вагнер и София Федоровна.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Родословная рода Вагнер			
Карл-Фердинанд			
Ольгерд-Карл			
Витольд-Мартин-Каликс, жена Елена Замацкая			
I----------I----------I----------I			
Карл(28.05.1880–) Витольд (26.05.1889–) Елена (17.05.1879–) Мария-Амелия (22.07.1887–)			
I (табл. 2) I			
I----------I I----------I			
Михаил	Карл-Фердинанд	Карл-Фридрих	Дозефат
	Сигизмунд-Богуслав		Ян
Таблица 1			
Ян Андреевич Вагнер			
I----------I----------I			
Карл	Даниил	Криштоф-Бениамин	
I		I	
I	I----------I		
Казимир	Ян-Людвиг	Константин-Павел	
Составлено верно: с определения Виленского ДДС от 9 марта 1817 г.			

1. Собрание фамильных актов дворян Головниных. СПб., 1854. С. 9.

2. *Вагнер Г.К.* Старые художники и архитекторы Рязани. Рязань, 1960. *Он же.* Декоративное искусство и архитектура Руси X–XIII вв. М., 1964; *Он же.* Мастера древнерусской скульптуры. М., 1966; *Он же.* Дмитриевский собор. Л., 1969; *Он же.* Белокаменная резьба древнего Суздаля. М., 1975; *Он же.* Канон и стиль в древнерусском искусстве. М., 1987; *Он же.* Византия и Русь. М., 1989; *Он же.* Искусство мыслить в камне. М., 1990; *Он же.* В поисках истины. М., 1993; *Он же.* Искусство Древней Руси. М., 1993.

3. Собрание фамильных актов дворян Головниных. СПб., 1854. С. 10.

4. РГИА. Ф. 1343. Оп. 37. № 30671. Записки по делам о причислении к дворянству, составлении диплома и герба и присвоении графского и княжеского титулов. Вагнер–Вукотич, 1827–1903. С. 1–6, № 180.

5. ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. № 322.

6. *Кашницкий С.* Минувшее меня объемлет живо // Московский комсомолец. 1980. 14 сент.

7. Географический атлас. 1896.

8. *Брокгауз и Ефрон.* Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Т. XVII. С. 75–76.

9. Известия. 1992. 21 апр. № 95.

10. И. Смирнов «Хроника Охотской флотилии».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

11. ГАТО. Ф. 161. № 996. С. 75, 84.
12. ГАТО. Ф. 161. № 996. С. 211.
13. ГАТО. Ф. 161. № 996. О дворянском роде поручиков Якова, Вукола и лейтенанта Дмитрия Григорьевых детей Головниных. С. 191.
14. Там же. С. 50.
15. Там же. С. 265.
16. ЦГИА СПб. Ф. 2. Оп. 1. № 6502. С. 4–5.
17. Там же. С. 7.
18. *Кожин В.Н.* Село Исады на Оке-реке. 1915.
19. Историко-Статистическое описание церквей и монастырей Рязанской Епархии / составил священник Иоанн Добролюбов. Зарайск, 1884. Т. 4. С. 194–196.
20. *Руммель В.В., Голубков В.В.* Родословный сборник русских дворянских фамилий. 1886. Т. 1. С. 380–392.
21. ГАРО. Ф. 98. Арх. № 15. Св. № 47. Дело о дворянском роде Головниных (1723–1916).
22. РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. № 2889. Дело по прошению Спасского 1-й гильдии купца Дмитрия Данилова сына Малашкина о возведении его с семейством в потомственное почетное гражданство. 1854. С. 6.
23. Там же. С. 8.
24. Там же. С. 12.
25. ГАТО. Ф. 161. № 996. С. 16.
26. РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. № 2889. Дело по прошению Спасского 1-й гильдии купца Дмитрия Данилова сына Малашкина о возведении его с семейством в потомственное почетное гражданство. С. 52.
27. Ленпартархив. Ф. 4000. Оп. 7. № 348. С. 28; Прометей. 1972. № 9. С. 290–296.
28. *Толстой Л.Н.* Собр. соч. Т. 73. С. 66–67.
29. ОР РНБ. Ф. 640. Оп. 1. № 944. Письма Малашкиной Ольги Николаевны Николаю Андреевичу Римскому-Корсакову, Рязань.
30. РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 9. № 911.
31. Собрание фамильных актов дворян Головниных. СПб., 1854. С. 10.
32. ГАТО. Ф. 161. № 996. С. 120.
33. РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. № 3187. Морское училище, Головнины Василий, Григорий, Яков Дмитриевичи, 1830 г. С. 2–5.
34. *Кожин В.Н.* Село Исады на Оке-реке. 1915.
35. *Всеволожский М.Н.* Хронологический указатель внешних событий русской истории от Варягов до Николая I. 1845. С. 189.
36. *Кулинский А.Н.* Европейское холодное оружие. СПб., 2003. С. 458.
37. *Гёте В.* Сочинения. Т. VIII. С. 295–296.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

XX век

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

М.Т. Валиев

МАКС И РИХАРД ФАСМЕРЫ — ВРЕМЯ И СУДЬБЫ

Настоящей статьей мы продолжаем серию очерков о судьбах выпускников знаменитой петербургской гимназии Карла Мая[1]. На этот раз героями нашего рассказа станут два брата, два «майских жука» выпуска 1903 и 1906 гг. — Макс-Юлий-Фридрих Рихардович Фасмер (1886–1962) и Рихард-Вильгельм-Георгий Рихардович Фасмер (1888–1938).

Рис. 1. Макс Фасмер (1886–1962)

Рис. 2. Рихард Фасмер (1888–1938)[2]

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Первое десятилетие XX в. можно считать периодом наивысшего расцвета школы Карла Мая. Заслуженная репутация одного из лучших средних учебных заведений имперской столицы подтверждалась плеядой знаменитых выпускников[3]. Как никогда был силен педагогический коллектив школы, свято чтивший заветы отца-основателя гимназии Карла Мая. В 1890 г. после выхода в отставку К.И. Мая школу возглавил ее ровесник, выпускник 1876 г. В.А. Кракау (1857–1935). С 1906 г. третьим по счету и первым выборным директором гимназии стал талантливый педагог, хранитель майских традиций А.Л. Липовский (1867–1941). В том же 1906 г. школа весело отметила свой 50-летний юбилей[4], в 1910 г. торжественно переехала в новое здание на 14-ю линию Васильевского острова[5].

К сожалению, ситуация за стенами школы резко отличалась от благополучного и спокойного течения школьной жизни. Начало XX в. омрачалось возрастающим социальным напряжением, революционными потрясениями, крайне неудачной Русско-японской и надвигающейся Первой мировой войнами. В российском обществе возрастали антинемецкие настроения, что не могло не отразиться на традиционно считавшейся немецкой школе Карла Мая. Спокойная и доброжелательная позиция педагогического коллектива гимназии старательно ограждала юношей от опасностей мятежных настроений. Конечно, в воспоминаниях выпускников школы встречаются рассказы о бунтарских всплесках, отказах от уроков немецкого языка, обструкции преподавателей-немцев, но, обладая мощными демократическими традициями, провозглашая своими главными принципами уважение и любовь к питомцам, школа Карла Мая счастливо избегала крупных внутренних конфликтов и потрясений.

Однако противостоять тяготам внешнего мира и не зависеть от них не может ни одно, даже самое благополучное, учебное заведение. В большинстве своем печально выглядят судьбы предреволюционных выпускников нашей школы. К сожалению, самыми востребованными источниками информации о жизненном пути «майских жуков» выпуска 1900–1918 гг. являются два издания — сборник некрологов российской эмиграции «Незабытые могилы»[6] и база данных «Жертвы политического террора в СССР»[7]. Выпускники одной из лучших петербургских школ в большинстве своем оказались чуждыми новой власти по сословному, имущественному, конфессиональному, национальному, а главное — образовательному и, если можно так сказать, воспитательному цензу. И хотя к началу XX в. школа Карла Мая уже

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

давно не имела статуса сугубо национальной и тем более элитной школы, сама система образования, ставившая во главу угла воспитание свободно мыслящих, широко образованных и патриотичных юношей, была чужда новому строю. Печальная статистика фиксирует, что из 10 предреволюционных выпускников гимназии и реального училища Карла Мая только 1–2 бывших ученика школы перешагнули 50-летний рубеж в пределах многострадального Отечества. Остальные либо эмигрировали, либо погибли на фронтах Первой мировой войны, сгинули в революционной «мясорубке» и последовавшей за ней Гражданской войне, были репрессированы в 30–40-е годы.

Многие семьи оказались разделенными непреодолимым «железным занавесом» и навсегда потеряли связь друг с другом. Не редкой была ситуация, когда один брат оставался в пределах Советской России, другой — навсегда покидал Родину. Таковы судьбы братьев Владимира (1882–1951) и Бориса (1885–1945) Константиновичей Рерихов, Павла (1894–1956) и Сергея (1897–1971) Тимофеевичей Павловых, Карла (1885–1943) и Альберта (1888–1974) Александровичей Бенуа и в том числе героев настоящей статьи — Макса и Рихарда Фасмеров. Трудно сказать, что судьбы эмигрантов были более счастливыми и успешными. Скорее всего, в этом случае более уместно использовать словосочетания «более продолжительными» и «менее трагичными». Многие вынужденные эмигранты, даже будучи этническими немцами, тяжелейшим образом переживали разлуку с Россией, большинство считали ее своей Родиной, некоторые сохранили русский язык во втором и третьем поколении!

Сейчас Музей истории школы Карла Мая ведет переписку на русском языке с потомками выпускников гимназии Иессенов, Шлиссеров, Гриммов, Цейдлеров, живущих в Австралии, Канаде, Германии. С тяжелым сердцем приходится признать, что судьба выпускников гимназии — этнических немцев — в основном представителей привилегированных классов аристократии, купечества, художественной и научной интеллигенции, в Советской России зачастую складывалась печально.

Вернемся к героям нашего очерка. Отец братьев Фасмеров, Рихард Юлий Фридрих Фасмер, принадлежал к купеческому сословию, переселился в Россию в молодом возрасте и на момент рождения младшего сына сохранял германское подданство. В билете на жительство в Российской империи, выданном в Санкт-Петербурге 10 января 1903 г., сказано, что подданный Германии бухгалтер Рихард Юлий

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Фридрих Фасмер родом из Альтона[8], водворен в пределы России с женою Амалией и детьми — Марией (17 лет), Максом (16 лет) и Рихардом (13 лет), все евангелически-лютеранского вероисповедания. Переезд семьи Фасмер в Россию состоялся не позднее 1886 г., что подтверждается метрической записью о рождении старшего сына, зафиксированной в Санкт-Петербургской евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины[9]: «1886 г. 15 февраля в 11 часу дня родился в Санкт-Петербурге и 1886 г. 29 июня окрещен Макс-Юлий-Фридрих Рихардович Фасмер. Родители: купец Рихард Юлий Фридрих Фасмер и его жена Амалия Мария Юлия, урожденная Шауб». Восприемниками Макса Фасмера записаны аптекарь Фридрих Фасмер, жена архитектора Юлия Шауб, купец Юлий Шульц и его жена Анна, урожденная Фасмер. Младший сын четы Фасмер, Рихард, согласно метрической записи той же церкви, родился 9 октября 1888 г. в 11 часов утра и был окрещен 16 января 1889 г. Восприемниками значатся вдова учителя математики Матильда Фоке, урожденная Шауб, архитектор Вильгельм Шауб-младший и вдова аптекаря Эмма Венк, урожденная Фасмер. Фамилии и профессии восприемников позволяют говорить о многочисленном родственном клане Фасмеров–Шауб, занимающемся достаточно уважаемыми и прибыльными «бизнесами» — фармацевтикой, торговлей, архитектурой и педагогикой.

Семья Фасмеров к моменту начала школьного периода проживала в Тучковом переулке Васильевского острова. Вполне закономерно родители братьев Фасмеров выбрали для своих детей школу Карла Мая[10], которая пользовалась заслуженной популярностью у «василеостровских немцев»[11]. В 1896 г. первым из братьев порог школы переступил Макс Фасмер. Будущий академик начал учебу во втором классе гимназического отделения школы. Среди его одноклассников можно упомянуть будущего архитектора Бориса Константиновича Рериха (1885–1945), младшего брата знаменитого художника; будущего хирурга Александра Ивановича Эберта (1883–1938), расстрелянного в 1938 г.; будущего юриста, сына убитого эсерами уфимского губернатора Модеста Николаевича Богдановича (1883–1937), расстрелянного в 1937 г.; сына законоучителя гимназии Карла Мая, золотого медалиста Василия Дмитриевича Падалку (1884–?); будущего врача, наследника знаменитого купеческого дома Григория Григорьевича Елисеева (1885–1938), расстрелянного в 1938 г.; члена знаменитой семьи Бенуа, будущего миколога Карла Александровича Бенуа (1885–1943), расстрелянного в 1943 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

В 1898 г. вслед за Максом Фасмером «к Маю» поступил его младший брат Рихард. В одном классе с ним учатся: сын генерала флота, будущий гидрограф Николай Петрович Вагнер (1888–1938), расстрелянный в 1938 г.; будущий инженер-технолог, призер IX Олимпийских игр[12] Николай Алексеевич Векшин (1887–1951), погибший в лагере в 1951 г.; младший сын убитого эсерами уфимского губернатора, будущий юрист Константин Николаевич Богданович (1887–?), репрессированный в 1938 г.; золотой медалист, сын профессора, будущий математик Александр Александрович Кракау (1887–1918), мобилизованный во время Первой мировой войны и скончавшийся в госпитале; золотой медалист, будущий педагог и директор нашей школы Вениамин Аполлонович Краснов (1888–1941)[13], умерший от голода в блокадном Ленинграде; серебряный медалист, будущий юрист Георгий Викторович Лампе (1886–1937), расстрелянный в 1937 г.; будущие юристы братья Кутлеры — серебряный медалист Константин (1888–1941) и Николай (1887–1972).

Просим простить автора за столь подробный и длинный перечень: хотелось таким образом подтвердить заявленную в начале статьи печальную статистику судеб предреволюционных выпускников школы Карла Мая.

И снова возвращаемся к героям рассказа. Пять лет братья Фасмеры посещали школу вместе. Максу трудно давалась физика, Рихард учился более успешно. В 1903 г. Макс завершает среднее образование со средним баллом 3,8[14]. Отличными оценками отмечены Закон Божий, математическая география и немецкий язык, скромные удовлетворительные оценки стоят в графах «физика» и «русский язык». Последнее выглядит совершенно удивительным, учитывая будущую блистательную карьеру филолога и слависта. В прилагаемом к аттестату кондуите ученика гимназии К. Мая зафиксировано, что «Макс-Юлий-Фридрих Рихардович Фасмер записей в штрафных журналах не имеет и за все время пребывания в Гимназии был поведения отличного».

Более хорошие результаты зафиксированы в аттестате младшего брата — Рихард окончил гимназию в 1906 г. с серебряной медалью и средним баллом 4,7[15].

Следует отметить, что к моменту окончания школы оба брата сохраняют германское подданство. В 1903 г. к заявлению о приеме в число студентов историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета Макс Фасмер прилага-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ет национальный паспорт подданного Германии. Присягу на подданство России будущий автор «Этимологического словаря русского языка» принял только 7 мая 1907 г.[16], в год окончания университетского образования. Уже в студенческие годы Макс Фасмер проявляет устойчивый интерес к вопросам языкознания и лексикографии славянских языков. Одна из первых работ на эту тему «Смешение языков и заимствование в языке», являвшаяся печатным вариантом его лекции, прочитанной в университете, была опубликована в ежегодном школьном отчете за 1910 г.[17] В достаточно юном для ученого 18-летнем возрасте М. Фасмер опубликовал и первую фундаментальную работу «Греко-славянские этюды»[18], посвященную греческим заимствованиям в церковнославянском и русском языках. Первая часть этой работы появилась в 1906 г., еще до окончания Максом Фасмером университета, вторая и третья части — в 1907 и 1909 гг. По мнению специалистов[19], работа, до сих пор оставшаяся непревзойденной, сделала 23-летнего М. Фасмера знаменитым ученым.

Интересно отметить, что именно в это время М. Фасмер вновь переступает порог родной школы, на этот раз в качестве преподавателя немецкого языка. Скорее всего, молодой человек таким образом пополнял свой скромный бюджет. Период преподавания в школе был кратким, «альма-матер» помогла одному из своих питомцев «встать на ноги», и с 1910 г. Макс Фасмер смог полностью посвятить себя науке. С одной небольшой оговоркой: в сентябре 1910 г. «*Максим Романович Фасмер и Цезария Ивановна, урожденная Бодуэн де Куртенэ, имели честь известить, что бракосочетание их состоялось 12 сентября 1910 г. в Витовте в Западной Галиции*»[20].

Не менее благополучно складывалась карьера Рихарда Фасмера. В 1906–1907 гг. серебряный медалист школы Карла Мая продолжил учебу в Лейпцигском университете. После прослушивания двух курсов высшей немецкой школы младший брат возвратился в Санкт-Петербург и 16 августа 1907 г. подал документы в Императорский Санкт-Петербургский университет на арабско-персидско-турецко-татарское отделение факультета восточных языков[21]. 6 октября 1910 г. Рихард Фасмер окончил университетский курс наук и приказом по Министерству Императорского двора от 20 февраля 1911 г. был причислен к Императорскому Эрмитажу. Удивительно, но экзотический перечень «арабско-персидско-турецко-татарского» языков показался молодому востоковеду недостаточным, и в 1911 г. коллежский секретарь Фасмер подает повторное прошение на имя ректора университе-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

та с просьбой о зачислении его «в число вольнослушателей факультета восточных языков разряда еврейско-арабско-сирийского». Поразительная работоспособность позволила молодому лингвисту освоить редкий набор восточных языков и стать воистину редчайшим специалистом.

К переломному 1917 г. братья Фасмеры были перспективными и во многом уже состоявшимися учеными. Макс Фасмер занимал пост профессора Саратовского университета, Рихард — важный пост в отделе нумизматики Эрмитажа.

К сожалению, размеренное течение жизни было нарушено трагическими событиями: война, революция и последовавшая эмиграция Макса Фасмера за пределы России навсегда разлучили братьев. После 1917 г. М. Фасмер преподавал в Тарту, Лейпциге, Берлине и Стокгольме, проживал в Германии и стал крупнейшим исследователем этимологии индоевропейских, финно-угорских и тюркских языков, автором ряда фундаментальных трудов, среди которых особое место занимает уникальный четырехтомный «Этимологический словарь русского языка»[22]. Пока еще не прекращались связи с Россией — в 1924 г. «историк славянской музыки» prof. Dr. Max Vasmer обращается к профессорам Римскому-Корсакову[23] и Преображенскому[24] с предложением об участии в издании истории музыки славянских народов[25]. В 1928 г. Макс Фасмер был избран иностранным членом Академии наук СССР.

Поначалу благополучной выглядела и судьба младшего брата. С 1920 г. Рихард Рихардович Фасмер — хранитель восточных монет Эрмитажа, член Академии истории материальной культуры и секретарь Постоянной комиссии нумизматики и глиптики. В 1929 г. он был избран иностранным членом Академии наук, истории и древностей Швеции. В советской и зарубежной печати им было опубликовано более 50 работ по вопросам восточной нумизматики. Разработанная Р. Фасмером периодизация обращения в Восточной Европе куфических дирхемов с некоторыми уточнениями принята в науке и сейчас.

Великое лицемерие власти заключалось в том, что, награждая одного из братьев званием иностранного члена Академии наук СССР, почти в то же самое время, в январе 1934 г., власть фабрикует дело Российской национальной партии (РНП)[26], по которому был арестован и осужден другой брат, не менее талантливый ученый, востоковед Рихард Фасмер. Более того, в вину младшему брату были поставлены

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

постоянные связи с заграницей, то есть с его родным братом, к тому времени уже иностранным членом Академии наук СССР Максом Фасмером!!! С 1928 г. Макс Фасмер жил в Германии, на следствии его объявили «национал-социалистом», а его младшего брата — «передаточным звеном нелегальной связи между центром РНП с фашистскими кругами». Как следует из материалов дела, в вину ученому-востоковеду ставились три реальных факта, по общему обыкновению интерпретированных следственными органами в нужном духе. Во-первых, это постоянная переписка с братом и другими жившими в Германии родственниками — следствие уделило большое внимание тому факту, что летом 1933 г. Рихард Фасмер по просьбе брата обращался к пастору еще действовавшей тогда в Ленинграде лютеранской церкви за подтверждением арийского происхождения М. Фасмера, а затем переслал в Берлин полученную справку с пометкой «к использованию в Советской России не подлежит». Во-вторых, это посещение его квартиры в 1923 г. сотрудницей германского посольства (по другим сведениям, сестрой сотрудника посольства), слушавшей в университете лекции М. Фасмера и предлагавшей семье его брата помочь с выездом в Германию. Этот визит был описан как «передача шпионских сведений». В-третьих, стало известно, что М. Фасмер передавал деньги для брата через посетившего Германию академика В.И. Вернадского, что интерпретировалось как финансирование подпольной организации.

Следует отметить, что по этому же делу РНП был арестован и бывший преподаватель русского языка и словесности в гимназии и реальном училище К. Мая, публицист и историк литературы Василий Николаевич Кораблев (1873–1935), которого приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, заменив ссылкой в Алма-Ату, где он и скончался в 1935 г. С учетом того, что В.Н. Кораблев преподавал в школе К. Мая в 1897–1914 гг., можно сказать, что роковое стечение обстоятельств свело вместе учителя и его ученика в неправедное время на неправедном судилище.

2 апреля 1934 г. Р.Р. Фасмер был осужден на 10 лет с заменой лагеря на ссылку в Ташкент. Умер невинно осужденный талантливый востоковед, нумизмат Рихард Рихардович Фасмер 22 февраля 1938 г. в Отдельном лагере трудового перевоспитания № 19 УМВД Узбекской ССР. Встречающаяся в литературе дата его смерти — 1936 г. — неверна[27]. По злой иронии судьбы Рихард Фасмер упокоился в земле Сасанидов, земле куфических кладов, которые всю жизнь были пред-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

метом его научных интересов. Все наши попытки найти место его захоронения в Узбекистане не увенчались успехом.

Трагической заключительной нотой звучит выписка из дела о реабилитации знаменитого ученого: «...каких-либо объективных доказательств виновности лиц, привлеченных по делу, не имелось, а материалы дополнительной проверки свидетельствуют о фальсификации дела путем вымогательства личных признаний арестованных и оговора ни в чем не повинных лиц»[28].

Подробная научная биография Макса Фасмера безупречно изложена в очерке М.И. Чернышевой[29]. Хочется поблагодарить автора за отличный стиль, бережное отношение к фактам и объективную оценку трудов ученого.

Вряд ли можно назвать жизнь Макса Фасмера счастливой и безоблачной. В его жизни были серьезные испытания и потери — эмиграция, жизнь в нацистской Германии, борьба за освобождение из концлагерей своих коллег, отстаивание своих антирасистских позиций, потеря бесценной картотеки в результате бомбежки в 1944 г., смерть близких людей. Что помогло выстоять и созидать этому удивительному человеку? Думается, что главным счастьем своей жизни он считал возможность познавать и творить. Это составляло смысл и цель его существования. Это оправдывало потери и давало силы для их преодоления. В 1947–1949 гг. всеми признанный ученый, действительный член Саксонской и Прусской академий, член АН Стокгольма и Копенгагена, иностранный член АН СССР собственноручно, без чьей-либо помощи, за два года восстановил свой погибший картотечный материал!

Позволим себе процитировать три выдержки из работы Олега Николаевича Трубачева[30], редактора отечественного издания знаменитого «Этимологического словаря» Макса Фасмера: «Вся дальнейшая жизнь М. Фасмера показала, что наука и политика в его понимании независимы. Он всегда был образцом объективности научных суждений, и когда позже, в разгар нацизма в Германии, делались попытки научных фальсификаций во имя политики, М. Фасмер их решительно пресекал...

...По рождению, по культуре, приобретенной в детстве, по образованию он был русским человеком, ученым, сохранившим верность русской теме до конца жизни. Он был филологом русской школы.

...Русская классическая русистика и славистика имеют право считать М.Р. Фасмера своим, и это не парадокс, а феномен сложной культурной истории».

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Макс Фасмер прожил долгую жизнь и скончался 30 ноября 1962 г. в Западном Берлине.

Мы рассказали о судьбах двух братьев, двух неординарных выпускников школы Карла Мая. Какие цели преследует наша публикация? Думаю, можно указать три главные.

Во-первых, это желание устранить историческую несправедливость по отношению к незаслуженно забытому младшему брату, Рихарду Фасмеру. Традиционно менее успешные, менее известные братья находятся в тени своих общепризнанных родственников. Это относится и к уже упомянутым в начале статьи Борису и Владимиру Константиновичам Рерихам, миколог Карлу Александровичу Бенуа, гидробиологу Григорию Петровичу Горбунову (1894–1942), брату первого секретаря Совнаркома академика АН СССР Николая Петровича Горбунова (1892–1938) и многим, многим другим «братьям». Настоящая статья ликвидирует одно из «белых пятен» нашей общей истории.

Во-вторых, жизнеописание братьев Фасмеров дает возможность рассказать о типичных и очень непростых судьбах немецкой диаспоры России в начале–середине XX в. Две биографии предоставляют хороший материал для понимания трагических и обоюдных потерь в результате классового и национального противостояний, двух войн и двух революций. Можно представить какие невосполнимые потери понесла отечественная культура от этих потрясений. С этой же целью приведены краткие списки-мартирологи двух школьных выпусков.

И наконец, третьей целью публикации является попытка напоминания о таких ныне угасающих качествах, как трудолюбие, честность и самоотречение. Многие из этих качеств провозглашались и счастливо воплощались в педагогических принципах школы Карла Мая, многие из них дали плодотворные и многочисленные всходы в делах, трудах и мыслях «майских жуков». Напомним одну из главных заповедей школы Мая: «Главная задача наставника — приготовить юношу к труду, полезному для общества!»

Основные труды М.Р. Фасмера (M. Vasmer)

1. Греко-славянские этюды. I // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1906. № 9.

2. Греческие заимствования в старославянском языке // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1907. № 3, 12.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

3. Греческие заимствования в русском языке // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1909. Т. 86.

4. Kritisches und Antikritisches zur neueren slavischen Etymologic. Teil I und II // Rocznik Slawistyczny (RS).

5. Исследования в области древнегреческой фонетики. Пг., 1914.

6. Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch. Leipzig, 1922.

7. Russisches etymologisches Worterbuch. Heidelberg, 1950–1958.

8. Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. 1–4 (рус. пер.).

9. Grundriss der slavischen Philologie und Kulturgeschichte / Herausgeber zusammen mit R. Trautmann. Berlin; Leipzig, 1925–1933. Bd. 1–12.

Основные труды Р.Р. Фасмера (R. Vasmer)

1. Куфические монеты Переяславского клада. Пг., 1914.

2. Клад куфических монет, найденных в Новгороде в 1920 г. // Известия РАИМК. Л., 1925. Т. 4. С. 267–268.

3. Завалишинский клад куфических монет VIII–IX вв. // Известия ГАИМК. Л., 1931. Т. 7, вып. 2. С. 12.

4. Die kufischen Muenzen des Fundes von Luurila, Kirchspiel Hattula // Finska forminneefoereningens tidskrift. Helsinki, 1927. № 3.

5. Ein im Dorfe Staryi Dedin in Weisrussland gemachter Fund kufischer Muenzen. Stokholm, 1929. P. 26–28.

6. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики находок ГАИМК. 1920–1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Л., 1927. № 1. С. 287–308.

7. Список монетных находок // Сообщения ГАИМК. Л., 1929. № 2. С. 281–324.

8. О двух редких золотых монетах делийских султанов // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1927. Вып. 4. № 33. С. 45–52.

1. *Благово Н.В.* Школа на Васильевском острове. СПб., 2005. Ч. 1.

2. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 15. Д. 3078. Л. 2.

3. Среди бывших учеников школы: ректоры университета Д.Д. Гримм и Э.Д. Гримм, губернаторы А.Д. Зиновьев, М.В. Арцимович, С.Н. Корф и М.В. Ислявин, сенаторы Г.В. Кастриото-Скандерберг-Дрекалович и И.Н. Лодыженский, министры внутренних дел А.А. Макаров и

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Д.С. Сипягин, генерал от инфантерии Н.А. Епанчин, генерал-лейтенант флота А.В. Варнек, генерал-майоры флота П.В. Вагнер и Н.Ф. Фогель, контр-адмиралы И.В. Коссович и П.В. Римский-Корсаков, вице-адмиралы Н.Р. Греве и В.В. фон Линдстрем, академики архитектуры Г.Д. Гримм, А.А. Бруни, Н.А. Шильдкнехт и Ю.Ю. Бенуа, академики Академии художеств Н.А. Бруни, Н.К. Рерих, В.А. Серов и К.А. Сомов, художники А.Н. Бенуа, А.Е. Яковлев и многие другие государственные и военные деятели, корифеи культуры и науки.

4. Пятидесятилетие школы К.И. Мая. СПб., 1907.

5. Новое здание школы К. Мая было построено в 1910 г. по проекту выпускника гимназии 1883 г., академика архитектуры Г.Д. Гримма.

6. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: в 6 т. / сост. В.Н. Чуваков. М., 1999–2004.

7. Жертвы политического террора в СССР. URL: http://lists.memo.ru/

8. Небольшой городок в окрестностях Гамбурга (Германия).

9. Санкт-Петербургская евангелическо-лютеранская церковь Св. Екатерины располагается по адресу: Васильевский остров, Большой проспект, д. 1а.

10. С 1861 по 1910 г. Гимназия и Реальное училище К. Мая находилась по адресу: Васильевский остров, 10-я линия, д. 13.

11. Вплоть до 1917 г. в С.-Петербурге существовала идиома «василеостровский немец». Обычно это «почетное звание» служило символом добропорядочности, трудолюбия, благополучия и солидности.

12. В 1928 г. Николай Векшин в составе сборной Эстонии принял участие в Девятых летних Олимпийских играх. Под его руководством команда заняла III место в Олимпийской парусной регате.

13. В.А .Краснов в 1921–1929 гг. возглавлял 217-ю СЕТШ, школу-наследницу гимназии К. Мая.

14. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 15. Д. 3078. Л. 2.

15. Там же. Л. 19.

16. РГИА. Ф. 1284. Оп. 105. Д. 124. Л. 42.

17. *Благово Н.В.* Школа на Васильевском острове. СПб., 2005. Ч. 1. С. 216–217.

18. Греко-славянские этюды. I // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1906. № 11.

19. *Чернышева М.И.* Макс Фасмер (1886–1962). Очерк жизни и деятельности М. Фасмера // Отечественные лексикографы XVIII–XX вв. / под ред. Г.А. Богатовой. М., 2011.

20. РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 351.

21. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 15. Д. 3078. Л. 17.

22. Russisches etymologisches Worterbuch. Heidelberg, 1950–1958.

23. С большой степенью уверенности можно утверждать, что речь идет о Георгии Алексеевиче Римском-Корсакове (1891?–1971), музыковеде, исто-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

рике балета и однокашнике Макса Фасмера по гимназии К. Мая (учился в школе К. Мая в 1901–1904 гг.).

24. А.В. Преображенский (1870–?) — знаток духовной музыки, писатель, автор «Словаря русского церковного пения» (М., 1897).

25. РГИА. Ф. 1109. Оп. 1. Д. 109.

26. *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* Дело славистов. 30-е годы. М.: Наследие, 1994.

27. Там же.

28. Определение № 1179-Н-56 Военного трибунала ЛВО от 28 ноября 1956 г.

29. *Чернышева М.И.* Макс Фасмер (1886–1962). Очерк жизни и деятельности М. Фасмера // Отечественные лексикографы XVIII–XX вв. / под ред. Г.А. Богатовой. М., 2011. С. 238–252.

30. *Трубачев О.Н.* Из работы над русским Фасмером // Вопросы языкознания. 1978. № 6.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

М.В. Шкаровский

НАСТОЯТЕЛЬ ПЕТРИКИРХЕ ПАСТОР ПАУЛЬ РАЙХЕРТ

Пауль Райхерт (Павел Иванович Рейхерт) вошел в историю как последний настоятель главного лютеранского храма Санкт-Петербурга — церкви святых апостолов Петра и Павла — перед его закрытием в 1938 г. и мученик, безвинно расстрелянный за веру в период сталинского большого террора 1937–1938 гг.

Родился Пауль Райхерт 27 июня 1875 г. в семье немецких колонистов в городе Камышине Саратовской губернии, где и окончил гимназию. В 1898–1902 гг. учился на теологическом факультете Юрьевского (Дерптского) университета, после окончания которого был ординирован в священники 8 сентября 1902 г. В 1902–1904 гг. Пауль Райхерт работал преподавателем теологической семинарии в г. Юрьеве (Дерпте, ныне — г. Тарту в Эстонии), в 1904–1907 гг. служил пастором общины в г. Голом Карамыше Саратовской губернии, а затем до 1921 г. — пастором в храме города Бальцера Республики немцев Поволжья. В 1921 г. Пауль Райхерт переехал в Северную столицу и более десяти лет — до января 1933 г. — был настоятелем церкви святой Екатерины в немецкой колонии Новосаратовка под Петроградом. Периодически он служил в молитвенных домах пригородной колонии Овцыно и Ново-Александровской немецкой колонии в поселке Рыбацком. Кроме того, в 1925–1932 гг. пастор работал доцентом на Ленинградских евангелическо-лютеранских библейских курсах (семинарии), где преподавал катехизис и некоторые другие предметы. Его лекции пользовались популярностью у слушателей. В 1931 г. отец Пауль обвинялся в религиозной пропаганде, но был оправдан Рыбацким народным судом.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов волна жестоких репрессий захлестнула лютеранские общины Ленинграда. 17 декабря 1929 г. был арестован настоятель храма святых Петра и Павла, выдающийся про-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

поведник Хельмут Ханзен (Гельмут Ганзен), а в октябре 1932 г. приговорен к трем годам лагерей сменивший его пастор Генрих Берендтс. После уничтожающих арестов настоятелем церкви 20 января 1933 г. стал Пауль Райхерт.

Правда, это спровоцировало конфликт между Райхертом и управлявшим немецкими лютеранскими общинами в Советском Союзе епископом Артуром Мальмгреном. Епископ бездоказательно обвинил Пауля Райхерта в связях с ОГПУ (Объединенным государственным политическим управлением). По его мнению, именно благодаря поддержке сотрудников ОГПУ, якобы поставивших ультиматум общине Петрикирхе — в случае неповиновения закрыть церковь, Райхерт стал пастором церкви без учета результатов выборов. На это место Мальмгрен планировал поставить Э. Ганефельда, жениха своей младшей дочери. В феврале 1933 г. Германское генеральное консульство, озабоченное высказываниями епископа, установило наблюдение за Паулем Райхертом и общиной Петрикирхе, даже приостановив на время финансовую помощь приходу. Немецким консульством было установлено, что Райхерт действительно покинул прежнее место работы — общину в Новосаратовке — без соответствующего на то разрешения церковных органов (то есть лично Артура Мальмгрена) и что при проведении выборов пастора в приходе святых Петра и Павла имелись нарушения. Дело Райхерта подвергли тщательному расследованию. В сентябре 1932 г. епископ уволил пастора из числа преподавателей Ленинградских библейских курсов[1].

Сообщение немецкого вице-консула Пфляйдерера о результатах секретного наблюдения за Паулем Райхертом 26 апреля 1933 г. гласило: «Противостояние между епископом и пастором обосновано, скорее всего, личной неприязнью. Даже внешне они принадлежат к разным мирам...» В ходе конфликта на сторону П. Рейхерта встало большинство священников Ленинграда и выпускников Библейских курсов (семинарии). В сентябре 1934 г. они даже написали жалобу на действия Артура Мальмгрена в правление немецкого Густав-Адольф-Союза, финансировавшего деятельность Библейских курсов. Реагируя на нее, генеральный консул Р. Зоммер в начале 1935 г. пришел к выводу, что обе стороны не свободны от вины за случившееся. Полностью этот конфликт так и не был разрешен и прекратился лишь с отъездом епископа в январе 1936 г. в Германию[2].

Пауль Райхерт служил в Петрикирхе вместе со своим сыном Бруно. Бруно родился 9 апреля 1908 г. в г. Бальцере, окончил Петершуле

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

и в 1932 г. — Ленинградские библейские курсы, к сожалению, не получив от их ректора епископа Артура Мальмгрена хорошего выпускного аттестата. С 1932 по апрель 1933 г. Бруно являлся практикантом, а 9 апреля 1933 г. был рукоположен своим отцом в должность пастора (ординирован). В 1933–1935 гг. он служил пастором Екатерининской церкви Новосаратовской колонии (до ее закрытия 21 сентября 1935 г.), в 1933–1937 гг. — также пастором церкви Мартина Лютера в Верхней Ижорской колонии, вблизи г. Колпино. Одновременно с 10 мая 1933 г. Бруно Райхерт, как уже говорилось, периодически служил в Петрикирхе, с 10 октября 1935 г. по 17 октября 1937 г. он был вторым пастором в этой церкви.

В 1930-е годы в приходе Петрикирхе, несмотря на категорический запрет согласно закону от 8 апреля 1928 г., продолжались учебные занятия с молодежью и определенная благотворительная деятельность. Например, община снимала дачу в поселке Стрельна, где летом проводили каникулы дети ее нуждающихся членов.

Пауль Райхерт считался спокойным и невозмутимым пастором, который старался не идти на конфликт с властями. Однако в страшный 1937 г. гибель ждала почти всех остававшихся в городе священнослужителей. 29 октября под давлением властей Бруно Райхерт отказался от духовного сана, но это его не спасло. 17 ноября отец и сын были арестованы агентами НКВД (Народного комиссариата внутренних дел) в своей квартире на ул. Софьи Перовской, д. 16, одновременно с ними оказались арестованы еще 15 прихожан Петрикирхе и бывшей Екатерининской церкви в Новосаратовке. Всех их обвинили в участии в «контрреволюционной фашистской церковно-повстанческой организации», которую якобы в 1934 г. создали немецкий генеральный консул Р. Зоммер и сотрудники консульства В. Бухгольц и Аурих. Последние два состояли в приходском совете Петрикирхе и служили передаточным звеном в оказании материальной помощи общине церкви со стороны Германии. Оперативные дела на Райхертов были заведены еще в 1934 г., достаточно оказалось того, что в Петрикирхе приходили немецкие дипломаты и сами пасторы также бывали в консульстве, хотя Пауль Райхерт 20 ноября 1937 г. на допросе говорил: «Германское генеральное консульство я посещал исключительно по церковным делам и для исполнения религиозных обрядов»[3].

Пастор Пауль Райхерт вел себя во время допросов мужественно. Он обвинялся в том, что «в 1934 г. был завербован германским консулом в Ленинграде Зоммером в возглавляемую им и сотрудником того

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

же консульства Бухгольцем нелегальную национал-социалистическую группу, созданную при немецкой лютеранской церкви в Ленинграде. По заданию Зоммера подготавливал немцев — граждан СССР — к выполнению шпионской и национал-социалистической работы, с 1934 г. организовывал контрреволюционные сборища».

О том, что следственное дело было полностью сфабриковано и большая часть протоколов допросов сфальсифицирована, стало известно уже в 1939 г. Допрашивавший ранее П. Рейхерта следователь Л-в сам оказался арестован, был обвинен в «нарушении социалистической законности» и на допросе заявил, что «1-м отделением III отдела УНКВД Ленинградской области были сфальсифицированы следственные дела на членов церковных двадцаток немецких лютеранских церквей в Ленинграде. Фальсификация <...> выражалась в том, что на всех арестованных писались протоколы не со слов самих арестованных, а составлялись самими сотрудниками, и затем на этих протоколах брались подписи обвиняемых». Хотя все обвинения являлись сфальсифицированными, по постановлению Комиссии НКВД и Прокуратуры СССР от 26 декабря 1937 г. 13 человек, в том числе Пауль и Бруно Райхерты, были приговорены к высшей мере наказания. 3 января 1938 г. их расстреляли и похоронили на Левашовской пустоши, вблизи поселка Левашово Ленинградской области. Еще четверых обвиняемых по этому делу 2 января 1938 г. осудили на 10 лет лагерей. Все они были реабилитированы только в 1957 г.[4]

На этом репрессии немцев-лютеран не закончились — с прежней активностью они продолжались еще более полугода. Методы фабрикации новых дел хорошо видны из докладной записки сотрудника III отдела Ленинградского управления НКВД К.П. Тихомирова от 4 февраля 1939 г.: «В июне или июле 1938 г. было передано распоряжение бывшего начальника УНКВД <...> Литвина о немедленной установке и аресте всех бывших членов церковных двадцаток немецких лютеранских церквей. Мы в течение нескольких дней сидели день и ночь, устанавливали и производили аресты, но на нас жало руководство отделения и предлагало выполнить распоряжение комиссара — больше арестовывать и давать расколы. Таким образом, нами были арестованы 25 человек. Из всех этих лиц 75 % старики <...> Мы, видя перед собой людей, которые могли быть антисоветчиками в силу своего общения с немецкими пасторами, а также на почве своих религиозных убеждений и националистов, как немцев, стали от них получать показания как от антисоветчиков-одиночек и при упрощенном мето-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

де на них были написаны справки по 2-й категории. Хатеневер, бывший зам. начальника УНКВД <...> выгнал Сысоева из кабинета за то, что не было создано организованной контрреволюционной группы. Стали браться новые показания». В итоге органы следствия «создали» 4 требуемые группы «по принципу церковных приходов», в которые включили 32 человека. Все они были репрессированы[5].

В декабре 1937 г. была ликвидирована просуществовавшая дольше всех других ленинградских лютеранских приходов община церкви святых Петра и Павла. Еще 17 декабря Куйбышевский райсовет принял решение ходатайствовать перед Ленгорисполкомом о закрытии храма. А 24 декабря прихожане, придя на торжественное богослужение в Сочельник, оказались перед закрытыми дверями. В этот же день оставшиеся на свободе члены приходского совета вынужденно написали заявление об отказе от использования храма за неимением пастора и невозможностью производить богослужения. Ключи от Петрикирхе были сданы 20 февраля 1938 г., а формальное решение о ее закрытии Леноблисполком принял только 2 августа 1938 г., что было явным нарушением даже советских законов. К этому времени пастора Пауля Райхерта уже похоронили на Левашовской пустоши.

1. *Kahle W.* Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinden in der Sowjetunion, 1917–1938. Leiden, 1974. S. 135–137; *Лиценбергер О.А.* Евангелическо-лютеранская церковь и Советское государство (1917–1938). М., 1999. С. 271–272.

2. *Kahle W.* Op. cit. S. 137–140; *Лиценбергер О.А.* Указ. соч. С. 272–273.

3. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ СПб ЛО). Ф. архивно-следственных дел. Д. П-13983. Т. 1. Л. 125–126.

4. Там же. Л. 116–125; Т. 2. Л. 111–113, 129.

5. Там же. Д. П-70715; Д. П-13983. Т. 2. Л. 108, 114–115.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

О.В. Иодко

ЯПОНСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ О.О. РОЗЕНБЕРГА — ПРОЕКТ, РАСТЯНУВШИЙСЯ НА ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Востоковед Оттон Оттонович, а точнее Юлиус Карл Оттон Розенберг (1888–1919), известен больше как буддолог благодаря своей книге «Проблемы буддийской философии»[1], которая до сих пор служит базой для исследований философского наследия буддизма. Эту работу он защитил как магистерскую диссертацию, и она была первой по японской словесности, защищенной в Петербургском университете. Выступая на защите 6 октября 1918 г.[2], коллега В.М. Алексеев[3] сказал, что работа «написана сильно, стильно, изящно, открыто и просто»[4].

О короткой, но богатой событиями жизни ученого осталось, к сожалению, мало достоверных источников.

Розенберг родился 7 июля 1888 г. во Фридрихштадте[5]. Его родители: отец, Иоанн Карл Отто Розенберг (21 января 1840 г.), родом из Экенграф-Кикстена, и мать, Августа-София Эрнестина Вейдебаум (4 августа 1858 г.), родом из Блидена. Дед и бабушка со стороны отца — Карл Розенберг и Ульрика, со стороны матери — Фриц Вейдебаум и Анна Юлиана[6].

Когда ему исполнилось три года, семья переехала в Петербург. Первоначальное образование он получил в Катериненшуле[7], курс которой окончил с золотой медалью[8]. В 1906 г. поступил на восточный факультет Петербургского университета, где занимался японским, санскритом и китайским языками. По окончании учебы в 1910 г. с дипломом 1-й степени он был оставлен при университете на год «с назначением ему стипендии с 1 сентября с.г. в размере 100 (сто) руб. в месяц в текущем году из суммы 18 тысяч, а в 1911 г. — по 50 руб. в месяц из той же суммы с добавлением остальных 50 руб. из сумм министерства»[9]. С 1 апреля по 1 октября 1911 г. он был командирован

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

в Берлин для занятий в семинарии восточных языков[10]. В 1912 г. его командировали в Японию, где он работал 4 года[11].

13 декабря 1916 г. декан восточного факультета Петербургского университета Н.Я. Марр[12] в письме к ректору университета просит «возбудить ходатайство о допущении магистранта Отто Розенберга с января 1917 г. к чтению в качестве приват-доцента лекций по японской словесности по следующей программе: 1) история религии и религиозно-философской литературы в Японии — 2 часа в неделю для всех курсов, 2) чтение лирических драм Но[13] — 2 часа для IV курса, 3) чтение произведений современной научной литературы, история японской литературы проф. Нада — 2 ч. для IV курса с назначением ему вознаграждения за чтение лекций в размере 1800 рублей (1200 рублей из специальных сумм университета согласно сметным предположениям и 600 рублей добавочного вознаграждения из сумм министерства, отпускаемой на усиление преподавания»[14].

16 мая 1919 г. О.О. Розенберг баллотировался на должность профессора по кафедре японской словесности, а протокол голосования был утвержден 2 мая[15]. Было подано 20 избирательных голосов «за» и 1 — «против».

В России тогда шла Гражданская война, бытовые условия были тяжелыми, 16 октября 1919 г. Розенберг пишет заявление на имя ректора университета: «Прошу возбудить ходатайство перед Отделом местного самоуправления города Слуцка[16] о невыключении моей квартиры из сети электрического освещения ввиду того, что я, проживающий в Слуцке, по Славянской ул., д. 3, занимаю должность профессора Петроградского университета и для исполнения служебных обязанностей по подготовке лекций безусловно нуждаюсь в освещении во время вечерних часов»[17].

Как писал академик С.Ф. Ольденбург[18]: «Розенбергу после этого труда[19], несмотря на исключительно тяжелые условия жизни в 1918 и следующих годах, удалось еще поработать над коллекциями по буддийскому культу и иконографии в Русском музее, стать душою буддийской вставки 1920[20] года и прочесть тогда же замечательную лекцию о буддизме в Корее и Японии, напечатанную в том же году и ныне перепечатываемую. Для “Науки и школы”[21] в серии “Введение в науку” он начал печатать и почти кончил интереснейшее введение в изучение индийской философии “Философия Востока”, которое будет кончено его друзьями. Явилась надежда на новую поездку в Японию, где Розенберга с нетерпением ждали его друзья буддисты, и куда он

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

сам стремился, чтобы осуществить грандиозный план, предложенный им Академии наук и принятый ею о составлении большого китайско-японско-русско-английского словаря»[22].

Еще будучи в Японии, для того чтобы получить доступ к необъятным богатствам китайской литературы по буддизму, Розенберг начал составлять словарь-указатель ко всем специальным терминам. Эту работу он закончил за три года, издал словарь в Токио, и работа была оценена специалистами как основной труд и обязательное пособие для каждого, работающего в этой области. Кроме того, он проанализировал китайские иероглифы, предложил систему их расположения в алфавитном порядке и напечатал в Токио другой словарь[23].

В 1918 г. директор Азиатского музея на заседании Историко-филологического отделения АН сообщил, «что Азиатскому музею представилась возможность приобрести ценнейший материл по японской лексикографии — 12 тыс. карточек, содержащих около 200–300 тыс. слов, являющийся основою для полного японско-европейского словаря; этот материал, принадлежавший О.О. Розенбергу, удалось приобрести недорого, за 2000 рублей. Материал был предварительно осмотрен В.М. Алексеевым и С.Г. Елисеевым[24] как специалистами, и ими выяснены его большое научное значение и желательность приобретения для Музея»[25]. Составленная Розенбергом записка-обоснование о необходимости составления словаря была напечатана под заголовком «Опыт кодификации идеографического элемента японского письма» в качестве приложения к тому же протоколу. Датированная 12 сентября 1918 г., она была обстоятельной и занимала 7 страниц печатного текста. Основная идея такова: «Суть японского словаря по сравнению с европейским или вообще алфавитным может быть охарактеризована следующим образом: для того чтобы отыскать незнакомое слово в европейском словаре, предполагается лишь знакомство с начертанием букв, знание алфавитного порядка этих букв и знакомство с принципом расположения слов по алфавиту. Других предварительных знаний не требуется (за исключением, разве, усвоения элементарных фактов грамматических): не нужно знать ни произношения слова, ни ударения, ни значения — на все эти вопросы отвечает именно словарь, который благодаря тому и является орудием для усвоения языка.

Иначе обстоит дело в японском словаре. Японцы излагают мысли при помощи идеограмм, которые являются символами предметов и понятий, а не звуков (как наши буквы), располагают же они идео-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

граммы в словарях по условному *произношению* (выделено автором записки. — *О.И.*). Таким образом, для того чтобы найти встретившееся выражение в словаре, необходимо предварительно *уже знать его произношение*; а так как произношение иероглифа, поскольку речь идет о японских, а не китайских выражениях, ассоциируется с начертанием лишь при посредстве знания значения данного иероглифа, то, в сущности, японский словарь *предполагает уже знание и значение* искомого выражения; следовательно, японский словарь орудием для приобретения такого знания служить не может: *японский словарь недоступен для того, кто японского языка еще не знает*.

Этим объясняется постоянная зависимость занимающегося японским языком от помощи устных указаний со стороны туземного учителя, заменяющего то орудие, которым при изучении других языков является словарь.

Недоступность японского словаря усугубляется на практике еще вследствие того, что 1) один и тот же иероглиф в зависимости от контекста или под влиянием скомбинированных с ним иероглифов может иметь различные чтения, по крайней мере 2 или 3, а очень часто до 10, 15 и даже более чтений, вследствие чего и в словаре выражения, относящиеся к одной и той же идеограмме, окажутся расположенными во многих местах, и 2) вследствие того, что звуковые эквиваленты идеограмм в словаре изображаются при помощи силлабической азбуки по правилам традиционной орфографии, имеющей лишь фиктивное, мертвое значение и не имеющей отношения ни к самому иероглифу как таковому, ни к его значению.

Для того чтобы воспользоваться японским словарем, недостаточно поэтому даже и знания того, как произнести данный иероглиф; нужно, кроме того, знать и условную, часто совершенно произвольную, *орфографию* звуковой транскрипции.

Японцы пользуются довольно примитивным методом выхода из только что описанного трудного положения: они *иногда* свои словари снабжают списками иероглифов, расположенными по числу входящих в иероглифы черт. Такой метод сопряжен с огромной затратой времени и энергии на подсчет черт, причем точность в определении места иероглифа все же недостижима. Другой метод, ключевой, применяемый в китайских словарях, в Японии не пользуется популярностью; так называемые японские ключевые словари — в сущности китайско-японские, а не японские словари: *словаря японского языка, расположенного по иероглифам, до сих пор не существует*. Большинство

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

лучших словарей, в особенности специальные, даже и вышеупомянутыми указателями по числу черт не снабжены, а поэтому *основной японский лексический материал до сих пор является недоступным*.

В предлагаемой работе кодификации подвергся *материал японских* словарей, расположенный таким образом *впервые по иероглифам*; указание при каждом выражении звуковых эквивалентов по традиционной орфографии дает возможность найти каждое выражение в любом японском словаре без помощи устных указаний и обеспечивает поэтому возможность самостоятельной работы при помощи японского лексического материала <...>. Возникает, однако, новая проблема, вопрос о системе, по которой материал должен быть расположен. Из традиционных систем единственно применимой может считаться лишь ключевая, несмотря на свои недостатки. Но громоздкость и, главное, неточность и ненаучность этой системы заставили меня отказаться от применения ее. Иероглифический материал в предлагаемой работе расположен по выработанной мною *новой системе*, обоснованной во введении к моему японскому словарю единичных иероглифов <...>. Разработанная мною система находится *в родстве с системой покойного академика В.П. Васильева*[26]: 1) в том смысле, что она является развитием его идеи *частотно-графического* принципа, не вполне проведенного в трудах самого В.П. Васильева и 2) что она признает факт преобладания *нижних и правых черт*, гениальнейшее открытие В.П. Васильева, недостаточно им подчеркнутое. Новая система *коренным образом отличается от системы В.П. Васильева* в том, что 1) исходной точкой являются *не черты*, *а графические элементы*, *аналогичные нашим буквам*; 2) графические элементы расположены в определенном, обязательном ряде, аналогичном нашему алфавиту, причем порядок графических элементов обоснован некоторыми *законами формации* простейших идеограмм; 3) элементарные черты, входящие в графические элементы-буквы, в свою очередь, сведены к небольшому числу категорий, подчиненных аналогичным законам, и расположены в легко запоминаемом порядке, на основании их *направления*; 4) наконец, при расположении сложных иероглифов применен принцип, аналогичный алфавитному принципу наших словарей»[27].

Идея принимается, и на первом же заседании Историко-филологического отделения АН 1919 г. Розенберг представляет датированный 1 января «Проект Комиссии по составлению японского словаря», в котором указано: «Выполнение такого труда, разумеется, возможно

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

лишь при совместной работе всех, специально изучавших различные отделы японоведения»[28]. Автор разъясняет структуру будущего словаря, выражает уверенность в том, что к подготовительным работам можно было бы приступить немедленно, и предлагает план распределения работ между участниками: «Общую редакцию взяли бы на себя пишущий эти строки и С.Г. Елисеев. Распределение работы могло бы быть установлено по соглашению участников. С.Г. Елисеев обработал бы язык современный, разговорный, язык эпохи Токугава[29] и классический язык, а также искусство. О.О. Розенберг — материал по религии, философии, истории и по языку средних веков — эпоха Камакура[30], а также язык китайско-японский и элемент иероглифический вообще. Н.И. Конрад[31] — язык классический и язык китайско-японский, а также элемент корейский в японском языке. Н.А. Невский[32] — синтоизм, фольклор. Е.Д. Поливанов[33] дал бы лингвистическую обработку словесного материала вообще, а в частности японских диалектов. Привожу имена лишь тех, которые уже посвящены в план работы. Разумеется, что в намеченной работе будут принимать участие все вообще представители японологии, а также и синологи ввиду теснейшей связи Японии и японской культуры с Китаем»[34].

В апреле 1919 г. Историко-филологическое отделение АН рассмотрело протоколы 1-го и 2-го заседаний Комиссии по составлению словаря от 4 и 11 апреля, который уже был назван китайско-японско-русско-английским. Председателем избрали Ф.И. Щербатского[35], секретарем — Розенберга, приняли программу работ и смету и признали желательным «приобретение у О.О. Розенберга вывезенного им из Японии материала по составлению японско-европейского словаря; материал обнимает около 60 тыс. слов на приблизительно 10 тысячах карточек. Предположено приобрести этот материал за 6000 руб., отнеся расход на средства Азиатского музея, в собственности которого означенный материал и должен остаться»[36]. 21 мая покупка была одобрена[37].

Но на этом все прервалось — не стало идеолога и одного из исполнителей проекта. Смерть его долгое время считалась загадочной и наступившей при невыясненных обстоятельствах. Некролог, опубликованный в 1922 г., завершается словами: «В самом разгаре работы, которую молодой ученый вел геройски в тягчайших условиях холода, голода, непосильного физического труда, оборвалась эта драгоценная жизнь, и, мало того, даже его рукописи и книги не были пощажены: с величайшими усилиями удалось спасти лишь разгромленные остат-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ки этого драгоценнейшего научного достояния, и многое из того, что можно было бы окончить из начатых им работ, погибло теперь навсегда жертвою нашей дикости и темноты. Поистине не умеем мы хранить драгоценнейшее из того, что сами же создаем, создаем часто только, чтобы сейчас же бессмысленно разрушить»[38]. Ни о причинах, ни о времени, ни о месте кончины ничего сказано не было. Потом стали рождаться легенды: 26 сентября 1919 г. — от сыпного тифа или скарлатины в Павловске; в 1920 г. — от скарлатины в Павловске; около 1921 г. — от простуды или тифа на Дальнем Востоке.

Однако эстонскому исследователю Маэрту Лаэнеметсу удалось найти в Эстонском государственном архиве документы о пребывании Розенберга в ноябре 1919 г. в Эстонии, а в немецкоязычной газете "Revaler Bote" («Ревельский курьер») от 1 декабря 1919 г. прочитать некролог с сообщением, что Розенберг и супруга вынуждены были с отступавшими войсками Юденича[39] пешком идти из Павловска в Гатчину, откуда через Нарву они перебрались в Эстонию, а там, в Таллине, от скарлатины и общего истощения организма Розенберг скончался в 7 часов вечера 26 ноября 1919 г., и через два дня его прах был захоронен на немецком кладбище Цигелькоппель. Лаэнеметс также публикует статью называющего себя учеником Розенберга А.А. Байова из таллинской газеты русских эмигрантов «Свобода России», в которой совпадает дата смерти, но при другом диагнозе — паралич сердца[40].

В составленном коллегами после смерти Curriculum Vitae ученого сказано, что словарь, который он должен был издавать по поручению Академии, «явился бы первым действительно научным словарем японского языка в Европе»[41].

А какова же судьба словаря? В академических протоколах 1920-х годов этот вопрос больше не обсуждался. Коллектив исполнителей распался: Н.А. Невский — в Японии, Е.Д. Поливанов — в Средней Азии и на Дальнем Востоке, С.Г. Елисеев — в эмиграции. Остался, правда, Н.И. Конрад, который 10 июня 1931 г. писал С.Ф. Ольденбургу: «Если еще добавится работа над словарем, которой — **если она состоится** (выделено мною. — *О.И.*) — избегнуть нельзя, будет ли у меня время для чего-нибудь вообще?»[42] Но в 1938 г. Конрад был арестован и освобожден только в 1941 г. В письме к тогдашнему президенту АН СССР В.Л. Комарову[43] от 22 сентября 1941 г. он сообщает: «Считаю своим долгом сообщить Вам, как своему Президенту, что 6 сего сентября я освобожден с прекращением дела <...>. Мне была предоставлена

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

далее возможность вернуться к работе над японско-русским словарем, оборвавшейся в 1938 г. За это время я сделал следующее: систематически читая современную японскую газетную и журнальную прессу, я собрал весьма значительный материал по лексике 1939–1941 гг., весьма специфический, в соответствии со спецификой исторической обстановки этих лет. Это даст возможность вооружить словарь словами новейшего происхождения, что я и намерен сделать вместе с просмотром того, что было сделано без меня»[44].

Но дальнейшая работа не ладилась. 6 сентября 1942 г. он пишет В.М. Алексееву: «ИВ АН в лице нынешнего ученого секретаря А.А. Драгунова месяца полтора назад позволил себе пригласить меня переехать в Ташкент работать там в восстановленном там ИВ АНе. Пригласил, ни слова не обмолвившись ни о чем... Как будто бы ничего не было. Я ответил, что первым шагом ИВ АНа, если он хочет видеть меня в числе своих сотрудников, должно быть возвращение мне рукописи словаря с восстановлением моего доброго имени как редактора. Ответа, конечно, никакого нет»[45]. 9 февраля 1963 г. в письме к коллеге Б.Б. Вахтину[46] он воскрешает историю создания словаря: «...поздно вечером ко мне подошла Наталья Исаевна[47], все время, как обычно, сидящая за словарем, и сказала мне: “В словарь введена последняя из твоих карточек”. В 1941 г., когда я был уже возвращен в Москву, и “дело” шло “наоборот”, мне разрешили читать в своем “кабинете” японские журналы — новейшие. И вот я, читая эти материалы, думал о словаре (того времени) и выписывал на карточки те слова, которые, по моему предположению, могут не оказаться в существующих словарях. Так создавалась картотека из более 10 тыс. карточек. Все это мне было разрешено взять с собою. Наталья Исаевна проверила все эти карточки и все, что оказалось нужным, вставила в корпус словаря. А карточки эти — и чудом появились, и чудом сохранились. И чудом — не пропали. Вот об этом и говорило мне выражение лица Натальи Исаевны, когда она сказала мне те слова»[48].

Словарь этот вышел за несколько месяцев до смерти Н.И. Конрада[49]. В 1972 г. за эту работу он был удостоен Государственной премии СССР. Посмертно.

Однако идея О. Розенберга была реализована в 1995 г., с упоминанием его как основоположника, когда вышел «Китайско-русско-английский словарь» Джона Барлоу[50].

В Петербурге с 2007 г. проходят Востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга, инициатива их учреждения принадлежит петербург-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

скому буддологу В.И. Рудому (1940–2009). Джон Барлоу хотел выступить на них с докладом о Розенберге и его принципе составления словаря, но по состоянию здоровья смог только прислать в Оргкомитет его тезисы[51], которые оказались последним словом признательности талантливому ученому.

1. *Розенберг О.О.* Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам. Токио, 1916. Ч. I: Свод лексикографического материала. 1918. Ч. II: Проблемы буддийской философии.

2. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 4. Оп. 4. Д. 3922. Л. 106.

3. Алексеев Василий Михайлович (1881–1951) — синолог, профессор ЛГУ (1910–1951), ЛИЖВЯ–ЛВИ (1928–1938), ЛИЛИ–ЛИФЛИ (1930–1938), Московского института востоковедения (1937–1941), научный сотрудник, зав. китайским кабинетом Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР (1902–1951), академик (с 1929 г.).

4. *Алексеев В.М.* Возражения О.О. Розенбергу на его магистерском диспуте Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам. Ч. I: Лексикографический указатель. Ч. II: Проблемы буддийской философии // Наука о Востоке. М., 1982. С. 351.

5. Ныне — г. Яунелгава в Латвии.

6. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3922. Л. 5.

7. Находилась в здании, примыкавшем к лютеранской церкви св. Екатерины, построенной Ю.М. Фельтеном в 1768–1771 гг. на Большом проспекте Васильевского острова, 1/20.

8. СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1924. Д. 8. Л. 14.

9. Там же. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3922. Л. 1.

10. Там же. Л. 9.

11. Там же. Л. 19, 25, 41–47, 68, 70.

12. Марр Николай Яковлевич (1864–1934) — археолог, филолог, лингвист, этнограф, академик Петербургской АН (1912), Российской АН (1917), АН СССР (1925), вице-президент АН СССР (1930–1934), создатель «яфетической теории» в языкознании.

13. От японского Но — мастерство, умение, талант. Зародилось, когда в конце VIII в. в Японию из Китая прибыли исполнители, которые показывали свое мастерство при стечении народа на любом открытом пространстве. Представление включало цирковые номера, фокусы, исполнение музыки, песен и танцев. В представлениях текст находился в тесной связи с музыкой, пантомимой, танцем, с особой техникой пения-речитатива и чтения-выкрика.

14. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3922. Л. 88.

15. Там же. Л. 116, 116 об.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

16. Так в 1918–1944 гг. назывался пригород Петербурга — г. Павловск.

17. СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3922. Л. 123.

18. Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) — востоковед-индолог, академик Петербургской АН (1900), Российской АН (1917), АН СССР (1925), директор Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР (1916–1934), непременный секретарь АН СССР (1904–1929).

19. «Проблемы буддийской философии».

20. Первая буддийская выставка открылась 24 августа 1919 г. в Петрограде в здании Русского музея. На ней экспонировались коллекции, собранные русскими учеными и путешественниками и сосредоточенные в музеях Петрограда. На открытии выставки с лекциями выступили Ф.И. Щербатской («Философское учение буддизма»), С.Ф. Ольденбург («Жизнь Будды, индийского учителя жизни»), Б.Я. Владимирцов («Буддизм в Тибете и Монголии») и О.О. Розенберг («О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке»). Лекции и каталог выставки были изданы отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Петросовета.

21. Кооперативное издательство «Наука и школа» (1918–1929) основано в Петрограде в 1918 г., имело отделения в Москве и Харькове, а также книжный магазин в Ленинграде. Издавало научно-популярную и учебную литературу для самообразования. Ликвидировано в 1930 г.

22. *Ольденбург С.Ф.* Памяти О.О. Розенберга // Мысль. Журнал Петербургского философского общества. 1922. № 1. С. 158.

23. Arrangement of the Chinese Characters according to an Alphabetical System being the Introduction to a Japanese Dictionary of 8000 Characters and List of 22000 Characters. Tokyo, 1916.

24. Елисеев Сергей Григорьевич (1889–1975) — японист, филолог, первый европеец, получивший высшее образование в Японии (окончил в 1912 г. Императорский университет в Токио), в 1912–1914 гг. совершенствовался при Токийском университете, по возвращении в 1914 г. сдал магистерские экзамены, приват-доцент по кафедре японской словесности Петроградского университета (1918–1919), арестован ЧК, после освобождения в октябре 1920 г. бежал в Финляндию. Потом был профессором Школы высших знаний в Париже, Гарвардского университета США, член-корреспондент Французской АН.

25. Протокол ОИФ № 10, § 264 от 18/5 сентября 1918 г.; СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 165. Л. 446, 446 об.

26. Васильев Василий Павлович (1818–1900) — синолог, академик Петербургской АН (1886).

27. Приложение к протоколу ОИФ № 10, § 264 от 18/5 сентября 1918 г.; СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 165. Л. 449 об.–451.

28. Приложение к протоколу ОИФ № 1, § 13 от 29/16 января 1919 г.; СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 167. Л. 293 об.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

29. Период правления династии сёгунов в Японии в 1603–1867 гг., свергнута в результате революции. Основатель династии Иэясу Токугава (1542–1606) завершил объединение страны.

30. Исторический период с 1185 по 1333 г., назван по имени города Камакура, ставшего центром первого сёгуната в Японии. Эпоха Камакура была временем междоусобных войн и господства сословия самураев, преобладания религии дзэн и появления литературы годзан бунгаку.

31. Конрад Николай Иосифович (1891–1970) — японовед, совершенствовался в Японии (1914–1917), преподаватель Киевского коммерческого института (1913–1914), Орловского университета (1919–1923), ЛГУ и ЛИЖВЯ (1922–1938), Института красной профессуры (1934–1936), Московского института востоковедения (1941–1950), научный сотрудник Института востоковедения (с 1931 г.), член-корреспондент АН СССР (1934), академик АН СССР (1958). 29 июля 1938 г. был арестован по обвинению в шпионаже в пользу Японии. 10 ноября 1939 г. приговорен к 5 годам лишения свободы. Зимой 1939–1940 гг. работал в лагере на лесоповале, затем направлен в «шарашку», где работал переводчиком с китайского и японского языков, в первой половине 1941 г. занимался научной работой непосредственно в Бутырской тюрьме, где находился в связи с пересмотром дела. Освобожден постановлением 8 сентября 1941 г., с тех пор жил в Москве.

32. Невский Николай Александрович (1892–1937) — японовед, тангутовед, синолог. В 1915 г. направлен в Японию на двухгодичную стажировку, однако в связи с революцией и Гражданской войной в России задержался в Японии на многие годы. В 1919–1922 гг. преподавал русский язык в Высшем коммерческом институте на о. Хоккайдо, затем в Осаке. Осенью 1929 г. вернулся в Россию и был зачислен доцентом в ЛГУ и ЛИФЛИ. С 1930 г. — в ИВ. В ночь с 3 на 4 октября 1937 г. был арестован, 24 ноября расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

33. Поливанов Евгений Дмитриевич (1891–1938) — японовед, совершенствовался в Японии, профессор Петроградского университета (1915–1931), Туркестанского восточного института (1921–1926), Коммунистического университета трудящихся Востока (1926–1929), преподаватель вузов Ташкента, Самарканда и Фрунзе (1931–1938). Основные труды по японскому, китайскому, узбекскому, дунганскому языкам и общему языкознанию. Участвовал в разработке письменностей для народов СССР. Арестован 1 августа 1937 г. по обвинению в шпионаже в пользу Японии. На суде виновным себя не признал. 25 января 1938 г. был расстрелян и похоронен на полигоне «Коммунарка». Реабилитирован 3 апреля 1963 г.

34. Приложение к протоколу ОИФ № 1, § 13 от 29/16 января 1919 г.; СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 167. Л. 295.

35. Щербатской Федор Ипполитович (1866–1942) — востоковед-буддолог, член-корреспондент Российской АН (1910), академик (1918), преподавал в Петербургском–Ленинградском университете (1901–1930), зав. индотибетским кабинетом ЛО ИВ АН СССР (1930–1942).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

36. Приложение к протоколу ОИФ № 6, § 102 от 16 апреля 1919 г.; СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 167. Л. 314 об.

37. Приложение к протоколу ОИФ № 8, § 140 от 21 мая 1919 г.; СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 167. Л. 319 об.

38. *Ольденбург С.Ф.* Памяти О.О. Розенберга // «Мысль». Журнал Петербургского философского общества. 1922. № 1. С. 158.

39. Юденич Николай Николаевич (1862–1933) — генерал от инфантерии, один из руководителей Белого движения на Северо-Западе России. В Первую мировую войну командовал Кавказской армией, в Гражданскую войну в 1919 г. руководил весенне-летним наступлением белогвардейских войск на Петроград, в октябре–ноябре с остатками армии отступил в Эстонию. В 1920 г. эмигрировал в Англию, затем переехал во Францию, похоронен в Каннах, перезахоронен в Ницце.

40. *Лаэнеметс Маэрт.* Раскрытие загадки О.О. Розенберга. Новые сведения об обстоятельствах смерти О.О. Розенберга. Розенберг скончался в Таллине в конце ноября 1919 г. // Буддизм России. 2001. № 33. С. 66–71.

41. СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1924. Д. 8. Л. 14 об.

42. *Конрад Н.И.* Неопубликованные труды. Письма. М., 1996. С. 272.

43. Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) — ботаник, академик РАН (с 1920 г.), АН СССР (1925), вице-президент (1930–1936), президент (1936–1945) АН СССР.

44. *Конрад Н.И.* Неопубликованные труды. Письма. М., 1996. С. 274, 275.

45. Там же. С. 277.

46. Вахтин Борис Борисович (1930–1981) — синолог, писатель, сотрудник Ленинградского отделения Института народов Азии, заведующий Дальневосточным кабинетом (с 1962 г.).

47. Фельдман Наталья Исаевна — жена Н.И. Конрада.

48. *Конрад Н.И.* Неопубликованные труды. Письма. М., 1996. С. 495.

49. Большой японско-русский словарь: в 2 т. / сост. С.В. Неверов, К.А. Попов, Н.А. Сыромятников, Н.И. Фельдман, М.С. Цын; под ред. Н.И. Конрада. М., 1970.

50. Барлоу Джон (1921–2008) — выпускник университета Северной Каролины, доктор медицинских наук, специалист в области электроэнцефалографии, лингвист. Составляя словарь, увлекся личностью Розенберга и написал статью «Оттон Оттонович Розенберг (1888–1919), блестящий молодой русский буддолог» (Петербургское востоковедение / пер. на рус. яз. И.Э. Циперович. СПб., 2002. Вып. 10. С. 464–478).

51. *Барлоу Дж.* Графический принцип О.О. Розенберга в аспекте изучения китайского языка // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2008. Т. 9. № 1. С. 5–6.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

И.В. Черказьянова

ЛЕНИНГРАДСКИЕ НЕМЦЫ В ГОДЫ ВОЙНЫ: СОБЫТИЯ 1941–1942 гг.

История немцев Ленинграда и Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны до настоящего времени остается малоизученной темой. Об этих событиях можно найти сведения в общих исследованиях, посвященных этническим репрессиям и перемещениям на Северо-Западе России[1]. Опубликован ряд документов, касающихся немцев Ленинграда и немецких поселений в годы войны[2]. Изданы небольшие по объему воспоминания немцев — жителей блокадного Ленинграда[3], а также краеведческие исследования о старейших немецких колониях под Ленинградом — Стрельнинской и Новосаратовской[4]. Авторы краеведческих очерков о немецких колониях, опубликованных на страницах газеты «Санкт-Петербургские ведомости», военный период либо вообще не освещают, либо с ошибками и вскользь[5]. В 2010 г. была предпринята попытка исследовать выставочными средствами историю Стрельнинской немецкой колонии. В сентябре состоялась презентация передвижной выставки и каталога к ней[6]. К 70-летию массовой депортации российских немцев появились статьи о ленинградских немцах военного времени[7].

Особенностью военной истории ленинградских немцев является ее многоплановость и глубочайший драматизм ситуации, порожденный чередой событий. Значительная часть области (включавшей до 1944 г. современные Ленинградскую, Псковскую, Новгородскую и часть Вологодской области) была оккупирована уже в первые месяцы войны. Ленинград оказался в блокаде, и на долю жителей города и пригородов выпали беспримерные страдания. На фоне военных событий продолжались политические репрессии не только против отдельных личностей, но уже против целых народов.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

В начале 1927 г., к моменту создания Ленинградской области, немецкое население области составляло 7384 чел.[8] К 1937 г. его численность выросла до 15 078 чел. (в области) и 14 239 чел. (в Ленинграде)[9]. Всесоюзная перепись населения 17 января 1939 г. зафиксировала уменьшение числа немцев в городе до 10 104 чел., в области — до 12 766[10]. Общее сокращение на 6480 чел. в течение двух лет связано в значительной мере с репрессиями 1937–1938 гг., которые в конце 30-х годов приобрели ярко выраженный национальный характер.

Перед началом войны в пригородах Ленинграда успешно развивались колхозы и совхозы с преобладающим немецким населением. Во Всеволожском районе это колхозы «Ударник» (Ковалево), «1 Мая» (Янино), «Красный механизатор» (Новосаратовская колония и 3 семьи из Уткиной Заводи), «Рот Фронт» (Веселый поселок). В Слуцком районе самым крупным был колхоз-миллионер им. Тельмана (Колпинская колония), объединявший 213 семей. Он был и крупнейшим в области, участвовал во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1939 и 1940 г. В Красносельском районе выделялись колхозы «Роте Фане» (Стрельнинская колония) и им. Обкома МОПРа. Немцы составляли значительную часть среди рабочих в совхозах Слуцкого района Средняя Рогатка, Шушары, им. Бадаева, «Большевик». В основном это были передовые хозяйства молочного и овоще-картофельного направления. В Почетную книгу ВСХВ 1940 г. были вписаны колхозы «Красный механизатор», им. Обкома МОПРа, «Роте Фане», «Арбайтер» (Ораниенбаумский район), им. Карла Либкнехта (Парголовский район), им. Макса Гельца, им. Тельмана, совхоз Средняя Рогатка[11]. До 1939 г. на территории области имелось пять немецких сельсоветов, в том числе два в современной Новгородской области (Новониколаевский и Александровский).

Многие жители пригородных поселений работали на городских предприятиях. Из Стрельнинской колонии, например, на «Пишмаше» (завод пишущих машинок)[12] и «Красном треугольнике» (завод резиновых изделий), из Колпинской колонии — на Ижорском заводе, из Средней Рогатки — на мясокомбинате «Самсон». Мужчины из колонии Гражданка нанимались возчиками в артель «Выборгский транспортник». Рабочие места для колонистов Гражданки давал Политехнический (в 1934–1940 гг. — Индустриальный) институт, находившийся по соседству. Новосаратовцы были среди работников ГЭС № 5 (электростанция «Уткина Заводь», ГРЭС «Красный Октябрь»).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

На новгородской земле крупнейшими немецкими колониями были Новониколаевская (Новгородский район) и Александровская (Чудовский район). К 1 апреля 1922 г. в Новониколаевке было зарегистрировано 1580 жителей, в Александровке — 720. Кроме того, компактные группы немцев проживали в Новгороде (500), Старой Руссе (420), Малой Вишере (370), Чудово (90), Мало-Михайловской колонии (220), на станции Окуловка (557). Всего в Новгородской губернии насчитывалось 6984 человек[13]. Часть немецкого населения составляли выходцы из Поволжья, покинувшие свои места во время голода 1921 г.

В Пскове также еще с дореволюционных пор существовала этническая группа немцев. По итогам Первой всероссийской переписи населения 1897 г., в городе насчитывалось 2660 лютеран, из которых 1265 человек назвали немецкий язык родным[14]. Это были врачи и аптекари, купцы, мукомолы, кондитеры и пивовары, ремесленники.

Начало войны и исчезновение немецких колоний

С первых дней войны Ленинградская область стала прифронтовой, а после взятия городов Острова (6 июля) и Пскова (9 июля) военные действия разворачивались непосредственно на ее территории. 8 сентября вокруг Ленинграда замкнулось блокадное кольцо. 15 сентября фашисты прорвались к Финскому заливу между Стрельной и Урицком (Лигово), что привело к образованию Ораниенбаумского плацдарма, замкнутого с востока линией между Старым и Новым Петергофом, с запада — по берегу реки Воронка.

Пристальное внимание к военной хронике лета 41-го обоснованно — за развитием военных действий встает судьба немецкого населения области и самих поселений. В блокадном кольце вместе с жителями Ленинграда, Кронштадта и Сестрорецка оказались немецкие колонии Всеволожского и Парголовского районов: Новосаратовка, Янино, Веселый Поселок, Овцыно, Средняя Рогатка, Ижора (Колпино), Гражданка. За блокадным кольцом, в зоне оккупации, остались колонии: Стрельнинская, Кипень, Порховская, Этюп, Ямбург, на Ораниенбаумском пятачке — Кронштадтская, Знаменская, Петергофская, Ораниенбаумская колонии.

Эвакуация населения, предприятий, культурных ценностей должна была разгрузить Ленинград, но с приближением фронта сюда хлынули беженцы из ближних и дальних районов. Началось активное перемещение людей и внутри города. Население из южных окраин

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

города и пригородов сначала стихийно, а с 16 сентября, после выхода постановления Военного совета Ленинградского фронта о переселении лечебных учреждения и женщин с детьми из южных в северные районы, организованно стало покидать свои дома. По свидетельству И.Д. Зеленской, 17 сентября «Васильевский остров был наводнен переселенцами из Автово и других южных окраин»[15]. Среди беженцев оказались и многие немцы из Средней Рогатки.

Население Колпино также росло с каждым днем за счет беженцев, но вскоре уже и сами колпинцы искали более безопасных мест. По воспоминаниям Э.Я. Шмидт, жительницы колонии Веселый поселок, в первые месяцы войны к ним прибыли жители из Колпино, их расселяли по семьям[16]. Семья М.Я. Гера из Верхней Колпинской колонии осенью 1941 г. была переселена эвакопунктом Володарского района в Новосаратовскую колонию, они разместились в доме № 182. Бегство к родственникам или эвакуация в более «безопасные», как тогда казалось, Василеостровский и Петроградский районы было лишь временным решением проблем. Бомбардировки и артобстрелы не оставляли шансов спастись где-то в «безопасном» месте, с сентября 41-го таких в Ленинграде больше не было.

До последнего дня, пока территория не была захвачена противником, многие жители пригородов, включая немецкую Стрельну, продолжали ездить в город на работу по специальным пропускам. Никто не мог поверить, что враг так близко подойдет к стенам города, тем не менее значительная часть населения пригородов оставалась на распутье — оставаться у себя дома либо бежать в город. Кто-то уехал на работу и не смог вернуться к семье. Многие отвезли к городским родственникам детей, зимние вещи, продукты, а сами оказались в оккупации.

Судьба немецких поселков сложилась по-разному, в большинстве своем они были разрушены уже в конце 1941 — начале 1942 г. Колпинская и Среднерогатская колонии, через которые проходил передний край обороны Ленинграда, были полностью уничтожены в ходе боев. Стрельнинская колония была захвачена фашистами 14–15 сентября 1941 г., значительные разрушения жилым постройкам, церкви и школе были нанесены при артобстрелах. Кронштадтская колония, единственная из всех колоний, не пострадала от артиллерии ни одной из сторон.

Новосаратовка тоже оказалась близ линии обороны города. Решением Военного совета Ленинградского фронта от 31 августа 1941 г.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

1-й, 2-й, 3-й и 5-й истребительные батальоны Ленинграда были переброшены для обороны правого берега Невы в район колонии Овцыно–Шереметьевка[17]. В.М. Пименов пишет: «Рабочий батальон 5-й ГЭС должен был оборонять правый берег Невы, чтобы противник не мог пройти с Невы. Остальные батальоны, которые были расположены в городе, начинали оборону с Саратовской колонии. Там были их рубежи»[18].

О том, как уничтожались поселки в ходе боев, свидетельствует история Колпинской колонии. Внешняя линия обороны Ленинграда проходила по ее южной оконечности — по территории Третьей колонии. 28 августа передовые части гитлеровцев заняли Ям-Ижору, но дальше они продвинуться не смогли. Лишь 15 сентября 1941 г. штурмовой отряд захватил шесть колонистских домов, однако уже 17 сентября Ижорский батальон выбил фашистов[19]. На протяжении всего периода обороны колония оставалась в руках советских бойцов.

Методичный обстрел передовой линии разрушал одновременно и все постройки в этой колонии. Командир взвода 125-й СД Н.П. Еругин вспоминает о событиях октября 1941-го: «В нескольких десятках метров от оставшейся еще маленькой кирки в Третьей немецкой колонии <...> немцы без счета, без меры месили дорогу и окопы большими и маленькими снарядами, минами. И каждый вечер немецкая автоматическая пушка зажигательными снарядами поджигала ближе к Колпино оставшиеся еще деревянные домики, которые горели по ночам, освещая подходы к нашей передовой. Разваливали они методически и эту толстенную немецкую кирху»[20].

Судьба новгородских колоний была столь же трагичной, как и ленинградских. Александровка и Новониколаевка, расположенные по линии Волховского фронта, были буквально стерты с лица земли. Александровская колония оказалась в зоне временной оккупации, бои за нее велись дважды, при отступлении Красной армии, а затем в ходе контрнаступления в ноябре–декабре 1941-го. Упоминания о ней неоднократно встречаются в воспоминаниях участников Любанской операции 1942 г. как об одном из населенных пунктов вблизи фронта, через который шли военные части к передовой, в район Мясного Бора. Во время боев зимой 1941 г. — весной 1942 г. здесь стояли огневые позиции советских войск, в итоге колония была «полностью сожжена и сравнялась с землей»[21].

В 1941 г. из 72 районов Ленинградской области полностью были заняты 51 район и 12 районов частично, среди последних — пригород-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ные районы Ленинграда: Красносельский и Слуцкий. Ленинград стал городом-фронтом. Часть немецкого населения оказалась на захваченной противником территории, другая — в блокадном кольце.

Депортация немецкого населения в первые месяцы войны

С первого дня войны в Ленинграде было введено военное положение. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» за военными властями закреплялись полномочия на выселение лиц, признанных «социально опасными». Одновременно с этим активизировалась и работа НКВД по выявлению «антисоветских элементов». Согласно директиве НКВД СССР от 28 июня 1941 г. пресекалось распространение провокационных слухов, которые могли посеять панику среди населения. 21 августа 1941 г. появился приказ командующего Северным фронтом и начальника Управления НКВД Ленинградской области «О выселении из Ленинграда и области социально опасных лиц». К числу «опасных лиц» были отнесены наряду с другими немцы и финны. Комплекс мер, принятых в начальный период войны, свидетельствовал об усилении политического контроля в городе и ужесточении репрессивного механизма государства.

В это же время по всей стране шла волна репрессий против российских немцев. 15 августа началась депортация немцев из Крыма. 28 августа 1941 г. был подписан, а 30 августа опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». С сентября по ноябрь 1941 г. немцы были выселены практически со всей европейской территории страны: из Москвы, Московской, Тульской, Ростовской, Запорожской, Сталинской, Ворошиловградской, Воронежской областей, Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Дагестанской и Чечено-Ингушской автономных республик, Азербайджанской, Грузинской и Армянской ССР. Одной из последних прошла акция по выселению немцев из Куйбышевской области, проводившаяся на основании распоряжения Совета народных комиссаров СССР от 21 ноября 1941 г.

Репрессии затронули и немцев-военнослужащих в действующей армии. Во время войны на службе находились 33 516 российских немцев, в том числе 1605 офицеров. Среди защитников блокадного Ленинграда были майор Н. Витте, капитан И. Шпиллер, лейтенант А. Кобмахер, младший лейтенант Д. Шибельгут, сержант Г. Кельбе-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

кер, красноармейцы И. Альмаер, Г. Шпаер и др. В действующей армии были и немцы-колонисты из-под Ленинграда. А.К. Паль из Новосаратовки был призван в июле 1941 г., пропал без вести в марте 1942 г. Без вести пропали и муж Софии Петровны Биллер И.И. Столбов (в апреле 1944 г.) и сыновья Владимир и Александр, проживавшие в той же колонии. В боях под Тулой погиб сын Якова Амана из Стрельнинской колонии.

С 8 сентября 1941 г. на основании директивы наркома обороны началось массовое удаление немцев из армии. 29 октября 1941 г. был издан приказ заместителя наркома обороны СССР Л.З. Мехлиса об удалении немцев, финнов, латышей, литовцев и других «сомнительных лиц» из частей 52-й армии, сражавшейся в районе Тихвина. Из немцев-фронтовиков сформировали строительные батальоны, положившие начало трудармии.

Частью сталинских репрессий военного периода стала депортация ленинградских немцев, которая прошла в два этапа: в августе–сентябре 1941 г. и марте 1942 г.

22 августа началось наступление на Ленинград. Нарастание угрозы и слабость военно-политического руководства, которое отвечало за защиту города, вызвало необходимость командирования в Ленинград представителей высших органов власти. Спецкомисссия ГКО прибыла 26 августа и должна была решать совместно с военным командованием все вопросы обороны Ленинграда, эвакуации предприятий и населения. Комиссия приняла ряд решений, большая часть которых так и не была реализована. Ситуация на фронте резко менялась, давались противоречивые оценки положения на местах, это приводило к тому, что по одному и тому же вопросу в течение нескольких дней издавались несовместимые постановления, окончательно дезориентировавшие местные власти.

Невыполнимые и невыполненные планы по депортации немцев и финнов, принятые в эти же дни, вероятно, можно отнести к этой же категории документов. Достаточно сравнить хронику появления разных постановлений с ходом военных действий, чтобы убедиться в их нереальности.

26 августа Военный совет Ленинградского фронта принял секретное постановление «Об обязательной эвакуации немецкого и финского населения из пригородных районов гор. Ленинграда»[22]. Выселению подлежали 88 700 финнов и 6 700 немцев, проживающих в Ораниенбаумском, Красносельском, Слуцком, Красногвардейском, Тоснен-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ском, Мгинском, Всеволожском и Парголовском районах. Место для высылки определялось в Коми АССР и Котласе Архангельской области. Операцию намечалось провести с 27 августа по 7 сентября 1941 г.

28 августа появился план мероприятий, направленных на выполнение постановления Военного совета Ленинградского фронта от 26 августа 1941 г. Для руководства операцией создавалась тройка в составе начальника УНКВД ЛО П.Н. Кубаткина, зам. начальника секретно-политического отдела НКВД П.Г. Дроздецкого и зам. начальника УНКВД области А.Д. Макарова. Ленинградский обком ВКП(б) и облисполком должны были оказывать всемерное содействие. Чтобы вовремя успеть вывезти всех намеченных к выселению людей, требовалось ежесуточно 20 барж, а также поезд-вертушка от станции Мга до станции Погра Подпорожского района.

На местах создавались районные оперативные «тройки» из сотрудников УНКВД и райисполкомов. Они составляли списки населенных пунктов с указанием количества людей, подлежащих выселению, а также назначали ответственных лиц из числа работников НКВД или милиции, которые обеспечивали доставку людей к месту посадки на баржи или в поезд. Из числа выселяемых назначался свой ответственный, это мог быть председатель колхоза либо кто-то иной. Эвакуация была принудительной, поэтому в случае сопротивления или отказа от выезда зачинщиков следовало арестовывать. Для обеспечения порядка в районах эвакуации туда направлялись военные отряды.

Решение военных властей о депортации немцев и финнов было подкреплено телеграммой уполномоченных ГКО В.М. Молотова, Г.М. Маленкова и А.Н. Косыгина, находившихся в городе, и секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) А.А. Жданова на имя Сталина. В ней сообщалось: «<...> нами принято решение о немедленном переселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96 тыс. человек. Предлагаем переселение произвести в Казахстан — 15 тыс. человек, в Красноярский край — 24 тыс., в Новосибирскую область — 24 тыс., в Алтайский край — 12 тыс. и в Омскую область — 21 тыс. Организацию переселения возложить на НКВД. Просим утвердить это решение»[23]. Телеграмма была передана в Москву 29 августа в 10 часов утра.

Днем 29 августа противник захватил станцию Мга, и полностью прервалась железнодорожная связь города со страной. О вывозе людей из пригородов Ленинграда по железной дороге уже не могло быть и речи.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Однако уточнение планов выселения продолжалось. 30 августа зам. наркома НКВД В.Н. Меркулов направил наркому НКВД Л.П. Берии специальное сообщение с кратким изложением плана мероприятий по эвакуации немцев и финнов[24]. В частности, речь шла о необходимом транспорте. Требовалось 190 барж из расчета по 500 человек на каждую или 1800 вагонов (по 50 человек на вагон). Меркулов ссылался на указание Молотова, находившегося в Ленинграде, о том, чтобы при посадке в вагоны финнам и немцам отдавалось предпочтение. В документе говорилось, что имеются порожние вагоны, а их количество зависит от числа прибывающих в Ленинград поездов. Отмечалось, что движение по железной дороге осуществляется через единственную линию связи у ст. Мга, которую немцы систематически бомбят, что затрудняет проход поездов. В тот же день Берия издал секретный приказ № 001175 «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев и финнов из пригорода Ленинграда в Казахскую ССР»[25].

События на фронте стремительно развивались. Блокадное кольцо стягивалось вокруг Ленинграда, сообщение с внешним миром наземным транспортом было прервано. Тем не менее существуют данные о том, что около 28 тыс. немцев и финнов успели выселить в этой остро развивавшейся ситуации, основная часть их была размещена в Вологодской области (около 22 900 чел.), 350 чел. попали в Кировскую область[26]. В этом потоке депортированных немцев и финнов, по нашему убеждению, преобладали жители новгородских колоний и хуторов.

По воспоминаниям бывших жителей Новониколаевской колонии, их выселение началось до оккупации Новгорода, то есть до 19 августа, в то время, когда фронт приближался к городу. Сестры Штро — Магдалина и Елизавета — вспоминают: «В середине августа 1941 г. начались интенсивные бомбежки Новгорода и его окрестностей. Вместе с другими жителями Новониколаевской колонии мы укрылись в лесу. Затем по распоряжению властей нас погрузили на машины и переправили на Валдай, а оттуда поездом, в теплушках, на Урал и определили в д. Васильевка»[27]. В спецсообщении зам. наркома госбезопасности Б.З. Кобулова имеются сведения о прибытии 11 сентября 1941 г. в Гаврилов-Посадский район Ивановской области 78 немцев, в большинстве это были «женщины, эвакуированные из Николаевской колонии (из-под Новгорода)»[28].

Уникальная судьба была у небольшой группы немцев Ленинграда, эвакуированных в конце августа 1941 г. в Поволжье. Спаслись от бло-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

кады, но, оказавшись в Саратове, они попали под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа и оказались в Сибири. Из справки отдела спецпоселений НКВД СССР о количестве расселяемых немцев Поволжья выясняется, что в числе поволжских немцев оказались 96 человек из Ленинградской области (7 немцев, 89 финнов)[29].

Остается неясной нормативная сторона депортации новгородских немцев — пока не обнаружены документы, регулирующие их выселение. Можно предположить, что на них распространялось действие августовских постановлений Военного совета Ленинградского фронта, однако они появились уже после выселения Новониколаевской колонии, и, кроме того, новгородские колонии находились на территории Волховского фронта. Вероятно, следует обратиться к документам высшего эшелона власти, принятым в отношении «социально опасных» элементов, а также предоставляющим широкие полномочия военным властям в зоне действия военного положения, как к правовой основе для выселения немцев современной Новгородской области. Это в первую очередь Указ Президиума Верховного Совета СССР о военном положении от 22 июня 1941 г. Здесь можно провести аналогию с выселением немцев Крымской АССР, в отношении которых в самом начале не было специальных постановлений ГКО или Военного совета фронта. При формировании 51-й Отдельной армии Ставка Верховного главнокомандования РККА предписывала «очистить немедленно территорию [Крымского] полуострова от местных жителей — немцев и других антисоветских элементов»[30]. В соответствии с этим документом и постановлением Совета по эвакуации № СЭ-75-с от 15 августа 1941 г. из Крыма до 11 сентября 1941 г. было выселено около 60 тыс. немцев. Приказ Военного совета Южного фронта о выселении немцев Крыма появился только 26 августа 1941 г., когда депортация шла полным ходом. При этом обращает на себя внимание совпадение времени принятия советами фронтов постановлений о выселении ленинградских и крымских немцев — 26 августа.

Среди исследователей еще нет единой точки зрения на происхождение и реальное существование другого документа высших органов власти, который предопределил судьбу поволжских немцев и оказал влияние на принятие решений в отношении других групп российских немцев. Речь идет о совместном постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 2060-935-сс от 12 августа 1941 г. «О расселении немцев Поволжья в Казахстане». На его существовании настаивают Н.Ф. Бугай,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

М.А. Вылцан, В.Н. Земсков, но решительно отрицает А.А. Герман, так как под таким номером и с таким названием документ вышел 12 сентября 1941 г., а документ от 12 августа не найден[31]. А. Айсфельд прослеживает косвенные свидетельства, которые могли бы подтвердить его существование, — ссылки на документ от 12 августа в учетных карточках целого ряда депортированных немцев Украины[32].

Есть ряд частных вопросов, которые ждут дополнительных исследований. Как шло выселение тех немцев, которые оказались на временно оккупированной территории под Новгородом? Успели их выселить до захвата или выслали после фильтрации с вновь освобожденной территории? Например, как могли быть высланы 21 ноября 1941 г. Паль Анна Ивановна (1933 г.р.) и Шефер Федор Яковлевич (1936 г.р.) с их родителями, если в учетной справке говорится, что они проживали в Новгороде? Вероятно, на момент депортации они жили уже не в Новгороде, а оказались в числе беженцев за пределами города.

Немецкое население в блокадном кольце и возобновление депортации весной 1942 г.

Блокада Ленинграда тесно переплела судьбы немцев-ленинградцев и немцев-колонистов, оказавшихся в это время в осажденном городе. Одни уже постоянно жили и работали в городе, другие, спасаясь от наступающей армии противника, бежали к родственникам, третьих эвакуировали с окраин вглубь города. Надвигающаяся на Ленинград катастрофа усугублялась тем, что многие семьи оказались разорванными: одни остались в оккупации, другие — в блокадном кольце, часть еще до войны была репрессирована, и сведений о них родственники не имели.

Сколько было в городе немцев, сколько из них погибло, сегодня ответить на эти вопросы невозможно. Ведь даже общее количество жертв блокады до конца не выявлено. Нами с сайта «Возвращенные имена. Блокада»[33] были выбраны имена погибших людей — носителей традиционных немецких фамилий, всего около 1200 имен. Подсчеты показали, что среди этих имен были семьи: Аман — 28 чел., Бадер — 5, Бауэр — 6, Бендер — 21, Бок — 33, Бреннер — 10, Бутц — 9, Вальтер — 45, Гаген — 10, Гевейлер — 18, Герман — 64, Киндеркнехт — 3, Краубнер — 10, Кригер — 5, Кун — 10, Лефлер — 6, Менг — 7, Паль — 15, Реймер — 3, Ульрих — 9, Штейнмиллер — 6, Штрейс — 6, Штро — 14,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Эйдемиллер — 47, Янцен — 2. В числе погибших от голода были жители немецких колоний: Гражданки (А.Ф. Шефер, Г.Н. Шефер, С.Ф. Шефер, О.О. Шмидт), Колпинской (Э.Г. Гевейлер, М.Б. Крафт), Новосаратовской (Х.А. Мейер), Среднерогатской (С.А. Аман, И.А. Эйдемиллер), Янино (П.Е. Аман). В первые недели и месяцы блокады, пока у людей были силы и позволяли финансовые возможности, еще пытались хоронить близких на кладбищах. Так, на Смоленском лютеранском кладбище похоронены: Ш.Ф. Берг, В.Л. Бергман, художник Ф.Ф. Бухгольц (участок № 98, рядом со скульптором М.Л. Диллоном, надгробие утрачено), И.-П.Ф. Герман, профессор математики Н.Н. Гернет (участок № 54), К.Ю. Гесс, архитектор Г.Д. Гримм (участок № 17), Е.М. Рейхардт, Ю.Ю. Тиссен, В.И. Штамлер, Ш.К. Штро.

Многих имен нет в базе данных о жертвах блокады, но их имена называют выжившие родственники и друзья. София Матвеевна Аман свидетельствует о смерти ее родных Польберг (5 чел.) и Вальтер (4 чел.), живших на Васильевском острове[34]. По воспоминаниям писателя Роберта Лейнонена, происходившего из немецко-финской семьи, практически вся семья (11 чел.) погибла в первую блокадную зиму. В живых остались они с сестрой[35]. Скончались родители и сын расстрелянного Петра Гергардовича Пеннера (1899–1937), директора Ленинградского немецкого педтехникума.

Воспоминания немцев Ленинграда, которые детьми пережили блокаду, ничем не отличаются от других подобных воспоминаний. Голод, болезни, холод, разруха, страх, сиротство. Г.А. Линденбург встретил войну 11-летним мальчиком. После ареста отца в июле 1941 г. остались мать, Елена Ланге, и он с братом Владимиром. Мать скончалась в феврале 1942 г., и старший брат отвел Германа в детский дом. Детдомовцев эвакуировали весной 1942-го на Кубань, которую осенью 1942 г. оккупировали фашисты. Детей поместили в интернат под надзор полиции. Герман с двумя товарищами дважды пытался бежать, второй раз удачно. Скитались, к зиме оказались в станице Крыловской Краснодарского края. Станичники приютили детей, а в 1944 г. Германа определили в Ейское военное училище[36]. И.К. Рышкова (урож. Думлер) вспоминает первое посещение бомбоубежища, постоянное чувство голода, настенные часы в квартире, ход стрелок которых «мог» чудесным образом приблизить время еды. Сначала умер ее отец, потом — мать. Ирину вместе с другими детдомовцами эвакуировали в августе 1942-го[37]. В.Ф. Шефер в 1942 г. потерял отца

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Федора Владимировича (21 января), мать Елену Александровну (17 февраля), старшего брата Рихарда (25 февраля), тетю Эйдемиллер Софью Александровну (апрель). Дядя Шефер Рудольф Вольдемарович погиб еще в декабре 41-го. «Мне было 13 лет, но у меня в эти дни были самые настоящие мысли о самоубийстве», — пишет Виктор Федорович[38]. 13 апреля 1942 г. Виктора с детским домом эвакуировали через Ладогу.

С первых дней войны военные, партийные власти, органы НКВД предприняли ряд мер, направленных на нейтрализацию вражеской пропаганды и борьбу с негативными настроениями среди населения. Но реальное положение на фронтах и в осажденном городе усиливали пессимизм населения, который стал особенно нарастать с сентября 1941 г. Н.А. Ломагин пишет: «Регулярные репрессивные акции органов НКВД, полностью контролировавших ситуацию в едва живом городе, делали практически невозможным какое-либо организованное выступление против власти. Именно на военные месяцы 1941 г. и первую блокадную зиму пришлось 80 % всех осужденных УНКВД за контрреволюционные преступления в годы войны»[39].

4 сентября 1941 г. по подозрению в шпионаже был арестован Александр Филиппович Вальтер (1898–1941), член-корреспондент АН СССР с 1933 г., специалист по физике диэлектриков, директор Научно-исследовательской лаборатории материалов, отделившейся от Ленинградского физико-технического института. Умер (не ранее 9 октября 1941 г.) на этапе в Новосибирск, предположительно на Ладожском озере[40]. Кратковременному аресту подвергся член-корреспондент РАН, востоковед Евгений Эдуардович Бертельс (1890–1957), в 1942 г. в тяжелом состоянии был эвакуирован из Ленинграда.

Петр Христианович Фогельгезанг (1901–1942) из колонии Овцыно, работавший пожарным на Ижорском лесозаводе, был арестован 11 марта 1942 г. за «антисоветскую агитацию» среди рабочих завода. 4 апреля Военный трибунал вынес приговор о расстреле. Через 48 лет, 4 апреля 1990 г., был реабилитирован президиумом Ленинградского горсуда. «Агитация» Фогельгезанга сводилась к критике положения в блокадном городе.

Уже в феврале 1942 г. возобновилась эвакуация населения из Ленинграда, а в марте прошло выселение немцев из Ленинграда и пригородов. 9 марта появилось повторное постановление Военного совета Ленинградского фронта «О выселении из Ленинграда в административном порядке социально опасного элемента». К таким «эле-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ментам» относились русские, немцы, финны, поляки, эстонцы и другие ленинградцы. 17 и 18 марта из города были отправлены 5 эшелонов с общим количеством 9785 человек, в том числе 6888 финнов и немцев, административно высланных — 2897. Из города людей отправили поездами до станции Борисова Грива, затем на машинах (автобусах) через Ладогу до станций Кобона, Жихарево, Лаврово. Здесь шло формирование составов: уже два эшелона отправили в Омскую область и три эшелона — в Красноярский край.

Попытки оградить военные объекты от «враждебно настроенных» немцев и финнов путем их внутреннего переселения предпринимались во Всеволожском районе еще в начале сентября 1941 г., поскольку 9 сентября в 16 км от Ленинграда, близ поселка Ковалево, началось строительство военного аэродрома (аэропорт Ржевка). В районе строительной площадки находилась Смольнинская колония, в которой проживали 27 немецких и 27 финских семей. Командование ВВС Ленинградского фронта обратилось к председателю Ленсовета П.С. Попкову с просьбой ускорить выселение жителей колонии, поскольку она «кишит шпионами», которые днем и ночью оповещают противника ракетами. Несмотря на принятое 5 сентября решение Всеволожского райсовета о выселении, жители колонии продолжали оставаться на своих местах[41].

20 марта 1942 г. вышло другое повторное постановление Военного совета фронта «Об обязательной эвакуации финского и немецкого населения из пригородных районов области и города Ленинграда». Оно касалось мест компактного проживания немцев и финнов. Были намечены конкретные сроки: в течение 26 и 27 марта 1942 г. отправлять по 7,5 тыс. человек ежедневно. Всю подготовительную работу к эвакуации следовало закончить к 25 марта. Начальник тыла Ленинградского фронта генерал-майор Н.Ф. Лагунов должен был обеспечить перевозку населения автотранспортом через Ладогу, из Ораниенбаумского района и Кронштадта перебросить через Финский залив до станции Лисий Нос. Для эвакуации выделялось в распоряжение облисполкома 25 автомашин.

Массовая эвакуация финнов и немцев началась 24 марта. Высылке подлежало 24 600 человек. По состоянию на 28 марта через Ладогу было перевезено и направлено в Иркутскую область три эшелона с немцами и финнами (6788 чел.). Был погружен и ждал отправки в Иркутскую область четвертый эшелон (2570 чел.). На ст. Борисова Грива ожидали отправки в Красноярский край три эшелона (7800 чел.).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Два эшелона еще формировались в пригородных районах, а последние два эшелона должны были грузиться 29 марта. Каждый состав сопровождался спецконвоем войск НКВД в количестве 24 человек во главе с начальником эшелона и оперработником НКВД[42].

О том, как проходила депортация немцев из Новосаратовки весной 42-го, рассказывает Адам Адамович Шмидт (1921–2011), ставший впоследствии художником, много лет проработавший в Ярославском театре.

Новосаратовцам дали на сборы 24 часа. На подводах людей доставили на станцию Нева (Веселый поселок). Жителям было приказано свалить в скотный сарай все незахороненные трупы, временно хранившиеся в скотном дворе и на кладбище. Шмидт вспоминает: «За день и в день эвакуации “похоронили” — отвезли на скотный двор колхоза — сестру отца и свекровь старшей сестры»[43]. Затем жителей повезли в вагонах к Ладожскому озеру и там погрузили в автомобили. В семье Шмидта высылке подлежали 10 человек, в том числе сестры с детьми: Эрна с трехлетним сыном и Тереза с дочерью пяти лет и вторым грудным ребенком. Дома и оставшееся имущество передавалось жителям поселка, которые не были немцами и не подлежали эвакуации. При посадке в вагон выяснилось, что младенец Терезы умер. На похороны времени не было — ребенка закопали в снег, отметив место еловой веткой. Рядом уже высились два таких же сугроба — похоронили двух стариков. При посадке впервые за долгие месяцы люди получили горячую еду, был настоящий хлеб и каша. На той стороне Ладоги каждому выдали по буханке хлеба, в вагон поставили печурку[44].

Маргарита Петровна Рейх (1925–2010), проживавшая с родителями в Ольгино, вспоминала, что их отправляли 28 марта с Лахты. К станции они добирались своим ходом. Состав сначала двинулся к Лисьему Носу для дозагрузки, а потом в Ланскую, где они долго стояли — составляли списки. В вагонах были в основном финны, немного немцев. Через Ладогу переправлялись 29-го, озеро к этому времени уже сильно подтаяло. До станции Назарово Иркутской области они добирались месяц[45].

Выселение немцев и финнов создавало большие экономические проблемы. До войны во Всеволожском районе существовали 53 колхоза. В сентябре 1941 г. 9 колхозов были эвакуированы из фронтовых сельсоветов, поэтому к началу посевной кампании 1942-го действовали 44 колхоза. Проблема заключалась в том, что 41 колхоз полностью состоял из немцев и финнов, а 2 колхоза — частично. Чисто русским

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

был один единственный колхоз. Остающийся рогатый скот передавался совхозам «Халтуринец» и Щегловскому, в которых имелось лишь 100 голов скота. Семенной фонд, сданный осенью 1941-го государству на хранение, был истрачен. Поэтому запасы картофеля и зерна выселяемых немцев и финнов обращались в семенной фонд. Оставшиеся трактора в Колтушской МТС (35 машин) некому было обслуживать, так как прежний штат трактористов состоял исключительно из финнов[46].

В Парголовском районе к организации выселения были привлечены 173 человека из числа партийно-советского актива, сотрудников НКВД и милиции. Население было оповещено за 24 часа, в отдельных случаях — за 6–8 часов до погрузки в эшелоны. К месту отправки люди были доставлены вовремя, однако из-за опоздания эшелонов на 10–12 часов создалась огромная скученность. Имущество, оставленное немцами, было сразу же взято на учет с составлением акта описи. Председатель райисполкома Великодворский докладывал, что все ценные вещи (велосипеды, швейные машинки) были оставлены в непригодном состоянии (отсутствовали запчасти, в машинках не было челноков). Под сохранную записку был оставлен скот: 599 коров, 2 козы, 23 лошади. Семенных и фуражных фондов в колхозах не было. У населения изъяли 15 т сена и 250 кг картофеля. Все личное имущество было оценено, часть вещей передана в детские дома и больницы, а часть пущена на реализацию через потребкооперацию. За три дня (26–28 марта) было эвакуировано из района 13 875 немцев и финнов. Из-за отсутствия на месте в момент высылки, а также по болезни в тот момент избежали депортации 200 человек[47].

Из Ораниенбаумского района «по специальному списку» выселили 4485 финнов, 166 немцев и еще 124 человека[48]. В.И. Мусаев приводит факты, свидетельствующие о реакции местного населения на высылку немцев. В районе почти во всех сельсоветах были «зарегистрированы многочисленные факты, когда отдельные лица из русского населения просили включить их в список подлежащих обязательной эвакуации и выражали недовольство тем, что им в этом отказывали»[49].

В Слуцком районе (из выступления председателя райисполкома Вишняковой на совещании у заместителя председателя Леноблисполкома от 24 февраля 1942 г.) в феврале в хозяйствах начали готовиться к севу: восстанавливались парники, велся сбор семян овощей. Особое внимание было уделено колхозу им. М. Гельца (колония Овцыно).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

«В колхозе им. М. Гельца копали котлованы, готовят парники, народ шевелится. Если будем давать часть хлеба колхозникам — мы выйдем из положения. В отношении обеспечения овощными семенами. Зерна в колхозе им. М. Гельца было около 2 т спрятано, но оно не отсортировано <...> пока его не берем, так как могут разбазарить. <...> Настроение у колхозников такое, что они хотят сеять, хотят приниматься за работу. Правда, в колхозе им. М. Гельца работу тормозил председатель, мы туда послали агронома, через три дня вышел на работу и председатель»[50]. Приведенные факты свидетельствуют о том, что немецкий колхоз приступил к работам точно так же, как и другие хозяйства. Февраль еще не предвещал массового выселения немцев, которое пройдет ровно месяц спустя. Более запасливый и предусмотрительный председатель колхоза (в 1939 г. это был Е.Х. Шефф) сумел сохранить значительный для того времени объем семян, но это выглядит в оценке Вишняковой как утаивание («спрятано»).

Формально массовая депортация из пригородов должна была проходить на основании постановления Военного совета от 20 марта, но факты свидетельствуют о том, что постановление от 9 марта о выселении «социально опасного элемента» не сводилось только к отдельным личностям. Его активно применяли для депортации немецких колонистов.

18 марта были выселены жители Новосаратовки: Бич Андреас с женой Софией и приемной дочерью Ниной Карасевой; А.Х. Вализер, С.Я. Вализер, Х.А. Вализер, Я.Х. Вализер, братья Адам и Александр Шмидт. Это были жители Колпинской колонии (Р.Х. Флейшман и Э.Х. Флейшман), семья Я.П. Шмидта из Веселого поселка. 19 марта та же участь постигла других новосаратовцев (Е.П. Финк, М.А. Финк, М.П. Финк, П.Ф. Финк). О выселении вспоминает Георгий Георгиевич Флейшман, в прошлом житель немецкой Гражданки. 18 марта семья (родители и трое детей 1931, 1937 и 1939 г.р.) получила извещение о необходимости эвакуироваться. В срочном порядке собирались, успели продать кое-что из бытовых вещей. Уезжали на битком набитом поезде с Финляндского вокзала. Через Ладогу их перевозили на автобусе 19 марта. На льду стояли зенитки, виднелись промоины от попадания снарядов[51]. 20 марта выслали немцев жителей Колпино (Е.Е. Гевейлер, Е.И. Гевейлер, С.И. Гевейлер), Средней Рогатки (А.И. Амана), Новосаратовки (Д.Г. Вализер, Т.Г. Вализер).

К апрелю 1942 г. операция по выселению финнов и немцев была в основном завершена. Начальник УНКВД ЛО П. Кубаткин сообщал

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

наркому Берии 4 апреля 1942 г.[52], что было выселено из города и пригородов 39 075 человек, в том числе эвакуированных в обязательном порядке немцев и финнов 35 162 человек. Весь контингент был направлен: в Красноярский край — 26 283 человек, Иркутскую область — 9 488, Омскую область — 3 304. Учитывая исключительное значение Кронштадта, из города были удалены антисоветские (67 чел.) и социально опасные (289 чел.) элементы, немцы и финны (75 чел.). Выселенные из сельской местности немцы и финны сдали 1020 коров, 134 лошади, 92 головы мелкого скота, 7540 жилых построек.

Всего с начала войны и до 1 октября 1942 г. были высланы из города и пригородов 58 210 немцев и финнов, 40 231 «социально-чуждого элемента», 30 307 «уголовно-преступного элемента»[53]. Точное количество немцев, выселенных из Ленинграда и области, пока не удается уточнить. По одним данным, к концу 1942 г. депортировали 11 тыс. немцев, по другим — только в Красноярский край из Ленинградской области в 1942 г. выселили 18 895 немцев[54]. В.И. Мусаев уточняет, что в марте–апреле 1942 г. «по специальному плану» было выселено 38 112 человек без различия национальности, из них 18 895 человек поселили в Красноярском крае, 8625 — в Иркутской области (из них 3485 чел. отобрали для Якутии), 6247 — в Омской[55].

Выявление и выселение из Ленинграда отдельных немецких семей продолжалось в течение почти всего 1942 г. Анализ биографических сведений показывает, что акция растянулась до осени 1942 г. С.М. Петровой (дев. Аман) объявили 15 июня 1942 г. о необходимости покинуть город в течение 72 часов, прописку из паспорта вычеркнули. Целый месяц тянулась ее дорога до Омска, а потом по Иртышу дальше на север. Р.Р. Шейде (1926 г.р.) с матерью высланы осенью 1942 г. в Красноярский край[56], а Эрна Александровна Лазаренко (дев. Бон, 1931 г.р.) с родителями, двумя бабушками и тетей — в июле 1942 г. Отец Эрны работал инженером-конструктором на заводе «Вулкан». На сборы им было отпущено 24 часа. 23 июля обе бабушки Эрны оказались в госпитале в Вологде, через день скончалась одна, а через 15 дней — другая[57].

Не все немцы были высланы из Ленинграда в 1942 г. Среди тех, кто умер в блокадном Ленинграде в 1943 г., были и носители традиционных немецких фамилий: Аман, Гевейлер, Кун, Лорер, Менг, Паль и др. В воспоминаниях блокадников также встречаются свидетельства об оставшихся в городе немцах. В. Рысаков пишет о декабрьских днях 1942 г.: «К Валентину (соседскому мальчику. — *Ч.И.*) приходил Фред

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

(немец 1928 г.р.), который жил по нашей лестнице на 4-м этаже. Они приняли меня в свою компанию, и я нередко проводил свободное время вместе с ними»[58]. Причинами невысылки были тяжелая болезнь, пребывание в больнице, отсутствие на месте по другим причинам, но никак не гуманность исполнителей постановлений.

Судьба немецкого населения Ленинградской области в оккупации

Оккупация Ленинградской области отличалась рядом особенностей от других оккупированных территорий СССР, на которых гитлеровцы ввели свое административно-территориальное управление (рейхскомиссариаты «Украина» и «Остланд»). Как и на другой территории РСФСР, здесь не существовало единой гражданской власти, в городах создавались управы, в сельских районах — комендатуры. В Ленинградской области длительный срок (29 месяцев) существовала военная администрация. Как отмечают специалисты, нигде не было такой продолжительной пропагандистской обработки населения противником, как под Ленинградом. В области имелись примеры краткосрочного нахождения жителей под оккупацией (район Тихвина, Малая и Большая Вишера). Население неоднократно подвергалось фильтрации со стороны оккупантов с целью выявления коммунистов, евреев и пособников партизан, в несколько этапов людей отправляли на принудительные работы. Проверку освобожденного населения проводила и советская сторона.

Голод в зоне оккупации, особенно в городах, приобретал колоссальные размеры, поэтому росла смертность, увеличивалась опасность развития эпидемий. Жители Стрельнинской колонии, оказавшись без жилья, огородов и скотины (забрали оккупанты), начали голодать уже осенью 1941 г.

Особенности оккупации Ленинградской области создавали сложности для развития партизанского движения. Тем не менее известны факты участия или помощи жителей Стрельнинской колонии в партизанской борьбе. Связь с партизанами осуществляли комсорг Андрей Штейнмиллер и Румянцев. Однако вскоре молодые люди были схвачены и повешены в селе. Под Володаркой геройски погиб Яков Аман, воевавший в партизанском отряде[59]. Командиром партизанского отряда в Кингисеппе был Паль Яков Адамович, уроженец немецкой колонии Ямбург. Он был выдан оккупантам и казнен[60].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Положение этнических немцев в блокадном Ленинграде и на оккупированной территории постоянно находилось в поле зрения командования германской 18-й армии. В сводках о положении в городе и событиях в СССР немцы упоминаются неоднократно.

При оценке настроений в Ленинграде в начале октября 1941 г. гитлеровцы выдвигали предположение, что выступают «за сдачу города без боя, вероятно, большая часть оставшейся еще в живых интеллигенции и 30–40 тыс. живущих в Ленинграде немцев». В этом же документе утверждалось, что «заключенные, за исключением рецидивистов и политических, освобождены из тюрем и направлены на фронт, главным образом копать траншеи <...> это не распространяется на всех немцев, литовцев, эстонцев, латышей, финнов и белорусов, которые продолжают отбывать наказание»[61]. В сводке от 9 октября приводится количество немцев в Ленинграде (более 20 тыс.)[62]. 16 октября сообщается об общем количестве населения в городе по итогам переписи 1939 г., о количестве евреев и немцев, эвакуации жителей из прифронтовой полосы[63]. 8 февраля 1942 г. говорится о том, что «большое количество местных немцев живет в условиях строжайшей изоляции в маленьком поселке Петровская Славянка.<...> Существует секретный приказ, согласно которому лица немецкого происхождения не могут быть отправлены на фронт, как, впрочем, и мужчины, чьи семьи находятся на занятой территории»[64]. В период с 6 по 20 ноября 1941 г. по желанию командования 18-й армией отряды полиции безопасности участвовали в учете этнических немцев. Это происходило в форме перепроверки населения полицией безопасности[65].

В одной из разработок 18-й армии «по обращению с гражданским населением Петербурга», основанной на соображениях верховного командования вермахта, предусматривались пропуск всего гражданского населения блокированного города через линию фронта и отправка людей в тыловую зону. Одним из преимуществ этого варианта, по мнению разработчиков, было спасение «немцев, финнов и лояльных <...> русских, проживавших в Петербурге»[66].

Контрнаступление Красной армии под Тихвином в ноябре–декабре 1941 г., а затем события на Волховском фронте в районе Мясного бора в январе–апреле 1942 г. в значительной мере повлияли на судьбу ленинградских немцев. 7 января на Волхове с целью деблокирования Ленинграда началась Любанская операция, трагически завершившаяся гибелью 2-й ударной армии и пленением командующего армией генерала А.А. Власова. По приказу командующего 18-й армией от

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

25 января 1942 г. началось выселение немцев из окрестностей Ленинграда, поскольку к этому времени считались возможными прорыв блокады и последующее наступление Красной армии.

По сообщению айнзатцгруппы А, располагавшейся в Гатчине, от 2 января 1942 г., учет этнических немцев, находящихся в прифронтовой полосе, а также в тылу армии, был завершен к началу 1942 г. Отмечается также и военная угроза с советской стороны. «Учет в целом завершен. Принимая во внимание надвигающийся голод, а также угрозу этническим немцам со стороны противника, представляется необходимым поторопиться с транспортом для их вывоза. В тесном сотрудничестве с командованием 18-й армии, проявляющим большой интерес ко всем этническим вопросам, в будущем необходимо приступить к учету проживающих в Ингерманландии эстонцев и финнов. К проведению этого учета привлекаются эстонские офицеры и помощники из числа финского населения»[67]. В сводке от 8 апреля 1942 г. говорилось, что «регистрация эстонцев и финнов в компетенции 18-й армии закончилась. В общей сложности было зарегистрировано 11 415 эстонцев и 64 800 финнов. Изменение этой цифры возможно лишь в наименьшей степени и связано лишь с тем, что за пределами собственно зоны боев, где был запрет на переселение, все еще существовала некоторая миграция»[68].

Выселение немцев оккупационными властями на запад не было одноразовой акцией. Об этом имеются различные свидетельства.

Свидетельством того, что жители Стрельнинской колонии еще в январе 1942 г. находились в своем поселке, служит, например, тот факт, что Иван Александрович Эйдемиллер (1907 г.р.) умер 13 января 1942 г. и похоронен на Стрельнинском лютеранском кладбище[69].

Семья Филиппа Филипповича Гевейлера из Стрельнинской колонии точно помнит дату отправки в Германию — 12 февраля 1942 г. Жителей Стрельны вначале собрали в Красном Селе, а затем по железной дороге отправили на запад. До лагеря Конитц ехали месяц, в дороге людей сносно кормили, на границе с Латвией провели санобработку.

По детским воспоминаниям жителя поселка Стрельна Ю.П. Крылова, расположенная по соседству Стрельнинская немецкая колония опустела еще осенью. В ней расположилась местная комендатура. Колонистская школа, сложенная из кирпича, была сожжена наполовину. «Говорили, что колонисты убрались в свой Faterland. Нам было как-то все равно: выехали и выехали, я так, например, даже не заме-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

тил, когда. И даже хорошо, что выехали. У нас появилась возможность пошарить в их хоромах, убедиться — не по слухам, а воочию, как они у нас столько лет жили-поживали. Ходил слушок, что сами-то колонисты выехали, а то, что у них было в погребах, им пришлось оставить — на нужды оккупационного гарнизона. Разумеется, появляться нашему брату было строжайше запрещено. <...> На погребах, у входа, рассказывали, красовались убийственные аншлаги: “Halt — Minen!” и прочее в том же духе. <...> Ежедневно в полдень из конца в конец деревни ходил местный комендант»[70]. Мальчик дважды побывал в колонии в поисках хоть какой-то еды, при этом каждый раз он пишет, что улицы стояли заснеженные, был мороз, людей не видно.

Отправка жителей Пушкина в Германию проходила в октябре–ноябре 1941 г., феврале и конце лета 1942 г. Людей сначала направляли в Гатчину, в пересыльный лагерь в Красных казармах, располагавшийся при въезде в город. Из Гатчины эвакуировали в Эстонию, Латвию, Литву, Польшу и Германию.

В трудовой лагерь в Германии попали немцы из Пушкина — художники Оскар Юльевич Клевер и Сергей Львович Голлербах (после освобождения в апреле 1945 г. в СССР не вернулся). Все жители проходили регистрацию в городской управе, составлялся список лиц нерусского происхождения, после чего объявлялось о предстоящем выселении. Среди выселенных была семья (жена, теща и дочь Светлана) погибшего от голода писателя-фантаста А.Р. Беляева — как представители нерусских меньшинств. Бабушка Светланы была шведкой, не немкой, но тоже попала в списки. В своих воспоминаниях Светлана Александровна пишет об отношении к немецкому языку в ее семье: «Дома мама и бабушка часто говорили по-немецки. Я все понимала, но говорить не хотела. Мама спросит меня о чем-нибудь по-немецки, а я ей в ответ по-русски. Почему меня решили учить немецкому языку? Ну, наверное, по традиции. А вообще-то со стороны моей мамы все были сплошь иностранцы. Отец маминой мамы был эстонцем, мать — шведкой. А общий язык, на котором они могли изъясняться, немецкий. Так что и вся семья, включая детей, говорила по-немецки. Отец моей мамы Константин Антонович был наполовину поляком, наполовину русским. <...> Дедушка воспитывался в Петришуле, и немецкий язык так проник в него, что он даже думал по-немецки»[71]. Беляевы были предупреждены об отъезде за сутки, в случае отказа им грозил расстрел. 6 февраля 1942 г. они покинули Пушкин. Сначала были вывезены в Польшу, потом их перебрасывали из одного лагеря

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

в другой — были в Пруссии, Померании, Австрии, всего в пяти лагерях. В немецком лагере они встретили своих соседей — семью Кремер. В самом начале мае 1945 г. их освободили части Советской армии на территории Австрии. После фильтрации освобожденные пленники были отправлены на спецпоселение в Алтайский край, там оставались 11 лет. После оккупации и немецких лагерей мать Светланы возненавидела немецкий язык, а вид формы немецких специалистов, приезжавших в Ленинград после войны, вызывал отвращение. В документе, выданном Светлане Беляевой УВД г. Барнаула, сообщается, что «сведения о добровольном или насильственном выселении в Польшу отсутствуют»[72].

По свидетельству Лидии Осиповой, жительницы г. Пушкина в период оккупации, автора известного дневника, российских немцев из Пушкина стали вывозить в конце февраля[73]. Она пишет: «22 февраля... В городе объявлена эвакуация фольксдойчей. Всех. Кто хочет, записывают в фольксдойчи и отправляют. По-видимому, командование решило под этим предлогом разгрузить город. Ивановы, Петровы, Немипуренки идут за фольксдойчей... Идти надо в СД к какому-то Райхелю <...> 25 февраля. Уехали с фольксдойчами и Давыдовы[74]. Единственный человек, который нам все-таки как-то помогал. Иванова-Разумника[75] вели на машину под руки... Как он доедет?»

В феврале же началась эвакуация на запад этнических немцев из Шлиссельбурга.

Ленинградские немцы первыми среди российских немцев были вывезены на запад. Немцы, проживавшие в Белоруссии, на Украине и Кавказе, были угнаны в январе–июле 1943 г. Все они значились административными переселенцами. Германский штаб по размещению вывезенного населения распорядился, чтобы немцы из района Ленинграда, Шлиссельбурга и Луги были размещены «концентрированно», и определил для этого лагерь Конитц в Западной Пруссии. До конца марта 1942 г. 3441 человек прибыли в Конитц и 335 человек — в лагерь Нойштадт (под Данцигом)[76].

Новые жители лагеря были крайне истощены. Штаб сообщал, что обычный вес взрослых женщин составлял от 80 до 90 фунтов (40–45 кг)[77]. Из числа ленинградских немцев к октябрю 1942 г. около 500 семей (2104 чел.) были временно расселены в районе Люблина, остальные к весне 1943 г. переведены на территорию Польши, включенную в состав Германского рейха (Reichsgau Wartheland, имперский край Вартегау).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

К 12 июля 1944 г. в Вартегау находилось около 240 тыс. этнических немцев из СССР. Из них 180 тыс. выполняли различные работы. На территории Вартегау располагалась сеть пропускных пунктов и лагерей для временного размещения, они были обнесены колючей проволокой и охранялись войсками СС. В лагерях Иммиграционного ведомства этнические немцы проходили проверку на этническую принадлежность. После успешного прохождения процедуры лица, включенные в 1-ю и 2-ю категории, получали германское гражданство, включенные в 3-ю категорию получали германское гражданство временно, сроком на 10 лет. После предоставления гражданства мужское население становилось военнообязанным и призывалось в вермахт, полицию и другие военные формирования. Из числа переселенцев создавали также охранные и строительные отряды.

Угнанное население перемещали из одного лагеря в другой, поэтому в биографиях людей фигурируют разные названия лагерей. Упоминавшийся Ф.Ф. Гевейлер с женой Амалией и сыновьями Виктором и Гербертом прошли через лагеря Кониц (Konitz), Штаргарт (Stargart), Шенлаге (Schönlage), Бергенриген (Bergenrigen), Штезен (Stesen), округ Науенбург (Kreis Nauenburg). Аман (дев. Куфель) Августа Петровна, уроженка Ямбургской колонии Кингисеппского района, до войны проживала в Стрельнинской колонии. Ее муж Аман Матвей Яковлевич был расстрелян в 1938 г. В 1942 г. она с тремя детьми (Матвей, 1922 г.р., Елизавета, 1925 г.р., Луиза, 1929 г.р.) была вывезена на принудительные работы в Германию. Скончалась в лагере для перемещенных лиц в Австрии 20 августа 1944 г., похоронена в г. Брук. Мария и Елизавета Ульрих из Стрельнинской колонии, дочери репрессированного Ульриха Эдуарда Петровича, умерли от туберкулеза в 1945 г. в австрийском лагере.

В результате наступления Советской армии, начавшегося 12 января 1945 г., около 200 тыс. административных переселенцев из СССР не смогли покинуть Вартегау и оказались на территории, занятой советскими войсками[78]. Людей освобождали из лагерей и Советская армия, и армия союзников. В зависимости от того, в чьей зоне оккупации они оказывались, во многом складывалась их дальнейшая судьба. В «западной» зоне оккупации было больше шансов остаться в Европе.

Все возвращавшиеся в СССР лица проходили проверку в проверочно-фильтрационных пунктах (ПФП) и проверочно-фильтрационных лагерях (ПФЛ) НКВД. Первые ПФП и ПФЛ были организованы уже в сентябре 1944 г. в приграничных областях на территории

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Украины. Вдоль государственной границы СССР до 23 декабря 1944 г. были созданы 15 фильтрационных лагерей НКВД: Болград, Кишинев, Черновцы, Мостиск, Хира, Рава-Русская, Яворов, Владимир-Волынский, Брест, Волковыск, Гродно, Высоколитовск, Пружены, Выборг, Сортавала[79]. Фильтрационные лагеря и пункты создавались и в советской зоне оккупации. Всего в июле 1945 г. насчитывалось 127 ПФЛ и 57 ПФП[80].

В определенный день все подлежащие репатриации должны были собраться в назначенном месте. После прохождения контроля немцы направлялись в советские лагеря НКВД и на спецпоселение. В течение 1945–1948 гг. подавляющее большинство угнанных на Запад советских немцев было репатриировано в СССР.

Дальнейшая история депортированных и репатриированных российских немцев сливается в одно русло — это нахождение на спецпоселении до начала 1956 г., запрет на возвращение в родные места и глубочайшая психологическая травма целого народа на долгие десятилетия.

1. *Иванов В.А.* Миссия Ордена. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х — 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб., 1997; *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. СПб.; М., 2002. Кн. 1–2; 2-е изд. СПб., 2004; *Мусаев В.И.* Этнос и война. Национальные перемещения на Северо-Западе СССР во время Второй мировой войны. 1941–1945 гг. // Нестор. СПб., 2003. № 6. С. 412–421.

2. См.: Ленинград в осаде: Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. СПб., 1995; Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. М.; СПб., 2005; Сталинские депортации. 1928–1953. М., 2005; Из районов области сообщают... Свободные от оккупации районы Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сб. док. СПб., 2006.

3. Мы дети российских немцев (воспоминания и документы). СПб., 1995; Мы это пережили: Сб. воспоминаний детей блокады немецкого происхождения. СПб., 2003; Впечатления нашей жизни = Unsere Lebenseindrücke . — СПб., 2007; Дети и война / сост. В.А. Коробова, Э.Н. Супруненко. СПб., 2010.

4. Немецкая колония в Стрельне под Санкт-Петербургом. Страницы истории XIX–XX вв. 2-е изд. СПб., 2010.

5. *Сизёнов Е.* На зависть уездному городу // Санкт-Петербургские ведомости. 2011. 23 дек. [Ижорские колонии]; *Андрейчева В.* На землях графини Шуленбург // Там же. 2012. 3 февр. [Новоалександровская колония].

6. Стрельнинская немецкая колония под Санкт-Петербургом (200-летию основания посвящается): каталог образовательной выставки. СПб., 2010.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

7. *Черказьянова И.В.* Военная судьба немцев Ленинграда и Ленинградской области (1941–1945) // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет: материалы 3-й междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 26–28 авг. 2011 г. М., 2011. С. 493–520; *Она же*. Депортация немцев из Ленинграда и Ленинградской области // «Выселить с треском». Очевидцы и исследователи о трагедии российских немцев. М., 2011. С. 215–242.

8. *Дмитриев С.В.* Материалы партархива Института марксизма-ленинизма при Ленинградском обкоме КПСС о немцах (1920-е годы) // Немцы Сибири: история и культура: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1993. С. 63.

9. Всесоюзная перепись населения 1937 г.: общие итоги: сб. документов и материалов. М., 2007. С. 96, 97.

10. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М., 1992. С. 62, 63.

11. См.: Почетная книга Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. М., 1940. Т. 15: Ленинградская область.

12. Завод пишущих машинок (Пишмаш, с 1953 г. — ЛЭМЗ) основан в 1930 г., находился в районе Урицка на Ленинградском шоссе, в 17 км от тогдашних границ города.

13. Государственный архив Новгородской области. Ф. Р-265. Оп. 1. Д. 401. Л. 8.

14. Из истории псковских немцев. Псков, 2007. С. 7.

15. *Зеленская И.Д.* Дневник. 7 июля 1941 г. — 6 мая 1943 г. // «Я не сдамся до последнего...» Записки из блокадного Ленинграда. СПб., 2010. С. 27.

16. Сообщение Эрны Яковлевны Карпенко (Шмидт). [Электронный ресурс.] URL: http://www.memorial.krsk.ru/svidet/Karpenko.htm.

17. Из районов области сообщают... С. 101.

18. *Пименов В.М.* Военный отдел Володарского райкома ВКП(б) в году войны // «Я не сдамся до последнего...» С. 187.

19. *Сизёнов Е.П., Ефимов Г.А., Иволга Р.С.* Подвигу твоему, Колпино. СПб., 2010. С. 39.

20. Там же. С. 50.

21. См.: *Лопатин П.П.* Из военного дневника // Трагедия Мясного бора: Сб. воспоминаний участников и очевидцев Любанской операции. СПб., 2010. С. 170. [Запись от 26 мая 1942 г.]

22. Текст постановления см.: Сталинские депортации. С. 326–327; Из районов области сообщают... С. 63.

23. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) / Сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М., 1993. С. 160.

24. Сталинские депортации. С. 328–329.

25. Там же. С. 329–330.

26. *Мусаев В.И.* Этнос и война. С. 414, 416.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

27. *Белокопытова О.И.* Политические репрессии на Новгородчине по национальному признаку. Исчезновение немецких колоний // Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области. Великий Новгород, 2006. Т. 10. С. 335.

28. Иосиф Сталин Лаврентию Берии: «Их надо депортировать» / Вступ. ст., сост. Н.Ф. Бугай. М., 1992. С. 51.

29. Там же. С. 65.

30. *Айсфельд А., Мартыненко В.* Фильтрация и оперативный учет этнических немцев Украины органами НКВД–НКГБ–МВД–КГБ во время Второй мировой войны и в послевоенные годы // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ: науч.-док. журн. Киев; Харьков, 2010. № 2(35). С. 100.

31. *Бугай Н.Ф.* 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать...» // История СССР. 1991. № 2. С. 173; *Вылцан М.А.* Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3. С. 29; *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М., 2005. С. 92; *Герман А.А.* Депортация немцев Поволжья осенью 1941 г. // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: взгляды и оценки через 70 лет. С. 417–418.

32. *Айсфельд А., Мартыненко В.* Указ. соч. С. 102–104.

33. Сайт центра «Возвращенные имена» (РНБ). [Электронный ресурс.] URL: http://visz.nlr.ru.

34. *Петрова (Аман) С.* Моя большая дружная семья // Немецкая колония в Стрельне. С. 113.

35. *Черказьянова И.В.* Депортация немцев из Ленинграда и Ленинградской области. С. 234.

36. *Линденбург Г.* Мои военные годы // Дети и война. С. 17–21.

37. [Воспоминания И.К. Рышковой] // Дети и война. С. 55–56.

38. *Шефер В.* [Воспоминания] // Мы дети российских немцев. С. 17.

39. *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. Кн. 1. С. 291.

40. URL: http://www.ihst.ru/projects/sohist/repress/academy/valter-a.htm.

41. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 205.

42. *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. Кн. 2. С. 35–36.

43. Немецкая колония в Новосаратовке. С. 82.

44. Там же. С. 83–84.

45. Мемуары Рейх Маргариты Петровны (рукопись). С. 27–29.

46. Из районов области сообщают... С. 159.

47. Там же. С. 161–162.

48. *Мусаев В.И.* Указ. соч. С. 415.

49. Там же.

50. Из районов области сообщают... С. 137–138.

51. Аудиозапись воспоминаний Г.Г. Флейшмана 2011 г. любезно предоставлена МСНК.

52. *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. Кн. 2. С. 37.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

53. Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов. С. 697.

54. *Бугай Н.Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно вашему указанию...» М., 1995. С. 45, 43.

55. *Мусаев В.И.* Указ. соч. С. 415.

56. *Шейде Р.Р.* Вспоминаю блокадные дни ... // Мы это пережили. С. 18.

57. *Лазаренко Э.А.* Воспоминания о некоторых днях, прожитых в период Ленинградской блокады // Мы это пережили. С. 41.

58. *Рысаков В.[И.]* 900 блокадных дней // Войной украденное детство (спешим сказать — пока мы живы). СПб., 2011. С. 122.

59. См.: Немецкая колония в Стрельне. С. 49.

60. Имя Якова Паля высечено на памятнике погибшим партизанам в Кингисеппе.

61. *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. Кн. 2. С. 119, 121.

62. Там же. С. 131.

63. Там же. С. 212–213.

64. Там же. С. 192, 196.

65. Там же. С. 177.

66. *Стахов Х.Г.* Трагедия на Неве. Шокирующая правда о блокаде Ленинграда. 1941–1944. М., 2011. С. 215.

67. *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. Кн. 2. С. 182.

68. Там же. С. 205.

69. Генеалогия семьи Эйдемиллер, составленная И.А. Архипченко. С.-Петербург, 11 марта 2010 г. (рукопись).

70. *Крылов Ю.П.* Путиловский двор. СПб., 2007. С. 284.

71. *Беляева С.А.* Воспоминания об отце. СПб., 2009. С. 63–64.

72. Там же. С. 92.

73. *Цыпин В.М.* Город Пушкин в годы войны. СПб., 2010. С. 119.

74. Давыдов из числа этнических немцев работал переводчиком в службе СД.

75. Иванов Разумник Васильевич (псевд. — Иванов-Разумник) — литературовед, критик, публицист, из дворянской семьи, русский. Выехал из Пушкина как имеющий родных в Литве. Скончался в 1946 г. в Мюнхене.

76. См.: *Айсфельд А.* Административные переселенцы // Немцы России: энцикл. М., 1999. Т. 1. С. 29–31.

77. Информацию сообщил д-р А. Айсфельд (Геттинген) со ссылкой на книгу *M. Leniger* “Nationalsozialistische Volkstumarbeit und Umsiedlungspolitik 1933–1945”.

78. См.: *Айсфельд А.* Вартегау // Немцы России. Т. 1. С. 321–322.

79. *Айсфельд А.* Репатриация на чужбину... (репатриация советских немцев 1946–1947 гг.) // З архівів ВУЧК–ГПУ–НКВД–КГБ: науч.-док. журн. Киев, 2007. № 2 (29). С. 100.

80. Там же. С. 102.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

ИМЕННОЙ УКАЗА ТЕЛЬ

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Август II *284*
Август III *284*
Аврежио А.Ф. *215*
Адамович *283*
Адамович П.Я. *339*
Аимин А. *139*
Айсфельд А. *331*
Акимов М. *243–245*
Алданов *283*
Александр I *33, 53, 56, 75, 77, 87, 93, 117*
Александр II *13, 162*
Александр III *141, 210, 227, 276*
Алексеев В.М. *309, 311, 316*
Алексеев М.В. *138*
Аллер С.И. *99*
Алшанский М. *41*
Альксингер И.Б. *25*
Амелунг А.Г. *233*
Ананий *262, 271*
Андерсен Д. *281, 283*
Андреев Е.Н. *170*
Анна Иоанновна *65, 66, 68, 284*
Анненский И.Ф. *152*
Антакольский М.М. *141*
Апраксин *98*
Арапов П.Н. *25, 27*
Арендт *132*
Арефьев А.В. *143*
Астор Д.Д. *283*
Ауэр Л.С. *245*
Баженов *283*
Базинер Ф.И. *122*
Байкалова А.А. *202*
Байов А.А. *315*
Баленкова Л.А. *232, 249*
Балюз де *61*
Баркова Е.Д. *204*
Барлоу Дж. *316, 317*
Бартенев П.И. *106, 107*
Бартоломеус Ф. *230*
Бауэр Ф.В. *17–20, 22*
Бах *56*
Бахметьева А.Г. *266*
Безсонов А. *127*
Бекман Я.Г. *42, 44*
Беляев А.Р. *342*
Беннигсен Л.Л. *93*
Берг Э.Ю. *155*
Берд Р. *283*
Березовский, иезуит *75*
Берия Л.П. *329, 338*
Бернс Р. *283*
Берто К. *141–143*
Бестужев А.П. *10*
Бетанкур А.А. *105*
Бетховен Л. *283*
Бильдерлинг А.А. *137–144*
Бобров Е.Г. *116*
Богданов Г. *65*
Богданович К.Н. *295*
Богданович М.Н. *294*
Богомолов-Романовский *238*
Богуш-Сестренцевич С. *72, 76*
Бодиско А. *21*
Болотов А.Т. *44*
Боретур М. де *75*
Боровиковский *283*
Боткин Г.К. *275*
Боур *18*
Браницкая А.В. *106*
Бремер С. *230*
Бруни Ф.А. *139*
Брюллов А. *147*
Брюлловы, братья *77*
Бугай Н.Ф. *330*
Будевиц Б.Ф. *176*
Булгаков Ф.И. *139*
Бурдунов Н.Ф. *211*
Бурцова Е.М. *202*
Бухгольц *306, 307, 332*
Буш И. *131, 132, 135*
Буш Э. *192*
Быков *103*
Бэр К. *132*
Вавилов Н.И. *123, 127*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Вагнер А.А. *257, 258*
Вагнер В.А. *259*
Вагнер Г.К. *255–257, 259, 262, 267*
Вагнер Н.П. *295*
Вагнер О. *259*
Вагнер П. *268*
Вагнер Р. *260, 261*
Вальвилль, актриса Ви гель Ф.Ф. *31*
Вальтер А.Ф. *333*
Ваннари П.И. *155*
Василий II Темный *261*
Василий III *216*
Васильев В.П. *313*
Васильев Н.А. *265*
Васильчиков Б.А. *223*
Вахтин Б.Б. *316*
Вебер Ф.Х. *63, 64*
Вейдебаум А.-С.Э. *309*
Вейдебаум Ф. *309*
Векшин Н.А. *295*
Велье М.Я. *139*
Венгеров С.А. *152*
Вердеревская А.И. *202, 203*
Вердеревская Е.В. *202, 203, 265, 266*
Вернадский В.И. *223, 298*
Вигель Ф.Ф. *107*
Визель Э. *178*
Вильегорский *231*
Висковатов *146*
Витберг А. *56*
Витгенштейн Л.П. *76, 77*
Витгенштейн П.Х. *91*
Витрам Ф.Ф. *163*
Власов А.А. *340*
Воейков А.Н. *153*
Волошин *283*
Вольф *132*
Вонлярский И.В. *265*
Воробьева О. *139, 140*
Воронцов М.И. *7*
Врангель А. *28*
Вронский М.К. *143*
Вронченко Ф.П. *104*
Вульф Д.А. *260, 261*
Вылцан М.А. *331*
Высоцкая С.В. *165*
Вяземский П.А. *77*
Гагарин *214*
Гайдн Й. *283*
Галактионов С. *147*
Галле Г.С. *115*
Гальвес М. де *72*
Ганефельд Э. *305*
Гартман Т.А. *172*
Гартман Ф.А. *171*
Геблер Ф.В. *122*
Гейдингер В. *63*
Гейнрихе Е. *80, 81*
Гейнц Е.А. *152–158, 160–162*
Гельтергоф *52*
Генкель В. *149*
Георги И.Г. *68, 70*
Гер М.Я. *324*
Герман А.А. *331*
Герцен А.И. *52*
Гёте И.В. *50, 188, 283, 285*
Гефт Ф.А. *122*
Гешта С. *72*
Гильфердинг П. *20*
Гиршфельд Ф.А. *230*
Гнездилов В.Г. *143*
Говерс *38*
Гоголь Н.В. *147*
Голенищев-Кутузов М.И. *283*
Голицын А.М. *55*
Голицын Б.Б. *154*
Голицына А.П. *77*
Голлербах С.Л. *342*
Головин М. *224*
Головкин Ю.А. *115*
Головнин А.В. *198, 200, 204–207*
Головнин В.Г. *265–267, 279*
Головнин В.М. *198, 200, 211, 234, 249, 260–264, 285*
Головнин Г.К. *279*
Головнин Д.В. *260, 266*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Головнин Д.Я. *277*
Головнин И.В. *203*
Головнин И.И.-большой *203*
Головнин К.И. *202, 203*
Головнин Н.В. *257, 260, 264, 265, 267, 273*
Головнин Н.Г. *254*
Головнин Н.Н. *276*
Головнин П.А. *261, 264, 278*
Головнин П.В. *266*
Головнин П.И.-большой *203*
Головнин П.Н. *267, 276*
Головнин Т.И. *203*
Головнин Ф.В. *279*
Головнин Я.Г. *278*
Головнина Е.В. *202, 266, 268*
Головнина Е.Д. *204*
Головнина Е.Н. *260, 267, 269*
Головнина М.Н. *273*
Головнина Н.С. *261*
Головнина Н.Ф. *278*
Головнина П.В. *198, 201, 203, 211, 231*
Головня Никита *202, 203, 256*
Гончаров С.С. *223*
Горбунов Г.П. *300*
Горбунов Н.П. *300*
Гордон *62, 283*
Греч Н.И. *72, 147, 148*
Грибоедов А.С. *77, 283*
Грибоедов С.Д. *155*
Григорович В.И. *235*
Григорович Д.В. *148*
Григорович И.К. *177*
Гримм Г.Д. *332*
Гримм Ф.М. фон *22–24*
Грот Г. *48*
Грот К.К. *204*
Грубер Г. *73–75*
Гудович И.В. *90, 91*
Гумилев *283*
Гурко И.В. *142*
Гурьев Д.А. *98, 105*
Давыдов Д.В. *93*
Давыдов С. *275*
Дазер *71*
Данилевский Г. *207*
Деламот Ж.Б.М. *67, 68*
Демидов А.И. *44*
Демидова А. (Лиман) *230*
Державин Г.Р. *24, 283*
Дерикер В.В. *238*
Долгов А. *7*
Драгунов А.А. *316*
Дроздецкий П.Г. *328*
Дубинский В.Х. *155*
Дюмон Э. *75*
Евгений, архимандрит (Болховитинов) *74*
Егер В.П. *121*
Екатерина II *8, 10, 17, 19–21, 23–25, 28, 29, 52, 53, 68–70, 72, 73, 87, 89, 90, 92*
Елизавета Маврикиевна *205*
Елизавета Петровна *7, 10, 52*
Елисеев Г.Г. *294*
Елисеев С.Г. *311, 314, 315*
Ермолов А.С. *223*
Ермолов А.П. *91*
Жак Н. *141*
Жданов А.А. *328*
Жомини *140*
Жуков Г.К. *263*
Жуковский В.А. *13, 77, 231, 283*
Загряжская *231*
Задлер *231*
Затворницкий Н.М. *138*
Здекаудер *206*
Зейдлиц *132*
Зелгер *39, 40*
Зеленская И.Д. *324*
Земсков В.Н. *331*
Зернов Ф.И. *215*
Зубов В.А. *90–92*
Зубов П.А. *24, 32*
Иванский А. *234, 235*
Измайлов *56*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Иоганзен Э. *187–194*
Иоджевич Д. *77*
Казаков М.Ф. *261*
Калязинский Макарий *261*
Канкрин Е.Ф. *97–108*
Кантемир Д.К. *99*
Кантор Г.В. *47*
Капнист П.В. *52*
Карамзин Н.М. *22, 31*
Карвинский *121*
Карл XII *8*
Карпова К.Г. *202*
Карышев Н. *275*
Касаткин-Ростовский Н.Ф. *223*
Катель Ф.-Л. *234*
Катенин П. *147*
Кашкаров Ю.Д. *260, 261*
Келин А.С. *142*
Келлер Ф. *46, 54*
Кеннан Г. *191, 192*
Керниг В. *131*
Кившенко А.Д. *240*
Киплинг Р. *283*
Киприянов И. *41*
Кирина Т.И. *232*
Киттнер И.С. *139*
Клевер О.Ю. *342*
Климент XIV *73*
Клингенберг *22*
Книппер *17*
Княжевич А. *102*
Кобулов Б.З. *329*
Кожин А.В. *273*
Кожин А.Н. *271*
Кожин Ананий *262, 271*
Кожин В.А. *261*
Кожин В.Н. *261, 262, 267–273*
Кожин И.А. *261, 271, 272, 283*
Кожин И.В. *262*
Кожин И.И. *262, 272*
Кожин Н.П. *271*
Кожин П.Н. *261*
Кожин П.С. *261, 273*
Кожина Е.Н. *269*
Козловский В.А. *172*
Кокошкин Н. *271*
Колтовский Ф. *272*
Комаров В.Л. *114, 315*
Кондрусевич Т. *80*
Конрад Д. *247*
Конрад Н.И. *314, 315*
Кораблев В.Н. *298*
Коростелев Н.А. *155*
Косыгин А.Н. *328*
Коцебу А. фон *17–33*
Кочубей В.П. *117*
Кракау А.А. *295*
Кракау В.А. *292*
Крамер Н.Э. *223*
Краснов В.А. *295*
Краснов-Левитин А.Э. *79*
Краснопольский Н.С. *30*
Красовский М.В. *223*
Кригельштайн *52*
Крист Й. *20*
Критвик П. *275*
Круглый А. *149*
Крутицкий П. *25*
Крыжановский С. *224*
Кубаткин П.Н. *328, 337*
Кукольник Н. *147, 148*
Кулинский А.Н. *284*
Кутлеры К. и Н. *295*
Кутузова И.Е. *202*
Кутузова Н.П. *203*
Куци А.М. *102, 103*
Лагунов Н.Ф. *334*
Лампе Г.В. *295*
Ланге Е. *332*
Ланге Ф.И. *205, 206*
Лангсдорф Г.И. *120*
Ланжерон А.Ф. *88*
Ласси *284*
Лаэнеметс М. *315*
Левитан *262*
Левицкий *283*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Лейдесдорф *133*
Лейхтенбергский М. *78, 236*
Леман И.И. *168–179*
Ленин В.И. *143*
Леонтьев Г. *7*
Лермонтов М.Ю. *94, 138, 243*
Лерхе Т.Х.В. *131, 132*
Лесков Н.С. *52, 108*
Лессинг Г.Э. *21, 188*
Лефорт *282*
Леш К.А. *257*
Линденберг Ч. *283*
Липовский А.Л. *292*
Липский В.И. *119*
Лист Ф. *283*
Литта Е.В. *99*
Литта Ю.П. *99*
Лихарева Н.В. *262*
Лихачев Д.С. *50*
Лобанов-Ростовский А.Б. *32*
Лобанов-Ростовский Д.И. *105*
Ломагин Н.А. *333*
Лопацинский С.И. *223*
Лорер Н.И. *52*
Лукашевич Д. *77*
Лутковская Е.С. *202, 203*
Лутковский П.С. *204*
Лушнат Б. *120*
Любиевская Е.Н. *284*
Ляпунов В.П. *271, 272*
Ляпунов Л. *272*
Май К. *291–296, 298, 300*
Майер Ф.В. *189*
Макаров А.Д. *328*
Макаров И.П. *172*
Малашкин В.Д. *275*
Малашкин Д.Д. *273–275*
Малашкина Е.Н. *276*
Малашкина О.Н. *276*
Маленков Г.М. *328*
Малиновский А.Ф. *25*
Мальмгрен А. *305, 306*
Манухин С.С. *223*
Манфредини *67*
Марр Н.Я. *310*
Масальский К. *148*
Маслов Н.Н. *223*
Медведев В.Н. *53, 54*
Мейендорф А.Ф. *182, 183, 185, 186*
Мейендорф М.Ф. *182, 185, 186*
Мейендорф Федор Е. *181, 182, 185*
Мейендорф Феофил Е. *181–183*
Мейер В.А. *229, 231*
Мейер В.Е. *238, 239*
Мейер Г. *175, 234, 235*
Мейер Е. *235–238*
Мейер И.-Э. *233, 234*
Мейер К. *124, 126, 127*
Мейер С.В. *238*
Мейер Т. *193*
Мейер Ф.-В. *234*
Мейер Х.А. *332*
Мейер Э.Х. *233*
Меллер К. *90*
Меллер-Закомельская В.Я. *94*
Меллер-Закомельский Е.И. *92*
Меллер-Закомельский И.И. *87–90, 94*
Меллер-Закомельский П.И. *88*
Меллер-Закомельский Ф.И. *87–95*
Меншиков *265*
Меншиков А.С. *265*
Меркулов В.Н. *329*
Мертенс К. *122*
Местр Ж. де *76*
Мечников И.И. *133*
Мещерская С.П. *202, 203*
Мещерский А.И. *139*
Мещерский В.П. *211*
Микешин *149*
Миланезе *64*
Миних *283*
Миркин Ф.А. *204*
Миттенлейдер Я. *71*
Михайлов П.А. *171, 176*
Молотов В.М. *328, 329*
Монферран О. *100*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Мордисон Г. *20*
Моцарт В.А. *283*
Мошкова С.И. *202*
Мусаев В.И. *336, 338*
Мятлев И. *147*
Нартов А.А. *44*
Нарышкин А.А. *223*
Нахимов П.С. *143*
Невский Н.А. *314, 315*
Некрасова Л.П. *202, 203*
Нидерштеттер *52*
Николай I *53, 56, 78, 95, 104, 106, 108, 210*
Николай II *142, 175, 178, 210, 211, 245, 276*
Никольская Е.В. *203*
Никольский Б.В. *243*
Никольский В.В. *246*
Никольский В.Н. *242*
Николя В.Д. *78*
Нистрем К. *99*
Нобель Э.Л. *177*
Новиков *283*
Новосильцева М.П. (Кожина) *271*
Обер А.Л. *142*
Обольянинов П.Х. *28*
Около-Кулак А.Ф. *78–79*
Олдрин Э. *283*
Олсуфьев А.В. *20*
Олсуфьев Д.С. *218*
Ольденбург С.Ф. *310, 315*
Ольденбургская Е.М. *241*
Ольденбургский П.Г. *208*
Орлов Г.Г. *53*
Осоргин М. *283*
Ососов А.В. *157, 162*
Остен-Дризен фон *177*
Павел I *26–33, 53, 72–75, 92, 93*
Павлов И.П. *133*
Павлов П. *41*
Паганини Н. *283*
Падалка В.Д. *294*
Пален П.П. *93*
Паллас П.С. *42, 43*
Паль А.И. *331*
Паль А.К. *327*
Паль Я.А. *339*
Панаев В. *235*
Пекарский Э.К. *178*
Перлинг П. *74*
Петр I *18, 37, 38, 63, 71, 114, 141, 142, 174, 178, 264, 282*
Петр III (Петр Федорович) *8, 15, 28–30, 67*
Пий VII *74, 77*
Пири Р. *283*
Пирлинг А. *70*
Пирлинг П. *74*
Пирогов Н.И. *132–134*
Писарева А.Н. *204*
Платонов С.Ф. *223*
Пленц А. *124*
Плюшар А.А. *145–149*
Покровский И. *266*
Поливанов Е.Д. *314, 315*
Постельс Ф.Ф. фон *47*
Потанин Г.Н. *174*
Потемкин Г.А. *89, 90*
Преображенская З.Н. *203*
Пржевальский Н.М. *141, 142*
Прибытков М.Н. *266*
Прибыткова Т.М. *266*
Протасов П.С. *77*
Протопопов И. *117*
Пушкин А.С. *30, 32, 62, 67, 71, 77, 104, 107, 147, 199, 231, 242, 283*
Пущина К.И. *202, 203*
Пфляйдерер *305*
Радищев А.Н. *27*
Радлов В.В. *174–178, 182*
Разумов С.И. *203*
Разумова А.С. *232, 249*
Разумовский А.К. *114, 115, 117, 259*
Райхерт Б. *306, 307*
Райхерт П. *304–308*
Растрелли Б.Ф. *99*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Раух *131*
Раухфус К. *134*
Рахау К.К. *99*
Регель Э. *119, 121*
Редовский И.И. *115*
Редько Г.И. *38*
Рейх М.П. *335*
Рейхерт П. *305, 307*
Репин И.Е. *220*
Репнин В.Н. *6, 8, 10–13*
Репнин Н.В. *24*
Рерих Б.К. *294, 300*
Рерих В.К. *300*
Риваль Ж. *31*
Рикер К. *134*
Рикорд П.И. *234, 235*
Римский-Корсаков *276, 297*
Ринальди А. *70*
Розен фон *21, 22*
Розенбах П. *134*
Розенберг К. *134*
Розенберг О.О. *309–317*
Романовский А.Г. *175*
Ростопчина Е.П. *106*
Рудой В.И. *317*
Рузвельт Т. *283*
Румберг Г. *7, 8, 10*
Румянцев Н.П. *27*
Рунеберг Р.И. *141, 142*
Руперт *265*
Руска Л. *99*
Рыкачев М.А. *155, 156*
Рыхляков В. *138*
Сабуров А.А. *216, 220, 221, 223, 224, 242*
Сабуров А.И. *216*
Сабуров А.П. *216*
Сабуров В.М. *217*
Сабуров Н.А. *225*
Сабуров П.А. *216, 220, 225, 227*
Сабуров С.И. *215–218, 231*
Сабурова Е.Б. *216*
Сабурова Е.В. (Соллогуб) *221*
Сабурова С.И. *217*
Сабурова С.Ю. *216*
Савельев Ю.Р. *139*
Савинов С.И. *155*
Савицкий М.А. *163*
Саломон (Головнина) П.В. *201, 203, 211, 212*
Саломон (Лиман) К.К. *213, 230*
Саломон А. *203, 204, 211*
Саломон А.А. *245*
Саломон А.П. *231, 233, 242, 244, 249*
Саломон В.А. *229, 230, 232, 248*
Саломон В.В. *213, 231*
Саломон Е.А. *229, 233*
Саломон Е.В. *245, 246*
Саломон Е.И. *213*
Саломон И.А. *212, 213, 230, 231*
Саломон И.Д. *229*
Саломон И.К.Г. *228, 229*
Саломон М.А. *233, 246*
Саломон П.И. *199, 201, 203, 207, 210, 211, 215*
Саломон П.И. *209, 212, 220, 239*
Саломон С.А. *213, 215, 218, 220*
Саломон С.И. *228*
Саломон С.П. *227, 229*
Самарин Ф.Д. *223*
Самойлов А.Н. *89, 91*
Самокиш Н.С. *140*
Сапега Л.И. *233*
Сапожников А. *147*
Селиванов И. *39, 40*
Семевский М.И. *204*
Семенов-Тян-Шанский В.П. *152*
Семенов-Тян-Шанский П.П. *152*
Сибелиус Я. *283*
Сигизмунд (Жигимонт) III Ваза *233*
Сколари И. *20*
Сколов М. *258*
Скотт В. *283*
Смагин И.Е. *279*
Смагина А.И. *280*
Смирдин А.Ф. *147*
Смольянинова Е.К. *202, 203*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Соболевский С.А. *104–108*
Сович А.И. *120*
Соколов И.И. *139*
Соколова А.Д. *204*
Сокульский Ю. *77*
Соллогуб В.А. *221*
Спасский *231*
Станевич Ю. *231, 232*
Станевский М. *77*
Старостин Ф. *41*
Стасов В.В. *139*
Стацевич Д. *77*
Стевен Х. *122*
Страхов Н.Н. *233*
Строганов С.Г. *15*
Суворов А.В. *283*
Сумароков *283*
Таганцев Н.С. *223*
Тагор Р. *283*
Такатая Кахэй *250*
Тальберг В.К. *202*
Танеев А.С. *154*
Тараненко А.И. *79*
Твен М. *283*
Тилло А.А. *152, 154, 156*
Тимирязев В.И. *169*
Титюрин Е. *103*
Тихомиров К.П. *307*
Толстой Д.А. *155, 156*
Толстой Д.А. *69*
Толстой Л.Н. *276, 283*
Толстой Ф.П. *139*
Томский Н.В. *143*
Тон А. *56*
Тотлебен Э.И. *143*
Трабю Л. *127*
Транковский П.М. *265*
Траутфеттер Р.Э. *126, 128*
Трезини Д. *63, 66*
Трезини П. *67, 68*
Трубачев О.Н. *299*
Трутовский К.А. *139*
Туманский Ф. *65, 70, 71*
Тургенев А. *231*
Турчанинов Н.С. *121*
Тэлот И.А. *73, 74*
Уайльд О. *283*
Ульман К.О. *227*
Унгерн-Штернберг *187, 189*
Унцельман В. *22*
Фасмер М. *291, 293–300*
Фасмер Р. *291, 293–298, 301*
Фасмер Р.Ю.Ф. *293, 294*
Фасмер Ф. *294*
Фиала К. *18*
Философов В. *275*
Фитингоф О.Г. фон *21*
Фитцтум фон Экстедт Л. *227*
Фишер К.И. *106*
Фишер Ф.Б. *114–128*
Флейшман Р.Х. *337*
Флейшман Э.Х. *337*
Флек И.Ф.Ф. *22*
Флоринский И. *279*
Фокель Ф.Г. *40, 41*
Фокс Р. *80*
Фомин *234*
Фор Ф. *140*
Форд Г. *283*
Франкенберг *69*
Франклин Б. *281*
Франценбах, Фаренсбах Юрий (Бахты-Франц) *261*
Фриз П.К. *54, 55*
Фрич А.В. *175*
Хавен П. фон *63–65*
Ханзен Х. *305*
Ханковский Р. *81*
Хатеневер *308*
Хенсон М. *283*
Холовинский И. *78*
Холст Л. фон *134*
Хофер Я.К. *47*
Хюндеберг Г.Е. *21*
Центовский М. *64*
Циммерман И.Г. *22, 23*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Чаянов О.Е. *31*
Чеботаева П.П. *203*
Чебышев А. *28*
Чевкин В. *272*
Чернышева М.И. *299*
Черчилль У. *283*
Чета Захарий *215, 218*
Чехов А.П. *262*
Чоглоков Н.Н. *12–14*
Чоглокова М.С. *7, 11, 12*
Чугунов С.В. *255*
Шауб Ю. *294*
Шварц В.Г. *139, 141*
Швенцон А.П. фон *213–215*
Швенцон П. фон *213, 214*
Шенрок А.М. *155*
Шидловский А.С. *224*
Шильдер Н. *29*
Шмидт А.А. *335*
Шмидт К. *188*
Шмидт Э.Я. *324*
Шмидт Я.П. *337*
Шмицдорф Х. *134*
Шокальский Ю.М. *152, 157*
Шокин В.И. *274, 275*
Шотлендер Ф.Ю. *175*
Шпренгель К. *115, 116*
Шредер И.Н. *141–143*
Шредер Ф.Л. *22*
Шренк А.И. *121*
Штелин Я. *10–13, 67*
Шукевич И.Б. *155, 164*
Щеглов Я. *100*
Щербатский Ф.И. *314*
Эберман А. *124*
Эберт А.И. *294*
Эдуард VII *283*
Эйхвальд Е. *134*
Эйхель Т. *229*
Энгель И.И. *22*
Энгельгардт Л.Н. *88, 91, 92*
Эренбер А.Г. *172*
Эрисман Ф. *134*
Эрленбах А.С. *176*
Эрленбах С.С. *176*
Эфрон А.С. *255*
Юзефович П. *77*
Юринов Р. *81*
Юсупов Б.Н. *96*
Языкова Н. *147*

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архимандрит Августин (Никитин), доцент Санкт-Петербургской духовной академии

Бедник Н.И., искусствовед, историк, арт-директор ЗАО «Собор»

Богданов В.И., канд. физ.-мат. наук, ведущий научный сотрудник Главной (Пулковской) астрономической обсерватории РАН

Валиев М.Т., инженер-системотехник, общественный заместитель директора Музея истории школы К. Мая

Головнин П.А., директор ассоциации «Русско-японский центр по науке и культуре»

Зенкевич С.И., ведущий библиотекарь БАН при Санкт-Петербургском филиале Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН

Ивлева С.Е., старший научный сотрудник Государственного Русского музея

Иодко О.В., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Кривдина О.А., доктор искусствоведения, профессор, Государственный Русский музей

Лупанова Е.М., канд. ист. наук, старший научный сотрудник МАЭ РАН

Малова Т.И., научный сотрудник Главной (Пулковской) астрономической обсерватории РАН

Матвеева П.А., ведущий администратор МАЭ РАН

Мельникова С.И., доктор искусствоведения, профессор Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства

Сардак Л.Л., исследователь (Санкт-Петербург)

Сафонов М.М., канд. ист. наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Соболева Е.С., канд. ист. наук, старший научный сотрудник МАЭ РАН

Фогт Э., историк (Берлин, ФРГ)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Черказьянова И.В., доктор ист. наук, отв. ред. научно-информационного бюллетеня «Российские немцы»

Шевчук С.В., ведущий агроном Ботанического сада БИН им. В.Л. Комарова

Шкаровский М.В., доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива СПб.

Шрадер Т.А., канд. ист. наук, старший научный сотрудник МАЭ РАН

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 3

XVIII век

М.М. Сафонов. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ПЕТР ФЕДОРОВИЧ И «ПОЛК ЕГО ВЫСОЧЕСТВА» 7

С.И. Мельникова. АВГУСТ КОЦЕБУ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ. ЛИНИИ СУДЬБЫ НЕМЕЦКОГО ДРАМАТУРГА 17

Е.М. Лупанова. ИМПОРТ В РОССИЮ НЕМЕЦКИХ ИДЕЙ В СФЕРЕ ЛЕСООХРАНЫ В XVIII в. 37

Н.И. Бедник. ДОМ ГЕРНГУТЕРОВ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ 46

архимандрит Августин (Никитин). НЕМЕЦКАЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ ОБЩИНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА 61

XIX век

Л.Л. Сардак. ЗАБЫТЫЙ ГЕНЕРАЛ ФЕДОР ИВАНОВИЧ БАРОН МЕЛЛЕР-ЗАКОМЕЛЬСКИЙ. 87

С.И. Зенкевич. ГРАФ Е.Ф. КАНКРИН В ДОКУМЕНТАХ И ЭПИГРАММАХ, ИЛИ О ПЕРЕЕЗДЕ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВ В ОСОБНЯК НА ДВОРЦОВОЙ НАБЕРЕЖНОЙ 97

С.В. Шевчук. ФЕДОР БОГДАНОВИЧ ФИШЕР (1782–1854) — ПЕРВЫЙ ДИРЕКТОР САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО БОТАНИЧЕСКОГО САДА. 114

Т.А. Шрадер. НЕМЕЦКИЕ ВРАЧЕБНЫЕ ОБЩЕСТВА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ (XIX в.). 130

О.А. Кривдина. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГЕНЕРАЛА А.А. БИЛЬДЕРЛИНГА 137

С.Е. Ивлева. АДОЛЬФ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПЛЮШАР (1806–1865) — ИЗДАТЕЛЬ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ КНИГ И ЖУРНАЛОВ 145

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

В.И. Богданов, Т.И. Малова. МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ЕВГЕНИЙ АЛЬФРЕДОВИЧ ГЕЙНЦ (1866–1918) 152

Е.С. Соболева. ИОСИФ ИОСИФОВИЧ ЛЕМАН — ПОПЕЧИТЕЛЬ АКАДЕМИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ 168

П.А. Матвеева. СЕМЬЯ МЕЙЕНДОРФ В ИСТОРИИ МАЭ 181

Эрика Фогт. ПАСТОР ЭДУАРД ИОГАНЗЕН В СИБИРИ (Из истории немецкой лютеранской церкви в России) 187

Из истории немецких и русских родов

П.А. Головнин. ДВОРЯНСКИЙ РОД САЛОМОН В ИСТОРИИ РОССИИ 199

П.А. Головнин. ТАЙНА МАСОНСКОГО ТОПОРА 254

XX век

М.Т. Валиев. МАКС И РИХАРД ФАСМЕРЫ — ВРЕМЯ И СУДЬБЫ 291

М.В. Шкаровский. НАСТОЯТЕЛЬ ПЕТРИКИРХЕ ПАСТОР ПАУЛЬ РАЙХЕРТ 304

О.В. Иодко. ЯПОНСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ О.О. РОЗЕНБЕРГА — ПРОЕКТ, РАСТЯНУВШИЙСЯ НА ДЕСЯТИЛЕТИЯ 309

И.В. Черказьянова. ЛЕНИНГРАДСКИЕ НЕМЦЫ В ГОДЫ ВОЙНЫ: СОБЫТИЯ 1941–1942 гг. 321

Именной указатель 349

Сведения об авторах 360

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН

Научное издание

Немцы в Санкт-Петербурге

Биографический аспект

XVIII–XX вв.

Выпуск 7

Редактор *Т.В. Никифорова*
Корректор *Л.Г. Амбросенко*
Компьютерный макет *Н.И. Пашковская*

Подписано в печать 11.03.2013.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonPS. Усл. печ. л. 21. Уч.-изд. л. 23.
Тираж 200 экз. Заказ № 35.

МАЭ РАН
190034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24
izd_lema@mail.ru

ISBN 978-5-88431-208-1

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-208-1/
© МАЭ РАН